

Алексей ШЕРСТОБИТОВ
[ЛЕША СОЛДАТ]

ЛИКВИДАТОР

ИСПОВЕДЬ ЛЕГЕНДАРНОГО КИЛЛЕРА

Москва • Книжный мир • 2013

Алексей Шерстобитов [Леша Солдат]

Ликвидатор. Исповедь легендарного киллера. – М.: Книжный мир, 2013. – 416 с.

ISBN 978-5-8041-0616-5

«Киллер номер один» – именно так окрестили Алексея Шерстобитова по прозвищу «Солдат». Десять лет его преступления сотрясали новостные ленты. Все знали о его убийствах, но никто не знал о его существовании. Мишенями киллера были крупные бизнесмены, политики, лидеры ОПГ: Отари Квантришвили, Иосиф Глоцер, Григорий Гусятинский, Александр Таранцев... Имел заказ Алексей Шерстобитов и на ликвидацию Бориса Березовского, но за секунды до выстрела последовала команда «отбой».

Предельно откровенная, подлинная история о бандитских войнах, в которых активно участвовали спецслужбы, о судьбах главарей самых могущественных организованных преступных группировок.

«Ликвидатор» – не беллетристика, не детектив, не литературное «мыло», не нудная мемуаристика. Чтение не для сна и не от скуки. Мы никогда не слышали и не читали ничего подобного. С первых страниц «Исповеди легендарного киллера» перед нами разворачивается эпоха в сетке оптического прицела.

*Стилистика, орфография и пунктуация автора
частично сохранена*

ЗАО «Книжный мир».
129085, г. Москва, а/я 26
Тел.: (495) 720-62-02
www.kmbook.ru

ISBN 978-5-8041-0616-5

© А. Шерстобитов, 2013
© Книжный мир, 2013

СОДЕРЖАНИЕ

Эпоха в оптическом прицеле (Предисловие Ивана Миронова)	4
--	---

ЛИКВИДАТОР

ИСПОВЕДЬ ЛЕГЕНДАРНОГО КИЛЛЕРА

• Книга о страшной жизни	11
• Изнутри	29
• Наркоманы	57
• «Дворман-шоу»	85
• Первая задача	133
• «Стас». 1993 Год	145
• «Золотой дракон» на Каланчёвке	193
• Лифт	198
• Рублёвка	206
• Страх	239
• Разговор «по душам»	247
• Власть перешла... ..	267
• Фатальные встречи	276
• Баня	287
• Рома и Саратов Андрей	373

ЭПОХА В ОПТИЧЕСКОМ ПРИЦЕЛЕ

«Киллер номер один» – именно так окрестили следователи Алексея Шерстобитова по прозвищу «Солдат». Десять лет его преступления сотрясали новостные ленты. Все знали о его убийствах, но никто не знал о его существовании. Он был фантомом, гением перевоплощения: десятки паспортов, имен, образов... Его злодеяния приписывались другим, в том числе Александру Солонику, бежавшему со спеццентра «Матросской тишины», а потом убитого в Греции «братьями» по оружию. За Солдатом охотились все спецслужбы страны, которые не могли даже предположить, что имеют дело с одиночкой.

Его взяли, когда он отошел от дел, посвятив себя семье и маленькой дочке. За двенадцать доказанных убийств суд приговорил Солдата к 23 годам заключения. Мишенями киллера были крупные бизнесмены, политики, лидеры ОПГ: Отари Квантришвили, Иосиф Глоцер, Григорий Гусятинский, Александр Таранцев... Имел заказ Алексей Шерстобитов и на ликвидацию Бориса Березовского, но за секунды до выстрела последовала команда «отбой».

Это предельно откровенная, подлинная история о бандитских войнах, в которых активно участвовали спецслужбы, о судьбах главарей самых могущественных организованных преступных группировок. Автор не скрывает используемые им методики сбора информации, шантажа, конспирации, подготовки ликвидации... Сцены потрясают жестокостью, достигаемой не смакованием физиологической специфики убийств, а глубоким психологизмом противостояния жертвы и палача. Убийства не ради денег и власти, и уж тем более не убийства ради убийств. Каждое очередное преступление Солдата – попытка спасти от расправы своих

близких, сохранить любовь, которая и приводит его на скамью подсудимых.

«Ликвидатор» – не беллетристика, не детектив, не литературное «мыло», не нудная мемуаристика. Чтение не для сна и не от скуки. Мы никогда не слышали и не читали ничего подобного. С первых страниц «Исповеди легендарного киллера» перед нами разворачивается эпоха в сетке оптического прицела. До сих пор подобный жанр был фантазией писателей и сценаристов, примеряющих на себя роль киллеров и палачей: грустные карикатуры или кровавые комиксы. Эта книга низвергает психологов, изучавших сознание убийц и дерзнувших возвести свои заключения в научные истины.

У любого стекла есть критическая точка его разрушающая, найти которую невозможно, можно только случайно наткнуться. В криминальной литературе и психологии подобной точкой обрушения стала эта книга, стирающая привычное представление о жизни и смерти, убийце и жертве, судьбе и фатализме, любви и морали. Это не сопливое покаяние с перехлестом самобичевания и тоски, это не циничная бравада снайперской виртуозностью и неуловимостью, это не любовные стенания, заметающие кровавые следы на жизненном пути автора. Алексей Шерстобитов холодным рассудком, но с неостывшими чувствами и страстным слогом препарирует собственную судьбу, в бурном зеркале которой отразились поля сражений гражданской войны за социалистическое наследство. «Не плакать, не смеяться, не проклинать, а понимать» – этот философский афоризм предельно точно отражает авторский посыл «Ликвидатора» своему читателю.

С Лешей Солдатом мы познакомились пять лет назад в тюремных застенках, где меня держали по подозрению в покушении на Анатолия Чубайса. Об этом я подробно написал в книге «Замурованные. Хроники Кремлевского центра». В одной камере мы просидели две недели – не долго, но вполне достаточно, чтобы разобраться друг в друге. Духовитый, по-хорошему

интеллигентен, спокойный и сдержанный. Внешне он больше походил на отдыхающего, чем на заключенного, над которым нависла гильотина уголовных дел с долгим перечислением жертв, павших от его рук. На тюрьме Алексей много читал: мировая история, философские трактаты, популярная психология, откровения святых отцов. Чтение для него было больше, нежели просто досуг. Шерстобитов словно пытался подобрать ключи, способные открыть смысл собственного бытия, ключи к праведному покаянию.

И вот спустя годы в моих руках оказалась толстенная рукопись, цена которой человеческие жизни, разорванная любовь, годы розыска и безвременье тюремных коридоров. Автор не вымаливает у читателя прощения, хотя инстинктом спасения иногда звучат ноты оправдания. Кажется, что он покорно принимает наказание, презрение и ненависть, которыми щедро с ним расплачивается общество, счастливо видя в том искупление перед людьми и Богом.

Иван МИРОНОВ,
кандидат исторических наук,
член Союза писателей России

«Посвящаю тому миллиону, который не дожил до прочтения этой книги, вымостив своими жизнями дорогу тем, кто хотел жить “лучше богов”, и тем из нас, кто выжил, но мечтает о свободе и семье – наконец-то осознанных настоящих ценностях. Чтобы помнить».

У каждого человека, от рождения, свой путь или своя дорога, упирающаяся в неизвестность. Моя такая – через судьбу свою и моих близких, через чужие жизни, несчастья и слёзы. Боль, причинённую мною, искупить нечем, а, в большинстве случаев, и не перед кем... Но и в таких случаях для каждого человека есть выход – начать свой Анабасис к покаянию.*

* Анабасис (греч. Ἀνάβασις, «восхождение») – первоначально, военный поход из низменной местности в более возвышенную, например, с берега моря внутрь страны. В современном смысле – длительный поход воинских частей по недружественной территории.

ЛИКВИДАТОР

Исповедь легендарного киллера

КНИГА О СТРАШНОЙ ЖИЗНИ

Начатая в первый день недели
о Страшном Суде 27.02.2011 г..

Сравнимо ли одиночество человека, волею случая (в случайностях, впрочем, я давно разуверился) ставшего профессиональным убийцей, с одиночеством обычного человека? Насколько можно разбавить его или, привыкнув, не желать более никого в своем обществе?

Скажу, судя по себе и по тому, что читал или слышал: лишь книга (но никакая не беллетристика, а книга, заставляющая думать) может заменить собеседника, хотя, порой, и здесь не обходится без лжи, привыкнуть к которой от близких, да и от посторонних, так и не смог.

Из книг, которые создало человечество, самые замечательные, на мой взгляд, произведения об истории (в особенности, написанные ее участником). Многие, не признающие эту науку, никогда ей не увлекались и слышали о ней лишь краем уха. Увлечение, охватившее меня, разумеется, на бытовом уровне, ибо языками первоисточников я не владею и общения со светилами и артефактами не имею. Даже в таком ракурсе складывается точка зрения, благодаря которой любой может вступить в полемику с учёным, хотя бы в виде диалога «про себя». Со временем, как одно из полезных последствий, начинают прослеживаться некоторые закономерности в жизни государств, городов-полисов, наций, политических деятелей, вождей, воителей, да и просто лиц, выделившихся из общей людской исторической массы. А ведь каждый из нас играет собственную роль, пусть даже винтика или гаечки, и дело совсем не во взаимосвязях, не в единстве и слитности, и даже не в Божьем Промысле, а в понимании этого самим человеком, причем понима-

нии ежеминутном! И в совмещении мировоззрения и восприятия человека того времени с мировоззрением и восприятием человека сегодняшнего, о чём мы вообще редко задумываемся, просто останавливаясь на фактах и эмоциях.

«Почему я так делаю?» – задаем мы себе вопрос. – «Да потому что должен так делать, и пусть будет, что будет». Эту фразу: «Делай что должен, и пусть будет, что будет», – всегда говорил себе человек, понимающий своё место в обществе или группе, свои обязанности, имеющий честь и совесть, дорожащий близкими и любимыми, жёнами, детьми, родными. Такие, казалось поначалу, просто текущие мысли, требующие расшифровки и дополнения, занимали мою голову, пока этот процесс не прервал телефонный звонок. Я уже дошёл до той стадии профессионального отношения к жизни, когда все внешние внедрения в моё существование очень сильно напругали, потому что всегда несли какие-то последствия.

Мне никогда не нравилось УБИВАТЬ. Но гордыня всегда довольна, когда человек переступает что-то для него запредельное, и лишь объясненная себе необходимость, а точнее – неизбежность этого даёт среди всего негативного и кое-что положительное, скажем, от окончания долгой, кропотливой, опасной и неприятной миссии. Но эйфория от достигнутого успеха проходила сразу, с окончанием восторгов, похвал и признания заслуг перед «профсоюзом», хотя бы потому, что за этим часто следовал вопрос: «А что с другими?» (ибо работа редко велась по одному, чаще либо по группам, либо по нескольким разным персоналиям одновременно). И каждый раз, на фоне такого чёрного осадка, я понимал, что это сумасшествие, даже с финансовыми льготами и предоставлением полной свободы действий и выгодами, нормальный человек долго вынести не может.

В трубке – голос Григория (единственного на тот период человека, которому я подчинялся). Любопытная и

непростая карьерная лестница подняла его очень быстро с должности «лифтера» – гэбэшника в стратегической подземке, разрезавшей подбрюшье Москвы, с тоннелями для спецтранспорта от Кремля до периферии, – с плавным переходом «кое-куда», подписанием «кое-чего», и волшебным, почти «вдруг», перевоплощением из сотрудника КГБ в звании старшего лейтенанта в братка «ничего себе бригады». Конечно, не сразу в первых лицах, но уж точно на день этого звонка «Гриши Северного», близкого «Иваныча», след которого пытались обходить, а при появлении уступать, либо, в противной ситуации, идти заказывать гроб, чтобы не почить в брезенте или целлофане в месте неизвестном или болотистом.

Голос нашего «главшпана» был уставший, но довольный. Он любил себя и знал себе цену. И, разумеется, ошибался, потому что не был так терпелив, как я. Его явно что-то беспокоило, и помочь ему, по его словам, могло только моё появление.

Наверное, была уже глубокая ночь, когда я снимался с «точки» далеко за полночь. В тёплое время темнеет поздно, да и народ суется в нужном месте дотемна. Хотелось есть, спать и ещё чего-нибудь (этого хотелось всегда на «нерве»), но возможность была крайне редкой, притом, что душа лежала только к одной, избранной, именно поэтому за неё и боялся – она была единственным слабым местом, в которое обычно бьют в первую очередь, хотя наказывать меня было пока не за что, а устранять рано.

В гостях, как всегда, чай был крепкий, сахар сладкий, выпечка дорогая и свежая, а хозяин важен и конкретен до напыщенности. Внимательно слушая и с наслаждением поглощая предложенное («дома» свои одиноко поедаемые сосиски, с зеленым горошком и яйцом, всё же не столь гурманская пища). В начале разговора, тоже как всегда, стратегические направления: «Иваныч»

очень доволен, просит встретиться, как будет время, хотя свободное время – недопустимая роскошь... и так далее. Подчинённые балбесы разболтались, но Олег (Пылёв) держит их в ежовых рукавицах, а Андрюха (его старший брат)... Впрочем, он всегда был в тени и за это я его понимающе уважал.

Суть: есть «коммерс» с охраной, на встречи приезжает, но упирается в принятии необходимого решения. Надо испугать. Охрана – то ли бывшие, то ли настоящие служаки. Григорий, разумеется, всех карт не раскрыл, но и свободы в выборе исполнения поставленной задачи не урезал. На размышление дал времени до утра, подчеркнув необходимость присутствия чего-то экстравагантного, отличного от привычного. День «Д» – через день, впрочем, как всегда. И почему я «Солдат», а не «Пожарный»? Забрал причитающиеся деньги (на тот период – три тысячи долларов) денежного месячного содержания и поскакал на «наш» сервис проверять готовность своего автомобиля, как оказалось, предмета необходимого, незаменимого, и сильно переоборудованного. Всё в порядке, теперь «домой» – в очередное временно-съемно-условное пристанище.

Петляя и «проверяясь», дважды проехал по набережной Лефортовского парка, обратил внимание на забор, на столбах которого наверху были цементные шары величиной в человеческую голову, что показалось неплохой будущей мишенью. Остановился, определяя позиции «цель» возможную позицию стрелка. Последних оказалось масса, и все удобные. Большинство – безопасные, но в 90% для стрельбы из автомобиля. Отметил про себя точку, на сей раз, просто выбирая место для встречи Григория с оппонентом, с возможным удобным для меня контролем этого мероприятия (в мои обязанности, в том числе, входило обеспечение безопасности моего шефа).

Одним стрелком, понятно, не обойдется, если «стрела» будет массовая, но зато те несколько, которых мож-

но собрать, будут иметь возможность работать, не задумываясь друг о друге, отработывая каждый свой сектор – задача простая и обезличенная. А машины – дело наживное. Проблема лишь со стрелками и с их умением действовать в подобных обстоятельствах, но вопрос об их поиске сейчас не стоял и не встанет для меня никогда.

Определил своё местоположение, понятно, не самое лучшее и не самое рациональное, чтобы не попасть на контрмеры. Набросал схему и через час уже дрых ... Через 4 часа ехал на постоянное, до сегодняшнего дня, место «работы», по ходу встретившись со своим архаровцем, отдавая ему прослушанные кассеты, забирая новые. В день мы, я и три моих человека: двое ГРУшников-технарей и один бывший капитан – пожарный – обслуживали в среднем пять точек съёма информации, в основном, домашних телефонов. Работа, хочу сказать, не аховая, но нужная, хотя и без сразу видимого результата, которая была лишь одной из составляющих моих обязанностей. Единственный, видимый сразу результат – финансовый. И этот стимул расслаблял ребят всё чаще и чаще. Дисциплина была, но, как любой чрезмерно напряжённый процесс, иногда обрывалась.

Встав на точку, занимаешь позицию, в данный момент необходимую, с задачами: почти всегда слежка, опознание, определение манеры поведения, а работа по цели – это редкое негативное исключение, требующее от меня нечеловеческих усилий в преодолении моральных границ, что так и не вошло в привычку.

А сейчас – видеообъектив с мощными зеркальными линзами, выводящий изображение прямо на видеодвойку, с возможностью покадровой, замедленной и обычной записи. Для 1994 года – это круто.

Пока глаза выискивали, находили и сравнивали, слух воспринимал диалоги всех, кого записали «жучки»: от бабушек-дедушек до супругов, любовников, детей,

прислуги, водителей и до других, интересующих нас по разным причинам граждан, находящихся на разных уровнях положения в обществе, иерархии, разных сферах интересов, будь то домохозяйки, бандиты, коммерсанты, проститутки и депутаты. И, конечно, их родственников, чья телефонная болтовня, как всегда, помогала находить искомое. Почти всегда и везде присутствовали супружеская измена, обман, осуждение и другие людские пороки, которыми мы все, за редким исключением, страдаем. Чем ближе к двухтысячным годам, тем чаще наркомания и самоубийства. Но не это интересовало, а поиск людей, и еще больше – информация, бесценная в своей своевременности.

Прослушав все кассеты, нужное отметив и переписав, жуя при этом очередную сухомятку типа сникерса, как всегда, я полностью отдался анализу... Искомое лицо появилось так же неожиданно, как и помпезно – две легковушки, четыре охранника, действия быстрые, чёткие, последовательные и предупреждающие, не оставляющие и тени возможности что-либо предпринять хулиганам или любителям. Сразу видна возможность подключения, в случае необходимости, административного силового ресурса одного из известных ведомств. И всё это крутится вокруг невысокого человека в очках, которого явно от происходящего распирает. В любой охране можно найти прорехи, тем более их много в подобной, где люди понимают, и, соответственно, ориентируются на то, что нравится боссу, в кажущейся суете подстраиваясь под него и его желания, а так же под своего начальника по служебной лестнице. В подобных случаях желание остаться на хорошо оплачиваемом месте уступает профессиональному долгу. Деньги деньгами, но вот солому им стелить никто не будет.

Вход и выход запечатлены, теперь – домой – изучать.

В голове, то вместе, то попеременно, крутится куча мыслей. Я знаю, что когда-нибудь она сложится в пол-

ную картину, и с азартом добавляю в эту массу вновь добытую информацию.

Еду к Грише с уже готовым планом, проезжая набережную с лефортовскими шарами-головами, представляя, как русский человек эпохи правления Анны Иоановны и бироновщины не преминул бы поставить вместо шаров бюсты прусско-курляндских приспешников. А при восшествии на престол «через» Иоана Антоновича и представителей всей Брауншвейгской семейки – и пошибать их булыжниками с превеликим удовольствием...

Намедни, ещё побывав здесь ночью, возвращаясь от Григория, нарисовал маркером смешную морду на побелке шарика-мишени. Сейчас, на другой стороне набережной, на бордюре, среди кучи машин, спрятанный потоком разношерстных автомобилей, высматриваю шефа и того, кого он притащит на инъекцию. Вчерашнее предложение до того ему понравилось, что было доложено «Сильвестру» (погиб при подрыве автомобиля на 3-й Тверской-Ямской улице в 1994 году), разумеется, по его (Гришиному) почину, и сегодняшнее исполнение должно произвести фурор. Но об этих подробностях я узнаю позже.

Сейчас же белый Мерседес-бенц Григория прибыл на секунду позже таких же шикарных драндулетов своего оппонента – вчерашнего мужчины в очках. Создавалось впечатление, и оно пока так и инсценировалось, что мой шеф один, в сопровождении своего водителя, Сергея «Полпорции», с гордостью оправдывающего свою дразнилку, важно и беззаботно шествовали к месту встречи в гордом одиночестве. Но оба конца набережной прикрыты нашими парнями – с одной стороны «собачниками», с другой «мойщиками машин», с ведрами и тряпками.

Уверенность «штемпа» монументальна, но, как бы он ни парировал, лёгкая улыбка с налётом некоторой озабоченности от предстоящего не сходит с лица идущего рядом высокопоставленного бандюгана. Мощная

фигура, покатые трапеции, несущие на себе цепь толщиной с большой палец и увесистый крест с распятием, дополняют часы, перстень и браслет. Всё щедро пересыпанное драгоценными камнями, оттеняющимися ослепительно белым костюмом и вальяжной распальцовкой, не оставляющей никаких шансов для успеха коммерсанта. Но только внешне чего-то не хватает.

Они уже пару раз прошли под выбранным мною шаром с мордашкой, весело подмигивающей предстоящему и вызывающей у осведомлённых истерический и непонятный пока для собеседника хохот. Третий, решающий, и должен вызвать остановку. Но шеф должен быть справа, а будущий соратник по бизнесу – слева, ближе к забору, иначе куски бетона от попавшей пули полетят не в того, кого надо. Места заняты. Ещё важная, заранее обговорённая мелочь – в момент выстрела Гриша должен смотреть, не моргая, в глаза «кролику», изображая из себя удава. Очки от солнца касаются носа и ложатся на переносицу, открывая глаза – это знак к действию. Как он долго это делает... Явно переигрывает и затягивает, я уже почти полминуты не дышу и поглаживаю позолоченный спусковой крючок «Браунинга». Вокруг никого, траектория полёта пули выше любой машины, двигающейся в потоке, отход свободен. Комочек собирается от щитовидной железы в направлении паха, концентрируясь холодом ниже солнечного сплетения, но пульс не торопится, а сознание говорит: «Всего-то дел». Мягкое усилие фаланги пальца, толчок в плечо, отзывающийся на половине морды цементного шара со стороны очкарика и давлением на мои уши от выстрела в замкнутом пространстве. Вид согнувшегося человека, хватающегося за своё лицо, – всё осталось в памяти с осадком удачно выполненной задачи. Задуманное удалось, цели достигнуты. Но сегодня я спокоен – ведро воды приведет пострадавшего в чувство, а на легко посеченном осколками цемента лице не останется даже шрамчика. Охрана по-

лучила урок вперемешку с тумакami и полную отставку, с заменой на наших и других милиционеров – ЧОПовцев. Гриша получил порцию адреналина, а я опыт и успокоение: если бы этот человек не сдался, то в следующий раз в прицеле оказалась бы уже его голова, не поддающаяся ремонту, в отличие от шара. Не знаю, что для каждого из нас, участников, оказалось бы лучшим, но сегодняшним днём все остались довольны.

* * *

Кстати, на вчерашнюю точку я получил отбой и выиграл себе целых два выходных – второстепенных дел накопилась масса, но я ни о ком и ни о чём не хотел так думать, как о ней. Но это совершенно отдельная история моей жизни, другое поле. Где, как оказалось, так бывает, встречаются мужчина и женщина, играющие друг для друга роковую роль. Скажу лишь, что для себя уяснил – встреча с роковой женщиной, как встреча с паровозом, только больнее. Здесь не бывает чего-то наполовину, и, если выбивается искра, то сразу ранит сердце, навывлет. Здесь буйствуют страсти в бурных, необузданных характерах, где счастье не просто сменяется страданием, но сталкивается, как ядро с ядром в воздухе. В тяжкие минуты вы не удовлетворяетесь общепринятыми нормами и желаете обладать полностью не только телом и духом, но и душой и даже мыслями.

Впрочем, в первую очередь, желание не только подчинять, но и подчиняться равным образом безоглядно и безрассудно. Тому, что происходит между вашими сердцами и характерами, завидуют и об этом читают. Такая жизнь перенасыщена, но удовлетворение не приходит – всегда мало, ибо в обоих людях есть что-то, что постоянно вырабатывает узконаправленное либидо, с притяжением и, одновременно, отталкиванием и статическим напряжением емкости невменяемой! Вы не мо-

жете смириться с тем, что всё это было и есть, вам даже мало, что это будет! Успокойтесь лишь на время, когда ударит очередной «разряд молнии» и швырнёт вас в объятия друг друга, но это расслабление больше похоже на нечто кипящее, но ещё не булькающее, а потому не явно обжигающее. По всему телу растекается тепло с ощущением силы Геракла, способной для любимой переломить всё, даже земной шар. И достаточно маленького нежного прикосновения или слезомётной улыбки милых глаз, и ты действительно бежишь половинить этот шарик. Не дай Бог заметить этот взгляд, остановленный на ком-нибудь другом – больших сил стоит удержаться. Не играйте с такими чувствами и такими людьми, потому что невозможно сдержать разрушительный поток, не оставляющий ни людей, ни воспоминаний о них в случае случайной, а то и вовсе не замеченной измены. И смешны люди, видевшие его зарождение и побоявшиеся быть им увлеченными, ибо кичатся так и не проявившимся, возможно, самоубийственным мужеством, но тешащие себя воспоминаниями об адреналиновом порыве в рассказе с очередной дамой.

Лёжа рядом с сокровищем своего сердца, я думал: а много ли я могу ей дать? Конечно, больше, чем ей сейчас нужно. Сейчас – просто, чтобы был рядом, но даже это, на сегодняшний день минимальное условие, не всегда возможно. Иначе быть бы всем гениями и поголовно счастливыми. А на поверку сегодняшнего дня я элементарно не мог быть её мужчиной, хотя бы потому, что не имел ни фамилии, ни прошлого, ни будущего, а только эти полтора дня и те короткие встречи, не уходившие дальше машины, ресторана или номера в отеле. Парадокс – боясь её потерять, я не обладал ею вовсе! К тому же, на тот период, теоретически я был женат и имел сына, хотя фиктивно разведён.

Сидя в каком-нибудь очередном сугробе или в машине у подъезда, опять выжидая и слушая чужую жизнь,

убивая свою, всё мучаясь над вопросом: правильно ли поступил я тогда, выбрав жизнь чужого человека в обмен на безопасность семьи и свою жизнь, в принципе, и по сей день, остающихся в том же ненадёжном положении, и никогда не находил подходящего ответа, которым бы остался доволен. Тот же самый вопрос стоял и сейчас. Не первый месяц, а потом и многие годы, терзаясь и взвешивая: имею ли я право любить и быть любимым? Казалось бы, в своё время произошедшие перемены всё расставили на свои места, пододвинув к самой границе окончания жизни, дав явно понять, что любой, оказавшийся рядом, духовно и физически погибнет. В те дни и сделал выбор, кажущийся для многих непонятным и непоследовательным. Но это был единственный вариант вырваться из замкнутого и порочного круга. При удачном исходе я всё равно оставался один, оторванный ото всех, но предоставленный сам себе, без семьи, любимой женщины, и совершенно белым листом в книге своей жизни.

Сложившиеся обстоятельства давали небольшую возможность, но она проходила кровавой чертой через жизнь человека, направившего мою жизнь своими желаниями власти и денег, в поток пассионарного всплеска начала 90-х годов, поток буро-красного цвета, к окраске которого я приложил руку. Нелюбовь к этому человеку затаилась и ждала... Это не месть, но шаг ответный, рождённый страхом невозможности вернуться в прежнюю жизнь, невозможности быть спокойным за своих близких, которыми он меня периодически шантажировал — не так, чтобы пугал или предупреждал, а наоборот, чтобы не обидели. Но игра была тонкая, а связь с жизнью — очень слабая, как и грань, разделяющая дозволенное и недозволенное, законченное и незаконченное, злое и доброе, хорошее и плохое, а эталон этому распознаванию — голос совести, звучание которого известно не каждому из нас. Хотите пари? Пожалуйста, у меня было много времени, как и много примеров.

Вспомним каждый о себе: дрался каждый мужчина, а ведь многих за это судят, нужно только заявление пострадавшего в органы. Налоги – вообще большая тема, а ведь в США это самое страшное преступление. Вот теперь представьте: пришёл юноша домой после срочной службы в армии, чем заняться? В начале 90-х податься было некуда. Сил – хоть отбавляй, энергии – масса, запросы есть, а возможностей нет. А здесь в каждом дворе пацаняки на крутых тачках о сладкой и настоящей жизни рассказывают и, что важно, являются её наглядной рекламой. Раз попробовал, два – ничего вроде бы не делал. Кому-то что-то грубо сказал; там с сотоварищами что-то загрузил, увёз; в другом месте – массовка на какой-то встрече, где всего-то в машине посидел; поучаствовал в какой-то драке – эка невидаль. Какой-то долг помог кому-то забрать, да и, кажется, сами отдали, а в результате – премия!!! И всё это с подарками, босяцкими подгонами – кожа, перстень, крестик, браслет, первая машина, а «респект и уважуха» нереальные.

Человек пять таких идёт, а народ расступается... Правда, старшенькие строго-настрого приказывали гражданских не трогать, – и почти не трогали, хотя всяких примеров была масса. Страдал, в основном, бизнес и нам подобные, оканчивая кто на погостах, лесных и безлюдных, кто на кладбищах «с помпой» на последнем пути и обещанием оставшихся в живых отомстить и поддержать родных, что, впрочем, почти всегда забывалось через год-два. Ездит такой паренек, совершенно точно понимая, что особо ничего не делает из того, за что наказывает закон, а если подобное и случилось, то, наверняка, откупят. Вот первая предтеча – ствол. Тут бы задуматься... Ан нет, кто из мальчишек о нём не мечтал! Вороненый, красивый, строгий, брутальный, заставляющий дисциплинироваться смелых и сильных, а слабых и трусливых – чувствовать себя выше других, ибо Господь Бог создал людей, а полковник Кольт сделал их равны-

ми. Мужчину оружие заколдовывает, парализует и конкретизирует. Тот, кто держал принадлежащий именно ему ствол в своих руках, поймёт меня, если я сравню это с ощущением осязания груди любимой женщины. Но если прелести и отношение к ним в силу привычки (не в обиду женщинам) и со временем меняется, то отношение к оружию – никогда.

Когда обнимаешь рукоять, поглаживая спусковой крючок, ощущая мягкую холодность пистолета или тепло ложа винтовки, кажется, что родился с этим ощущением будто родного предмета, но почему-то, при первом вздохе, был разлучён с ним. Я даже поначалу удивился, когда, много позже, наблюдал за действиями присяжных заседателей на своём втором судебном процессе, когда представители следственного комитета и оперативные сотрудники МУРа вносили и раскладывали горы принадлежащего нам когда-то оружия. Блеск глаз, улыбки, восторг шепотом произнесенных фраз и, наконец, лавина рук, после разрешения поддержать какой-нибудь экземпляр. Эти замечательные люди, а некоторая часть из них – женщины, может быть, никогда и не задумывались о притягательности созданного человеком для уничтожения себе подобных. Но, получив возможность прикоснуться, окунулись в это с детским восторгом, даже при том, что тут оружие было чужое, и всё-таки шло заседание суда.

Забегая вперед, скажу, что благодаря этим людям, всем двенадцати, хотя за снисхождение проголосовали лишь семеро, которые, волей-неволей, дали мне возможность второй жизни, 24 сентября (день вынесения вердикта), я считаю своим вторым, если не первым, с точки зрения дарованной жизни, днём рождения. И, читая каждый день утренние и вечерние молитвенные правила, я обязательно произношу их имена, с сопутствующими словами о здоровье и долголетию. Очень надеюсь оправдать их доверие.

Продолжу. Больше того, скажу, что хороший стрелок лишь тогда добьётся успеха, когда воспримет своё оружие, как живую ткань с душой и будет обращаться с ним, как с любимой женщиной, зная и чувствуя каждую выпуклость и ложбинку, подстроившись к мелодии, присущей только этому стволу. И прозвучит песня, финал которой будет либо печальный и грустный, либо... Но ведь и палка, висящая на стене, раз в год стреляет.

Поддавшись этому воздействию, молодой человек – а он не только молодой, но и неопытный, жаждущий познать мир и показать этому миру себя, – и не поймет, как произойдет дальнейшее. И, что особенно важно, ему обязательно подскажут и подтолкнут, но так мягко и завуалированно, что он и не заметит, как встанет перед выбором, так и не почувствует, что именно в этот момент уже преступил границу. Сколько молодых людей находилось, находится и еще попадет в такие ситуации! И лишь несколько вопросов, заданных на допросе в конце карьеры, на которые вы, возможно, отвечать не станете (да это и не обязательно – в ОПГ в любом случае найдётся кому ответить): «Знаете ли вы этих людей?»; «Ствол Ваш или общий?». И стоит ответить на последний: «Общий», – и 222 статья УК РФ резко перескакивает на 222 под эгидой 209 (бандитизм), а это уже – от 8 до 15 лет строгого режима. Ещё привяжется какая-нибудь статейка: шантаж, нанесение тяжких телесных, грабёж, кража, не дай Бог – убийство, да и мало ли в УК тех действий, что описаны и инкриминируются, и тех, о которых мы никогда не думали, как о преступлениях.

И ещё хорошо, если группировка не возглавляется людьми, которые считают фильм «Крёстный отец» руководством к действию, но понимают его, как предупреждение, и смотрят, как вечно повторяющуюся драму, как и великие «Однажды в Америке», посвящённые не пьяным блатным разгулам с морем водки и женщин, но памяти тех, кто не смог противостоять соблазнам или

совсем поздно разглядел их, не найдя других ступенек к возвышению. Вам, юноши и мужчины, и вашим родственникам посвящается...

В лучший, бестолковый расцвет нашего «профсоюза», нас бывало от 60 до 100 человек, при Грише «медведковские» усиливались то «подольскими», то «климовскими», то «лианозовскими», то вообще «нибудькаковскими».

Суд — еще не самый плохой вариант конца «хозяина жизни», как тогда многим казалось, как это ни ужасно, потому что 18 из 57 постоянных членов до суда не дошли. Это не потери разборок между бандитами или войны с окрепшими в своё время милиционерами и потихонечку замесившими нас во многих отраслях жизни и экономики. Пардон, это не про всех, хотя победителю и шампанское. И сразу замечу (ну не могу не съязвить): «Овладевают многие, удерживают единицы», а на чужом опыте, как известно, мало кто учится.

Эти 18, возрастом от 18 и старше, ушли в мир иной, не успев попрощаться с родными и близкими, и о себе, в большинстве своём, дали знать родственникам лишь после эксгумации на следственных экспериментах в лесах и озёрах, бережно, но надёжно упакованные туда руками своих же соратников. Впрочем, позже часто деливших ту же участь. И никто из нас и вас не вправе осуждать, ни разу не побывав на их месте, где единственный шанс отступить приводил в ту же яму! На одном из судов мать одного из троих друзей-одноклассников, двое из которых «закопали» третьего после похода в ресторан, совсем ничего не предвещавшего, плакала без злобы, но сожалея об их судьбах и моля суд о прощении убийц своего сына, которые с первого класса были ей как родные. Душили и закапывали, один со слезами, другой молча, не оборачиваясь на контролирующих этот процесс в прямом и переносном смысле, хотя и те и другие не совсем понимали, зачем это дела-

ется! Объединяла их одна лишь мысль, стучащая в висках: именно она трусливо грела душу и ещё держала на ногах тех, кто не совсем «заморозился», обретя взгляд «снежной королевы», присущий переступившим черту и впавшим в зависимость адреналина, экстрима и запаха смерти, ставшими современными берсерками среди спецов, либо спецподразделений, либо в командах под руководством главшпанов. Мысль эта: «Слава Богу, сегодня не я!»

О таких показательных казнях я знаю по красочным рассказам, по материалам уголовного дела и примерам, просто приведенным из уст либо исполнителей, либо близких к Грише, либо, впоследствии, к братьям Пылёвым и Осе, в надежде вызвать этим встречное уважение.

Я рад, что никогда ни в чём подобном не участвовал, имея возможность увильнуть, хотя бы только предчувствуя подобное. Крови «своих» на мне нет, хотя имеющаяся ничуть не лучше. Правда, начиная своё «восхождение», я был уверен, что участвую в войне, отстаивая своё, защищая или мстя за товарищей, что было мне близко по армии. О, слепая наивность! А скорее всё же попытка оправдать себя перед самим собой, хотя тогда казалось именно первое, особенно после участия в первых похоронах «бойцов» дружественной группировки, прошедших если не по-царски, то по-княжески, с обещанием найти и уничтожить, а найдя, вроде бы уничтожили, и вроде бы что-то предотвратили для оставшихся в живых.

Все эти примеры воздействия на массы лежат, пылясь на книжных полках, преподаются в вузах, перечисляются в беседах и имеют практическое применение даже у людей, не понимающих, что они делают – на уровне интуиции и подсознания. И для перманентного и результативного их действия необходимо только одно – д и с ц и п л и н а! Железная, кровавая, и никого, кроме

3-5 избранных не жалеющая. Впрочем, и забывшийся из этого пятиначалия легко может попасть под каток, который сам же поддерживал. Я несколько раз проходил уровень, где ясно ощущал валик этого настроенного механизма на своей шее и, непонятно как, избегал последствий. Кстати, в большинстве случаев не из-за себя самого, так как моей защитой часто служили жесткая самодисциплина, замкнутость, подчинённость только одному человеку, продуманная предосторожность и, соответственно, постоянная чья-то сильная заинтересованность в моём профессионализме.

Много можно рассуждать, разглагольствуя о винах, об их признании или не признании, о наказании справедливом или наказании «не за своё», но... сколько веревочке не виться – конец будет, а винить, кроме себя, некого! Только страдают и мучаются потомки до четвёртого колена, то есть дети, внуки и правнуки – те, кого ты любишь и будешь видеть до конца своей жизни, если она удастся длинной. Укоры отразятся не на тебе, а на них – за тобою содеянное. И есть только один путь исправления этого – ПОКАЯНИЕ, что есть не только признание и осуждение содеянного, но и обратное действие.

Никто, никогда, ни при каких условиях, не убедил бы меня в том, что я, потомственный офицер, сделаю когда-нибудь небольшой, в принципе, но огромный, с точки зрения морали и закона, шаг и превращусь из военного, обязанного по долгу службы убивать, и убивать в соответствии с законом, как бы это парадоксально ни звучало, в человека, который делал это незаконно, уничтожая тех же самых людей. Понять это можно, но оправдать – едва ли. Тем не менее, чтобы иметь право субъективно осудить, необходимо встать на место тех, поступки которых собираешься разобрать на маленькие кусочки. И не просто стоять рядом, знать доподлинно, как это было, а именно встать на место, что невозможно. Вжиться в того человека, с его чувствами, страхами, переживани-

ями, характером, ситуациями, с людьми его окружения и их взаимоотношениями и т.д. и т.п. Ибо люди даже супружескую измену воспринимают по-разному: мол, одно дело – я, другое – ты. Но, когда начинают оправдываться, нападая, и речь заходит о предрассудках, то понимаешь, сколь глубоко мы пали, и насколько слепы в своих, уже почти оправданных обществом и законом, заблуждениях, не видя чужую боль, но отгораживаясь и защищаясь от своей.

Не нужно нас оправдывать, не нужно понимать, просто вспомните себя и попытайтесь посмотреть другими глазами, взглядом изнутри. Не пугайтесь, если заметите много общего, или начнёте переживать, о чём-то жалея. Не старайтесь отгонять мысли, поняв, что разница между нами настолько невелика, что каждый из нас – это каждый из вас, лишь сделавший в своё время на полшага больше из-за невозможности устоять или не разглядев, где нужно остановиться. В этом нет вашей заслуги, но есть наша вина. Как говорили римляне: «От Капитолия до Тарпейской скалы один шаг».

ИЗНУТРИ

Всё началось в спортзале бомбоубежища у метро Медведково. Тогда это было элитное место по сравнению с залами в подвалах или ФОКах – это был монстр с обычной ценой и серьёзными парнями, с барной стойкой и предложением белковых коктейлей, которые предлагал крепкого, брутального вида, уже немолодой, за пятьдесят, мужчина, отвечающий на любые вопросы, которые могли интересовать человека, приходящего в этот зал. Это был очень хороший человек, бывший спортсмен, по совместительству – учитель физкультуры и, в некотором смысле, связующее звено. По стечению обстоятельств, несколько позже он преподавал в школе, где училась моя замечательная сестрёнка, оставив у неё хорошие воспоминания, как и у всех, кто когда-нибудь с ним сталкивался или был знаком, и звали его Виктор Васильевич...

Посещал я это место еще будучи офицером, оставляя в раздевалке форму с лейтенантскими погонам, и тогда же перезнакомился со всеми. Род занятий и деятельность каждого из нас никого особенно не интересовали, поскольку было общее, всех объединяющее – силовые тренировки. Моя же профессия определялась по обмундированию и, наверное, по приметной выправке.

91-й год ознаменовался вынужденным уходом от дела всей жизни, при сокращении нашей армии с 2 150 000 военнослужащих до 1 250 000. Шанс остаться был, но неприемлемый с точки зрения военной этики и финансового положения семьи: супруга на сносях, а обеспечить ее хотя бы необходимыми продуктами невозможно. Перед подобным выбором находились миллионы, и это было бы обычно, если бы в дополнение не образовавшаяся неприязнь к военным и к форме вооб-

ще сразу после победы «демократии» над ГКЧП. Власть народа на поверку оказалась анархией, плавно перетекшей в анархию в верхах, а после – в олигархию.

Итак, я оказался лицом к лицу с одурманивающей действительностью со своей наивностью, так как большинство офицеров именно наивны – из-за замкнутости коллектива, места проживания и службы, узости потребностей и некоторой обеспеченности, как считается, всем необходимым государством. В начале моей карьеры так и было, до известных событий.

Гражданский мир оказался несколько другим в сравнении с привычным, и правила жизни, которые я впитал с молоком матери и укрепленные в училище и на службе, никак не состыковывались с окружающей меня теперь обстановкой. Для начала я устроился в личную охрану – подготовка позволяла, врожденная дисциплина и привычка к ответственности только укрепляла уверенность в правильности сделанного выбора, а денежное содержание, в три раза большее получаемого ранее, позволяли иметь всё необходимое. Спать приходилось мало, по 4-5 часов, тренироваться за полночь, а быть на работе к 6.30. Однако получалось решать все проблемы и даже отбиваться от наездов со стороны предлагающих «крышу». Моей опекой мадам-режиссёр, снявшая пару фильмов, и её муж-коммерсант были довольны, начали считать меня и моего напарника неотъемлемой частью интерьера и даже где-то небольшим кусочком их семьи, тогда как своей я почти не видел. Всё моё общение с женой и только родившимся сыном заключалось в стирке и полоскании пелёнок совсем поздней ночью (памперсов тогда еще не было). Выходной – один день, из-за которого господам Плуховским моя зарплата и показалась чересчур высокой. В результате наше терпение лопнуло, и мы ушли «в никуда», которое, по стечению обстоятельств, оказалось «Центральным домом туристов» – известное ЦДТ на Ленинском проспекте при пересечении с ул. 28 Бакинских комиссаров. Для меня же

лично это обернулось местом человека, отвечавшего за порядок и безопасность во всем заведении со всеми примыкающими ресторанами, магазинами и фирмами, арендующими здесь офисы.

Со временем под моим замечательным руководством стало работать 60 человек: 45 официальных охранников и 15 не поддающихся описанию беспредельных морд, которые безгранично поглощали всё съестное и подбирали всё плохо лежащее, порождая проблемы, вытекающие из повышенного самомнения и безнаказанности. На самом деле никто из гостей отеля был не в состоянии создавать неудобства, которые с лёгкостью производили эти молодые люди. Верховодил ими племянник человека, через которого я попал на это место – Левон, директором гостиничного комплекса тоже был его родственник. Но всё было не так плохо, за исключением моего опять урезанного времени появления в семье, хотя денег стало больше. Конечно, я находился под воздействием старомодного воспитания и шёл напролом с уверенностью в своей правоте, хотя представления не имел, куда и как в этом бизнесе ходят. Это сейчас понятно, что с точки зрения того времени, нужно было просто «прикручивать» весь комплекс с двумя ресторанами, двумя барами, валютным магазином, баней, бассейном, кучей номеров и подземными гаражами. Но, пока я там находился, не сделал этого сам и не позволил другим. Солнцевские собирали лишь дань с таксистов, внутрь даже не заходили. С одной стороны, глупо конечно, а с другой – не так ли должно быть? Опыт рос, мировоззрение прирастало, хотя стержень так и не поменялся до сих пор. Там были первые «стрелы», разборки и, вместе с ними, приходящее понимание сложности и многоликости этого нового для меня мира.

Оказалось, что не так просто понять, где свои, а где чужие, и главное – кто опаснее. Я открыл для себя, что проститутки и бандиты – тоже люди. Порой – не хуже, во многом – честнее и открытее, нежели окружающий

их персонал. А «вор в законе» Тамаз с его окружением по-прежнему живет понятиями, которые существуют в местах, не столь отдалённых. Но вот парадокс – эти два мира принимали для него общую плоскость, по которой он передвигался комфортно, с престижем и должным уважением как к себе, так и к окружающим вообще. И его заслуга в том, что мы придерживались обоюдного нейтралитета, не залезая на территорию дел друг друга. Чуть позже меня посетила мысль, что если бы люди, находящиеся в креслах сильных мира сего и власть имущих, обладали такими качествами, как он, наш, на сегодняшний день, не столь привлекательный мир был бы гораздо чище и справедливей.

Многое было для меня ново, многое непривычно. Например, пять номеров, которые я использовал по собственному разумению – в одном жил сам, другие сдавались, чтобы окупить некоторые рабочие затраты, а также повысить жизненный уровень себе и помогающим мне людям.

Увы, я начал снова курить, ещё меньше спать и опасаться стать совершенным потребителем, ибо любое моё желание исполнялось быстрее, чем я мог о нём подумать.

Очередной день рождения моей супруги Ольги праздновался на 33-м этаже в двухэтажном баре со вторым светом, специально для этого закрытом. Рестораны обязались обеспечить всем необходимым совершенно бесплатно, только услышав об этом событии, а иностранные фирмы, арендовавшие помещения в комплексе, презентовали всё – от цветов до огромных тортов и подарков косметики и нижнего белья. Такое проявленное уважение и чрезмерное внимание, на мой взгляд, ничем не заслуженное, всё же, пришлось принять и, если честно, было приятно.

Это сейчас понятно, что вышеперечисленным бизнесменам был гораздо более выгоден молодой человек, способный обеспечить их безопасность и спокойную коммерческую деятельность без всяких финансовых

вливаний и уже благодарный лишь за особое к себе внимание, просто выполняющий свою работу по обеспечению безопасности гостиничного комплекса, а уж официально он все делает или нет – для них не столь важно.

Позже мне объяснили, что, скорее, я был похож не на добродетеля, а на лоха, за счёт которого бизнесмены некоторое время отбивались от надоедливых и жадных представителей криминала, не тратя при этом ни сил, ни нервов, ни денег.

Я понял ещё две вещи: во-первых, скорее всего, я неправильно строю свои с ними отношения, так как денег с них никто не собирал и крышевать не предлагал, но так и не понял, как это сделать правильно. Впрочем, я даже не задумывался над этим, а, возможно, не был готов преступить какую-то грань. Во-вторых, на вопросы, кем же я все-таки здесь работаю, не смог ответить, потому что и сам перестал понимать!

Однако в скором времени произошли события, которые кардинально поменяли мои взаимоотношения с «начальством».

Обычно почему-то случается так, что достаточно появиться одному кавказцу в обществе, чтобы оно стало прирастать его земляками. Как ни странно, но комфорт и спокойствие налаженного быта, положение вещей и расстановка сил после того расшатываются и уже никогда не возвращаются в прежнее русло. Причина этого, с моей точки зрения, не столько в характере и менталитете наших гостей, сколько в нашей славянской готовности помочь: мы крайне терпеливы – ввиду многонациональности, больших расстояний, и, соответственно, растянутости всего, что бы мы ни делали. Мы – нация самодостаточная, даже при отсутствии всего необходимого, и саможертвенная. Достаточно вспомнить, что 99% всех славянских группировок обитают именно на территории Российской Федерации. На Кавказе что-то не заметно ни одной. Но вот добрая половина южных позанимала большую часть рабочих мест криминали-

тета именно у нас, и недаром в лагерях и тюрьмах их иногда в шутку называют гастарбайтерами. В Америке и в некоторых европейских странах под личиной русской мафии русских, как правило, не найти, зато в избытке еврейские, украинские и белорусские общины, разбитые по интересам и роду криминальной деятельности. А вот русак почти всегда патриотичен, хотя бы в глубине души, и всегда тянется к Родине.

У кормушки ЦДТ было всего трое представителей Армении: директор гостиничного комплекса, Левон — его родственник, обеспечивающий наше присутствие и получающий за это свою долю, и их племянник Артём — совершенно не сдержанный, не очень умный, распоясавшийся, на ровном месте уверовавший в себя, свою силу и безнаказанность молодой человек, не достигший и двадцати лет. С ним было человек пятнадцать — «беспредельщина», как их называл Левон, уверяя, что они могут всё. Они, наверное, и могли бы всё, но никогда не делали ничего, обычно отплывая на задний план. Среди них особенно выделялась группа крепких и молодых парней из микрорайона Крылатское, явно получивших воспитание от мам, пап и школы, а не суррогатной субкультуры. Я понял сразу, что лишь на них и стоит опираться прежде всего. И именно с ними будет поначалу связана моя судьба после ухода из гостиничного бизнеса. Шестеро человек с непривычными именами-дразнилками, в миру — «погонялами», ибо, как они говорили, клички бывают только у собак и кошек: «Бизон» — ну очень здоровый и броненосный; «Шарап» — Саша, преданнейший человек и хороший товарищ; Дима «Ушастый» — добрый, отзывчивый и весёлый юноша не старше 19 лет; Тимофей «Тимоха» — хоть и молодой, но уже сидельный и опытный, а потому осторожный; Эдик — бывший воин-интернационалист и орденосец; и Роман, по странному в будущем стечению обстоятельств, крестник Олега Пылёва, впрочем, тоже приговорённый и почивший на лесном погосте.

В официальную охрану я набирал ребят в основном в спортзалах, тоже крепких, из них выделял человек десять, на которых мог особо положиться, а распределив в три смены – быть спокойным и уверенным в решении любых проблем, даже в моё отсутствие. В случае необходимости я собирал крылатских и этих парней, и ни разу не было вопроса, которого бы мы не могли решить положительно для себя.

Но однажды, поддавшись на уговоры (да и отказать Левону в просьбе я не мог, находясь в его подчинении), уже далеко под вечер пришлось ехать в район метро «Юго-западная», где кто-то обманул знакомого шефа. Маленький армянин-торговец слёзно клялся, что всё уже утрясли, но, чтобы не было следующего раза, надо показать: он не один, а по пути к нам присоединятся ещё его люди. Одно с другим не связывалось, но делать было нечего. К тому же, я не собирался никуда ввязываться, да и обещание «накрыть поляну» и вознаграждение тоже были не лишними в конце месяца. Поэтому, захватив вышеупомянутый секстет и двоих из смены, мы на двух автомобилях через пять минут были уже на месте.

Перед фойе метро – большой пятак, окружённый импровизированными палатками-навесами, представлявшими собой лицо рынка того времени. Торговля и выгодные сделки к вечеру сменились тишиной и полным отсутствием торговавших людей, ничто не предвещало серьёзности возможной драмы. Двоих я послал на пригорок, вооружённых обрезом и пистолетом Макарова – не Бог весть что, но хотя бы шумом отход прикрыть смогут. Другой ствол при мне, вроде бы как официальный, но без подобающего оформления, потому что больше никто пользоваться им не умел. Находясь посреди освещённой площади мы чего-то ждали. Наш визави то уходил, то приходил, погружаясь либо в подземный переход, либо исчезая в близ находящихся кустах. В результате пришёл с двумя мужчинами – азербайджанцами, один из которых сразу отошёл и исчез в

переходе. В принципе мы могли уходить, и инстинкт к тому подталкивал. Но голодный желудок и желание сделать глубокую затяжку winstona позволили нам стать не только участниками, но даже центром событий, явно очень быстро развивающихся не в нашу пользу.

Только прикурив, я заметил вылезающих отовсюду, как тараканы, разнородных и разновозрастных щетиных, явно нам не товарищей. Они двигались со всех сторон и показывали на нас, наш спасаемый друг моментально испарился, а мы, уже окружённые, жадно искали пробел среди человеческой массы. Беспорядочно отвечая на непонятные речи и отжимаясь, без резких движений, в сторону пригорка, мы пока ещё держались группой. Но стоило раздаться крику, как кавказская масса закипела и ошетибилась. Стало понятно – что-то будет. Человек 100, окружив и создав от нас на 2-3 метра пустоту в виде круга, ибо вплотную бить было неудобно, искали слабые места. Всё, что я успел сказать: «Пацаны, вместе...». Куча тут же взорвалась и разделила меня с ребятами, но не их. Пытаясь нащупать рукоять одной рукой и прихватив за горло не крупного, юркого и очень волосатого мужчину, я отбивался им как барьером от палок, труб и другой навязчивой прелести. Он истошно вопил и брыкался из-за приходящихся на него со всех сторон ударов. Спинай ощущая металлический каркас палатки, теперь я ждал только момента и появления хоть какой-то дистанции. Первый выстрел сорвал здоровенную кепку-аэродром с самого здоровенного и ближе всех оказавшегося дитя гор, тащившего над головой, в замахнувшихся на меня руках, большой кусок трубы. Потеря кепки явно изменила его планы, а мне подарила секунды замешательства толпы и необходимый метр дистанции. Стоявший рядом, весь в белом, но с портящей этот вид монтировкой, другой торговец фруктами, явно желавший повести за собой соплеменников, от следующего выстрела поймел дырку в ботинке (не смертельно, но очень больно), завизжал и рванул в нужную мне сто-

рону, прокладывая широченную трассу в живых и шарахающихся телах. Бросив в угрожающую толпу малыша, спасшего меня своим телом от ударов, который, впрочем, уже притих, потому что перестал получать и желал только скорейшего освобождения, пролетев в не успевший замкнуться за белым костюмом круг, я сноровисто прыгал по крышам машин, удаляясь от расстроенной неудачей в отношении меня толпы, лишённой зрелища.

Не так весело было у «крылатских». Они тоже отбились, но через ножевое ранение, порезанную голень и опухшее предплечье у «Бивня». Сначала Олег произвел впечатление на наступавших своим видом, дважды подставив под опускающийся ломик огромную руку, ойкая от боли, третий раз, не вытерпев, вырвал его и дал попробовать того же его хозяину. Хозяин обиделся и обмяк. При этом замешательстве они и скрылись.

Конца обсуждению и жажде мести не было предела, но все успокоились после обращения в больницу, где мы встретили семерых пострадавших, пара из них – довольно тяжело. Всё было очевидно, и мы посчитали себя отомщенными, но не в отношении нашего просителя. Найти его – дело чести, растрясти – дело техники. Что ж, он остался счастлив, отдав требуемое, и больше никогда не появлялся.

Таковым было первое боевое крещение после демобилизации из армии без грифа законности, которое я, впрочем, расценил как самозащиту и даже не мог себе представить, что что-либо из содеянного может быть наказуемо судом. Да-да, несмотря на наличие оружия и два выстрела, впрочем, почти не причинивших вреда, может, потому что при самом плохом раскладе – аресте, – это обошлось бы в 300-500 долларов и сутки в «обезьяннике» отделения милиции и, уж точно, без суда и следствия.

Кстати, если кто-то думает, в таких «переделках» может не быть страха – ошибается. Без этого замечательного чувства многие люди уходили бы в мир иной гораздо раньше, и по причинам более смешным и са-

мым необычным, которые обычно ведут к насморку, а, в худшем случае, к моментальному энурезу.

Мало того, именно резкий припадок страха, с которым ты либо справляешься, либо нет, включает механизм, который позволяет соображать, воспринимать происходящее и принимать решение в разы быстрее обычного. Помнится, какой-то восточный владыка, кажется, Чингисхан, при выборе своей личной охраны, сильно пугал воина и одобрял выбор лишь в случае, если лицо испытуемого краснело, выражая злость, а не бледнело, что говорило о том, что человек справлялся со своим страхом, переводя его в управляемую агрессию. Может быть, и бледнеющий способен на подобное, но явно не сразу, а ведь бывает поздно, так что грош цена бойцу, не испытывающему страх, и место ему на спокойной гражданской стезе.

А перепугался я тогда сильно, хотя и урок получил соответствующий, и больше без углублённого изучения предстоящего предпочитал ничего не делать, если, конечно, позволяла ситуация. В такой просак я более не попадал.

И ещё я поразился тому, сколько лиц я запомнил, и тому, как быстро выбрал, причём безошибочно, цели и задачи по ним.

После, уже сидя в номере, я никак не мог понять, как за такой короткий промежуток времени могли столь резко поменяться межнациональные отношения, ведь ещё пять лет назад такого нельзя было представить даже на их земле, в Азербайджане. Но всё тайное когда-нибудь становится явным.

Этот случай был первым серьёзным предупреждением, после него я потребовал удалить «беспредельщиков», исчезнувших чудным образом в большинстве своем во главе с Артёмом, племянником Левона. Но, по-видимому, родственника пристроить было некуда. Его безалаберность, бесшабашность и безнаказанность зашли слишком далеко, и результат не заставил себя ждать.

В какой-то летний вечер, после очередной попойки, его приближенный выпросил у меня ПМ. Кстати, состоящий на учёте в ЧОПе, где я неофициально числился человеком, имеющим право пользоваться им в служебных целях. Артёму я отказать не мог по договорённости с его дядей, но каково же было моё удивление, когда запыхавшийся и бледный юноша из смены охраны сообщил, что «супербандит» палит в воздух во дворе гостиницы, дабы произвести впечатление на дам-с. Через 10 секунд я застал в арке его, одного, совершенно растерянного, и уже маячивших в 50 метрах милиционеров. Ствол я вырвал из оцепеневших пальцев, пинками прогнал его в сторону, противоположную своему предполагаемому движению и собрал гильзы. Всё бы ничего, от одних я ушёл, но наткнулся на других – участкового с напарником, которого хорошо знал. О сопротивлении не было и речи, через 10 минут я благополучно сидел в обезьяннике, попивая прихваченную по пути минералку. Жадность хранителей правопорядка, знакомства и деньги Левона принесли свои плоды, хоть и лишили меня злосчастного «макарыча». Появившись в гостинице с пустым желудком, вычищенными карманами и желанием разукрасить мордашку незадачливого женского угодника, я понял, что удовлетворения не получится. Буян буянил, смена отказалась работать, а я очень хотел видеть жену и сына – уже третьи сутки, как я застрял в этой берлоге, в которой, в принципе, меня многое устраивало, многое нравилось, а главное – почти всё получалось.

Официально начальником охраны комплекса я поставил одного из своих друзей детства – Виталия, достойного человека, тоже бывшего офицера. Мы понимали друг друга с полуслова, имея общие интересы, одинаковый возраст, давние отношения и почти одинаковые взгляды на жизнь. Для этой работы он имел ещё один плюс – был холост, и поэтому не вылезал с работы, почти всегда взваливая на себя многие внезапно свалившиеся хлопоты, когда меня не было. Соответственно, к моему

появлению они находились в стадии разрешения, что очень сэкономило время и позволяло опережать многие негативные события.

Этот вечер, точнее, уже ночь, не были самыми лучшими – из-за холодной железяки, изъятой в отделении милиции, я потерял безотказного друга, не раз меня выручавшего. Разочарование от глупости и чуждого человеческого фактора подталкивали к грусти и печали. Если бы я знал, как часто буду сталкиваться с этим, и сколько звеньев и цепочек, тонко и подробно продуманных планов, всевозможных мероприятий будут обрываться, то, может быть, и встал бы на сторону репрессивной дисциплины (конечно, не имеющей ничего общего с властвующей у нас). Хотя, даже с позиции сегодняшнего дня, я считаю, что ни одна хорошо разработанная схема, как бы жестко ее ни приводили в жизнь, как бы скрупулёзно ее ни контролировали, не работает без поправок, всегда нуждается в них, а также в дополнениях или в замене авральными нюансами. Единственный выход – простота, она же надёжность, но не всегда это возможно в наш век бардака и высоких технологий. Конечно, все эти мрачные мысли перекрывала прохлада, веявшая от пока прикрытого, а потом так никогда и не начатого уголовного дела о вечерней стрельбе во дворе отеля.

Мы сели с Виталиком в полюбившемся нам уголке восточного ресторана на первом этаже ЦДТ – он ещё не закрывался, но посетителей уже не пускали, у нас же было ещё часа два времени. Как всегда, принесли крепчайший кофе и немного подогретого коньяка. Подсело «сарафанное радио» – две ночные бабочки, удивительно чуткие и проницательные барышни, Инночка и Елена, – мои глаза и уши, причем преданно державшие язык за зубами, если дело касалось моих интересов. С другом детства, а теперь соратником мы помогали им как могли, из одного сочувствия, раз и навсегда отказавшись от предложенной доли в их бизнесе. Заманчивые формы, миловидное лицо, густые волосы, томный взгляд и

умение внушить непреодолимое желание себя любому мужчине ничуть не портило отсутствие передних верхних резцов, выражающееся причудной, почти незаметной шепелявинкой. Когда я слышал дежурное объяснение возможному клиенту, о том, что она может гораздо больше, приятнее оригинальнее благодаря именно этом небольшому изъяну, понимал, что до номера им не больше 15 минут. Прелесть была не в полном отсутствии двух зубов, а в нехватке их нижних половинок, казалось, словно подточенных специально.

Девочки были в курсе происшедшего и готовы на всё, что угодно, чтобы затушить бурлившее в моей душе. Понемногу радость жизни заглушила все неудобства и противоречия вместе с тягой дома. Ехать уже никуда не хотелось, да и завтрашний разговор с вызванными сменами, бандюками и Левоном должен был состояться в 9:00. Готовиться было к чему, и я сдался. К тому же местная парилка и большой, прохладный бассейн предлагали себя. И совсем не пожалел – ночь была мягкая, приятная и редкостная для этого периода моей жизни, правда, я так и не понял особой прелести в отсутствии половинок зубов, хоть это и было совсем не важно. Я благодарен их хозяйке, сумевшей создать впечатление лунной ночи на берегу средиземного моря.

Вообще, ночные бабочки сыграли в моей жизни определенную роль, несмотря на то, что любовь за деньги отбивает у меня охоту, и я редко пользовался их услугами даже в то время, когда период воздержания из-за загруженности был неприлично длинным.

С двумя же из них в разное время, совершенно случайно, установились достаточно длинные отношения, глубокие по своей открытости и обоюдному доверию, какой-то странной жертвенности и моральной преданности с их стороны, в первом случае – основанные на желании помочь друг другу победить духовное одиночество и опустошенность; во-втором же – на какой-то обреченности, которая сквозила из нас обоих и отда-

ленно напоминала союз Клеопатры и Марка Антония в последние месяцы их жизни, в ожидании флота Августа Октавиана. Это было время, когда я отказался от семьи и от общения с любимой женщиной, слишком очевидно понимая, на каком кончике острия нахожусь, и если «кану в Лету», то со всеми, кто рядом со мной. Период не длительный, 5-6 месяцев, после его окончания я впервые покинул Родину после танго со смертью, покончив с прошлым, правда, не так, как предполагалось: убрав своего шефа Григория, но не освободившись от кабалы, а лишь поменяв одного босса на другого, впрочем, уже человека, а не людоеда.

Кем был я рядом с Гусятинским – решать не мне, не я принимал решения о жизни и её окончании, часто беспричинно. Но я делал несчастными родных и близких, прекращая земное существование уже приговоренного. Хотя не я, так другой должен был бы сделать то же самое, и не факт, что «другой», как показывает опыт, делал бы это так же аккуратно и «убирал» только нужную персону, а не в придачу с его окружением, ведь требование Гриши «валить всех» никогда не менялось. По его представлениям, чем больше уйдёт в мир иной, тем меньше врагов останется, тем страшнее другим, тем выше рейтинг.

Хотя тогда я был уверен, что в некоторых ситуациях смысл подобного мог быть оправдан. От того, останется жив человек или нет, зависела жизнь многих из нас – это было первично, вторичным всегда являлся вопрос денег. А если точнее – то именно деньги были причиной всего, из нее уже вытекали оборона, престиж, положение, благополучие и, как результат, «график» занимаемых мест на заранее распланированных кладбищах.

Как ни крути, а всегда всё сводилось к финансам – любые операции с недвижимостью, предметами коммерции, бизнеса, даже месть и воздание должного – везде была тень золотой монеты, просто в разные моменты мотивы звучали либо более благозвучно, либо

более выгодно на сегодняшний день. Деньги! Деньги! Деньги! Хотя было и нечто выше, но только для избранных, правда, далеко не самых достойных, слабых, так и не сумевших с этим справиться, но очень жаждущих её – ВЛАСТИ! Понимая это, удивляешься прозорливости афинян, имевших привычку изгонять людей, сделавших много для мегаполиса, на полтора десятка лет, но своим авторитетом среди граждан угрожающих безопасности государства, правда, с полным содержанием и безграничным уважением. А также римлян, которые ставили раба на колесницу позади триумфатора, которыми часто были Цезари, с одной лишь целью – нащёпывать на ухо: «memento mori» (Помни о смерти), о чём явно забывают наши современники, взбираясь на самую вершину пирамиды власти.

Кстати, многие, если не все из нас, были уверены, а точнее – уверяли себя, что именно его-то обойдёт и тюрьма, и преждевременная смерть, и вообще всё плохое, что можно только себе представить. Но чем дальше и глубже затягивал процесс, тем больше и чаще приходилось отбрасывать печальные мысли или топить их, как многие, в вине, совсем не находя в нём истины. Впрочем, наркотики и разврат не помогали тоже.

Страх, боязнь, опасливость порождали подозрительность тем большую, чем выше стоял человек в иерархии. Это присуще всем обществам, всем родам деятельности, где может блистать власть в худшем ее проявлении, тем паче власть неограниченная, распространенная на человеческую жизнь любого, до кого сможет дотянуться. И чем больше опасение потери ее, тем круче репрессии и больше зла.

Да, в начале 90-х мы казались видимым воплощением респектабельности, удачливости, многие парни хотели надеть кожаные куртки, а красивые, ещё не искушенные сегодняшним днём девушки – быть рядом. Эта романтика хозяев жизни, которым якобы нечего терять, сыграла со многими злую шутку, но некоторые смогли

слиться с официозом, скоррумпироваться с чиновниками, а то и выше, или найти общие, взаимовыгодные компромиссы с силовиками, причем, как мне кажется, на языке последних. Они, как показывает время, ничего нового не придумали, да и зачем? Они пошли старым, надёжным и изведанным путём, известным, начиная со времен Видока и Фуше, а скорее всего, гораздо раньше, выраженным в формуле: если нельзя устранить, то нужно возглавить. Оставив какую-то часть от бизнеса бывшим малиновым пиджакам, предложив им место сдерживающего барьера, сами ныне владеют остальным и, надо сказать, неплохо себя чувствуют. Будучи почти неприкосновенными, что, собственно, и не могло быть иначе при наших властителях, где полумеры – норма, а девиз «волка ноги кормят» является ответом на вопрос: «Как на эту зарплату можно жить?»

Разумеется, с тех пор всё поменялось, и если 15 лет назад фраза: «Да это наши менты, коммерсы, чиновники и т.д.» – совершенно чётко соответствовала истине, то теперь это смешно понимающему и опасно для заблуждающегося.

Еще раз подчеркну, что среди любой прослойки, среди любой профессии есть люди честные и достойные, но они, как правило, сопротивляющееся меньшинство, а взятки не берут лишь тогда, когда их не дают. И вообще, у нас, в России, всегда, как говорится, «дело в шляпе», что значило при царе-батюшке: пока ее не наполнят, дело не сдвинется, и не важно, по горизонтали или по вертикали направлен его путь.

Себя же я всегда воспринимал где-то исходя из того, что было заложено с детства, возможно, где-то обманывая, где-то преувеличивая, а где-то боясь признаться самому себе в очевидности своих поступков и предпочтений. До сих пор, хотя на этих страницах я и соглашаюсь с названием себя бандитом и позиционирую себя совместно с теми, кто был в ОПГ, противопоставляя всему остальному обществу, но в глубине души, и это чувству-

ется наитием, я всё тот же только что демобилизованный и пытающийся адаптировать свое мировоззрение к окружающему миру. Не он плох, а я другой. Возможно, старомодный или старорежимный и потому никак не имеющий возможности принять в душе то, что быстро прилипает к подавляющему множеству людей более современных, чем я, а значит – более пригодных к сегодняшней жизни. 20 лет назад я был выброшен из нее, и сегодня, страшно признать, констатируюсь отбросом общества, и опять, как всю свою взрослую жизнь, ощущаю себя где-то не потому, что считаю окружающий мир недостойным, а потому что другой, сопротивляющийся, с большим желанием остаться тем, каким меня любили мать, отец, а возможно, видят сейчас дети, друзья и когда-то любимые и любящие женщины. Я чувствую в себе силы остаться таким же навсегда, и на сегодняшний день вижу своей задачей сопротивляться тому, что может меня изменить, причем вина за содеянное занимает в этом одно из первых мест.

* * *

Вернёмся к женщинам, продающим своё тело, с которыми столкнула меня судьба и которых таковыми я воспринять никак не могу. Может быть, Богу – Богово, Цезарю – Цезарево, а падшим – падшее. Хотя оттуда, где они находились, мир представлялся в более правдивом свете, отчего для жизни им требовалось меньше масок и... Не знаю, как это сейчас выразить, но внутри них была какая-то, скрытая налётом профессии и окислом переживания от неё, чистота души – той большей её части, которой этот блуд не коснулся. Оттого обе они казались честнее и преданнее многих, считавших себя гораздо выше, но бывших, в сущности, просто шлюхами, ублажающими свои похоти, а то и такими средствами добивающимися своих целей. Это касалось и касается не только многих женщин вне этой профессии, но и огромного ко-

личества мужчин. Не мне говорить о морали, но порой нет сил сдержаться.

Обеим женщинам я благодарен, и вспоминаю с теплом и огромным сожалением их преждевременные смерти. По всей видимости, в своей профессии они достигли уровня, позволяющего выбирать, обходиться без посредников и работать с приличной клиентурой. Жизнь первой остановил возмнивший себя владельцем собственности на неё и поступившим, как заблагорассудится, пристрелив, как собаку, похоже, просто не сумев подняться на её уровень и добиться взаимности. Он уже покинул Россию, и кто знает, где сейчас затерялись его кости...

Вторая, Милена, в день своего рождения отказалась «принимать» важных гостей и была наказана чем-то похожим на субботник с такими страстями, которых не выдержали бы сами участники этих издевательств. Наверное, просто желание побыть одной показалось дерзким неповиновением. По стечению обстоятельств, этими людьми оказались милиционеры.

К тому времени мы почти не общались, но она всегда могла меня найти по оставленному номеру пейджера, который я никогда и никому не давал, за редким исключением. На сообщение что-то вроде: «Ты мне нужен, пожалуйста» – я не смог появиться раньше суток, и это решило её судьбу. Приди я раньше, всё было бы по-другому. Опоздав, а ехать пришлось из другого города, я застал только медиков, выносивших из подъезда уже похолодевший труп. Из-под простыни свисала кисть руки с ссадинами и кровоподтёками, и, удивительно, один палец венчало колечко с рубином, подаренное мною, но никогда ею не одевавшееся...

Судьбы, судьбы... А я жив и живу до сих пор. Сколько раз сегодняшний день мог стать последним? Сколько раз, понимая, к чему может привести то, чем я занимался, всё равно делал. Сколько раз Господь отводил от меня худшее и предупреждал, давая очередной шанс

встать на другую стезю. Неоднократно я мог попасть в руки правосудия по причинам несуразным, не просчитываемым и непредсказуемым, но постоянно находил возможность выкручиваться с помощью припасённых заранее средств. Хотя, в большинстве случаев, всё закончилось бы административным наказанием, скажем, за нарушение паспортного режима или подделку документов и тому подобное. Но возможность большего, как вытекающие последствия, всегда маячила и заставляла быть осторожным. Постоянная собранность, напряженность и готовность отпускали слегка только дома, потому никто никогда не понимал и особенно не замечал этого. И, соответственно, не видел необходимости помочь. С друзьями детства по футбольной детско-юношеской школе олимпийского резерва, отношения с которыми сохранились и по сей день, при встрече о работе ни-ни. Встречаться с кем-то другим для отдыха или общения не было ни возможности, ни желания, а жена и, впоследствии, любимая женщина, были вообще далеки от этого. Тогда я и сам себя оградил от общения на достаточный период времени, снимая меняющиеся раз в 3-4 месяца лежбища и появляясь там только для сна. Так я прожил с конца 92-го по 96-й год. Правда, в 92-м, было несколько месяцев, когда мы с известными уже «Крылатскими» болтались, где придется, из-за появившихся у меня первых крупных неприятностей.

Каких унылых «малин» я только не видел, каких притонов не обошёл, и лучшее место, где я в тот период коротал свой сон, был аппарат для загара в солярии в банях в Крылатском на Гребном канале. После, узнав о моём плачевном положении, меня приютила семейная чета друга детства, Вячеслав и Елена, в однокомнатной квартире с грудным ребёнком, причем совершенно не спрашивая причин моих скитаний. Стараюсь никогда не забывать добра. У них растёт замечательная дочь, к тому же моя крестница. Трижды они помогали мне и, надеюсь, воздастся им по делам их.

Вообще, странное дело! При всём содеянном мною в этом мире, среди моих знакомых всегда были люди, у которых я мог найти помощь, даже посторонние, да что там – разово встречающиеся располагались ко мне благожелательно, хотя и я, в свою очередь, помогал и проявлял участие в жизни многих, и близких и далёких. Мало того, даже желающие мне зла в конечном итоге получались мостиками спасения или решения, подчас сложным проблем. Дай Бог им всем здоровья и благополучия. Может быть, именно поэтому я никогда не умел злиться дольше пяти минут и никогда не отомстил ни одному человеку.

* * *

Но всё это будет после... А сейчас раннее утро, ночная баня, бассейн, немного алкоголя, подаренный релакс и крепкий, но непродолжительный сон – не самое плохое для поднятия тонуса и настроения после нескольких проведенных в отделении милиции часов, потери ставшего драгоценным пистолета и перед ожидаемой разборкой с Левоном и его гвардией. Ночью, приняв все решения и подведя итоги утром за чашечкой турецкого кофе, мы с Виталием ждали общего появления. Если Левон не пойдёт на наши условия, то будущее призрачно. По нынешней обустроенности работы и положению вещей совершенно понятно: эти ситуации – только начало, опыт был небольшой, но достаточный. Сказать, что сейчас я жалею об этом – не сказать ничего. С точки зрения истории, жизнь человека, как и история вообще, конкретные события и мотивация, хотя последние почти всегда скрыты для потомков, – сослагательное наклонение здесь неуместно. Левон был застрелен немногим позже при выходе с очередной встречи, при скоплении народа и его охранников, которые, как это принято, ничего не предприняли, хотя исключения бывают (охранник Коши «Бауманского», например, вовремя среагировав, рас-

стрелял уже готовящихся со стволами наперевес выходить из машины «одинцовских», выпустив две обоймы в их жигули, заставив тем самым неудачливых стрелков очистить от своего присутствия не только автомобиль, но и улицу, оставив стволы, машину, и испорченный воздух, забыв о целях и задачах).

Время подошло, но ещё никого не было, эта странность выгнала нас на улицу, где, оказывается, более сорока человек молодой и крепкой толпой осиным роем окружили 8-10 жавшихся друг к другу «героев». Всё устраивалось само собой, и Левон, бывший главной фигурой нападок, хотя и безопасных, но назойливых, ощутил в полную меру сложившуюся в коллективе атмосферу. Мы появились как нельзя вовремя, и спасённый наконец армянин переводил дух в мягких креслах фойе под неусыпными взглядами разгорячённой и правой толпы.

Я полностью поддерживал ее требования, к тому же они не касались финансов. Но убирать племянника и половину таких же его приятелей шеф не собирался, будучи уверен, что мне жалко будет покидать налаженное, обжитое и, вообще-то, сладкое место! Он был прав, это действительно не доставило удовольствия. Договорившись о сутках для размышления, он удалился в окружении своих приближённых, в принципе, кроме болтовни и побегушек ничего не делающих, но имеющих определённый вес в принятии решений, в чём я убедился уже завтра. Смены что-то увлечённо обсуждали, и мы с Виталием подошли объяснить и успокоить, но то, что я услышал, несколько шокировало: мне предлагалось стать главшпаном этой уже организованной структуры и вести их на вольные хлеба. Предложений по этим самым хлебам была масса. Разумеется, я всё выслушал и попросил 24 часа на размышления, имея в виду время после завтрашней встречи с Левоном. В душе я знал, что мой ответ будет отрицательным. Я не был к этому готов. Если вынужденное применение лёгкого криминала я еще мог оправдать, как и незаконное владение

огнестрелом и даже некоторое его, почти безопасное, применение, то не был готов вступать в открытое противоречие с законом, хотя и с явной выгодой и без особой траты сил – ведь некоторые родственники моих ребят, имеющие бизнес, и ряд структур, относящихся к ЦДТ, и уже налаженные отношения с близлежащими палатками, заправкой и так далее – все просили помощи, которую и получали от нас, предлагали деньги или товары. Мы брали скидками, потому что я пока не представлял других отношений и не понимал их мотивации делиться. Сейчас же всё стало очевидно, и даже приблизительные подсчёты показали, что возможный доход на каждого, по сравнению с имеющимся, возрастал как минимум вдвое, и это пока ничего не предпринимая. Конечно, в расчёт не входил сам Дом туриста.

Ни я, ни мой друг этого не хотели и не могли принять. Всего лишь полтора года отделяли сегодняшнего непонятливого человека от того, поставленного в условия выбора государством в 1991 году, тогда я бы в это не поверил, но уже в 93-м я принял решение и предпочёл чужую жизнь безопасности и спокойствию своей семьи.

Диалог следующего утра был жарким, собравшиеся производили впечатление людей, разговаривающих на разных языках. Все понимали окончательное решение друг друга, но Левон вдруг выдвинул условие, надеясь задержать меня, совершенно чётко осознавая, что теряет огромный куш – ведь со мной уходили все остальные. Так и произошло. Он предложил в недельный срок возместить сумму, потраченную на выкуп меня, и вернуть пистолет, причём тот же! Через год от меня потребуют то же самое, но я уже не смогу отделаться так же убедительно, как сейчас, по одной простой причине: сейчас это было спонтанное требование, а позже – специально и профессионально подготовленное.

Мой, теперь уже бывший начальник, если можно так сказать, резюмировал тем, что вообще ничего особенного в выходе Артёма со стрельбой во дворе гостиницы

не видит, и во всём виноват я сам, так как растерялся. Что ж, примеры всегда действенны и показательны, а ситуация критическая, сулившая столкновением прямо сейчас. «Правая рука» – приближённый кавказца Александр – стоял несколько расслабленный, уверенный в неотразимости предъявленного мне обвинения, остальные медленно надвигались с угрожающим видом. Виталик и ещё один парень, на машине которого мы приехали, стояли внизу, под окнами, открытыми настежь – жара, лето, но занавески задёрнуты. Третий этаж, вариантов масса, но у меня всегда получалось выбирать не только самый неординарный, но и действенный. Наглые улыбки и уверенность резко преобразились в бледный стопор, когда пистолет Александра, торчавший из-за пояса, оказался у меня в руке. По непониманию или неосторожности он не только дослал патрон в патронник, но и не поставил на предохранитель. Курок, естественно, остался в крайнем отведенном назад положении, что человеку опытному говорило об экстремальной готовности хозяина оружия, а заодно о его неопытности. Поэтому я был, в отличие от них, готов ко всему. Слава внимательности и наблюдательности: «предупреждён, значит вооружен» – в данном случае в прямом смысле. Пока ошарашенные ждали команды, время было упущено. Я же, не задумываясь, сделал несколько выстрелов в нечто небольшое, висящее на стене за их спинами, что произвело впечатление, половина попадала на пол, остальные... Впрочем, я не особо смотрел. Произнеся что-то типа: «Я кончил» или «Я всё сказал», – поставил пистолет на предохранитель и исчез за дверью, сразу натолкнувшись на Виталика, пытавшегося прорваться сквозь металлическую дверь мне на помощь. Увидев меня, поинтересовался: «Убил, что ли?» – воистину, этот день нёс массу удивительного. Наш третий, несмотря на звуки выстрелов, спокойно спал, что, однако, не повлияло на скорость нашего отъезда. Покидая это место, я заметил неколеблющиеся шторы в окне и почему-то воз-

никшую тишину. Наивно и с улыбкой подумал, что они осознали свою неправоту, хотя последствий всё равно не было, а вновь помогший мне очередной ПМ так и не вернулся к своему хозяину.

За три дня я забрал и раздал причитающиеся нам деньги и, за счёт заведения, устроил общий банкет в ресторане на втором этаже – незабываемое по теплоте и пожеланиям мероприятие, пронизанное благодарностью и, одновременно, сожалением из-за всё-таки расставания. По выходу из отеля я встретил одного из старших «солнцевских», Семёна, и между делом бросил о бесхозности гостиницы, на что он поинтересовался: «А ты?» – у него даже не было мысли, что, имея такую команду и все предпосылки, можно не крышевать. Хотя и у них не всё сразу получилось, а может, и вовсе не у них.

Всё это означало следующее – поиск нового места, что и привело меня, через разные перипетии, в мир, который стал моим на 10 лет!

С этой страницы я буду, упоминая человека, ушедшего в мир иной, указывать, по возможности, дату его смерти. Если это будет не насильственная смерть, тоже отмечу, но, кажется, таких будет мало. Кто бы и какими бы они ни были, да простит Господь души их грешные! Аминь.

* * *

Итак, ваш покорный слуга (жив пока ещё чудесным образом!), в очередной раз оказался перед очередным белым листом в книге своей жизни. ЦДТ, Левон и все приятные молодые люди оказались позади, всё нужно было начинать заново. Я не кинулся грабить, воровать, и, как ни странно сегодня звучит, не нанялся убийцей, но подробно искал и рассматривал любую возможность работы по знакомым и знакомым знакомых.

Две палатки, где я устроился, как сейчас принято говорить, менеджером по поставкам, не принесли дохода

ни мне, ни хозяину. Напротив, попытавшись отбить их от рэкета, одну из них мы потеряли сгоревшей, хотя и выиграли за день до этого в физическом столкновении. Пока возместить мне было нечем, пришлось покинуть место с долгом, который отдал позже.

В спортивный зал «Бомбоубежище» меня пускали в долг, по старому знакомству. От нового места проживания на 5-й Кожуховской улице это было не близко, но надежда найти там что-нибудь подходящее подкреплялась интуицией, которая оказалась верной – Григорий Гусятинский (погиб 30 января 1995 года от моей руки), с которым я был уже знаком, занимался силовым троеборьем и зал посещал постоянно, тем более что вместе с афганцами вложил в него не копеечно. Увидев меня без формы и уже прослышав о моих поисках, предложил заняться организацией ЧОПа, а пока быть в одной из его команд, называемых в шутку «африканцами». Это были два молодых человека: Дмитрий (инструктор по прыжкам с парашютом, погиб около 2000 года, спасая подопечного во время очередного учебного прыжка) и Юра Лукьянчиков (убит в 1994 году по указанию Григория, по официальной версии – за неподчинение, фактически – за отказ подносить чемоданы его супруги, сопровождая это соответствующими некорректными, как ей показалось, в ее адрес словами). Разумеется, я согласился.

Внешне ничего не вызывало подозрений и было очень похоже на работу в ЦДТ, с разницей в том, что деятельность и оружие тут должны были быть оформлены юридически, однако это оказалось лишь обещанием, а скорее – просто неудачной шуткой с целью завлечь подобных мне доверчивых балбесов. Особенно в курс дела нас никто не вводил, а мы и не интересовались. Ежедневные сборы, массовки, где я был пока рядовым участником, всё вдалеке от происходящего, ЧОП оформлялся сам, моё участие требовалось лишь в мелочах, якобы до тех пор, пока он не вступит в рабочую фазу. Зарплата была маленькая, бесполезной суеты много,

впрочем, для того времени, как у всех. Время мошенников разных мастей. Механизм кредитов слаб, «авизо» в разгаре, – впрочем, его погубила жадность кавказцев, эту так лелеумую еврейскими банкирами тему. Последнее умели брать понемногу, но часто, а отдав чеченцам, тем самым поставили крест на кормушке – те напали не по-детски и сразу, наивно полагая, что так получится больше. Но деньги сыграли свою роль, подтянув диаспору на невиданные высоты, что, как полагают многие, и привело к сегодняшнему положению вещей в ситуации в горных побратимах, которых Россия, её ресурсы и её налогоплательщики кормят от пуза той грудью, которая должна кормить самих россиян.

Торговля чем угодно, где угодно и кем угодно разрослась настолько, что шагу ступить было некуда, чтобы не увидеть покупателя или продавца. «Ворота» открылись и в них хлынуло частное предпринимательство, за ним такое же частное «крышевание» за долю малую. Кто более юркий и смекалистый, срачивался со спортсменами и бывшими сидельцами, образуя «профсоюзы» по интересам. Льготный бизнес на алкоголе и сигаретах от афганцев-интернационалистов до РПЦ и спорткомитета, щели, дырочки, плохо, а то и вовсе не оформленные документы на что угодно, но всё же официально разрешённое. Только ленивый не ездил на неформальных автомобилях, с неоплаченным таможенным сбором, по рукописной доверенности в лучшем случае. Ремонтировали в сервисах-гаражах дорожные иномарки, доставшиеся как-то и где-то, не имея своих квартир, все деньги тратили на бензин и отдых. Можно было ездить без прав и вообще без всего того, что идентифицировало бы личность, всё имело проходную цену. ГАИ вообще не останавливало тех, кого нужно было, в любом случае имея заработок от всех, кто мог подвернуться.

Время зарождения РУОПов и ОМОНов, то ли в противовес, то ли параллельными, на поверку дня, «брига-

дам» структурами. Милиция была слаба, не оснащена, перебивалась с зарплаты на подачки и взятки, что часто заставляло принимать любые условия оплаты и от коммерсантов и от преступных сообществ. Смысла обращаться туда не было никакого и даже опасно, имея возможность «загрузиться» на полную катушку или просто потратиться безрезультатно.

Но силовикам тоже нужно было с чего-то начинать, страна входила в полосу безконтролия и беспредела, с треском, в очередной попытке выползти из коллапса.

Амплуа бандита (хотя я не особенно серьёзно воспринимаю этот бред, считая его больше подходящим для местных разбойников, к тому же и в криминальном мире такой масти нет) или, скорее, «жигана» действовало пьяняще, в большинстве случаев – на людей, ничего из себя не представляющих, они же и позволяли себе глумиться над окружающими, правда, иногда получая отпор. Таких я не любил и не люблю, ибо такое поведение имеет единственную цель – поднятие собственного авторитета в своих и чужих глазах, что часто сегодня приходится видеть в зонах. И странно, что зачастую это действует, мало того, подхватывается другими.

Правда, что удивляться, когда многие восприняли в качестве жаргона не «арго», который был принят у французских каторжников, и не язык криминального мира Российской империи, а именно позднюю переходящую модель одесского полуидиша, со словами еврейского происхождения, выдававшего тех, кто усердно внедрял это в свое время в первой трети двадцатого века. Очень умный шаг при создании новой субкультуры, отголоски которой и сегодня существуют в местах заключения. Хотите убедиться – прочитайте «Парижские тайны» Эжена Сю или «Петербургские трущобы» Крестовского и «Одесские рассказы» Бабеля. А от настоящих отцов сегодняшнего криминального мира в серьёзном разговоре вы не услышите ни слова из современного жаргона и ни слова крепкого мата, лишь чистый литературный язык,

выдающий не только интеллект, странным образом развивающийся за многие годы отсидки, но и огромный багаж прочитанной литературы, отгаданных кроссвордов и головоломок, причём в основном в жизни.

За всё время нахождения в массе таких людей, окружавших меня, я старательно, всеми фибрами души, сопротивлялся проникновению в моё сознание этой филологической заразы, и, как кажется, удачно. Сейчас эта субкультура, как и культура в принципе, на свободе или в лагере, окрашивается лексикой наркоманов и дискотечных торчков. Если кто-то думает, что наркомания – не диагноз, он глубоко заблуждается. Наши ряды в начале 90-х тоже захлестнула эта гадость, хотя наблюдал я такое явление издавна. И приводило оно к могиле – или по определению, или по приговору, в виду неблагонадёжности. Это болезнь, и болезнь ужасная. Очень непродолжительное время зелье употребляется по причине удовольствия, позже – уже как лекарство, и для любого наркомана самый несчастный день его жизни – день, когда он его попробовал. С другой стороны, наркоман – это безотказная машина для исполнения любой задачи, которую совсем не жалко, которую дёшево содержать и не нужно уговаривать. Единственное непреложное условие – не допускать до ареста. Именно поэтому, не считая оборотов огромных денежных средств, наркодельцы если не сейчас, то в ближайшем будущем – очень могущественные люди, так как могут заполучить власть над душами и телами.

НАРКОМАНЫ

Паша Зеленин у «курганских» (убит в «Матросской тишине» передозом, 1998 год), Лёша «Кондрат»; Юра «Мясной» (убит своими на последней стадии наркомании по приказу О. Пылёва, январь 1997 года «передоз?»), Вова «Булочник»; Рома «Москва» (крестник О. Пылёва, убит на последней стадии наркомании по приказу своего крёстного). Андрюша Марушкин (убит из-за неблагонадёжности, 1997 год «передоз»); Дима «Белый» (убит из-за неблагонадёжности); Юра «Усатый» (убит в бане 14.02.1995 в борьбе за наследство Гусятинского); Лёха «Банщик» (убит в бане 14.02.1995 в борьбе за наследство Гусятинского); Женёк «Лианозовский» (убит у себя в квартире за наследство Гусятинского, находясь под воздействием наркотиков); Артур, 1998 год (передоз) – медведковские, лианозовские чистильщики, на душах которых десятки человеческих жизней. Много ли они задумывались? Нет! Все мысли сосредоточены на следующей дозе. В своё время подходит грань, когда кажется нормальным за грубое слово сразу бить постороннего человека, а то и соседа или родственника. Скажите «бытовуха»? Нет, там они равны, а здесь наказывает суперчеловек, власть имеющий, и вместо мечущихся в перебранке молний – пистолет. И после нет ни похмеля, ни угрызений совести, а только какие-то подозрения о неправильности сделанного, и то вряд ли. Что-то появляется лишь когда начинается преследование по пятам милицией. Из всех перечисленных выше только Алексей Кондратьев после что-то осознал, но у него ещё длинный и тяжёлый путь долгого похмеля, такого же долгого, как и срок. Я не осуждаю и не обвиняю, да и права не имею, ибо сам не лучше – это то время и те обстоятельства. И тем страшнее, чем больше это поощ-

ряется и чем лучше оплачивается. И нет разницы между теми, кто делает, и теми, кто заказывает.

Я чувствовал на себе влияние этой власти (над человеческой жизнью), появляющейся в первые секунды перебарывания себя перед выстрелом и после него: в момент уничтожения цели тебя охватывает восторг, звериный и неуправляемый. Но когда через минуту приходит осознание содеянного, всё это «северное сияние» эмоций резко переходит в такое уныние и опустошение, что нет сил хотя бы вспомнить о чём-то, приносящем положительные всплески. Это те моменты, когда я более всего ненавидел себя. В силу оптимистического склада характера через некоторое время всегда получалось войти в обычное русло, но свинцовая оскомина оставалась тяжестью на сердце ещё долго.

Надеюсь, вы понимаете, что об эмоциональном подъёме я говорю не в связи с причинением смерти другому человеку, а от того, что смог пересилить тот страх, думаю, он и есть Божий! А восторг – взывавшая гордыня, отзывающаяся болезненной раной на совести и её слабым голосе.

Что сделал, то сделал, разобравшись в причинах, может это и можно понять, но непросто! Пишу это без настроения и не рассчитываю, что кто-то станет в душе оправдывать или осуждать. Просто знайте, что проходил каждый из нас, почти каждый, и редкие избежали этого. Каждый должен был замазаться кровью, дабы не было пути назад! И как глупо... Ведь многие делали это «на слабо», а сделав, оставались теми же, кем были до того, ничего не менялось. Кроме того, что где раньше был свет, вползла тьма!

Кто виноват, кого винить: общество, власть, милицию, главарей, воспитание, семейное положение, время, недостаток продуктов, незанятость – кого бы мы, каждый из нас, ни винили и на кого бы ни сваливали, это лишь ещё один шаг от истины. И если искать, то прежде в себе, но не все на это способны. Мы себе-то врем, оп-

равдывая каждый шаг, и когда вдруг видим настоящее своё отражение без ежедневных личин и масок – ужасаемся! И это нормальные люди, не прошедшие через горнило труб, пахнущих разлагающимися трупами своих товарищей и погибшей совестью. Знаю, есть и хуже и сложнее, но сейчас и здесь – об этом. Выбирайте любой срез и рассматривайте – разглядите, что подобные мне и моим «соратникам» мало отличаются от всех остальных. Вы не найдёте яркого ущерба в воспитании, обучении, поведении, общении, мировоззрении, характерах, манере поведения (исключая, профессионально выработанное на протяжении четырнадцати лет «бегов», психики – она архинормальна, архистабильна, хотя и вся расшатана, но, за счёт привычки, дорогого стоит). Рассмотрев всё по отдельности, вы не найдёте ничего, собрав же вместе, будете желать иметь именно такого друга, подчинённого, мужа, брата, кто знает, а возможно, и отца. И никоим образом содеянное мною не будет сочетаться с находящимся перед вами человеком – хоть поставь, хоть положи.

Возможно, прежде всего, потому что во мне нет злобы, ненависти, и я не покривлю душой, если скажу, что все мои принципы генетически совпадают с основными положениями общепринятых кодексов чести.

В принципе, это не особо важно, и пусть этим занимается психология, правда, и здесь порой доходит до смешного. Кто-то из представителей этой части учёного мира определил в своё время, что стиркой я занимался после очередного преступления, в связи с попыткой подсознания отмыться от содеянного. Позволю себе усомниться, тем более что причина банальна: до этого не было ни возможности, ни времени сдать бельё в прачечную либо постирать самому, гораздо проще было купить лишние комплекты или, при появившейся возможности, заняться делом, что и происходило. Жил я долго один, гостей у меня не было, женских рук и их присут-

твия мои берлоги не видели. Возможно, так живут многие люди, но причины на то разные.

Моё существование в сообществе себе подобных отличалось от общепринятых мнений и представлений о них. Никакого братства, никаких загулов, пьянок с братками, исключая первый год вхождения в бригаду. Я любил тишину, одиночество, изредка скрашивая их коллективом друзей детства, а чаще футбольными встречами и, после них, часовыми посиделками с кружкой пива и весёлой, пустословной болтовнёй на отвлечённые темы. Открытые, благодушные люди, двери домов которых всегда были открыты для меня, дружба с семьями, всегда доставлявшими особое наслаждение своей чистотой отношений и непредвзятостью, были отрадными островками среди моря опасностей, лжи и злобы. Хотя и у нас в профсоюзе были люди, отношения с которыми приносили положительные моменты, но это было редко и, скорее, мельком, а после 1993 года закончились и они.

* * *

Итак, подошёл момент, когда дело с ЧОПом «подвисло», и наше взвешенное положение, положение сбившейся пятёрки, приняло оформившиеся очертания, и нам доверили первые серьёзные шаги – пару фирм, особо из себя ничего не представляющих, но имеющих перспективу. Через полгода их стало четыре. Офисы их представляли снятые в институтах или гостиницах несколько комнат с минимальным персоналом, искавшим, где выгоднее купить и куда подороже продать, деньги, почти всегда кредитные, а контракты неуверенные. Всегда появлялись мысли и подозрения, что новая сделка – «кидалово», оформление документальное – на уровне «на коленях придуманного договора», нотариусы – покупные, печати – валом, а платёжки – просто бумажки, ничего особо не гарантирующие. Параллельно

процветали и коммерция, и мошенничество, как мне кажется, не особо друг от друга отличавшиеся. В этой ситуации «купи-продайщики» очень желали заручиться гарантией честного слова и просто защитой, и если вдруг находился кто-то без силовой поддержки, то есть без «крыши», то сразу определялся «сладким». Для начала таких кидали, а затем под любым маринадом предлагали помощь. Если помощь опять была не нужна, то договаривались со «смежниками» – другой дружественной бригадой – о создании проблем разного рода либо настоячивого предложения с большей платой за безопасность, чем предлагали мы, а также шантажа, грабежа, избиения, подсылкой «своих» милиционеров, пожарных, санэпидемиологов, а иногда и возбуждения уголовных дел, но это уже высший пилотаж. В общем, круг сужался, и те первые, предложившие свои услуги, уже казались очень хорошим выходом, но теперь уже с другими, новыми условиями сотрудничества – ведь после создания всех проблем у нас появлялись пусть разовые, но обязательства перед другими братками, да и «появившиеся» проблемы «решать» надо. Но зато дальше, конечно, при условии разумности и надёжности «крышующих», жизнь становилась проще и даже спокойнее, правда, как правило, до поры до времени.

Впоследствии пытались создать и создавали целые экономические конгломераты, куда входили все звенья цепи, а главное – позволяющие вращать финансовые средства внутри «содружества» «своих» бизнесменов, просто платя проценты и комиссионные друг другу, оставаясь в общем выигрыше. Они представляли собой целые организмы из банков, нотариальных, адвокатских, юридических, аудиторских контор и фирмочек разного направления, магазинов, рынков, со «своими» полезными силовиками, чиновниками, депутатами, со своими карго-перевозками, ЧОПами, врачами, местами в больницах, санаториях, банями и даже, пардон, на кладбищах, где каждый мог выбрать себе наиболее

понравившееся место. Нельзя забывать о турагентствах, которые занимались не только организацией отдыха и деловыми поездками, но и документами, иногда вызывающими некоторые вопросы, что подчас было неплохим подспорьем для людей, подобных мне, из-за своей нелегальной жизни забывших своё настоящее имя. Также занимались подбором и покупкой недвижимости, я уже не говорю об организации прохода без досмотра и прохождения паспортного режима на границе, через VIP-залы и другими путями. Свои сервисы, кафешки, кто круче – рестораны и ночные клубы, тренажёрные залы, которые тоже занимали не последнее место не только в ежедневных планах, но и в безопасности, так как оборудовались не только удобно, но и с учётом избегания всяких неожиданностей. У нас, скажем, недалеко от Савёловской улицы был ресторанчик с восточной кухней и с потайной комнатой в зале, где можно было ставить (и ставили) пулемёт с возможностью сектора обстрела всего зала, с прицеливанием через большой аквариум. И это было не исключением. Деньги, как кредиты из своих банков, проценты от которых оставались в нашем же банке, как и плата за перевозку, погрузку-выгрузку; за охрану ЧОПами, юридическое обслуживание сделок и судебных издержек адвокатов, – всё это суммы немалые, и экономятся, так как не уходят на сторону, а остаются внутри, с чего «профсоюз» опять-таки получает свою долю.

Иногда получались неожиданности, которые, казалось бы, предугадывали и предотвращали, но...

Как-то по готовящейся сделке мы встречались с поставщиками, кажется, сливочного масла. Цена и всё сопутствующее не вызывало подозрений, нужно только было встретиться с крышей, оказавшейся «бауманскими». Друг о друге слышали, «старшенькие» навели необходимые справки, но встретиться поленились – и так всё ясно. В этом и была ошибка. Собрали, на всякий случай, постановочные данные, номера машин, выпис-

ки из паспортов некоторых работников, познакомились, вплоть до постели, с секретаршей и так далее. Но какое было удивление, когда злополучное масло не только задержалось, но и вовсе, «расплавившись», протекло между пальцев в неизвестном направлении. Кинулись к «бауманским» – оказалось, что контора такая есть, успешно работает с тем же маслом, и даже некоторые имена и фамилии сотрудников совпадают (специально или нет – до сих пор остаётся тайной). Офис-квартира были уже пусты, от секретарши остались только приятные воспоминания, паспорта и другие документы – липа. В общем, первый класс, было чему поучиться, но денег и товара от этого больше не становилось, а спрашивать не с кого, но всё же придётся.

К коммерсанту не только никогда не было претензий, но он пользовался большим уважением, имея учёную степень, изданные труды и был весьма полезным человеком. Но! Не долго думая, Олег, один из двух братьев Пылёвых, направленный Гришей для расстановки точек в цифрах пропавших финансов, сделал простой выбор и назначил виноватого. Раз сделка неудачная, значит нужно спросить с того, кто её готовил, – расслабившегося учёного!

Я был несколько поражён, но всё же принял это решение и не стал перечить, радуясь, что не стал крайним, ведь если бы захотели спросить с меня, то всё было бы жёстче. Но и того, что произошло, я не ожидал.

Радушно встретивший нас хозяин офиса в институте на Тушинской с фамилией Балагула, как потом оказалось, имевшая вполне исторические корни – перевозчик на тележке тяжёлых грузов, вожатыми которых были очень мощные дяди. Беседа продолжалась в разных тонах до тех пор, пока не прозвучала заранее обговоренная фраза из уст Олега, которая дала сигнал к началу физического воздействия, что привело профессора в состояние скрученного бараньего рога. Услышанные в таком состоянии требования были им исполнены в срок.

Что-то продав, возможно, квартиру, что-то поскребя по сусекам или родственникам. Но на удивление быстро восстановился, даром что учёный, занявшись белорусскими холодильниками.

До сих пор стоит перед глазами картина, где половина дюжины крепких молодых парней, из всех сил выполняет распоряжение человека в два раза моложе провинившегося профессора, избивая того, лежащего и стонущего на полу, и вряд ли даже различая интонацию презрения, исходящую от не имеющего среднего образования и уважения к тем, кто его кормит. Картина на удивление мерзка, но показательна для всех. Надо сказать, что все эти издевательства он (Балагула) выдержал с достоинством завидным, которое было далеко не присуще тем же бойцам в подобных же ситуациях! Каждый, представляя себя на месте коммерсанта, понимал, что за гораздо меньшее может оказаться в еще худшем положении, но был уверен, что бородатому пожилому мужчине достаётся не зря, и по-другому быть не может.

Пару дней юноши вспоминали «баталию», перечисляя свои «заслуги», но мне казалось и кажется до сих пор, что так не должно быть. Но как именно должно, я не знал. Время было жестокое, а точнее, его вообще не было как субстанции — мы ничего не успевали, многого не понимали, да и не стремились, а возможно — боялись по-настоящему в чём-то разбираться.

Балагула был интеллигентный, образованный человек, которого, иногда витиевато, заносило в софистику, где молодые люди начинали теряться в вопросах этики и мотивации, за что, с одной стороны его уважали, с другой — подспудно испытывали чувство неприязни из-за непонимания своего места перед этим бывшим представителем науки. Вот за эти чрезмерные мудрствования, насколько я понимаю, он и пострадал, так как господа «плаща и кинжала» всяк ставили себя по своему «табелю о рангах» выше любого интеллектуала, тем более зарабатывающего, в том числе и для них, деньги.

Знай место и всегда помни, кто может стать крайним и оказаться стрелочником.

И ещё. Я очень хорошо запомнил глаза Олега и бизнесмена: если у первого – бегающий взгляд, то у второго, как мне показалось, ничего тяжелее ручки в своей жизни не державшего, чувствовалась твёрдость и достоинство. Высокий, худощавый, со всклоченной черной с проседью шевелюрой и такой же, но более белёсой бородой, он после всего лишь слегка отряхнулся, застегнул пиджак на единственную оставшуюся нижнюю пуговицу, вновь расстегнул, и вернулся в своё кресло. Здесь и сейчас было не до софистики, и вряд ли кто оценил, с каким достоинством держался этот совсем не молодой человек, недавно поменявший своё привычное научное поприще на другое, и уже добившийся многого на новом месте.

Надо дополнить, что подобные ситуации не могли оставлять недомолвок и в отношениях между «бригадами». Ляпсусы, подобные происшествию с маслом, в случае не доведения их до конца, могли повлиять на отношение и авторитет. Но это уже не касалось коммерсантов. И выяснение здесь некоторых позиций могло привести любые вопросы, простые и сложные и даже, кажется, яйца выеденного не стоившие, к серьёзным последствиям, например, к объявленной или, что хуже, не объявленной войне. Именно поэтому подобные избиения могли рассматриваться как всплески агрессии, исходящие из ожидания предстоящих разборок. Это понимали мы, но никогда те, кто попадал к нам под «крышу». И это было одним из основных отличий, следствием которых было мнение – «нам все должны».

Не знаю дальнейшую историю этого профессора-коммерсанта, для нас нашлись другие дела, и, разумеется, в таких ситуациях команду надзора меняют. Жизнь продолжалась, огорошивая чем-то новым и далеко не всегда приятным. Очень часто приходилось искать должников, либо не вернувших деньги, либо не выполнивших

свои обязательства, и всегда это было сопряжено с диким информационным голодом. Мобильных телефонов тогда ещё не было или они только появлялись, мобильность была невысокой, и человек, просто переехавший к родственникам, почти терялся. Я прекрасно понимал, что единственный вариант – ждать, пока клиент появится, либо, что было выше по шкале вероятности в разы, прослушивать домашний телефон. Тогда этим, кроме силовиков, не занимался никто, хотя бы потому, что было некому.

Телефонную закладку мы купили самопальную на каком-то из рынков, исходящий от неё сигнал принимали на автомагнитоле, что давало весьма неплохие результаты.

Таким образом нашли личного должника Гриши и выловили его на встрече с родственником у метро Таганская. Поняв, что мы нарисовались по его душе, он опешил и отвечал автоматически, ничего не скрывая. Этим эффектом, по всей видимости, пользуются органы, организовывая неожиданный допрос после такого же неожиданного ареста. Разговор продолжался за МКАД, куда должен был подъехать Гусятинский, чего не последовало, как, впрочем, и разрешения отпустить его домой. Девать его было некуда, а ведь дальнейшее было не нашим делом и, несколько подождав, получили указания – спрятать его куда-нибудь на один день. Таким местом оказалась квартира, снимаемая мной, причём на мой настоящий паспорт, сугубо для моего проживания. Мало того, что туда привезли якобы официальное оружие для ЧОПа, пока не оборудовали оружейную комнату, туда ещё привезли и заложника. Но отказаться я не смог, поверив, что действительно на один день! Назавтра туда приехал сам Григорий со своим близким подельником, симпровизировали достаточно убедительно подготовку каких-то пыток с отрезанием пальца, и получили слёзное обещание вернуть деньги уже на следующий день, чем сохранился так дорогой хозяину кусочек кисти. То

ли глупость, то ли детская наивность, как всегда в такой ситуации, привели к такому же глупому концу. Продержав должника три дня и поверив, отпустили в ожидании чуда, хотя не было бы разницы, если б отпустили в тот же день, после первого разговора, с той лишь разницей, что не было бы столько печальных последствий. На квартире я уже не появлялся, почуяв неладное, постоянно просив освободить её и от оружия и от заложника. Вместо этого туда привезли какую-то женщину, с которой, впрочем, обращались очень почтительно, вплоть до того, что на суде она признала из шести «охранников» только троих, остальных, в виде признательности за доброе отношение, «забыла». Разумеется (и кто здесь лох?), заложник, как только его доставили домой, обещая заехать завтра за деньгами, рысью кинулся в милицию. И (о чудо!) реакция была незамедлительной. Конечно, всех находящихся в квартире накрыли ранним утром, с арсеналом и мадам, а я отправился на 14 лет в бега!

А что было делать? Денег нет, в тюрьму неохота, жена с маленьким ребенком... Ничего себе, нашёл работу! Удивительно, можно назвать меня слепым, глухим, глупым, но полностью я понял, куда попал, имея в виду организацию, только тогда, когда узнал, что арестованным предъявили 77 статью Уголовного Кодекса – это был один из первых процессов над «преступной группировкой». Только узнал я об этом не раньше, чем через полгода. То был шок, повергший меня в ужас. Маленькими шажками я запускал криминал в жизнь своей семьи. Незаметно я стал обычным преступником... Нет, не обычным, на тот день – самым неудачливым. Всё, что я смог придумать, это, как говорят японцы, «ждать время». Вся моя вина по тому уголовному делу – снятая на мой паспорт квартира. До окончания суда, по уверениям адвокатов нашей замечательной конторы «Согласие», я должен не высовываться, тогда всё сойдёт на нет. Но что-то не получалось: домой появляться нельзя, жить

негде, есть нечего, и мы вдвоём с Димкой «Ушастым», как сайгаки без родной степи, путались в дебрях и болотах.

Но потихонечку ситуация расслаблялась, мы привыкали, денежный вопрос решался, правда, пахали мы, как пчёлки, внедряя новое и улучшая старое в работе по поиску и нахождению, отыскивая все более удобные, приятные и комфортные места для ночлегов. Нередко это была баня в Крылатском, на Гребном канале. Мы обзавелись, не без помощи главшпанов, «Москвичом-2141» белого цвета, новым, – свою «шестёрку» цвета корки апельсина продали и, в общем, видели неплохие перспективы. Явный криминал удавалось обходить, работа с фирмами была спокойной, без эксцессов, а поиск должников приносил неплохой процент. Мы их только находили, остальное – не наша забота.

Банный комплекс на Гребном канале – отдельная тема, здесь я познакомился с будущим Лёшей-«Банщиком», но сейчас пока ещё работающим барменом и увлекающимся культуризмом, и с той самой Миленой. С этим местом связан и тот промежуток нередко пьянящего, в прямом и переносном смысле, и бесшабашного времени. Именно сюда я вернулся после первого своего покушения.

Если были свободные деньги, а главное – время, то иногда, ближе к вечеру, мы звонили по известному номеру, а набиралось нас человек 5–6, представлялись... по разному представлялись, скажем фирмой «Тенёк» или ассоциацией «21 век», подъезжала машина или две, из одной выходили два дюжих крепыша, один из которых, сутенёр, получал по заслугам, а второй (под страхом насилия, конечно) приводил барышень и уезжал с клятвенным обещанием безопасности последних. Собственно, никто не собирался и даже не имел мыслей обижать этих флиртующих созданий. На второй раз, увидев нас, они с весёлым криком: «Ура, опять коммерсанты!» – повывлетали из машин с несказанной радос-

тью объявленному субботнику. Бесплатная работа была лишь для сутенеров, своё же заработанное дамы увозили сполна.

Милена попала сюда случайно. Работая только за валюту в каком-то фешенебельном отеле, она заскочила к бывшим подругам и приехала с ними проверить заключенное пари о том, что пригласившие их мужчины будут те же самые «благородные бандиты» – слухи и любопытство, знаете ли. Такая интрижка заставила занять её одно из мест в машине, отправляющихся к нам в гости. Обычно я сачковал – продажная любовь это не моё, даже физиологически её не воспринимаю, но, увидев Милену, понял: на сегодня я занят. Как ни неудобно было перед супругой и совсем маленьким сыном, а соблудости себя в таком диком воздержании не смог. Тогда я злоупотребил, и не только вином и парилкой – редкостная женщина, и редкая по общению ночь. Солярий мне понравился сегодня совсем с другой стороны – необычностью своего применения... Мы встречались после этого неоднократно, и не обязательно для ее привычного занятия, причем деньги она взяла лишь в первый раз, а потом увиделись лишь через пару лет, став совсем другими людьми и в других обстоятельствах, но об этом позже.

* * *

События, плавно перетекающие одно в другое, а то и происходящие одновременно, перемалывали каждый день не только наших жизней, но и тех, с кем мы встречались, работали, «крышевали», а кому-то возвращали или забирали, в зависимости от подхода старших. Периодически были события в виде грандиозных пьянок, попок и отдыха на разных территориях, с разными «командами» и «бригадами», дружественными нам. Пару раз подобные путёвки выпадали и мне. Однажды я с «главшпанами» оказался в Загорске, в центральном рес-

торане города, находящегося в гостинице с одноименным названием. Заняв уже заказанные и кем-то оплаченные номера, спустились в ресторан, где гремел блатнячок и во всю оттягивалась «братва». День рождения «Дроздов», с которыми я не был знаком, однако было приятно, что, так сказать, «элита» постепенно втягивала в свой круг. Жён было мало, да и все они ретировались через короткое время, удачно заменённые путанами, некоторые привезли с собой московских, кто-то обнаружил праздно шатающихся и ещё не совсем определившихся в профессии, но желающих халявки в надежде избежать продолжения, что мало вероятно. Мелькали редкие костюмы, иногда вкраплениями – малиновые, красные и розовые фетровые пиджаки, но больше тренировочные костюмы или свитера, заправленные в джинсы, а то и в строгого покроя брюки – дань тогдашней «моды». Разгоряченные, чем было (а было, как всегда, более чем), запускали по кругу дурманящие «косяки», никогда не возвращающиеся... Но всегда приходили другие. Были и иные, более интеллигентные: кокаин или тяжёлая, всякого рода, «по вене» пускаемая отравы. Последняя – редкость, но уже плотно входящая в обиход.

Напившиеся и по-братски обнимающиеся, признающиеся друг другу в верности и бахвалящиеся, почти все молодые, крепкие парни, подавляющее большинство спортсменюги – перспективный, здоровый генофонд России, но увлеченный не учёбой, работой или развитием интеллекта, а лёгкой, хоть и опасной, овеянной увлекательной романтикой наживой! Чем больше человек находится в подобных компаниях, не подымаясь по иерархии, а вращаясь в рядовых, не выше среднего, тем ярче заметна всё меньшая и меньшая тяга к познаниям и совершенствованию. Сходки, стрелки, боевики, фантастика, порно, кабаки, секс и трёп, трёп и трёп, что ведёт к полной деградации. Если вы видите сейчас сорокалетнего быка-балбеса, то, при всей неприязни, пожалейте его – он не был таким, и если завтра вы забуде-

те неприятную встречу, даже оставившую синяк во всё ваше драгоценное лицо, помните: ушиб пройдет, боль и обида утихнут, а вот «бык» никогда не поднимется выше убойного мяса.

Кстати, по поводу трёпа, если пока ещё не изжила себя точка зрения о сплетницах-женщинах, то это лишь из-за брутально-молчаливого, часто обманчивого внешнего вида мужчин. Унисекс делает своё уравнивающее действие между полами, и скоро вы убедитесь, кто настоящие чемпионы по «обсасыванию косточек» и копанью в грязном тряпье. Но! Среди нас есть исключения, про роль которых в правилах я здесь умолчу.

Танцы танцевались, водка не заканчивалась, официанты сбили уже вторые подковы, а нечётные по количеству составы гостей праздника уплывали в номера, возвращаясь несколько растрепанными, чему очень радовались следующие. Но внешне всё было прилично – обычный банкет с не вполне принятой музыкой, хотя кто тогда не любил «Семена», «Вологодский конвой» или «Бутырку» и так далее. В принципе, глядя снаружи через стекло в фойе ресторана, стоящему на морозе могло показаться, что это празднование окончания соревнований Российского масштаба по силовым видам спорта и единоборствам, визуально вид портили только худые «блатные» с синими наколками, но их можно было принять за тренеров, в крайнем случае, за администраторов. Посторонние почти не заходили – кому охота стать грушей для разошедшегося братка или полечь в неравной схватке при попытке защитить свою возлюбленную, к тому же, по опыту знаю, девушке больше льстило оставаться с победителем, но... молчу про исключения.

Вдруг свет полностью погас, но через минуту ярко зажегся главными люстрами, ослепив растерявшуюся толпу. Зал ресторана заполнился людьми, непривычными по внешнему виду и форме с надписью «ОМОН» (только образованный и выехавший на операцию почему-то без предупреждения) – это было одно из пер-

вых мероприятий «замечательных ребят». Не знаю, где они зарядились такой злобой и ненавистью ко всем присутствующим, но сначала приказали всем лечь, дав пару очередей в потолок, а потом били долго, уверенно и до поноса (пардон, конечно). Когда силы мои были уже на исходе, меня повесили на спинку сиденья автобуса, уперев её спереди в кости таза, двое держали за руки и ноги, а двое лупили по спине, ногам и когда-то мягкому месту и сгибателям бедра резиновыми дубинками-демократизаторами. Боль я перестал чувствовать, но оцепенение прошло, когда рядом увидел в подобном положении то ли юную девушку, то ли женщину в годах, ибо лицо её было от подтёков и синяков лилово-бордово-распухшее, она уже не кричала, не рыдала, но жизнь проявляла тремя струйками – двумя слёзными и одной густо-красной, длинно-пружинистой из прокушенной насквозь губы...

Очнулся я в какой-то камере. Незнакомые парни, в состоянии чуть лучше моего, держали меня почти на руках над собой, так как можно было только стоять из-за отсутствия места, чего я, по понятным причинам, просто не мог. Болело всё, брюки были разорваны, распухшие ноги с малиново-тёмно-серыми подтёками выбухали не только сзади, но и там, где было им удобно. Карманы выворочены, остатки плаща одеты наизнанку, рукава пиджака отсутствовали. Хотелось пить, но воды не было, а губы спеклись от крови, и не факт, что моей. Не знаю, сколько мы пробыли в таком положении. Мне захотелось узнать, кто та особа, которую били рядом со мной, и что с ней стало, да и причина её страданий интересовала тоже. Вдруг назвали мою фамилию, которой пользоваться мне оставалось от силы пару месяцев (это было незадолго до происшествия с заложником на квартире, снятой по моему паспорту). Но сейчас я этих подробностей не знал.

Причина таких действий со стороны местной милиции мне не была известна, в том числе и потому, что у

большинства гостей и хозяев банкета было больше понтов, чем «дел» и «заслуг». Коридор был забит родственниками, охавшими, ахавшими, кричавшими, грозящими, плачущими и мало понимающими происходящее. Милиционеры сами напугались содеянного и произошедшего, так как многие выходящие писали жалобы, снимали побои, явно оказавшись случайно попавшими под раздачу, и иногда даже оказавшись родственниками каких-нибудь начальников, а то и самих ментов. Исключение составляли только бывшие уголовники и уже точно выбравшие подобный путь в жизни. Их было большинство, и ко всему произошедшему они выражали свою неприязнь или полное безразличие, так же, как и к людям в камуфляже и масках, то и дело сновавшим взад-вперед (кстати, всё время удивляюсь причинам, по которым одевают эти маски, ведь они тоже выбрали свой путь, говорю так, сравнивая их с работниками администрации лагерей и тюрем – там масок никто не носит, хотя возможность мести не меньшая).

Этот день воистину был днём удивлений. Меня ввели или наполовину втащили, полупоставили с упором к стене и оставили один на один с двумя офицерами, один из которых держал моё удостоверение личности офицера, другой – орденскую книжку, лица были растерянные и глупые. Я понимал, что рассказать мне решительно нечего при всём желании, которого у меня, по многим причинам, и не было и вряд ли могло появиться. Мы смотрели друг на друга пятью глазами (один мой заплыл). Разрядить обстановку пытались предложенным мне горячим чаем с бутербродами, что могло стать очередной пыткой для моих распухших губ. Они долго извинялись за «причинённое мне неудобство», льстили и в результате пришли к главному – надежде, что я их, офицеров, как офицер, тоже пойму, на что я буркнул «вряд ли», но дал честное слово, что забуду обо всём, как только выйду из их «доблестного» учреждения с теми, с кем приехал в их замечательный город. Оказывается, их отпуск

тили ещё раньше. Сказанное мною внесло радость, но сразу и озабоченность, вместе с упоминанием о старом дедовском портмоне и деньгах, сошлись на оплате гостиничного номера на три дня, бинтах и лекарствах.

На выходе никого из знакомых не было, но местные хулиганы, совсем молодые ребята по 16-18 лет, подхватив, доставили меня не только до номера в гостинице, но нашли всё необходимое, привели моих ребят, не попавших в отделение, и даже оставили небольшую сумму.

«Африканцы» долго стояли, не веря своим глазам и моему внешнему виду. Потом, хотя могли этого не делать, стоя по рангу выше меня, возможно, поняв мою пока мне самому непонятную «ценность», но, думаю, показанную или объяснённую Гришей, ушли: один за пищей в ресторан, другой... привёл миловидную, высокую и очень приятную молодую даму, с улыбкой произнеся: «Ну это, как её, сестрёнка милосердия, разберётесь». Всё было оплачено и устроено, три дня меня только что не облизывали, я пришёл в себя, опухоли спадали и наполовину почернели и покрылись решеткой из йода. Инуля не отходила ни на минуту, и я проникся к ней уважением и симпатией, даже несмотря на то, что это было не безвозмездно, но сострадание, ласку и переживания за другого человека так не сыграешь и ни за какие деньги не купишь.

Через полгода я смог ей отплатить, хотя спасти от всего произошедшего не смог. Лианозовские, в рядах которых были, в основном, бывшие сидельцы, вызвали проституток и, как водится, устроили им субботник, но не как мы в своё время, а с элементами издевательств, надруганий, групповухи и унижения. Мы были поблизости, недалеко от лианозовских кортов, где и проходило «веселье». Я очень удивился знакомцу, работавшему там в банях, пришедшему с просьбой срочно прийти. Каково было моё удивление, когда я увидел её в пространстве резко открытой двери, разом «обслуживающую» двоих, которые, в пылу страсти, лупили её по голому телу та-

почками и мочалками. Подобные увеселения меня не интересовали и, развернувшись, потопал обратно. Вдруг что-то резануло чем-то вспомнившимся. По уголовным понятиям помочь проститутке я не мог, мог лишь избавить от избиений и надругательств, забрав её для себя в отдельный кабинет, тем самым сбив очерёдность, что и сделал, «заявив» до конца вечера, пока всё не рассосалось. Девушка все эти несколько часов (по всей видимости, это был один из первых её «выездов») рыдала со всхлипами и вся дрожала. И заснула прямо на столе, под моим плащом. Сигаретный дым слегка успокоил, а горячий чай с несколькими граммами водки согрел не только горевшее от ушибов тело, но и душу.

К тому времени меня уже начали уважать, и было за что, многие недолюбливали за неприятие образа жизни и имиджа сильного мира сего с пистолетом наперевес – воспитание не позволяло, да и гены, знаете ли... Больно они сделали не только ей, прекрасно понимая эту часть моего характера, зная, что полезу заступаться, затем и позвали.

Путанила ли она до нашей первой встречи – неважно, Инна оказалась здесь, сделав выбор, зная о постоянно повторяющихся подобных мероприятиях и вообще о не лёгкой, но, как ей казалось, доходной жизни. Она, упавшая, и я, стоящий на краю бездны, но ещё не открывший счёт и даже ещё не попавший на удочку безысходности, а приводить этот план в жизнь, разработанный Гусятинским, станут именно «лианозовские» и именно Юра «Усатый», особенно любивший уколоть меня интеллигентностью и отличавшимися нравами, о чём в своё время пожалеет, хотя умысла мести у меня никогда не было, была лишь лёгкая неприязнь. Предоставив ей ночлег, съездил с утра в сутенёрскую контору и, с помощью известного аргумента с диаметром ствола 9 мм, забрал документы, вещи и клятвенно обещал вернуться, если к ней появятся какие-то претензии. Свобода для неё была получена вместе с симпатией присутству-

ющего при этом весёлого женского коллектива. Дальнейшая жизнь зависела полностью от самой Инны.

Мы попрощались на Ленинградском вокзале и расстались навсегда, просто с некоторой долей симпатии и благодарностью друг другу. Небольшая, но достаточная на месяц сумма, думаю, помогла ей занять шанс начать другую жизнь, но моя стала уверенно набирать скорость, катясь ближе к пропасти. Мой анабасис («восхождение») начинался с падения, и если у Ксенофонта с боевыми товарищами он был возвращением, предварённым службой вдалеке от Родины чужому царю персов, то для меня оказался, в конечном итоге, возрождением или, точнее, рождением заново, хотя и много позже этого дня.

Очередной вызов к Григорию в один из офисов, как раз на 5-й Кожуховской улице, в квартале от моего места прописки, где я жить, по понятным причинам, не мог, окончился новой задачей. Меня познакомили с Николаем, признавшим за собой долг в 60 миллионов рублей и обязавшимся вернуть 100 – всё в соответствии с договором, заключённым полгода назад с братом Гусятинского Виктором, коммерсантом. Короткий разговор с молодым человеком и интуиция подсказывали, что он не лжёт. Степень контроля была определена как постоянно личная. То есть я или мои парни должны были находиться всегда рядом, все 24 часа. Он – бывший морской офицер, капитан-лейтенант, мы даже нашли общих знакомых. Слабостью его оказался алкоголь, а сильной стороной – молодая и привлекательная супруга, очень обрадовавшаяся нашему присутствию и успокоению любовными утехами с одним из нас, причём не скрывая этого от мужа, к чему последний, странным образом был равнодушен, как оказалось, из-за физической неспособности выполнять супружеский долг и радовавшийся хотя бы редким её присутствием рядом с собой. Я считал это не полезным, но и худого для дела не видел. Моральная сторона дела была, как минимум, неуместна, а как мак-

симум — лежала на совести похотливой женщины. Сам же я полагал и полагаю ниже своего достоинства спать с чужими жёнами, хотя многие из моих знакомых считают это предрассудками. Но мне кажется, что среди свободных и неохваченных достаточно привлекательных и желанных особ, а разрушать чью-то, пусть даже не крепкую ячейку вряд ли стоит.

Правда люди, прочитав вышесказанное, особенно женщины, имеют право напомнить мне об изменах жене. И тут правда ваша! Не стану оправдываться, говоря, что чужая и своя семьи вообще понятия разные. Но скажу следующее: всё было хорошо, пока многое зависело от меня. Однако как только обстоятельства и безопасность жены и ребёнка и моей жизни поменялись, всё стало с ног на голову, особенно, когда случаются моменты, говорящие о близости возможной смерти, когда начинаешь как бы специально отстранять себя от них, абстрагируясь вообще от близкого и привычного мира. Можете мне поверить, я много раз перебарывал себя. И ещё раз скажу: когда всё хорошо и не чувствуется чьего-то дыхания в спину, а такое время бывало у меня не раз — разные семьи, разное к ним отношение и разная привязанность. Да, я был счастлив, но сам же это счастье поломал дважды! Сам же поставил крест на двух семьях, испытал и испытывая боль не только сам, но и причинив её этим двум замечательным женщинам и нашим детям!

Иногда, кажется, что всё, чего я касаюсь, превращается в пепел!!!

С этой же четой, Николаем и Анжелой, мы поменяли три квартиры и, ввиду наших честных отношений и взаимодоверия, одна квартира была моего знакомого. Суть всего заключалась в том, что Коля мог (и всё для этого делал) взять у своих приятелей кредит раз в 10 больше своего долга нам. Мне была поставлена задача взять нам причитающееся с обещанными процентами, о большей возможности я помалкивал, зная, что ап-

петит растёт во время еды. Деньги деньгами, комфорт комфортом, но жадность и несправедливость всегда отзываются такой же неблагодарностью. Я присутствовал на всех встречах, все проходило не так быстро и гладко, как хотелось, приходилось кого-то подключать из своих бывших сослуживцев и друзей и даже входить в какие-то траты, тем более что и содержание, хоть и частично возмещаемое профсоюзом, всё же получалось накладным. Но были надежды на вознаграждение, которые оправдались. В жизни до этого не посещал стольких банков, офисов, нотариальных контор и, надо отдать должное нашему визави, он нигде ни разу не обмолвился о нас плохо – может быть без нас не воплотилась бы его надежда на получение громадного кредита, а может, признанный им долг по его моральным принципам должен был быть отдан, несмотря ни на что, в отличие от многих в то время. Знакомые, товарищи, да что там – друзья и родственники просили займы и, получая желаемое без процентов, заранее знали, что не отдадут.

Все это порождает соответствующее отношение, и нас, и подобных нам буквально уже силой тащили забирать долги. Почему силой? Да потому что даже за 50% это было не всегда выгодно, а часто и опасно. Далеко не всегда игра стоила свеч, и часто должники шли в милицию и устраивали маскарад. Кто-то обращался к нам подобным, пытаясь выиграть на проценте, а кто-то прятался, появляясь лишь с окончанием денег, становясь перед лицом уже не решаемых проблем, принимая на себя ушат ненависти и злобы от тех, кто их искал и хотел получить должное. В случае обращения могли сделать проще – на первой же встрече с заёмщиком забирали всё, что можно было забрать из имеющего хоть какую-нибудь цену, по возможности ехали домой и добивали у опешившего и не ожидавшего, что с ним кто-то может поступить так же, как поступил он со своим работодателем. Характерно, что за отобранным, для обмена залога на живые деньги, возвращались крайне редко, и давав-

шему взаймы приходилось довольствоваться тем, что удавалось быстро «сплавить», но, как правило, и здесь все были довольны, потому что слово своё держали, и отдаваемого была действительно половина, хотя, может, не самая лучшая.

Чаще мы брались за крупные сделки, «решение» которых сопровождалось «стрелками» и «качелями», которые вполне могли закончиться, как я уже писал, войнами разных масштабов, и часто ими заканчивались. Обратившийся крупный делец обычно становился нашим подопечным, к чему прикладывались неимоверные усилия. Имеющиеся проблемы гипертрофировались в его глазах, и если возврата полностью не получалось (бывало и такое), то устраивался спектакль в его присутствии, с перестрелками и погонями, и возможно, по необходимости, с якобы трупами в багажниках. Увидев всё это и почувствовав на своей шкуре и страх и уже кровь, но более всего – желание себя защитить, потихоньку убеждался в нашей необходимости и без нас чувствовал себя будто вне крепости. То, что ему возвращалось, хоть и нередко меньшая часть, чем была по договорённости, но всё же она грела душу, плюс ещё пара созданных специально для него ситуаций, вкуче со «смежниками», и он становился нашим, что при разумном подходе приносило и пользу и дивиденды, но что было, надо с грустью заметить, далеко не всегда. От своей жадности и недальновидности наши зрячие ведущие часто не только губили доходный бизнес, но, пардон, и «курочек», несущих золотые яйца».

Итак, переговоры под нашим с Николаем совместным предводительством, длились долго: где отказывали, где мотивировали несвоевременностью, но уверенность оставалась, и бывший офицер, все с большей энергией начинавший каждый последующий день, наконец наткнулся на искомое. Один из банков его знакомых дал согласие, разумеется, с безумным «откатом», но его это не волновало. Уверовав в себя и в свои таланты, он до-

казывал, что ему хватит и десятой части кредита, чтобы организовать и развить свой бизнес, во что я не очень-то верил— ведь наши денежки, которые мы старались сейчас получить, развеялись у него, как в поле дым, так и не дойдя до товаров, но это уже не моя забота.

Наконец, банк разродился. Все служащие без исключения, с которыми мы встречались, в том числе и второе лицо этого заведения, были бывшими «конторскими», которые «бывшими» никогда не бывают. Комитетовский банк — это на меня произвело впечатление, и я присутствовал на переговорах, с большим удовольствием вслушиваясь в каждое слово и каждое движение с перекатами и переходами столь знакомой манеры общения. На третий раз всё было подписано, оставалось забрать деньги в назначенный день и час. Территориально это было в районе ТАСС, место с узкими улочками, что могло быть как спасением, так и ловушкой. Подходил экстремальный момент, так как «хлопают» обычно на передаче, как основном доказательстве преступления (хотя о преступлении здесь речи не идёт), даже несмотря на то, что брали мы своё и только свою часть.

Всё это отягчилось семейным скандалом из-за того, что Коля, почувствовав себя миллионером, объявил супругу шлюхой, что неудивительно и, главное, справедливо. Конфликт дошёл до мордобоя. Анжелика бросилась к новому возлюбленному за помощью, который, в свою очередь, вообще не понял, чего от него хотят, потому что уже успел стать, выпивая каждый вечер с её мужем на брудершафт, его закадычным другом. В результате всё, что могло достаться из тумачков, досталось взбесившейся фурии, с конечным Колиным обещанием возместить все побои и оскорбления, которое, вылилось в десятую часть от кредита. Сделку обмывали втроём три последующих дня с продолжением затрещин от мужа, дабы оправдать и сделать приятными надвигающиеся затраты.

На отход мы разработали пару схемок, в результате которых два чемодана, большой и очень большой, из

пяти полностью набитых купюрами разных достоинств, в основном крупных, должны были побывать в трех машинах и благополучно оказаться собственностью того, кто будет решать, кому из нас сколько, остальное увозил сам Коля. Создав несколько заторов и две лёгких аварии, проскочив три арки и пересыпав содержимое из чемоданов чужих в свои, я, с греющей душу и тело ношей, стоял через пару часов у двери дома Гусятинского.

Меня прохватил столбняк, когда все деньги вывалили на пол – никогда до того не видел их в таком количестве. Даже последующие, в том числе принадлежащие лично мне, стопки денег не производили такого впечатления.

Забрав причитающуюся моей команде сумму и не послушав Григория, посоветовавшего располовинить и одну часть забрать себе, а другую раздать моим парням, поехал на честную делёжку, выражавшуюся, конечно, не совсем в равных долях, но каждому по заслугам. Трое получили одинаковую сумму, а остальные пять – не больше тридцати процентов от максимальной.

«Шарап», мой близкий на тот период человек, тот самый, с которым мы работали в ЦДТ, сразу купил на всю сумму «Порше-911» нежно-голубого цвета – не думайте, что новый, и не за номинальную стоимость этой машины, но равную цене двух новых жигулей. Кто-то промотал, кто-то оделся, или также заимел «колёса», но попроще. Я же убил всё на семью, подарив Ольге гордость, как минимум, на год – обалденную по красоте и цене длинную дублёрку, отороченную по краям мехом, и ещё кое-что, блестящее и сверкающее. Правда, чаще мы от этого встречаться не стали. Я же обрёл первую новую фамилию – Титов. Если бы я знал, насколько не последнюю...

Наконец-то я смог снять более-менее приличную однокомнатную квартиру, светлую и чистую, и даже был рад отсутствию штор – так она казалась больше, окна ослепляли своей непривычной чистотой. Но это длилось

недолго, скоро вошло в привычку всегда их плотно за-навешивать и никогда не открывать. Новых правил была масса, они касались всего: места постановки машины и периодического наблюдения за ней, выноса мусора, предпочтения света торшера «большому» свету, совершенной тишины и так далее – в общем, всему тому, что обеспечивало большую безопасность, а заодно и давало возможность отдыхать всем пяти чувствам, концентрироваться и собирать все мысли в одну необходимую точку. Это бесило появившуюся в своё время юную женщину, которая означала для меня всё и вся. Эти правила налагали на неё неподъемный крест, усиливая его непониманием и необходимостью всех предосторожностей. Любовь к свету, открытым окнам, мягкому, но шумовому фону и всему человеческому иногда ставила преграды в нашем общении, но, раз впустив её в свою жизнь и своё сердце, я был вынужден с этих пор думать не только о своей, но и её безопасности, что заставляло соблюдать правила без их объяснений, прибегая к хитрости, увёрткам, и всяким другим ненужным нагромождениям опутанной ложью жизни. Но светлый стержень, пронизывающий насквозь все эти темные стороны, всё же был – безусловное, бескомпромиссное и бесконечное чувство!

Я врал, врал, врал, что не могло хорошо сказываться на слиянии наших душ, ибо отношения с примесью неправды всегда ущербны, и в конечности своей – несчастны. Поэтому фейерверки и внутренние взрывы случались с нередкой периодичностью и своей прелестью бурных перемирий и продолжительного спокойствия. С нашими чувствами всегда соседствовали не только дух взаимного магнетизма, но и дух самого по себе живущего противоречия. Терпению этой мужественной леди с горделивой осанкой и стойким взглядом не было конца, как чувствам, так и вынужденному доверию и надежде на когда-нибудь заключённый брак, ребенка и семью с

постоянной, СВОЕЙ, а не съемной и часто меняющейся квартирой.

* * *

Но вернёмся к Николаю. Он, получив гораздо большую часть кредита, чем мы, начал с покупки машин, мебели, снятия офиса, то есть того, с чего начинают все дилетанты, уверенные, что деньги липнут к деньгам сами по себе. У Анжелы появилась BMW-5 с молоденьким, смазливym водителем, муж же не вылезал из кабаков. Вложив всё же некоторую сумму в нами предложенное дело он некоторое время продержался и даже был способен отдавать процент за кредит, но растраты в разы превышали возможности и, в конце концов, с оборота ему просто стали отдавать его долю, разумеется, без контроля становившуюся всё меньше и меньше, потому что зарабатывает лишь тот, кто работает. В результате на кредите, взятом им, нажились все, кто угодно, начиная от банковско-конторских и заканчивая нами, но не чета Коля-Анжела.

Григорий неоднократно высказывал мне своё недовольство в связи с замолчанной мною суммой фактического кредита, ссылаясь на то, что он «сгорел» не в наших карманах, а какого-то пьяницы. Полагаю, скажи я ему вовремя полную сумму, Николаю досталась бы десятая часть, а не восемь десятых кредита, по праву ему принадлежащая. Года через два его жену я видел из окна своей машины, едущую в трамвае, и не скажу, что вид у неё был счастливый. Всем даётся шанс, но не все его видят, а большинство думает, что это не шанс, а выигрышный билет навсегда, то есть до конца жизни! Так представлялось и нам, когда поднималось наше положение и благополучие, укреплялась и уверенность, что подобное положение дел может оборвать только смерть. И каждый из нас делал все, чтобы отложить встречу с этой барышней на как можно больший срок. Но из-за боль-

шого чувства юмора она не всех предупреждает о своём прибытии, как правило, несвоевременном, и её коса бесшумно обрезает жизненную нить, не задумываясь о молодости, крепости, монументальности положения в жизни и состоятельности. А лик её – не лицо молодой женщины или старухи, а бездонная и бесконечная пропасть для нашего брата, которому обязательно когда-нибудь придётся взглянуть в него, чтобы уткнуться взглядом в бурлящую, зловонную жижу ада! Но... Есть путь ко спасению, а жизнь человеческая, проходит одним из двух путей, и оба через грех: один с радостью ему, другой в борьбе и сопротивлении – третьего не дано. Первый попавший в рай человек был закоренелый убийца и преступник, имя этого распятого со Христом мы не знаем, но очевидно одно – покаявшийся был прощён, а его анабасис к этому был мгновенен, и именно к такому, самому чистому, стремятся люди, выбравшие своей дорогой путь к свету.

Это тяжёлая дорога, ибо: «В раю не распятых нет».

«ДВОРМАН-ШОУ»

Иногда я встречался с друзьями детства – это отдельная страница моей жизни. Пропадая на 2-3 года из их поля видимости, но появившись вдруг, всегда встречал радость неподдельную и радушие. Но, как оказалось, у каждого человека есть своя цена, как и свой крест, которые он несет, и это не обязательно понятие меркантильное. Но всегда может помочь страх – именно он определяет эту планку. И если есть что-то ценное и дорогое для сердца человека: родные, близкие, друзья и, конечно, дети, жена, родители – то люди, желающие скрутить вас в жгут и разорвать на части, таким образом добиваясь от вас своей цели, не важно какой, даже, может быть, законной и благозвучной, найдут слабую точку именно в них и определяют её стоимость!

Тем более что вы сами, ничего не подразумевая, расскажете о ней, к примеру, говоря о ком-то тепло и влюблено, – им же остаётся лишь слушать, запоминать и делать выводы.

В то время мы, бывшие когда-то в детстве игроками футбольного клуба СДЮШОР ЦСКА, встречались или рано утром в ФЛК ЦСКА, играя полтора часа, заканчивая лёгким завтраком и кружечкой чешского, или меня приглашали, и отказываться было сложно, в гостиницу «Космос» играть в боулинг. Встречи были не чаще раза в неделю, а катание шаров и того реже – раз или два в месяц.

После очередного сбивания кеглей мы попрощались, и друзья разъехались на своих «меринах» – оба работали в иностранной фирме, и заботились о них хорошо, так как берегли они непосредственно тело шефа. Не успел я доехать до дома и поставить чайник, как позвонил Слава, и мы опять встретились у нижнего входа в упоминаемый отель. Отъехать далеко ребята не успели,

что-то показалось подозрительным, и после обследования багажников, а они только что вернулись, пригнав эти машины из Германии («под себя» на фирму), полностью забитыми разными нужностями от раций и газовых баллончиков до дорогих шмоток, ручек и кожаной галантереи. Всё пропало, словно было миражом. Немного порасспрашивав охранников, работников гостиницы и стоянки около неё, выяснили, что это дело рук человека, которого они не раз выручали, оказавшегося крайне непорядочным и до тупости жадным. Мало того, что он всё перегрузил на виду у людей из их багажника в свой, но и попросил помочь охранника, который хорошо знал всех троих, ничем не поблагодарив его ни за помощь, ни за молчание — так сказать, присущие господам «Дворомнам» черты.

Когда я подъехал, а подъехал я не один, а с неразлучными тогда Шарапом и Ушастым, — не только крепкими, но и веселыми парнями, почти всегда понимавшими, что и когда делать. Немного подумав и прочитав бумагу об отказе принятия заявления о краже личного имущества граждан, выданное в милиции, другого выхода мы не видели, кроме как самим «распотрошить» комбинатора на вольных хлебах, который в данный момент «облизывал», причем, судя по всему, удачно, пару каких-то иностранцев, отдыхающих на банкете в ресторане гостиницы. Подождав, пока нечто ценное переключает из пиджаков гостей столицы в карманы кудрявого, немолодого, с ярко выраженными семитскими чертами человека, мы встретили его у кузова принадлежащего ему mercedes-benz 123, вежливо поинтересовавшись, не хочет ли он отдать сам то, что ему не принадлежит. Поскольку мы были только втроём, пока без моих друзей, а принадлежащего не ему было полмашины и половина находящегося в карманах верхней одежды, то, чтобы не ошибиться, он ответил таким же вежливым отказом. Благодаря сей осторожности, господин сразу оказался в багажнике своей машины вместе с украденным, дабы у него появ-

вилась возможность поразмыслить и одуматься. Нам нужно было только своё, и пока без процентов. Немного покатавшись, господин жади́на пожелал пересесты на более удобное заднее сиденье и стал как скряга, но осторожно выпытывать: «А что собственно случилось?».

Поразительный тип! Поняв, что попал, как кур в ощи́п, он продолжил прикидываться придурком, чем только набавлял проценты на нашу чистую прибыль. Через полтора часа наше терпение лопнуло и стало выражаться опухолью на одной стороне его артистического лица. Дима бил аккуратно, но точно. Вдруг его заплывший глаз, по-видимому, прозрел «третьим оком», и он воочию увидел грустную картину своей перспективы в случае продолжения отпирательства. Чистосердечное признание и предложение вернуть половину сейчас, а половину после приезда из Штатов, куда он собрался через неделю, облегчили его участь, как всегда это бывает, но от его наглости отдать не всё и не сразу разожглись уже наши аппетиты. Помните дети: «спички не всегда игрушки», а «чистуха» (чистосердечное признание) – не всегда панацея. Дворман долго упирался, не называя своего адреса, но мы, неожиданно для него, умели читать и оказались настолько сообразительны, что взглянули на оттиск штампа в прописке его паспорта. И чудо! Пока его отпаивали его же виски, а сами пили мерзкий кофе, правда, с конфетами и коньяком, нам открывались всё новые и новые тайны его жадности и скупости. Всё более-менее ценное было аккуратно сложено и переписано, так как должно было быть возвращено, за исключением наших интересов и собственности моих друзей, погружено в его машину, и с обещанием встретиться с его «крышей», мы убрались восвояси. Однако встреча с людьми, его прикрывающими, сулила потерю части, с нашей точки зрения, честно приобретённого имущества, что, в принципе, было нормой, это называлось «отработанное не возвращается, ну если только часть – из-за большого уважения к соратникам по цеху!»

Первая «стрелка» не привела ни к чему. Следующая, уже организованная на серьезном уровне с участием с противоположной стороны «Захара», с нашей – Олега Пылёва и кучи бойцов с обеих. Вражды не было, поэтому всё проходило в мирной, открытой и понятной атмосфере, что предполагало пусть небольшое, но обоюдное обогащение. Мы уже почти месяц гоняли на и без того уже ушатанном корыте типа «Дворман-бенц» и были удовлетворены – и мы втроём, и мои друзья. Всё, что мы могли вернуть, это телевизор, пару магнитофонов и какую-то картину в обшарпанной раме, явно неизвестного и неважного художника-мариниста. Всё остальное – «фьють!», что и было одобрено за долю малую «главшпанамии». Разумеется, машина тоже была уже не нужна. Заведомо договорившись, что месье Дворман напишет список у него взятого и оценит каждую вещь. У нас было принято перед любой встречей обговаривать план действий, и это предложение со списком имело свои подводные камни. Разумеется, мошенник по крови, а по имиджу – беженец и жадина по натуре, он отмахал, как зубной врач в фильме «Иван Васильевич меняет профессию» не двойную, а тройную цену всего, что мы взяли. «Захар» посмотрел, пожал плечами и передал Олегу со словами: «Смотрите сами, братуха, думаю, на половине возврата сойдемся». Братуха посмотрел на внушительную сумму, где телевизор, выдавший виду, был оценен как мерседес, а мерседес... Но он согласился и перешёл к дальнейшему обсуждению.

Ликованию составителя списка не было предела, он уже приплясывал у своего рыдвана, не зная, конечно, что это уже рыдван, и видя салон, забитый своими вещами, с гордостью смотрел на нас обеими глазами, показывая, что и с опухолью справился, и нас «проглотил». Уважаемым собранием было постановлено: отдать всё возможное, что когда-то принадлежало борцу за своё и часто чужое, но при обязательстве возместить половину за возвращённое дензнаками, дабы «отработавших», то

есть нас, честных участников «профсоюза», не оставить без хлеба! Все были рады, пока до Двормана не дошло понимание шутки, которую с ним сыграла его жадность. Ему вернули хлам, а возместить он должен был 50 % стоимости им самим же оценённой рухляди. По цене, конечно, нового. Тут он охнул, ахнул, метнулся к одним, вторым, но было поздно. Все получили свою, заранее определенную долю. Ну, а так-то... Жадность – не порок!

Правда, справедливости ради, нужно сказать, что от причитавшегося нам досталась только одна треть, но с лихвой всё окупившая. Остальное ушло на «общак» и мифические «воровские» два закрома, никогда не наполняющиеся и всегда пополняемые, бережно хранимые и святы. На поверку дня, не имеющие краёв только по одной причине – потому что не уходили дальше карманов наших «главшпанов», хотя, по всей видимости, были и исключения, чему однажды и я был свидетелем. Откровенно говоря, не вижу ничего в том плохого, и рад был поддерживать то, во что действительно верил и считал нужным – помощь людям, находящимся в заключении.

Забегая вперёд, могу сказать, что наш «общак» в основной сумме постоянно расходился по кошелькам или на нужды троих, а после смерти Григория – двоих братьев Пылёвых. Один лишь раз, будучи уже принятым в пятёрку «равных», я осмелился попросить помощи в размере 200 тысяч долларов, чтобы не погубить контракт покупки дома в Марбелье. Ах, какой игрушечный домик в горах, с выдолбленным в горной породе теннисным кортом и видом на Гибралтар сквозь туманные гущи, мог бы у меня быть! Половина уже была внесена, а вторую часть я, не рассчитав, потратил, на что Андрюша сказал: «Как же я тебе дам, когда тебе нечем прогагарантировать?», – чем сбил меня не только с мысли, но и убедил в отсутствии не только коммерческой жилки, но и деловой хватки обоих братьев. Дважды спасая им жизнь (в первый раз в намечавшемся противоборстве с Гусятинским, второй – в противостоянии с «лианозовс-

кими» Юрой «Усатым» и Женьком), выполняя архиважные и тонкие поручения, являясь, как выяснилось, броневым щитом в их психологическом давлении на массы, и прочее, и прочее, и прочее... Какие гарантии можно было от меня ещё требовать из-за каких-то 200 тысяч, когда в общаке на тот период, по самым минимальным подсчётам, должно было находиться от 15 до 20 миллионов долларов? Разумеется, о том, что трогать эту сумму нельзя, разговора не могло быть, так как более разумно и рационально, как принято у цивилизованных преступников, помогать из процентов, которые даёт эта сумма, находясь, к примеру, на счетах в банках. Но большинство из участников нашей «бригады» получало тысячу-две долларов в месяц. Правда, не буду гневить Бога, с 1996 года у меня выходило от 50 до 70 тысяч долларов в месяц (большая разница с Гришиной «благодарностью» в 2-3 тысячи), но к 1999 году упало до 10 тысяч, что тоже, в принципе, было неплохо, но для затрат на работу и проживание недостаточно. Какие-то суммы, помимо моей «зарплаты», на технику, машину и зарплату ребятам выдавались, но, разумеется, недостаточные и, конечно, всё реже и всё меньше, а моё нелегальное положение в «бегах» всё продолжалось, что требовало своих затрат и на документы, и на постоянные переезды, и на смены автотранспорта, и на так далее. К 2000 году закат был близок, я это чувствовал и становился всё осторожнее, но это более поздняя песня.

* * *

Постепенно, всё происходящее втягивало, но совершенно странно не давало ощущения криминальной трясины: возвращали действительно своё, что не получалось официально из-за пока ещё несовершеннолетних законов, мало того, грозило заключением под стражу, причём милиционеры, всё понимая, только разводили руками. Коммерсанты, которые с нами работали, были,

в принципе, довольны. Редкие всплески насилия носили повсеместный характер и чаще были, скорее, завуалированного, подпольного характера и, в основном, между группировками и с силовиками, потихоньку набиравшими силы, власть и понимание своего, возрастающего могущества. Пока еще понятие «наши милиционеры» было применимо и, фактически, соответствовало истине, но появлялись очаги, которые были с этим не согласны, хотя и они со временем скоррумпировались и скооперировались, скажем, как «чеченцы» и ОМОН, или как «Измайловские» и РУОП. Но эти вещи несопоставимы в своём применении, так как вторые только пользовались своими связями, а кавказцы, уж совсем непонятно на каких принципах основываясь, часто предъявляли на встречах вместо себя отряд милиции особого назначения. Честь и хвала правоохранителям, которые так решали некоторые свои рабочие моменты для утверждения законности – с их позиции и точки зрения всё понятно и рационально, но не тем, кто назвал себя «порядочными людьми» в преступном мире.

Хотя к тому времени этот мир также начал претерпевать бурные изменения. Нередко люди, находящиеся на самом вершине иерархии криминалитета, бывшие элитой, идеалом, теми, кто, как говорится, «шёл впереди» и показывал, «как надо», давали команду своим подопечным «валить себе подобных» вместо того, чтобы решать это цивилизованным путём на своих корпоративных встречах – «воровских сходках». Причины были понятны – столкновение стратегических интересов, объема и масштаба которых раньше и представить себе было невозможно, цены вопросов были несравнимы ни с чем, в одиночку «поднять» их было тяжело, а когда поднимали, понимали, что жадно. Или, наоборот, было так много, что одному удержать невозможно, поделиться недопустимо, а ведь лезут.

Здесь же была разница, причем существенная, в получении сана и в направлении действия – кто-то «об-

лачался короной» за объявленную мзду, а кто-то шёл к этому с «малолетки», проходя тяжелейшие испытания, теряя здоровье и накапливая авторитет и вес скрипя зубами, делая это не ради будущих льгот или возможностей, а ради поддержания старых традиций и видя в том свой жизненный путь.

В такой ситуации складываются оптимальные условия для работы контрразведки и ФСБ и иже с ними. Не понимая этого, небольшими и, казалось бы, ничего не значащими движениями, они поддерживали нужные ниточки и часто получали желаемое, медленно, но верно позволяя преступному миру загонять себя же в управляемый загон – очередной пример применения древнего изречения «разделяй и властвуй». Банально, но работает.

Тут-то я и встретил одного старого знакомого, приехавшего в мою бытность курсантом в наше училище. Обычно их называли «покупателями», но покупал он не задёшево и не обязательно самых лучших, но по только ему одному понятным параметрам. С ним я тоже имел беседу, закончившуюся словами «хорошо, ждите», как мне показалось, ничего не значащими. Через столько лет я уже и забыл о нём. Думаю, наша встреча теперь была не случайна, хотя и представлялась невероятной, ведь тот момент был моментом моего «одиночного плавания», когда прошло почти семь лет от последней встречи, и подчинялся я уже только Грише и с ним одним общался. Вообще, совпадений (а я в них не верю – опыт не позволяет) была масса, и все они приводили к нестандартным решениям: то, как в подборе моего коллектива, к нужным людям, то к продавцам оружия, то к необходимым административным ресурсам в силовых структурах, то к людям, имеющим отношение к спецтехнике. Иногда даже мне казалось, что я лишь двойник, а ведущий, знающий обо мне больше меня, выстраивает моё окружение заведомо под нужные ему задачи. Кстати, этот же «покупатель», как оказалось впоследствии, знал и Григория и ещё троих (может быть, не лично) из

тех, с кем был знаком я и с кем меня свели, словно передавая по очереди как меня им, так и их мне. Все они были офицерами либо ГРУ, либо КГБ, либо ВДВ, либо просто обладали специальными навыками. Конечно, это лишь мои намётки, но... факты и логика вещи упрямые.

Жизнь была очень насыщенная и суетлива, мысли не успевали углубляться дальше необходимого для ее сохранения, конечно, высокие темы не затрагивались, но что-то изнури тихо, слабо пыталось сказать... Я же не слышал, даже не мог расслышать, и откидывал это маленькое неудобство. Чем бы закончилось, не знаю, ведь это был голос совести. Заставь я себя захотеть, возможно, понял бы, что подошёл к самой границе, возврата из-за которой уже не будет, но это всегда, если нет наставника, незаметно. Потихоньку многое принятое в этом обществе становится и для тебя нормой. Точно так же, как то, что всего 100 лет назад казалось невозможным в поведении, в принципах, характере, сейчас очень даже допустимо, приветствуется, а то и воспевается. Полнейшая беспринципность, вседозволенность, вседоступность, возможность оправдать всё – были бы деньги. Что раньше хранили, на что молились и что было моральной нормой, сейчас считается чуть ли не предрассудками.

Так же тихонько и незаметно и я подошёл к краю, только за более короткий промежуток времени, и не хватало всего чуть. И это «чуть» вдруг ослепило и обожгло меня, отбросив в пустыню духовной пустоты, одиночества, холода, откуда выхода, казалось, нет – выхода третьего, когда их всего два. Когда на весах две чаши, и предстоит выбрать либо правую, либо левую, и ты прекрасно понимаешь, что выбирать придётся, и придётся уже сейчас! И этот выбор мучает тебя с наслаждением, показывая всё, что ждёт, если изберёшь не то. И ты постепенно понимаешь, что направо пойти не можешь, а налево в принципе нельзя. И вот он, апогей наслаждения: богиня, держащая весы, но в этом случае явно не Фемида, – с открытыми глазами, волосами в виде

змеи и изрыгающая зловонные проклятья. И ты отталкиваешься не от хорошего или плохого, а от того, кто ты (либо тот, кто есть, либо лишь тот, каким хотел бы, чтобы тебя видели окружающие). И ты понимаешь, что рождён мужчиной, и стал, прежде всего, мужем и отцом, и лишь потом – почти законопослушным гражданином.

Уже на суде, в одной из своих речей, обращаясь к присяжным заседателям, я постарался как можно очевидней и жестче поставить их перед виртуальным выбором, который, в своё время, встал передо мной: что бы выбрали они – убить чужого, незнакомого человека, обеспечив безопасность своей семьи и своей жизни, пусть даже этот выбор встал перед тобой из-за твоих необдуманных действий, или пожертвовать семьей? Я обращался только к мужчинам, заведомо безошибочно полагая, что подобное спрашивать у женщин в отношении их детей – значит проявить неуважение к их материнским чувствам. Ответом, кажется, было немое согласие в невозможности другого выбора, и это была одна из причин конечного итога, выразившегося в «снисхождении» по отношению ко мне.

Да и о чём тут можно говорить – всё и так понятно, хотя это первый шаг, позволяющий лишь временно уйти от проблемы, «а дальше будет видно», сегодня выход не только найден, но сделан, и трезво оценивая ситуацию, понимаешь, что он верный. Если бы хоть откуда-то можно было ждать помощи, если была бы хоть какая-то гарантия, возможно, я поставил бы на другую чашу, но... Краток, быстр и слеп путь падения, тяжело, длинно и мучительно восхождение – и от осознания содеянного и от невозможности оставить это в прошлом или изменить.

И вот о чем речь.

Случилось так, что вопрос о ЧОПе вновь обрёл актуальность, чему я несказанно обрадовался и чего так долго ждал. Мы фотографировались на документы, даже прошли какую-то фиктивную учёбу, правда, я – под другой фамилией. Пока, как мне говорили, проблема и

яйца выеденного не стоит. Но суд прошёл, а меня всё пугали, проверить я не мог по понятным причинам и просто ждал, полностью завися от своего «начальства». Возможно, я и пошёл бы, сдаваться, ведь кроме того, что та злосчастная квартира, где находился заложник и обезличенное оружие, была снята на мой паспорт, больше ничего на мне не «висело»: никто меня не видел, не давал обо мне и моём участии показаний.

На деле же, о чём я узнал гораздо позже, опасности никакой не было. Григорий лишь искусственно создавал видимость проблемы, заведомо ставя меня в рамки нужного ему пути. Он искусственно зашорил нужного ему человека, оставалось лишь сделать последний шаг, чтобы «рыбка» поняла, в чьём подсачнике находится. Для этого он выбрал «лианозовских» с «Усатым» во главе. И я до сих пор не могу понять, был ли у меня шанс выйти сухим из воды, но, по-моему, даже минимального не было.

Мы, разумеется иногда ездили в тир, где, конечно, я не сдерживался и был намного лучше всех (хотя немудрено быть лучшим среди непрофессионалов), понятно, что разбирался в оружии, был хоть и дерзок, но спокойно расчётлив, был умнее, интеллектуальнее и, что очень важно, терпеливее многих (прошу прощения за панегирик себе, хотя и пока ещё живому). И теперь понятно, что это очень понравилось Гусятинскому, а скорее, и ещё кому-то. Исполнительность и дисциплинированность – тоже черты важные. На самом деле, понятно, что при прочих равных, я должен был выделяться среди других, это бросалось в глаза, и, наверное, нравилось мне самому, теща мою молодую гордыню. А не это ли слабое место, которое всегда губило любого, какими бы качествами он не обладал?

В общем, после одного обеда на Лефортовских кортах, мы повезли якобы оружие, закупленное для ЧОПа, причём меня совсем не удивило, что там были стволы, не имеющие шансов стать официальными. Кто помнит то время, подтвердит – эти агентства выполняли в самом на-

чале своей деятельности разные задачи, и на всякий случай имели и «чёрные арсеналы», но везли, как представлялось, и уже лицензированные ПМы и помповые ружья.

Далее все как по нотам: ехали по МКАДу, вдруг Юра «Усатый» каким-то образом понял, что в городе много милиции, и решил перенести операцию по перевозу на завтра. В машине мы были вдвоём, первый автомобиль, который нас «прикрывал» по пути следования на постах ГАИ, исчез, что якобы его и напрягло. Мы остановились, выбрав лучшее и наиболее подходящее место с кустарником, где можно было схоронить сумку до завтрашнего дня. Туда я и потащил всё «железо», очень аккуратно и незаметно прикрыв его снятым дёрном. Помню чётко: ни одной машины, ни одного человека, кроме нас двоих, рядом, на видимом расстоянии, не было. Юра находился в машине на обочине, а всё происходящее – в ста метрах от него.

Какого же было моё удивление, когда на следующее утро в схроне не оказалось ничего! Наконец включилась давно ожидаемая, отработанная схема. Оружие я должен был вернуть в недельный срок, с одним условием: оно должно было быть тем же, иначе включался счётчик, о процентах которого я знал чётко одно – их никогда не отработать. Было понятно, что от меня захотят в обмен на реабилитацию (как глупо было тогда думать об одной лишь реабилитации) что-то, что я точно смогу дать. Путаясь в догадках и почему-то никак не предполагая это происшествие специально запланированным мероприятием, мне ничего не оставалось, как ждать. Пока были насмешки и подвешенное состояние на работе. Положение было похоже на положение изгоя в патовой ситуации.

И вдруг, составом в пять или шесть человек, во главе с Юрой, мы отправились в сторону Измайловского гостиничного комплекса, точнее, к бассейну «Дельфин». На этой же улице находился спорткомплекс. В течении двух часов мы обшарили всё строение, обходя его со всех сторон, побывав на крыше и чердаке. Не совсем понят-

но, что искали и о чем думали. Меня это интересовало мало, потому что мое участие было минимальным. Обуживали совсем другие мысли, честно говоря. Мне казалось, что ребята выбирали новый зал, осматривая его с точки зрения безопасности, а оказалось всё с точностью до наоборот. Вернувшись в Лианозово, я остро почувствовал напряжённость, повисшую в воздухе. Все часто курили, говорили полупрошепотом и улыбаались. Бачурин («Усатый») уходил звонить пару раз и приходил задумчивый. В конце концов его нервные струны лопнули, и он, допивая в кафетерии чай, словно невзначай вытащил наган с уже накрученным глушителем, положил перед собой и, посмотрев сначала на всех, на застывшие от неожиданности лица, потом вперился в меня.

Никогда я не предполагал от него возможности опасности. И сейчас, чувствуя его растерянность и не понимая того, что он делает, больше ожидал объяснений (причём, как казалось, не ко мне относящихся), чем какого-то выпада в мою сторону. Но он удивил всех и меня более остальных, выпалив: «Будешь делать ты!». Кажется, обжёгшая догадка, как расплавленный свинец из самого мозжечка прожгла всё моё нутро, на мгновение задержавшись в области солнечного сплетения, далее сожгла стул и перекрытие второго этажа и, как мне показалось, насквозь землю. Во рту пересохло, пульс участился, и какая-то удивительная надежда на то, что минует, оборвалась его словами: «Леха, тебе говорю». Я понял, что внешне моей реакции видно не было, этому я обрадовался и попытался вытянуть, как можно больше, поинтересовавшись: «Что именно?», — чем ввёл его в совершенный коллапс. Он покраснел, затем побледнел, но ответил, наверное, убеждённый, что эта фраза мне объяснит всё: «Ну то, где мы были».

«А где мы были?» — я говорил, понимая, что надо глупить и затягивать как можно дольше, что бы вытянуть что-нибудь ещё. «Ну там, где надо сделать!» — он почти кричал, приподнимаясь со стула и явно не желая

пересиливать себя для откровенности. Тут подключились ещё два человека, явно бывшие в курсе. Вряд ли кому-то нравится общественное давление, никогда для меня лично ничего не решавшее, стол был небольшой, револьвер рядом, и я этим воспользовался, но палить не стал, чем успокоил окружающих. Возможно, глупость была излишней, — это не те парни, нерешительность которых помогла спокойно уйти от Левона, возможно, они растягивали удовольствие. Все сели, уставившись на усы «Усатого», в том числе и он, сведя свои зрачки к переносице. Тихо произнёс: «Стрелять будешь ты, мы решили, как лучше сделать... Из этой “волыны”... Есть ещё пару десятков патронов. На всё — один месяц. Это... И не шути: “Иваныч” просил», — и высыпал на стол кучку длинных латунных гильз с полностью утопленными свинцовыми пулями. Я молчал, пока сказать было нечего, единственным возможным вариантом было выжидать, вытягивая этим любую, возможно, спасительную информацию. Не представляя, какая может быть реакция на отказ, попробовал лавировать: «Почему я?» — «У тебя лучше получится, и у тебя должок, а отдать ты вряд ли сможешь».

Теперь всё было расставлено на свои места. «Я подумаю», — ответил я. Но, уже вставая и бросая слова через плечо, «Усатый» предупредил, что мне дается один день, что за моей семьёй смотрят, и, соответственно, выйдет моя жена на панель или нет, зависит только от меня. Я уже видел, как его голова подаётся по ходу движения чуть вперёд, а из отверстия в коротко стриженном затылке выпячивается овалычик серого вещества, кровь же, хлынувшая из большего, выходного, окатила, стоящего перед ним «Бигмака». Но резко оседающее тело растворилось как туман, и дверь захлопнулась за обоими, совсем не пострадавшими. То была первая мысль, навеянная почудившимся «перестрелять всех», но кисть, сжавшая до боли рукоятку револьвера, даже не могла подняться, да и злоба уже затухала — не решит это ни проблем, ни создавшуюся ситуацию и не придаст

спокойствия в будущей жизни. Я сидел, понимая сейчас своё бессилие. Всё внутри клокотало, после истории с сумкой я обдумал возможные варианты решения, но не этот. Единственный разумный ход – милиция... Но что сказать? Тем более тем, с кем каждую неделю парятся в бане те же Гриша и Юра? Крючок в виде розыска, долг в виде пропавшего оружия, а главное – то, чего я ожидать никак не мог – предъявленный мне джокер в виде семьи, да ещё за которой наблюдают! Можно было предположить, что большая часть всего этого – блеф, но не хотелось оставлять даже маленькой толики ничтожным сомнениям, которые всегда превращаются в смертельные последствия. Я готов был ответить по-любому, но не ими.

Да, несколько раз я изменил жене, но чисто физиологически, без чувств и даже переживания за это, и был совершенно уверен, что мой первый, и единственный брак – навсегда. Я не мог допустить даже мысли о том, чтобы она пострадала из-за меня или хотя бы позволить в ее адрес какую-то угрозу, пусть призрачную.

Дома я не появлялся уже давно, встречались мы на снимаемых мною квартирах. Ни запасом денег, ни необходимой информацией я не обладал. «Положи» я их, «лианозовских», здесь, в бане, и ни от меня, ни от семьи мокрого места не останется.

Вернув наган, но помня о хранящемся в тайнике «макарове» Левона, смотря в глаза и стоя вплотную, я прошипел что-то типа: «Передайте Усатому, один раз я это сделаю, но как – скажу сам, а пока – расход». И, уже уходя: «Надеюсь, он хорошо подумал».

Решение было очевидно. Разумеется, я, как и писал ранее, выбрал чью-то жизнь, а не спокойствие и жизнь своей семьи, да и, чего греха таить, своей тоже, где-то в подсознании уже начав разделять судьбы – свою и их. Я не знал этого человека, да и знать не хотел, тем более мне было сказано, что он такой же бандюган, то ли угрожавший, то ли подставивший «Сильвестра» – в любом случае, враг, и враг что-то предпринимающий.

Понятно, что в игре он был давно, ясно, на что шёл, и давно понял то, что я понял только сегодня – сделал подобное, возврата назад не будет. Размышления сопровождались ведением пути, который я прошёл незаметно, хоть и не легко, за последние полтора года, дорога была не наверх, и даже не ровная, а строго вниз, под откос. Отмеряя назад, шаг за шагом, я видел всё уже не в розовых очках, но в настоящем свете. Как это могло случиться со мной?! С потомственным офицером, желающим служить Родине и жизнь свою положить «за други своя»? Ведь, по сути, во мне ничего не поменялось, я остался прежним и хоть и допускал кое-что, чего раньше, будучи в форме, не допустил бы. Да!

Но как было содержать семью (я не говорю об убийстве) и перебороть и пережить сокращение, грозящее отставкой? И саму демобилизацию? Это не оправдание. Но всё же – как быть с множеством подобных мне, на сегодняшний момент спившихся, потерявших в пустынях сельского хозяйства, челночной коммерции, лежащих без памяти под покосившимися, полусгнившими крестами странного для нас «мирного» времени, прожившего на алтарь миллионы сограждан в виде жертв гласности, перестройки, новых путей, новых планов и ещё много неизвестно чего? Зато растут новые имена в «Форбсе», единичные богатеи и властные чиновники, ничуть их не лучшие, и подобные нам... Хотя есть и другая когорта отставников, вяло сидящих, жиреющих и тупеющих – в ЧОПах, при входах магазинов, кабаков, баров и тому подобных заведений, возможно, с одним вопросом: как я здесь оказался? При этом странно утверждать, что ЧОПовцы не имеют должной подготовки – ведь большинство из них бывшие офицеры, отучившиеся по пять лет и имеющие не только военное, но и высшее гражданское образование. Хотя некрасиво было бы с моей стороны не вспомнить и об огромной когорте прапорщиков, мичманов, старшин и сержантов, в том числе и сверхсрочников, которые составляли огромную

часть военнослужащих с теми же судьбами впоследствии, как и у офицеров...

Больше повезло тем, кто нашел работу по профессии, но, думаю, таких тоже немного. Никого не хочу винить, кроме себя, но, кажется, тяжело найти страну, которая столь беспардонным образом относится к сынам своего отечества. Заметьте, что последняя фраза относится к периоду конца советского и постсоветского времени.

В любом случае, всё тогда произошедшее имело сходство с резанием по живому, но зашиванием подобно патологоанатому. Никто не задумывался о боли, о том, как сойдутся разорванные места и какими будут последствия для людей, скорее всего, оставшихся искалеченными, с изуродованными душами. Если есть удачные примеры «выздоровления», то нужно ставить памятники, бюсты и памятные таблички их мужеству, терпению и целеустремлённости. Более того, уверен, что у них любовь и преданность Родине не потеряли ни капли от прежде имеющих.

Нет, я не мог, как большинство, сидеть и ждать чего-то от государства, чиновники которого, ради быстрее сокращения армии и меньших финансовых потерь при этом, изобрели статью «по уходу в народное хозяйство»! Я знал, что ничего не будет и я ничего не дождусь. А после нападения обычных граждан в метро на двух офицеров в форме, меня и ещё одного, мне незнакомого, через несколько дней после восхождения Бориса Николаевича на «броневик» и допущенных им нескольких фраз, уничтожающих всё достоинство армии и их представителей, многое стало вообще непонятно. Сплочённость армии с народными массами перестала существовать, так же, как и заинтересованность государства в военных, которая тоже не то, чтобы пошла на спад, а прямо-таки упала, что впоследствии подтвердило время.

Хотя при чём здесь страна? Во всём виновата не земля, которая нас кормит и поит, которой мы любимся и которую любим, а именно мы, людишки, которые

заселили этот непередаваемый по красоте и насыщенности историей край. Именно из нас, человеков, выходят не только «матери-героини» или «отцы-командиры», но и чиновники, и предатели и, конечно, преступники. И слава Богу, что в большинстве своём выходят всё же порядочные люди, которым, правда, вряд ли есть до всего этого дело.

В принципе до этого ультиматума, произнесённого на «Лианозовских кортах», мы (я имею в виду, себя и «крылатских парней» – «Шарапа», «Ушастого» и «Тимоху») не делали ничего более криминального, что делают обычные хулиганы, которыми мы почти все в юношестве были, хотя только редкие попадались, наводняя лагерь-«малолетки» Советского Союза. При желании, а так и делается зачастую, любого участника групповой драки (два на два, три на три, стенка на стенку) можно засадить за нанесение тяжких телесных повреждений. Это уже была граница, и выхода я не видел – не в-и-д-е-л!

Как бы ни было, но к следующему утру решение было принято и оформлено в жёсткие рамки. А раз решив, смысла менять решение, без особых на то оснований, я не видел, да и не привык. Мытарства с выбором остались позади, и наверняка моё подсознание включило интуитивный механизм оправдания действий.

Для начала мне показали этого человека, и, как часто бывает, рассмотреть его удалось лишь со спины. Встречался он с «Иванычем» – вот того я рассмотрел во всех подробностях. Далее, мы ещё раз съездили на место, и теперь уже взгляда с пониманием задачи хватило, что бы понять бредовость предлагаемого. Револьвер системы «Наган», семизарядный, работа механизма самовзводом, самопальный прибор для бесшумной и беспламенной стрельбы, который только мешал своей громоздкостью, а лиц с противоположной стороны – не менее пяти (при явной цели – один человек), однозначно вооруженных и с быстрой реакцией. Одним выстрелом не обойтись. И так как о людях мы привыкаем судить по себе, то и я всегда ориентируюсь на обязательный от-

пор, оборону и возможное преследование. Короче, с этим оружием и в такой ситуации мне предлагали самоубийство с двумя – тремя попутчиками на тот свет.

Долго пришлось переубеждать, но рациональность, а, главное, уверенность в результате взяла своё. И начался поиск другого оружия. Напрочь отказавшись в данной ситуации от непосредственного соприкосновения, усложнили задачу. Найденный карабин Мосина, кавалерийский, образца 1937 года, с уже стоявшей оптикой, доставил мне истинное визуальное удовольствие, но, расшатанный долгой эксплуатацией и уже почти без следов нарезов на внутренней стороне ствола, он совершенно отказывался бить точно даже со ста метров, а было двести. Короткоствольный «калашников» с откидным прикладом тоже не подошёл из-за короткой прицельной планки, хоть и был почти новый. И здесь уже подключились Гриша и Культик (расстрелян П. Зелениным у американского посольства 4 марта 1996 года), на тот момент правая рука «Сильвестра». Видимо, ситуация была напряжена до предела, и судьбы – и моя, и чело- века, по которому я должен был «работать», – оказались не только на ниточках, мало того, в прямой зависимости друг от друга. Нашли РГД 18 – «муха», с максимальной дальностью прицельной стрельбы 200 метров. Почесав репу, понял, что отговариваться дальше некуда, любые слова уже воспринимались без улыбки, я решил согласиться, хотя жертв могло быть ровно столько, сколько людей находилось в машине. Но всё же надежда была, что эти 4-5 человек рассядутся, как минимум в две машины, которые я всегда наблюдал.

По всей видимости, я так и не начал вселять доверие в смысле желания исполнять порученное. Ездили отстреливать с новой «фигурой», которую мне приставили в виде контролёра – интеллигентного вида, постарше меня, с явной и редкой в этих рядах отметиной высшего образования, с неважным зрением, но с машиной и великолепным умением ею управлять. Стрелял он неваж-

но, хотя и прошёл срочную службу в ВДВ. Впрочем, ему это и не требовалось. Был он близким человеком «Усатого», и его предназначение вопросов у меня не вызывало. Иногда проходили мысли, так как стоял он первое время всегда сзади или на пути отхода, и о другой его возможной задаче... Но её я гнал, останавливаясь на самой разумной и в данном случае необходимой – контроль! Что и подтвердил гораздо позже Григорий, когда я просил его освободить меня от Павла – свою лояльность к его (Гусятинского) методам я доказал, а лишние глаза и память только портят дело и мешают. На что и было получено добро, но это случилось уже гораздо позже, после третьего или четвёртого дела. А пока автомобиля своего не было, его машина не только нас возила, но и позволяла ему узнавать мои новые места проживания, хоть и выходил я за два-три квартала. И вообще – знать, насколько быстро идёт процесс, и как усердно я им занимаюсь.

«Мухи» было две, и одной я обновил мышечную память, а вторую привёз на выбранное место, которым оказался строящийся концертный зал. Каркас и крыша были готовы, и он монументально возвышался над окружающей его мелочью. Работы велись вяло, на чердаке мы с Павлом, поначалу всегда бывшим рядом, никого из рабочих не встречали. Чердачное помещение было огромным, с покатым к центру полом, с огромными балками и проёмом, куда очень хорошо помещалась для хранения «базука». Слуховые окна небольшие, примерно 30х50 см, давали удобную возможность для обозрения и производства выстрела. Реактивной струи из заднего сопла можно было не опасаться, помещение больших размеров и объёмов, задняя стена – метрах в 30, а вот мощный хлопок уши заложить должен, их защитить возможности не было, ведь каждый шорох, каждый звук, должен быть услышан и распознан, дабы действительно знать окружающую тебя обстановку.

На Тишинке, бывшей тогда барахолкой, мы приобрели и робы, и подшлемники, и каски с сапогами и вареж-

ками, не забыв и про монтажный пояс. Переодевание, ставшее моей страстью, открывшейся только-только, и приносившее невероятную пользу в безопасности мне и необычную путаницу милиции впоследствии. Свидетелей преступления почти никогда не было, а встречавшие меня на «отходе» случайные прохожие могли описать кого угодно по искусственной внешности, но не меня настоящего.

В этот раз у меня были волосы средней длины, почти полностью скрытые под подшлемником, сварочная маска, одевающаяся сверху, естественно, не на лицо, но задранная так, чтобы закрывать лоб и брови, большая борода с усами, роба, монтажный пояс и сварные рукавицы. Венчала замечательный вид грязь, размазанная по лицу.

Рации, древние как мир, но безотказно работающие, тот самый ПМ (наверное, единственный раз, когда я взял оружие страховки, будучи не уверен ни в заказчиках, ни в контролёре и вообще ни в чем, кроме удачного выстрела), ну и, конечно, как обойтись без воды и сникерсов. Где-нибудь я набирал сигаретные окурки, желательно одних марок и одним человеком выкуренные, фантики и обёртки от пищи, какую-нибудь бутылку, желательно всё с отпечатками, по возможности билет — проездной, в кино, театр, электричку — не важно какой, лишь бы пустить ложный след. Могли подойти волосы или даже, пардон, плевки на что-нибудь, клочок замазанной ткани, важно было оставить множество фальшивых отпечатков, даже от обуви, которую сейчас носил, желательно не своего размера, ведь сразу всё либо надёжно выбрасывалось, либо позже уничтожалось, вплоть до нижнего белья. Интересным вариантом могла стать и кровь, разумеется, не своя, и даже фекалии, но ничего своего, ничего!

Самое важное во всей схеме это личная безопасность и наипервейшее в ней — отход. Путей отхода должно быть несколько, все они просчитываются по временным, световым рамкам: день — ночь, светло — темно.

Пешеходная загруженность, автомобильная, видеокамеры, обязательно понимая с подсветкой или без. Конечно, тогда их было совсем мало, но чем дальше, тем сложнее, а сегодня ещё и банкоматы и всевозможные регистраторы.

Найти место, где переодеться, а одежда должна быть быстроразъемной и также быстроодеваемой, не особо броская, но сильно отличающаяся по имиджу от предыдущей. Определить места, куда её прятать, чтобы удобнее брать, или носить на себе под «рабочим комплектом» даже летом в жару, как минимум – один сменный комплект, пусть и спортивный. Это всё вкратце, но главное – не иметь с собой ничего компрометирующего на «отходе»: лишних документов, телефонов или пейджеров, если того не требует обстановка, никакого оружия, даже перочинного ножа. Кстати, это одна из причин того, что использованное оружие оставляют на месте. Можно оставить по ходу движения на всякий случай хоть кувалду, чтобы выбить дверь или окно или заранее поменять в них замок, так же, как и на чердаках и на подвалах, и каждый раз проверять. Никогда не понимал оставления машины ближе двух-трёх кварталов. Иное дело «работа» из минивенов, автобусов и грузовиков. Но это отдельная тема, вряд ли нужная для обсуждения.

Что делать, я увлекающаяся натура. Прошу прощения, если порой заносит не туда, зато читатель имеет возможность составить более полный портрет без утайки и прикрас, если, конечно, посчитает нужным это сделать, да и написанное, честно говоря, стирать жалко.

Поездки наши продолжались больше месяца, около двух. Разумеется, поиск, передача и пристрелка оружия заняли большую часть этого времени из-за непродуманности прежде этих вопросов. Хотя эпоха больших сходок и кулаков уже подходила к концу, «Сильвестр» требовал солидности, цивилизованности и галстучно-пиджачной воспитанности. На дворе был 1993-й, через год он в приказном порядке всей элитной и околоэлитной массе

предложил пересесть на мерседесы, в худшем случае — на BMW, по понятным причинам начав с себя. Его 140-й кузов-купе с объемом двигателя в 600 кубов пролетал на любые сигналы светофора, часто в гордом одиночестве. Человек без страха и упрёка, вознесший себя до невероятных высот, имеющий на тот период сильнейшую армию и ведущий, как Агамемнон, не шутейные войны во многих направлениях, готовясь к подобной с Илионом. Один из его приближенных позже, в приватной беседе, с нескрываемой гордостью поделился «внутренней статистикой»: «С начала года уже 25 человек завалили — работаем!». А было, уважаемые господа, 25 января — Татьянин день, праздник замечательного имени моей мамы и всех студентов. И всё только начиналось: не только новый год после отпусков и отдыха, но и переделы, крупные дела и настоящие боевые столкновения, которые, слава Богу, касались, в основном, самих же группировок.

Я читал о цифре, которую повторил на моём судебном процессе обвинитель, и которую одобрил понимающим кивком судья, с 1990 года по 2000-й погибло более миллиона молодых мужчин в возрасте от 16 до 35 лет, это убитые и пропавшие без вести, покончившие с собой, погибшие в авариях и наркотических передозах. В такой статистике крепких и не достигших опытного возраста пассионарных людей есть и коммерсанты, и миллионеры, их родственники и даже чиновники, а также случайно попавшие в этот список. Но в основном — парни из параллельных криминальных структур, разбросанных по всей необъятной Российской Федерации. И все они жертвы субъективной жадности, алчности, гордыни, тщеславия людей, находящихся во главе чего-либо, а более всего — борьбы за деньги и власть единиц, тянущих за собой тысячи. Их жизни — на каждом из нас, выживших и бывших нашими и чьими-то товарищами, а то и друзьями. Вот они, кто были с нами, надеясь на жизнь лучшую, и шли тем же путём, споткнувшись о чей-то выстрел, петлю, нож или что-то ещё, что остановило их сердце:

ПОГИБШИЕ ОТ РУК СВОИХ

№	ФИО	Место в иерархии	Прозвище	Причина смерти	Год гибели	Кем убит	Место упокоения
1	Юрий Лукьянчиков	Бригадир	«Африканец»	застрелен	1994 год	Алексеем Кондратьевым	Закопан в лесной массив
2		Рядовой член	«Иваныч»	застрелен	1994 год	Юрием Тарасовым	Закопан Дмитровское шоссе, пос. Северный
3	Григорий Гусятинский	Авторитет	«Гриня»; «Северный»	застрелен	январь 1995 года	Алексеем Шерстобитовым	Хованское кладбище
4	Алексей Садовников	Бригадир	«Банщик»	задушен и сожжён	#####	Сергеем Махалиным или Сергеем Ананьевским	гаражи у Путевого проезда г. Москва
5	Юрий Бачурин	Старший «Лианозовской» бригады, авторитет	«Усатый»	задушен и сожжён	#####	Юрием Тутылёвым	гаражи у Путевого проезда г. Москва
6	Сергей Кондратьев	Рядовой член	«Кондрат»	задушен	август 1995 года	Сергеем Симоновым	Закопан, лесной массив Петушковский район
7	Сергей Ананьевский	Авторитет	«Культик»	застрелен	зима 1996 года	Павлом Зелениным	Хованское кладбище
8	Юрий Федулов	Бригадир	«Шарпей»	застрелен в Греции на яхте «Оси»	1996 год	Алексеем Кондратьевым	Дно Средиземного моря

№	ФИО	Место в иерархии	Прозвище	Причина смерти	Год гибели	Кем убит	Место упокоения
9	Игорь Смирнов	Бригадир	«Шульц»	застрелен в Греции на яхте «Оси»	1996 год	Алексеем Кондратьевым	Дно Средизменого моря
10	Игорь Сергеев	Рядовой член		застрелен	#####	Сергеем Махалиным, Баниным, Владимиром Грибковым	Закопан в лесной массив у д. Шибаршино Можайского района
11	Михаил Сергеев	Рядовой член, брат Игоря Сергеева		застрелен	#####	Сергеем Махалиным, Баниным, Владимиром Грибковым	Закопан в лесной массив у д. Шибаршино Можайского района
12	Казарез	жена Михаила Сергеева		застрелена вместе с мужем и его братом	#####	Сергеем Махалиным, Баниным, Владимиром Грибковым	Закопана в лесной массив у д. Шибаршино Можайского района
13	Сергей Володин	Авторитет	«Дракон»	застрелен	февраль 1996 года	Павлом Зелениным	Хованское кладбище
14	Сергей Дмитриев	Рядовой член, водитель Гриши	«Полпорции»	задушен	лето 1996 года	Дмитрием Значковским	Закопан в лесном массиве, Подольский район г. Климовск .

№	ФИО	Место в иерархии	Прозвище	Причина смерти	Год гибели	Кем убит	Место упокоения
15	Игорь Царенко	Рядовой член	«Злой»	застрелен	ноябрь 1997 года	Олегом Михайловым	Закопан в лесном массиве, Подольский район г. Климовск .
16	Армен	Старший «Лианозовской» бригады, авторитет	«Армен»	передоз	1997 год		выброшен на улицу из наркоманского притона
17	Андрей Марушкин	Рядовой член	«Владимирский»	передоз, пропал без вести	1997 год		
18	Евгений Любимов	Старший «Лианозовской» бригады, авторитет	«Женёк»	застрелен	зима 1997 года		труп оставлен и сгнил в квартире
19	Дмитрий Пирогов	Рядовой член	«Пирог»	Поломан, задушен, расчленён	1997 год	Толстиковым, Алексеем Кондратьевым	Закопан, лесной массив Петушковский район
20	Юрий Тутылёв	рядовой член, исполнитель	«Мясной»	передоз, пропал без вести	январь 1997 года		
21	Роман	Рядовой член, крестник Пылёва О.	«Москва»	передоз	1997 год		Вывезен в коробке из-под холодильника и закопан на помойке

№	ФИО	Место в иерархии	Прозвище	Причина смерти	Год гибели	Кем убит	Место упокоения
22	Павел Зеленин	Рядовой, исполнитель		передоз	1998 год		тюремная больница СИЗО «Матросская тишина»
23	Витас Казюконис	рядовой член, исполнитель		повесился, пропал без вести	1998 год		
24	Дмитрий Знаковский	Рядовой член		задушен	февраль 2000 года	Д. Туркиным, А. Кондратьевым	Закопан, лесной массив Петушковский район
25	Василий Царьков	Рядовой член		застрелен	2000 год	Олегом Михайловым	Закопан, лесной массив Петушковский район
26	Сергей Симонов	Рядовой член, крестник Пылёва О.	«Пельмень»	застрелен	2001 год	Олегом Михайловым	Закатан в бетон гаража на ул. Тестовская
27	Игорь Банин	Рядовой член	«Баня»	застрелен	2001 год	Олегом Михайловым	Закопан в лесном массиве, г. Веря
28	Игорь Островский	рядовой член	«Чикаго»	Застрелен	2001 год	Сергеем Махалиным и Олегом Михайловым	
29	Максим Зотов	Банкир	«Макс»	выбросился с 16-ого этажа за день до допроса	13.11.2006 года		

ОТВЕТНЫЙ ВЫСТРЕЛ (осужденные)

№	ФИО	Прозвище	Место в иерархии	Каким судом осужден и когда	Судья	Приговор	Примечание
1.	Олег Михайлов	«Хохол»	Рядовой член, исполнитель	Приговор Мосгорсуда от 10.09.2007 года	Откин	Пожизненное заключение	
2.	Буторин Сергей	«Ося»	Авторитет, «старший» Ореховско-Медведковско-Одинцовской ОПГ	Приговор Мосгорсуда от 06.09.2011 года		Пожизненное заключение	
3.	Марат Полянский		Бригадир, исполнитель	Приговор Мосгорсуда от 06.09.2011 года		17 лет колонии строгого режима	
4.	Андрей Пылёв	«Малой»	Авторитет, «старший» Медведковской ОПГ	Приговор Мосгорсуда от 27.09.2006 год		21,5 года строгого режима, идёт второй суд.	
5.	Олег Пылёв	«Генерал»	Авторитет, «старший» Медведковской ОПГ	Приговор Мосгорсуда от 10.09.2007 года	Откин, Штундер	Пожизненное заключение + 18 лет	
6.	Александр Федин		Рядовой член	Приговор Мосгорсуда от 10.09.2007 года	Откин	12 лет строгого режима	
7.	Вячеслав Пономарёв	«Моряк»	Рядовой член	Приговор Мосгорсуда от 10.09.2007 года	Откин	25 лет строгого режима	
8.	Алексей Шерстобитов	«Солдат»	Старший группы, исполнитель	Приговор Мосгорсуда от 29.09.2008 года	Зубарев, Штундер	23 года строгого режима	

№	ФИО	Прозвище	Место в иерархии	Каким судом осужден и когда	Судья	Приговор	Примечание
9.	Махалин Сергей	«Лысый», «Камбала»	Бригадир, исполнитель	Приговор Мосгорсуда от 10.09.2007 года	Откин	Пожизненное заключение	
10.	Васильченко Александр		Рядовой член, исполнитель	Приговор Мосгорсуда от 19.05.2004 год	Откин	Пожизненное заключение	
11.	Филиппов Андрей		Рядовой член, исполнитель	Приговор Мосгорсуда от 10.09.2007 года	Откин	14 лет строгого режима	
12.	Туркин Дмитрий	«Ушастый»	Рядовой член	Приговор Мосгорсуда от 10.09.2007 года	Откин	12 лет строгого режима	
13.	Грибков Владимир	«Булочник»	Рядовой член, исполнитель	Приговор Мосгорсуда от 10.09.2007 года	Откин	14 лет строгого режима	на свободе
14.	Гусев Павел		Рядовой член	Приговор Мосгорсуда от 10.09.2007 года	Откин	10 лет строгого режима	на свободе
15.	Виктор Гусятинский		Предприниматель	Приговор Мосгорсуда от 10.09.2007 года	Откин	5 лет строгого режима	на свободе
16.	Павел Макаров		Рядовой член	Приговор Мосгорсуда от 29.09.2008 года	Штундер	13 года строгого режима	
17.	Сергей Елизаров		Рядовой член	Приговор Мосгорсуда от 29.09.2008 года	Штундер	13 года строгого режима	
18.	Александр Погорелов	«Санчес»	Член группы Шерстобитова	Приговор Мосгорсуда от 03.03.2008 года	Зубарев	12 лет строгого режима	
19.	Сергей Вилков		Член группы Шерстобитова	Приговор Мосгорсуда от 03.03.2008 года	Зубарев	10 лет строгого режима	

№	ФИО	Прозвище	Место в иерархии	Каким судом осужден и когда	Судья	Приговор	Примечание
20.	Пустовалов Александр	«Солдат»	Рядовой член, исполнитель	Приговор Мосгорсуда от 19.05.2004 год		24 года строгого режима.	
21.	Игорь Климов	«Клим»	Рядовой член	Приговор Мосгорсуда от 19.05.2004 год		9 лет строгого режима	
22.	Олег Толстиков		Рядовой член	Приговор Мосгорсуда от 10.09.2007 года	Откин	4 года строгого режима	
23.	Алексей Яковлев	«Велосипедист»	Рядовой член	Приговор Мосгорсуда от 10.09.2007 года	Откин	8 лет строгого режима	
24.	Алекей Кондратьев	«Кондрат», «Гиви»	Рядовой член, исполнитель	Приговор Мосгорсуда от 10.09.2007 года	Откин	15 лет строгого режима	
25.	И.А. Коршунов		Предприниматель	Приговор Мосгорсуда от 10.09.2007 года	Откин	10 лет строгого режима	
26.	Дмитрий Куликов		Рядовой член	Приговор Мосгорсуда от 19.05.2004 год		18 лет строгого режима	
27.	Сергей Филатов		Рядовой член	Приговор Мосгорсуда от 19.05.2004 год		18 лет строгого режима	
28.	Руслан Полянский		Рядовой член	Приговор Мосгорсуда от 19.05.2004 год		17 лет колонии строгого режима	
29.	Олег Пронин		Рядовой член	Приговор Мосгорсуда от 19.05.2004 год		17 лет колонии строгого режима	

№	ФИО	Прозвище	Место в иерархии	Каким судом осужден и когда	Судья	Приговор	Примечание
30.	Александр Кравченко		Рядовой член	Приговор Мосгорсуда от 19.05.2004 год		8 лет строгого ре- жима	
31.	Яков Якушев		Рядовой член	Приговор Мосгорсуда от 19.05.2004 год		8 лет	условно
32.	Дмитрий Усалёв		Рядовой член	Приговор Мосгорсуда от 19.05.2004 год		8 лет	условно
33.	Виктор Сидоров		Рядовой член	Приговор Мосгорсуда от 19.05.2004 год		5 лет	условно
34.	Дмитрий Бел- кин		Авторитет, «старший» Одинцовской ОПГ	Арестован в г. Мадрид, ведутся переговоры об экстрадиции. Обви- няется более чем в 30 убийствах.			

ОСТАВШИЕСЯ НА СВОБОДЕ

№	ФИО	Прозвище	Причины
1.	Александр Шарапов	«Шарап»	В розыске, возможно мёртв
2.	Тимофей Карасёв	«Тимоха»	Свидетель обвинения
3.	Павел Амелин		Свидетель обвинения
4.	Александр	«Шурик»	Свидетель обвинения
5.	Владимир Ленский		Свидетель обвинения
6.	Владимир Бабей	«Бабей»	Свидетель обвинения
7.	Игорь Батраченко		Свидетель обвинения
8.	Сучков Эдуард		К делопроизводству не привлекался
9.	Дмитрий Чернухин	«Харя»	Свидетель обвинения
10.	Сергей Чаплыгин	«Чип»	Свидетель обвинения
11.	Буторин Александр	«Зомб»	Свидетель обвинения

Кто из них не канул в лесу или водоёме, были похоронены с блестящими почестями, уже не нужными мёртвым, но будоражащими чувства живых. Такие похороны, как у «Сильвестра» или «Культика», должны были спланировать, давать представление о братстве и показывать, что все мы мощный кулак, не отдающий «своё», а на чужое, якобы, не зарящийся.

Кавалькада машин, блестящих и дорогих, накопленных за малую часть от настоящей стоимости, отобранных за долги, украденных, с перебитыми номерами и так далее. Со спортивного вида бойцами, коротко стриженными, в кожаной униформе, мужественными лицами и со взглядами, говорящими о том, что их владельцы не только готовы на всё, но и всё это делали уже неоднократно. Они напоминали движущиеся очереди, где четверным-пятым ехал катафалк, иногда и не один, а впереди едущие несколько машин перерезали движение встречных и боковых потоков, вне зависимости от ширины и значения дорог и трасс. Иногда это делали либо оплаченные, либо всё понимающие и входящие в положение ГАИшники – все под Богом ходим. Но многие считали подобное недопустимым. Люди, стоявшие в образовавшихся пробках, поначалу высказывали, кричали, сигналили, ругались, махали руками, находились предлагавшие деньги за проезд или угрожавшие молчаливо стоящим и сегодня спокойным «боевикам». Но появляющаяся процессия из сотни, а то и более машин, набитых теми, чьи имена, по крайней мере, некоторых произносили шепотом, заставляла рокот становиться тише и превращаться в негромкий ропот.

Проезжающие же ощущали свою силу, превосходство и далёкую отстранённость от этого мира, никогда не понимающего, но по-честному завидующего той категории людей – личностей, может, и не там применяющих свои силы, однако не боящихся не только делать запредельное, но и отвечать за это жестко, порой теряя и жизнь. Это вам, для сравнения, не сегодняшние

в большинстве чиновники и все те, кому вы и мы несём взятки и о чем-то просим – причем не потому, что они из себя что-то представляют, а лишь потому что занимают, волею случая, кресло, пост, а то и табуретку, специально поставленную так, чтобы заслонять вход. В отличие от первых, этих не убивают, не преследуют, не сажают. Нет, о них и их прегрешениях только говорят, грозя в их сторону пальцем, но твёрдо придерживая другой рукой, увеличивая их количество и, соответственно, ухудшая их качество!

Хотя не перевелись ещё и за своё и за чужое радеющие люди, которые могут где-нибудь у машины, у гаража или в подъезде невзначай спросить: «Уважаемый, зачем так ведёшь себя?!». И популярно объяснить, что если уж всех уважать не в состоянии, то пусть хоть научится видеть разницу, а для начала могут и дать ему хотя бы на одну треть от возможного максимума страдануть, скажем, спалив автомобиль, появившийся у владельца в виде очередной взятки (ведь не убудет!), и отвесить пинок, придающий инерцию для полёта метров на 5-6. А если жалобы со стороны населения возобновятся, увеличить давление еще на треть.

Отпевание в церкви, дорогой гроб, необычная музыка, красивые, многообещающие слова, клятвы о мести и обещания жене содержать пожизненно её и детей, как я уже неоднократно писал и повторяю в третий раз (ибо это было фоном, на который накладывалась вся основная жизнь, и пусть станет фоном для каждого, читающего эту книгу, чтобы проще понять происходящее): во всё это верилось и, частично, подтверждалось. По крайней мере, до моего откровенного разговора в конце 1994 года с Андреем Пылёвым перед принятием мною решения об устранении Гриши, я свято верил (и это совпадало с моим мировоззрением, сформированном в годы обучения и службы) в то, что находили и мстили, таким образом предупреждая «межклановые войны», а соответственно, и свои потери. Иногда это было так, но чаще,

увы, были просто личные амбиции «Северного» – очень злопамятного и мстительного человека. «Иваныч» до такого не опускался, он и сам лично с любого спросить мог и никого не боялся. Но такой бизнес, манеры и средства его ведения были присущи тому времени. Он мог спустить обиду, простить, если извинялись, но не уступить или отдать своё. Раз сказав «нет» или «наше», уже не повторялся, а рубил с плеча, поэтому часто приходилось слышать: «Да если даже след этого человека в этом вопросе есть, то мы из уважения уступаем».

Было и по-другому и по-другому заканчивалось, как скажем с «Птицей» и его «Птицинскими» при перестрелке у театра Советской армии и Музея вооруженных сил в 1994 году. Я не присутствовал, но во всех красках и подробностях знаю со слов нескольких участников, повествовавших мне об этом в разное время. Сейчас уже и не вспомню причин тех событий, только на «стрелу», среди прочих, ездили О. Пылёв, Гусятинский, Бачурин, Любимов. «Культик» единственный ехал, зная, как она закончится, народу же просто сказали быть готовыми, впрочем, почти как всегда – по-серьёзному. Каждый приехал во всеоружии. Расставились, окружив место встречи и пути возможного отхода, периодически созванивались друг с другом или переговаривались по радиосвязи, что допускали крайне редко, опасаясь «прощупывания эфира». О действиях договорились заранее, хотя каждый и так знал, что делать в крайнем случае, но, странно, не о ведении самих переговоров. Подъехал Ананьевский («Культик»), поздоровался с тем, кто был открыт и близости, направился к идущим по лестнице оппонентам, тех было не более десяти – меньше нашего. Ничто не предвещало быстрой и грустной развязки, хотя «более удачного» места для нее найти было сложно – отходов море: два парка, две станции метро не более чем в километре, много трасс и дорог, общественных центров культуры, спорта и так далее. Место всем знакомое, а для нас вообще, родное. «Пыли» и Гриша постоянно со-

бирали своих подчиненных на стадионе «Слава», а Селезнёвская улица была не только местом дислокации, но и районом, где они выросли и впервые увидели свет.

Всё произошло крайне быстро, протягивая и пожимая руку «Птице», Сергей «Культик», левой рукою вынул небольшой «ствол», как потом оказалось, мой подарок, и без тени сомнения, приставляя его ко лбу очередного «авторитета», спустил курок. Через секунду атмосфера пятачка, расположенного недалеко от памятника А.В. Суворову, разрезалась сухими хлопками выстрелов, ранивших и добивающих и, по-моему, даже не успевших дать отпор и не сопротивляющихся, чем-то перешедших дорогу тогдашнему «королю» преступного мира, так и не ставшему «вором в законе» – «Сильвестру». «Птица» лежал навзничь, холодеющий и ничего уже не представляющий. Взгляд, вперившийся в небо, смотрел на приближающуюся тьму, а душа отлетала, то ли пока еще ничего не поняв и сожалея о неудаче, то ли виня себя и свои действия, из-за которых души ещё троих соратников покидали вместе с ней мир земной. А может быть, в такие мгновения душу перестает интересовать происходящее в этом мире, а только предстоящие мытарства, «страшный суд» и приговор, ждущий каждого из нас, после которого лишь два выхода – на лестницу вверх, к свету, или вниз, к мразотной тьме?

Кому-то всё же удалось избежать такой же участи, и один из них, пробегая жигули седьмой модели, удачно припаркованные под выбранный заранее сектор обстрела с внимательно наблюдавшим за происходящим «Шарапом», тем самым парнем из «Крылатского», державшим наготове свой ПМ (8 патронов + один в стволе), разогнавшись без оглядки, не справился со скоростью, а может, от переизбытка адреналина и не заметив машину, со всего маха «въехал» в решетку радиатора, на секунду застыл в позе «Г», и не выпрямляясь, растерялся от вида направленного на него в полуметре, через лобовое стекло, дула ствола. Слишком резкое нажатие

на спусковой крючок дёрнуло ствол вниз, влево, и ещё раз и ещё раз... Беглец стоял, как замороженный и согбенный, с выпученными глазами, уже представляя себя кошкой, у которой ровно столько жизней, сколько пуль изрыгнул пистолет. Происходящего не понял никто из них, оба были в шоке. Затвор находился в заднем положении, запёртый затворной задержкой, что говорило об окончании боеприпасов, но палец упорно выжимал ещё хотя бы один. Первым опомнился безоружный, хотя и державший в руке пистолет, в суматохе то ли позабыв о нём, то ли от страха и неуверенности не подумал им воспользоваться, но рванул через машину, как показалось Александру, одним прыжком и вторым исчез восвояси – сушить портки и думать о смысле жизни.

Представляю величину комка в горле у «замечательного» стрелка, но ни взгляд, ни судорожно работающая мысль не давали объяснений, а делать что-то было нужно. Анус крепко вцепился через дорогие брюки в обивку сиденья, и отпускать не хотел. Ноги уже перебирались, как при беге, но ещё внутри салона. Понятно, что нужно было уходить, но глаза не могли найти ни одной дырки от пуль – если бы они были в исчезнувшем теле, то вряд ли оно могло бы двигаться с такой быстротой.

Это потом, через несколько часов, за множеством рюмок водки, «Шарап» понял, что ему, возможно, повезло не меньше, ведь парень мог так же разрядить свою пушку, но шансов промазать у него было меньше.

Несколько по-иному о том рассказывал Махалин, будто бы присутствующий на пассажирском сидении, но мне почему-то больше нравится именно этот вариант.

* * *

Воистину, Господи, чудесны дела Твои! Велика милость Твоя. Но какой вывод сделали и один и второй? Саня, по всей видимости, никакого, и об этом мы разговаривали на краю бассейна на вилле Андрея, прини-

мая солнечные ванны и пуская колечки сигарного дыма. По прошествии многих лет, имея уже свои дома, входя в пятёрку основных представителей нашего «профсоюза», мы не то, чтобы жалели о содеянном, а уже вряд ли помнили о нём в полном размере!!! Сегодняшняя суэта застила голос совести прошлого, но был ясен, хоть и часто слаб её голос в настоящем. Это отрезвляло, часто останавливало и, в результате, не дало сделать шаг для достижения самого дна пропасти и остаться, может, и содеявшим ужасное человеком, но человеком.

Завтра был «миллениум», а сегодня мы наслаждались редкими семейными идиллиями, совместив сразу три семьи. Неоформленную официально пару представляли только мы, но я свято верил во временность этого положения, хоть и очень долго продолжавшуюся, и тратил массу времени и денег, чтобы когда-нибудь прийти к решению этого вопроса. Девчонки щебетали и приятно суетились, готовясь к предстоящему походу в ресторан. Красивые и безопасные места, дорогие машины и одежды, вкусная пища и вино и беззаботные две недели с красивой и любимой женщиной – это была моя предпоследняя поездка в Испанию и вообще встреча на свободе с «Андреем» и «Шарапом». Через пять лет стезя жизни круто повернётся и нарушит наше существование уже далеко отошедших от прежнего людей, занимающихся своим бизнесом, а главное, прочно вошедших в околосемейную идиллию с постоянным местом проживания, работой, а в моей ситуации уже, ещё чуть-чуть, и с женой. Но это после, а сейчас дышалось легко, здоровый, крепкий организм с трезвым разумом и огромным опытом по выживанию, просто наслаждался. Позади было двухдневное пребывание в Амстердаме, а впереди – солнце, удовольствие, свобода без напряжения, в России всегда чрезмерного. Мы вспомнили ту перестрелку, и Александр рассказал продолжение.

Очнувшись, он выбил простреленное стекло, так и не найдя дырок – лишь после, через две недели, на сер-

висе они чётко определяются, зияющие черным на капоте, непонятно как не замеченные сразу. Схватив сумку, рванул как на «сотку». Пару раз в неделю, приезжая со своими парнями, он отмечал про себя, что машиной, кроме шпаны, никто не интересуется, а через 15 дней увёз через подставное лицо, которому якобы принадлежал автомобиль, его на сервис. Рейтинг всех участников, кроме трупов, дико поднялся, кроме «Ананьевского» – у него он и так давно зашкаливал за все мыслимые границы. Кстати, иногда на стрелках он приговаривал, обращаясь к противостоящей стороне: «На мне восемь воров, за каждого готов ответить, кто желает – подходите». Однажды этому я сам оказался свидетелем, причем нас было многим меньше, и мне подобное поведение показалось несколько безрассудным и нерасчётливым. Но странно, желающих никогда не находилось, за «голубую кровь» никто не спрашивал, хотя должны были. Но видно на то были причины у небожителей криминального мира. Не мне судить. Газеты пестрили заголовками о стрельбе в упомянутом месте и шести убитых, телевидение не отставало тоже, милиция в результате отрапортовала о разборке с участием «чеченцев», а все настоящие участники о ней забыли до тех пор, пока не стали арестовываться доблестными органами. Но эти истории для будущего.

Но вернемся к «Филину» (Михаил Фомин, в прошлом – замначальника одного из спецподразделений ГУВД Москвы), а именно так называли того человека, жизнь которого я согласился променять на спокойствие и безопасность моей семьи и свою жизнь. «Усатый» с Пашей решили оставить на «точке» меня одного до самого исполнения, последний, по уговору с Юрой, должен был «прикрывать» меня лишь в момент выстрела. А сейчас они сидели у перекрёстка, в ожидании приближения тёмного мерседеса, на котором передвигался «клиент», чтобы дать об этом знать мне. Разумеется, всё должно было произойти по выходу, а не по входу, о

котором меня тоже должны были предупредить. Смысл радиийного сигнала был в том, чтобы не маячить на месте, с которого должен был быть произведен выстрел, и исключить случайных свидетелей, которые иногда шлялись к этому месту по всевозможным нуждам, а также минимизировать моё нахождение вместе с РПГ у окошка-отдушины. Была и ещё одна загвоздка: труба, в которой находился «выстрел», вставляла на самовзвод и в обратное положение не возвращалась. Предохранителя же в одноразовой «базуке», как известно, не существует. И раз взведя, надо было палить. Поэтому, получив сигнал, я начал готовиться: проконтролировал приезд, обратив особое внимание на место в машине, где сидел этот человек, во что одет, как выглядит сегодня и что держит в руках.

Приехавший был просто огромен, высок, с окладистой русой бородой. Не знаю, кем он был, но мне показалось, что с него Врубель писал «Богатыря». Понимая, что у меня ещё час-полтора, начал приводить своё место «в порядок», в соответствии с планом оставления вещественных доказательств. Даже одел сеточку на голову, что бы на подшлемнике вдруг не остались мои волосы, чужие же были вклеены в него на случай, если потеряю его (так и произошло). Хорошо, с собой была вязаная шапка, на неё потом и одел каску по выходу из строения. Через 30 минут, ещё раз все проверив, просчитал возможные варианты отхода. По идее, нас должны были забрать «Усатый» с кем-то через квартал от места нахождения, но ему веры не было, да и Паша был чересчур подозрителен своим напуганным поведением, которое пытался списать на невозможность и неизвестность – ведь если я промахнусь, он тоже пострадает.

На всякий случай, я просил подъехать одного из «крылатских» к месту, обозначенному заранее, и находящегося чуть дальше и в стороне от места ожидания «лианозовских». Предупредительность не помешала. Время занятий спортом для этого богатыря было пос-

тоянным, соответственно, и время выхода также. Уже подготовившись и взведя гранатомёт, находясь в стойке положения «товсь», я запрашивал «Усатого» или Пашу. Ответов не было. Списав всё на разряженный аккумулятор в их «Гольфстриме», хотя заряжал сам, решил все же стрелять, к тому же дублирующий вариант с отходом к другому автомобилю был уже на месте.

Не хотелось думать, что Паша может подкрасться сзади после выстрела (ведь на запросы по рации он не отвечал) и сделать свой, но осмотреться как следует я уже не мог и просто надеялся на пару секунд, которые мне даст реактивная струя от выходящего «выстрела». А дальше... ПМ был под рукой, за поясом.

Далее все осталось в памяти, как и оставалось всегда потом в виде фотографий – покадрово, с достаточно чётким изображением.

Филин вышел в сопровождении двоих, ветра не было – ленточка, привязанная к ветке дерева у его машины еще ранним утором, даже не колыхалась. Дождя тоже не было, да это и не имело особого значения.

Выстрел должен был произойти сразу, как захлопнутся двери, тогда, при закрытых стёклах, плазма создаст вакуум с высокой температурой и всё довершит взрыв, скорее всего, неполного бензобака. Бородач был на пассажирском переднем сиденье, водитель слева от него. Их я видел четко, двери, закрываясь, приближались к кузову, всё застыло или двигалось очень медленно, верхний угол треугольника прицела точно на выбранной точке соединения лобового стекла и крыши, строго посередине машины. Плавное нажатие на танкетку... Спуск, хлопок сработавшего двигателя, толкавшего выстрел, похоже, сработал одновременно с закрытием дверей, всё должно было совпасть чётко, ведь севшие в машину могли почти сразу начать открывать окна, несмотря на имеющийся кондиционер, чего нельзя было допустить. Меня окатило жаром, в память врезалась поднимающаяся задняя часть «мерена», открывающийся багажник и...

Далее было неинтересно и, как казалось, предсказуемо. В голове стучало: свободен, свободен, свободен... И, как по пунктам, все в заранее определённых местах: здесь остановиться посмотреть, здесь прислушаться, здесь вообще, ни на кого не глядя и быстро, через забор, в проходняк, одетым рабочим, из него – уже интеллигентом в плаще и с пакетом, в поворот за углом, ещё один – из-за него уже без плаща, в свитере и бейсболке, с чуть большим другим пакетом. Тачка на месте – домой, по пути – звонок Григорию и в ответ его команда без одобрения – послезавтра к вечеру явиться в офис. Поеду, с надеждой разойтись миром не только по поводу пропавшего оружия, но и всего остального, и с уверенностью того, что больше подобного тому, что я сделал 5 минут назад, делать не буду.

Но это был совсем не конец, кто-то рогатый глумился надо мной, затягивая всё туже и туже. «Вечер послезавтра» обернулся утром и Пашиным звонком с требованием Гриши приехать как можно быстрее. Заподозрив неладное и не став спрашивать у подъехавшего уже, в чём дело и где они с «Усатым» вчера пропадали, так и не дождавшись моего выхода, почуял очередную «прокладку». Сначала настоял на том, чтобы подъехать к бассейну «Дельфин». Но не по причине, по которой считают психологи, будто преступник всегда возвращается на место своего преступления, а для того, что сами они сделать не додумались, и обнаружил почерневший от высокой температуры асфальт на месте стоявшей машины – было очевидно, что она сгорела до тла. Ленточка моя, как сигнализатор ветра весело развевалась, намекая на то, что если и не получилось, то не по моей вине. Чашечка кофе и мороженое в кафешке рядом многое прояснили: машина сгорела, но взрыв был не сразу, хоть и сильный. Все живы, но легко ранены двое.

Какого же было моё удивление, когда Гусятинский, не поздоровавшись, прокричал вопросительно: «Почему я не стрелял?». Выслушав ещё многое, но спокой-

но дождавшись своей очереди, сказал всё о выстреле и о выясненном только что, то же подтвердил рядом стоящий Павел, по всей видимости, переживая из-за опасения быть уличенным в преждевременном исчезновении и нарушении плана моего отхода, что могло повлечь тяжёлые для него последствия. Что касается «Усатого», то он бы, скорее всего, отбрехался. Окончание разговора завершила секретарша, принёсшая вместе с чаем и «Московский комсомолец», подтвердивший своей статьёй наши слова. По всей видимости, поднял настроение шефа и звонок «Сильвестра», с восторгом отозвавшегося о хоть и не получившемся, зато произведшем бешеный фурор покушении. Бандитская Москва, по слухам, долго об этом говорила, ибо гранатомёты ещё не только не вошли в моду, но и не начали применяться, тем более с такого расстояния.

Мое публичное наказание было отменено, я получил порцию лести и обещание премии, совсем не лишней на тот период. Через пару дней назначили встречу у нового дома, где жил Григорий. Он обещал сделать предложение, от которого я не смогу отказаться. Восторгов это не вызывало, а вот настороженность – ещё какую. Но всё, что оставалось – ждать. Перестиранный бельё, какой-то фильм на видеокассете, плотный обед-ужин и приятные воспоминания о вчерашней крылатской бане с Миленой погрузили мою перегруженную психику в глубокий сон примерно часов на десять. Последняя мысль с нейтральной интонацией, которую я помнил – никого не убил.

Подошло назначенное время встречи. Полгода назад, в Капотне, основа нашего «профсоюза» влезла в долю то ли какого-то кооператива, то ли строительной фирмы и через несколько месяцев получила пять квартир в личную собственность, сразу разобранных между собой же. Пока шёл ремонт и последующие пару месяцев – место встречи было именно там, но, после поездки на очередной отдых, на острова какой-то восточной

страны, все они, наши замечательные «у руля стоящие», загорелись идеей купить хотя бы по маленькому домику на отдалённой, но тёплой земле. Для начала этим кусочком стал один из островов Канарского архипелага – Санта-Круз де Тенериф, принадлежащий королевству Испания.

К «Северному» (Грише) я подъехал в условленное время, он был окружён на улице десятком «звеньевых» и что-то им втолковывал, увидев меня, прекратил общение и пригласил жестом подняться домой. Ремонт был окончен, и меня после пяти-шести, одной за другой сменённых съёмных квартир, с сильно потрёпанными и пошарпанными стенами, удивило спокойствие окраски тонов стен, соединенное с роскошью мебели, тяжестью штор и гардин. Новоиспечённые нувориши, только окунувшиеся в появившуюся возможность, рвали, что называется, и ртом и тем местом, которым уцепился «Шарап» за сиденье своего автомобиля после того, как разрядил свой ПМ при перестрелке у музея «Вооружённых сил». Очень редко, когда интерьер был оформлен со вкусом, здешнему обиталищу это не грозило, но было не очень заметно, лишь с точки зрения нравится-не нравится, так как при «совке» и близко ничего подобного не было. Да и сейчас, чтобы подобрать всё в соответствии со вкусом, нужно было потратить не только кучу денег, но и уйму времени и усилий. Всё исправилось через год с небольшим на вилле, купленной Гришей за миллион долларов, беспардонно изъятых из «общака». Похоже, что в отделке тенерифского дома, в котором я смог побывать уже после его смерти в гостях у его супруги со своей Ольгой, без дизайнера не обошлось. Но пожить там удалось уже не ему, а вдове и дочери. Кстати, этот «лимон» не был единственной суммой, утаённой из столь тяжело и скрупулёзно собираемых денег, так как параллельно строились ещё два дома, хоть и меньшего размера – Пылёвых, старшего и младшего, которые после были проданы и приобретены новые, в Марбельбе и Жероне соответственно.

Войдя за мной в квартиру, он показал и подробно рассказал о ценах, о материалах и о планах. Конечно, меня поначалу поразила и дороговизна и красота, да и вообще всё, что я увидел. И все это принадлежало в таком множестве одному человеку. Так он показал мне возможности и перспективы, которые вполне могут ожидать меня, если... Говорить дома он счёл невозможным, и мы вышли на улицу. Прогуливаясь вдоль каких-то низких кустов у торца дома, он рассказывал, как понравилось «Сильвестру» то, что я сделал.

Высокопоставленные милиционеры, с которыми тот общался, о сработавшем отозвались, как о профессионале, правда «насорившем» на месте преступления. Об этом мусоре Гусятинский всё объяснил «Иванычу», над чем тот посмеялся. Предложение исходит якобы от него самого, Тимофеева-«Сильвестра», и отказать – значит... Сам понимаешь. Внимательно слушая и с ужасом осознавая, куда он клонит, я ощутил, насколько влип, и влип, кажется, навсегда. Лишь одно могло меня временно успокоить – долг прощён, для «Усатого» и его компании я теперь недосыгаем, но предлагаемые обязанности штатного киллера меня никак не устраивали, мало того, что греха таить, просто пугали. Через день я приехал с положительным ответом – «Сильвестру» не отказывали, тем более (якобы) находясь в розыске. Я понимал, что безопасность семьи оставалась на прежнем месте. Это положение могли поколебать лишь смерть Гусятинского и моё исчезновение, желательно с женой и моим мальчиком. Но об этом и мечтать было нечего без денег, готового отхода и документов. Всё это будет позже, и то не получится.

Радости Гриши не было предела – то ли идея личного «чистильщика», которым я ещё не был, но был теперь уверен, что стану, то ли удачно провернутое задание по вербовке, поставленное «Иванычем», прибавляли хорошего настроения и оптимизма, то ли были ещё причины, которые заключались, скорее всего, в каких-то других

задачах, выполнимых теперь, вероятно, не без моей помощи.

Зарплата для начала была положена в 2000 долларов, плюс премии и некоторые суммы на расходные материалы – патроны, амортизацию и на закупку «оборудования», пути доставки которого, как и продавцов, приходилось начинать искать самому. Было положено обязательство научиться управлять легковым транспортом, а в армии до того я научился управлять лишь тяжёлой техникой, что, в принципе, не составило труда.

Некоторые условия, поставленные мною, если так можно выразиться, были выслушаны, но не все услышаны, и ещё с меньшим их числом согласились. Подчинение одному человеку – одобрено (разумеется, Грише), работа в одиночку – к сожалению, нет (по недоверию), опять мне придавался в усиление Паша, пока с объяснением отсутствия у меня автомобиля, но ещё некоторое время меня это устраивало. Полная автономность от остальных, первоочередное обслуживание на нашем сервисе при появлении у меня соответствующего автомобиля, самостоятельные, ни от кого не зависимые закупки оружия и спецсредств. Свой арсенал, со временем, конечно, и место для его хранения – последнее тоже повесили на меня, как обеспечение себя поддельными документами, что очень меня устраивало и гарантировало конфиденциальность и ограничивало в этой информации даже Гусятинского. Но не всё было просто и сразу.

Особо я предупредил, что не хочу видеть «Усатого» с его парнями, а если увижу кого-то или услышу от супруги, что она видела кого-то из его людей, – застрелю, как собаку, и жалеть не буду. В ответ слышал: «Имеешь право». Откуда мне было знать, что обязанность контроля за моей семьёй взял на себя сам Григорий.

Две недели прошли в ожидании и подготовке к новому поприщу, будь оно неладно. Вопросов было больше, чем ответов. Обещание от «Северного» прикрытия в случае чего, вплоть до вмешательства «конторы» и пре-

доставления коридора для выхода из любой ситуации, а также обещание познакомить с человеком, каким – я так тогда и не понял, возможно, речь шла о том, в ком я узнал «покупателя» ещё моих училищных времён. Почему я так думаю? Оказалось, он знал Гришу и был им недоволен, но к этому мы ещё вернёмся.

Как общаться с людьми, родственниками, что можно, что нельзя – в принципе все понятно, какая-то базовая подготовка имелаась, а для начала я решил не делать очень быстрых шагов и все обдумывать десять, а проверять двадцать раз. Эта хорошая привычка периодически спасала меня. Но ничего не было и ничего бы не получилось без терпения, обладание которым можно ставить во главу угла качеств любого человека, занимающегося не только сбором информации, её обработкой и анализом, но и использованием их конечного продукта, в моём случае – устранением найденного человека. Я умею терпеть, и умею ждать! Всегда знаю, что дождусь, пересилил даже обстоятельства, хотя обстоятельства обстоятельствам рознь. Некоторые заставляли либо ускориться, либо отказаться, а бывало, что приходилось идти ва-банк, как у «Доллса».

Миром владеет не тот, кто осторожнее, а тот, кто успевает.

Если вы слышали, что везде можно найти, даже среди плохого, хорошее, вы не ослышались, это действительно так. Анализ обстановки и данных вошли скоро в мою привычку – я радовался, когда, обобщив кучу информации, делал правильный вывод, единственный из множества. В поиске был азарт, и такая редкая у нас интеллектуальная работа. Искать было нелегко, сначала добывая огромный массив, а затем, переваривая его, запоминая лица, разные мелочи и подробности, характеризующие всё и вся, адреса, имена и даже голоса с их интонациями. Приходилось вживаться в десятки жизней и пытаться представлять, как эти люди думают, поступают, на чём основываясь принимают решения, просмат-

ривать сотни фотографий, тысячи номеров телефонов, огромные кипы распечаток пейджеров и мобильных телефонов, позже уже на цифровых носителях, и подготовленные программы для их анализа, что облегчало работу, но не умаляло азарта. Там же сотни часов прослушанных телефонных разговоров и десятки толстых тетрадок – выписок из них, иногда целые разговоры. А также состояние дел, тем более – настоящих, в семьях людей, через которых я добывал информацию и о которых я знал лучше и подробнее любого постояльца, обладая всеми их секретами, тайнами, изменами и так далее, но всегда держа это только в своей памяти... А ведь мог на шантаже заработать кучу денег. Но это уже поганая лирика.

Всё это мне нравилось, занимало подавляющую часть моего времени вместе со слежкой. Конечно, позднее я нашёл помощников, или, точнее, мне «помогли» их найти. Их профессиональный уровень был более чем высоким в техническом отношении, но, как всегда, мешала хромающая дисциплина алкогольных паров. Что ж, все идеально не бывает.

Однако всё переворачивалось с ног на голову, когда время подходило к моменту выстрела, а ведь искал я и находил многих, а стрелял в единицы. Но однажды настал день, когда что-то внутри меня более не позволило пересиливать себя, и я перестал плавным нажатием на спусковой крючок посылать смерть в сторону незнакомых мне людей. После моего «списка» в такое, наверно, трудно поверить, но я больше не видел хотя бы одну причину для того, чтобы делать это. Единственное, в кого я знал, что смогу выстрелить – в угрожающего моей семье. Но они не появлялись на горизонте, а я не собирался появляться в их поле зрения. Но это уже было после 2000 года.

ПЕРВАЯ ЗАДАЧА

Временная неизвестность закончилась приглашением на чашку чая. Через час, прокатившись на такси, я трескал сушки, запивая крепким индийским чаем и слушая Гришино повествование о тягестях и лишениях его жизни. Но, судя по выхлопу, всё было не так печально. Однако фраза о том, что в ближайшее время всем придётся перейти на осадное положение и съёмные квартиры, несколько напрягли. Ещё большее беспокойство вызвала просьба встретиться с «Усатым» – мол, он всё покажет и расскажет. Я молча понимающе кивнул. Уже прощаясь, он добавил, что всё необходимое нужно отдать списком лично ему, и всё будет в течении суток. На том и расстались.

По словам шефа, разгорался нешуточный конфликт, и, скорее всего, будет много неприятностей, если первыми не успеть убрать некоего «Удава» (Игорь Юрков). Не имея понятия, кто это, но чётко уяснив, что многое теперь зависит от меня, поехал в район московского зоопарка. Отношения Юрия ко мне явно переменились на вежливо-учтивые снаружи, но явно ещё более негативные внутри. Моё восшествие ближе к начальству он воспринял болезненно, но считал временным, до первой оплошности, мечтая в своё время отыграться. Его положение «старшего» среди «лианозовских», было гораздо выгоднее и интереснее для него, но в то же время – типовым и бесперспективным, поэтому всеми возможными вариантами он рвался наверх. Паша был не только его человеком, которому Гусятинский сделал подобное моему предложению, но с другой задачей – страховать, контролировать. Он был «корешом», который взял на себя вину и отсидел за Юру и ещё кого-то. Поступок по тем меркам и понятиям, да что говорить, и по нынеш-

ним временам, благородный и достойный, но вряд ли оценённый. Был у «лианозовских» и второй «старший», по статусу выше – «Женёк». Опасный и умный человек, из-за денег и власти готовый на всё.

План к моему приезду уже был готов, и впечатлил своей нерациональностью и неразумностью, а так как исполнять его выпало мне, то и последнее слово оставалось за мной. Конечная выработка схемы покушения была отложена до момента определения графика появления здесь нужных фигурантов, выяснения их количества, машин, манеры передвижения, наличия и профессиональности охраны, вооружённости, а заодно и жизнедеятельности и особенности окружающих объектов – домов, учреждений и автостоянок.

«Работа» кипела, правда, заключалась именно в наблюдении и выводах, и картина ситуации наконец-то вырисовывалась. Арсенал пополнился ещё одной «мухой», АК-74У не первой свежести, двумя «Тульскими Токаревыми», десятком РГД-42, и чуть позже – АК-47, с которым, в своё время, «умирал» на учениях не один десяток бойцов. Короче, выбор был.

Не могу сказать, что всё это вкупе напрягало меня, раз приняв решение, я не привык обдумывать его и мучиться правильностью или неправильностью. Оставив три позиции, над которыми нужно думать: своё выживание, безопасность семьи, подготовка и выжидание момента «Х», когда, при появлении необходимых обстоятельств, нужно будет «соскакивать» с сегодняшнего положения вещей, не оборачиваясь и никогда не возвращаясь. Сегодня же – работать и ждать.

Может, это была и неверная постановка задач, зато надёжная. Другое дело, что она вела прямиком в царство бесчувствия и забвения. Наверное, так и было бы, но то ли моё творческое сентиментальное и переживающее доброе начало, то ли в своё время появившаяся женщина, воплощавшая саму жизнь и потому ставшая постоянной укоризною моему пути, которая какими-то неве-

роятными силами, но совершенно незаметно спихивала меня с этой тёмной стези.

Итак, офис фирмы находился в жилом доме, напротив входа в который стоял высокий железобетонный забор, ограждавший здание телефонного узла, стоящего торцом, соответственно, с выходящими окнами лестничных клеток и несколькими застеклёнными витражами непонятного назначения. Проверив все варианты, стала понятной, возможность появления случайных свидетелей через них. Рядом, огороженная таким же забором, развернулась огромная строительная площадка с только что начинающими вырастать из-под земли железобетонными основаниями. С этой точки мог открываться хороший сектор обстрела, если бы не огораживающее препятствие. Выход был найден в пробитой ночью небольшой дыре на 2/3 высоты ограждения. Это было неудобным, так как требовалась лестница, чтобы иметь возможность прицеливаться через это отверстие. Неудобство состояло ещё и в том, что автомат приходилось держать одной рукой за боевую рукоять, второй же точкой упора была металлическая ступень лестницы, на которой приходилось стоять и удерживать равновесие второй. Стройка была объемной.

Единственным быстрым отходом был путь, пролегающий через всю площадку к КПП строящегося объекта, наводненного большим количеством рабочего персонала. Было опасение, что звук громких выстрелов привлечет к месту их производства и, соответственно, к нам, рабочих и служащих, но, как оказалось, на подобное никто никогда не обращал внимания, даже если был поблизости.

Одежда наша соответствовала униформе окружающих, даже удалось приобрести точно такие же, как у местных строителей, робы, пластиковые каски и специальные сапоги. В результате сомнений не было, и волновал меня только мой, извечно нервирующий попутчик-водитель и он же, по совместительству, надсмотрщик. Пока я был занят наблюдением и находился почти на

изготовке, он часто вынимал и поглаживал свой ТТ – не удивительно, вещь ему понравилась и доставляла эстетическое наслаждение – мужчина, есть мужчина! Но мне спокойствия эти действия не прибавляли. Иногда, исподтишка наблюдая за ним, мне казалось, что он не всегда полностью отдаёт себе отчёт, в чем участвует и что делает, хотя все опасные части мероприятий делать не хотел и отлынивал от них при первой возможности, а находить их он умел, чем, обнаружив это, я и начал позже пользоваться, чтобы иногда освобождаться от назойливого сообщника.

Но если вдуматься, то выбор моего напарника был для Гусятинского непростым, но удачным и хорошо обдуманым. Он прекрасно знал моё отношение к «блатному» обществу и вообще к криминальной среде. Мы пару раз говорили с Гришей по этому поводу, и он утверждал, что недолг век человека, который, будучи преступником, не любит преступный мир. Такое противоречие в самом себе я и сам не могу объяснить, но эта двойственность, чем дальше, тем сильнее укреплялась во мне. Разумеется, это ничего не оправдывает, даже если большинство людей, павших от моей руки, сами убийцы или заказчики, принесшие не меньше моего бед и печалей и могущие ещё принести их в будущем... Если бы оно у них было.

А Павел был интеллигентен внешне, имел свою философию, не похожую на философию человека, полжизни вращавшегося в криминале, с неплохо поставленным произношением, говорящим без «мурки», и производящим приятное впечатление своими манерами и здоровым чувством юмора.

Психология преступника отличается от психологии обычного человека – выросших на преступлениях тянет не само действие и не нажива, а адреналин и удовольствие от них. Со временем содеянное исполняется всё искуснее и искуснее и, в конце концов, начинает считаться им уже творчеством, если, конечно, человек, преступа-

ющий закон, не конченный отморозок, совершающий свои действия из злобы или невозможности удержаться безусловные рефлексы, или наркоман, идущий на что угодно ради приобретения очередной дозы.

Непросто выглядит и моральная сторона, ведь она должна соответствовать и выделять хорошие качества, затеняя отвратительные, на взгляд самого преступника, – то есть основную роль здесь играет оправдание своих поступков и образа жизни. Не скажу, что это какое-то колоссальное различие с другими людьми, ведь все без исключения оправдывают, и прежде всего перед самими собой, свои шаги и поступки. Если хотите, у каждого есть шкаф, причем далеко не с одним скелетом. Со временем, косточки перемешиваются, так и норовя вывалиться, заставив краснеть, оправдываться или отвечать перед тем, кто потребует ответа. И чем богаче и состоятельнее человек, чем выше его социальный статус или должность, тем больше «гора» костей, а то и шкафов. Если подходить гипотетически, то преступниками, то есть преступившими закон (либо как прыгун в длину, всего лишь чуть заступивший кончиком кроссовки на деревянную досочку и тем самым потерявший попытку, либо как стайер, убежавший от законной черты на десятки километров), можно назвать всех, если нет – то только попавшихся. Разумеется, каждый может «отважиться» на что-то своё, один – по необходимости, другие – по безвыходности, третьи – под воздействием количества алкоголя, или от скуки, или что бы проверить себя, но тот, кто считает это своей работой, – по-настоящему клиент Уголовного кодекса, и имеет, по сравнению с «любителями», меньше оправданий перед законом. (Можно так же отметить, что, зачастую, «любители» получают более суровые приговоры, нежели «профессионалы».)

Время неумолимо отсчитывало последние дни и часы человека, которого я совсем не знал, но чьё существование несло нам, как коллективу, так и каждому из «бригады», опасность. Наступило время манифестаций

и расстрела Белого дома, которые чуть было не остановили весь процесс. Было невозможно попасть к офису на машине, а оружие через кордоны пронести необходимо. Никакие приведённые причины, вызванные уличными беспорядками, не могли успокоить или переубедить Гусятинского в невозможности что-либо предпринять. И всё же моя настойчивость тоже чего-то да стоила. Он сказал, что завтра всё решит, это вызвало очередное беспокойство, ведь перетаскивать «оборудование», отработывать и уходить в условиях наводнённости этого района представителями всевозможных силовых структур у Дома правительства и у офиса рядом с зоопарком придётся мне, а не какому-нибудь мифическому герою.

Каково же было моё удивление, когда я уже на следующий день держал удостоверение сотрудника какого-то управления МВД (впрочем, насколько оно было настоящее, не существенно) с моей фотографией. Фото я действительно ему давал, сейчас уже не припомню, зачем, но такого поворота и так быстро я не ожидал. Откуда такие возможности?! «Ксива» действовала убийственно на всех, кто ей интересовался, и я с большой сумкой, буквально набитой оружием, прошёл в необходимое мне место. Можно было не рисковать, всё состоялось позже, в день, который ничего не предвещал. Как всегда, а «революция» к тому времени закончилась, и «спасители демократии» расслабленно почивали на лаврах, мы подъехали, оставив машину «Opel Cadet Adam», чёрное спортивное купе, за два квартала. Надо отдать должное: Павел – отличный водитель, который прекрасно разбирался в автомобилях и всегда имел скоростные и красивые марки. Особую зависть вызывал Mercedes-benz 126 с двигателем 5,6 литра. И дело не в том, что я не мог себе этого финансово позволить – я не имел права привлекать к себе внимание. Одели робу сверху одежды, уже подойдя к месту, облегчённо выдохнули – строительство продвигалось полным ходом. Не прошло и часа, как подъехал тёмный Mercedes benz 124, из него

появился крепкий, красивый, молодой человек в длинном плаще, одетый в заправленный в брюки свитер. Волосы тёмно-русые, правильные черты лица, взгляд, выражавший уверенность не только в своих силах, но и в своих поступках, подтверждаемую твёрдой походкой. Глядя на него, чувствовалось, что жизнь удалась.

Мурашки, пробежавшие по телу, заменились чувством свинцового спокойствия и, откуда-то, твёрдым пониманием того, что всё произойдёт сегодня. Начал готовиться не спеша, хотя и так был уже готов. Откопал короткоствольный, со складным прикладом автомат, упакованный в специальный брезентовый пакет, вынув из которого, вставил магазин, дослал патрон в патронник, поставил на предохранитель, хорошенько осмотрел строительную площадку, ничего подозрительного не заметил и взобрался на лесенку, периодически заглядывая в прорубленное окошко забора.

Послышался звук открывающейся двери подъезда, из него вышли и остановились три человека – «Удав» и двое из его окружения, вставшие по краям. Этих не зацеплю, а более никого не было... В голове белым мягким шумом таилась пустота, но где-то вдалеке слышался монолог. Кто-то еле слышно повторял и сам же отвечал: «Почему он должен умирать? – Потому что если не он, то кто-то из наших». Это было созвучно с воспитанным в армии чувством постоянной близости плеча сослуживца, с круговой ответственностью за товарищей и подчинённых, оно подстёгивало и здесь. Возможно, параллели, по соизмеримости удаления друг от друга, некорректны в этой ситуации, но если вдуматься, всё укладывается в одну фразу: «Наших бьют!».

Ничего личного – это было не то, потому что как бизнес эта работа никогда не воспринималась, иначе валил бы всех подряд, всегда и без разбора, набирая чужой кровью свой авторитет. Несколько же раз я упустил момент умышленно или вообще, отказывался по разным причинам, которые даже не пытался объяснить руководителям,

понимая, что понят буду вряд ли. В результате, часто слышал, в особенности, от Григория, выговариваемое: «Вот если бы ты тогда и этого...» или «...Зря ты не стал стрелять, хрен с ними, с лохами, одним больше, одним меньше...».

Перекрыть сектор обстрела никто не мог, я отсёк два выстрела, и видимые до того в «амбразуру», сквозь прицел, голова и плечи исчезли – так выглядела смерть этого человека, оставшись в памяти всплёрнутыми руками и слегка задранной головой, обрамлённая кусками бетона забора, сквозь который последний миг и запечатлелся. Послышалась ругань и удаляющиеся шаги бега. В результате я был уверен и проверять не стал, меня больше беспокоило, куда смотрит Пашин ствол, а он смотрел в мою сторону, мои же руки, в свою очередь, направляли ещё дымившееся железо на его грудь. Сообщник был растерян и нервничал, ТТ быстро исчез за поясом, «отработанное» оружие полетело в траву рядом, на всякий случай разряженное и поставленное на предохранитель, с отсоединённым магазином. Мы не спеша прошли через КПП, отвечая на приветствие входивших строителей и улыбкой на оскал уставшей вахтёрши. Думаю, удалось затеряться среди десятков, а то и сотен проходящих мимо на обеденный перерыв и обратно.

Пять минут спустя Паша притормозил, и в мусорные баки полетели шмотки. В другом месте погибли каски и сапоги. Казалось, Павел был спокоен, но нервозность просачивалась через желание выглядеть совсем не интересующимся и будто не имеющим отношения к произошедшему, хотя и свербело любопытство. Рассказать было нечего, и я думал, говорить ли Грише о двух других молодых людях, стоящих рядом с убитым, или «забыть о них», потом понял, что придётся – узнает сам через «третьи руки». Будь что будет, а если не устраивает – пусть идёт и «косит» сам, или приказывает другим, кому без разницы, одного или троих. И вообще, настроение было хуже некуда – ведь не каждый день от твоей руки погибают люди. В этом круговороте беспричинно, потому

что были рядом, гибли водители, друзья, родственники, просто пассажиры и случайные граждане и, конечно, соратники главных «целей». Война войной, но пусть из жизни уходят те, кто воюет, то есть те, кто смотрит друг на друга через прицел, совершенно точно зная – ответ может быть адекватный.

Друзья «Удава» не повезли его сами в больницу, но наняли частного извозчика, предполагая, что он не выживет, и час или более были потеряны. Перепуганный водитель привёз к ЦИТО уже холодный труп, где и бросил его в машине. Кстати, этому таксисту пришлось «отсидеть» некоторое время, но всё для него окончилось благополучно, после того, как следователю стало ясно о его и без того понятной непричастности. О жертвенности говорить не приходилось, но бизнес и его долю, конечно, «попилили», как всегда и как везде.

Воистину, мы узнаём, кто наши друзья, только после своей смерти, и дай Бог, если это будет хотя бы один человек.

О похоронах, как всегда, помпезных, говорить не хочу, а о том, кто это сделал, товарищи покойного узнали от вдовы Григория через пять лет, отдыхая на побережье, разумеется, без каких-либо последствий. Оказывается, они все вместе начинали в конце 80-х, а после разошлись и собрали свои команды, но это уже совсем другая история.

Кроме «Удава», было ещё два человека, возглавлявших эту же группировку, я должен был заняться и ими, шеф торопил, хоть и был доволен – он мечтал «аннулировать» это бригаду в кратчайший срок, что и получилось. Это был уже конвейер, и кто будет очередным, не знал никто, а ведь мог быть и я, и Паша, и кто угодно.

* * *

Примерно в это же время, на одной из редких вечеринок в доме одного из моих друзей детства, которому я

помог вернуть похищенное Дворманом, я познакомился с его шефом. Дмитрий Ческис знал об этой весёлой истории, и мы разговорились. В самый разгар, удачно разоткровенничавшись о планах компании (возглавляемой доктором Марком Волошиным, на тот период близким другом президента ЮАР, господина Манделы), грандиозность которых возбуждала, а отсутствие у них «защиты» – удивляло. Оказалось, что ряд некрупных сделок затягивался, а одна, на сумму около 100 тысяч долларов, для «Марвола», а именно так называлась фирма, вообще оказалась невозвратной. Имеющимися контактами с силовыми структурами для решения этих вопросов не пользовались, а понятие «крыша» у Марка Волошина пока отсутствовало. В тот день и была заброшена удочка с предложением о помощи. Дмитрий взял на обдумывании пару дней, по прошествии которых я имел краткий разговор с верхушкой компании. Заинтересованность в наших возможностях и предоставляемых гарантиях вылилась в предварительное согласие – остальное мне, с моей загруженностью, было не интересно. Поставив в курс Григория, обрисовав ему подробно всю ситуацию, описав психологические портреты и указав на подводные камни (давление на них могло впоследствии пригодиться), договорился об официальной встрече с руководством «Марвола», которую и устроил с «Сильвестром», Ананьевским, «Осей» и «Северным» и ещё одним человеком, за что получил на долгое время приличный процент, приходящий в «профсоюз» от чистой прибыли этой «дружбы». Забегая вперед, скажу, что не раз встречался с их представителями, дабы оказывать разного рода помощь. Следующее моё дело, как потом и ещё одно, было частично связано с этой темой.

Не прошло и двух дней, а у нас была уже другая задача. Три человека из той же группировки – Лёня Терехов, «Стас», и Костя «Чеснок» – составляли костяк неплохой стоящей и тоже «Медведовской» бригады, по слухам, чувствующей себя гораздо лучше нашей, параллельной.

Гусятинский сам ездил со своим водителем «Полпорции», показывая места обитания и предполагаемого появления, осталось выбрать и действовать. Мы занялись Стасом и «Чесноком», и если маломощный направленный взрыв у подъезда дамы сердца Кости на одной из Хуторских улиц лишь слегка контузил и сильно напугал его, то второму повезло меньше.

Арсенал в моём схроне рос неумолимо, единственный минус – я не получал то, что заказывал, а то, что собиралось, было не всегда с нужными ТТХ, и не всегда хорошего качества и состояния. Скажем, в своё время я отказался от произведённых в Чечне «БОРЗов» и так известных ныне «АГРАМ-2000» и вообще по многим причинам увлёкся мелкокалиберной техникой, хотя она-то менее всего подходила тогдашним целям и задачам... Но! Это точка зрения человека, не верящего в свои силы и привыкшего лупить из пушки по воробью. По-моему, расстояние в 20-40 метров для длинноствольного пистолета калибра 5,6 мм, и 120 метров для винтовки того же калибра очень даже приемлемо. С другой стороны, если цель в движении, в машине, за стеклом, одета по зимнему или дальше 100 метров, да ещё при неважной погоде с порывистым ветром, то лучше положиться на более сильный патрон и более длинный ствол. Это доказал хороший выстрел из мелкокалиберного «Рюггера» с 80 метров, но из-за слабой мощности патрона даже не пробивший лобовое стекло «Вольво», а растёкшийся по нему, оставив лишь трещину и всего лишь напугав человека, чего, в принципе, было достаточно. Я не видел смысла в этом покушении, но, что бы показать человеку, что я отработал, выстрелил не по стоящему открыто, что было бы для него смертельно, а по уже севшему в машину, под защиту стёкол. Это был период последней, хотя и самой продолжительной из всех наших войн – с «измайловскими». При желании можно было перестрелять многих, и некоторых я пугал, чтобы слух о моей стрельбе через третьих лиц доходил до моего начальс-

тва. Это должны помнить «Тимоха» у кинотеатра «Пушкинский», и «Павлик» у кафе на Щёлковском шоссе, в один из его дней рождения и, конечно, сразу несколько человек у «своей», скрытой от посторонних глаз столовой, во дворе кинотеатра им. Моссовета у Преображенской площади – тогда несильный взрыв безоболочного, дистанционно управляемого устройства разметал большой сугроб, выбив взрывной волной несколько стёкол в кафешке. Парни перепугались, что неудивительно, и, забежав обратно, вышли лишь по приезду милиции. Думаю, что я сделал бы то же самое на их месте.

Можно было сделать многое и у одного из корпусов гостиничного комплекса «Измайловский». «База» – так называлось место на первом этаже среди своих. Три месяца мы снимали, отслеживали посещение этой точки с разных мест, в том числе и через стекло одного из номеров корпуса, стоящего рядом, из которого и предполагалось вести огонь в известном случае. Удобных моментов, крупных встреч было масса, но они не использовались из-за одной-единственной причины: мне было дано указание только по одному человеку – «Аксёну». А общая тенденция «убирать окружающих лиц» – не для меня. (Причина происходящего была в столкновении двух личностей – только что упомянутой и «Культика». Видимо, места в Москве для них обоих одновременно было мало). До сих пор слышу слова Григория о неправильном тогда выборе оружия, но он не хотел понять, что стрелять в потоке машин более мощным патроном – значит стрелять не точно, а насквозь, по всем проезжающим, хотя, по-своему, возможно, страшась этого человека, он был прав. Но если Господь посчитал нужным сохранить эту жизнь, то вправе ли я, человечиска, даже думать: «А если бы...?»

«СТАС». 1993 ГОД

После двух часов езды подъехали к высокому каменному забору. Ворота открылись, и мы оказались в довольно просторном дворе двухэтажного здания из белого силикатного кирпича свежей постройки, продуманной, с несколькими выходами, одетыми в металлические двери, полностью обустроенном и находящемся уже, несмотря на привередливость приёмки, в эксплуатации. Эксклюзивность отделки блистала не во всех комнатах, лишь в тех, где часто были хозяин и супруга: спальня, кабинет, кухня, зал, ванные. В остальных — просто и аккуратно. Особенно интересен был зал — каминная стена и камин которого полностью выложены из малахита, с соответствующей отделкой «под золото». Мраморный, с гранитными вставками пол, всё оттенённое зеркалами, — оставило впечатление, но не память об остальных мелочах. Мой камуфляж и «каркараны» на высокой шнуровке, были явно «не в тему», но ничего не испортили, зато пригодились позже.

По всей видимости, это была очередная реклама возможностей, но не очень сильно подействовавшая. После чая, откланявшись хозяйке, мы продолжили путь. Кстати, соседями оказались братья Пылёвы — их дома были практичнее и, соответственно, поскромнее. Пока поскромнее, при живом ещё Григории, а именно в его жилище мы находились. Через 40 минут, переехав в конце пути железнодорожный переезд, остановились у лесного массива, дальше путь был пешком, около двух километров. Гриша ориентировался удивительно легко — подумалось, что, должно быть, для него это знакомая местность. У каждого в удобном для него месте был пистолет, хотя лично я в неизвестные поездки, особенно на природу или дачу, всегда брал второй, хорошо

спрятанный. Это был уже выдавший виды ПМ Левона, о котором никто не знал. Отдав первый, скажем, при лазании по дереву, можно было легко проверить намерения попутчиков, а заодно показать своё доверие им. Всегда срабатывало, и всегда на все сто.

На сей раз вышли на опушку леса, вдали, метрах в трехстах, виднелся посёлочек или деревня, открывающийся редким для того времени большим красным кирпичным домом с дорогой крышей и с деревянным строением, похожим на баню. Указывая именно на них, Гусятинский дал понять, что это дача Стаса, а как он сам выглядел, ещё предстояло узнать. За пару часов я обошёл всё вокруг, где бегом, где, залезая на деревья, промок и измотался, передвигаясь по «пересечёнке». Парни со мной, естественно, не пошли. Для окончательного мнения необходимо было понять, как это выглядит в сумерки и ночью. Забравшись на развесистую ель и найдя там удобное место из веток для наблюдательного пункта, стал дожидаться заката.

Усевшись так, чтобы не затекли ноги, постарался думать о чём-то приятном. Вспоминалось, как полгода назад или чуть больше, в одном офисе, не то чтобы познакомился, а просто поговорил с одной юной особой. Её лицо, обрамлённое светловолосой чёлкой и двумя косичками, никак не выходило из головы. Разница в возрасте была ощутимая, но меньше десяти лет. Что-то в ней притянуло и не отпускало. Не особенно поначалу придав этому значение, несколько позже снова увидел её, что-то «бзынькнуло» в сознании – почему бы нет? Спросив, словно между делом, когда она свободна и не откажется ли от предложения посетить какой-нибудь ресторан или что-нибудь на её вкус, получил утвердительный ответ и – надо же! – совершенно обворожившую меня улыбку. Я смог позвонить не сразу, а лишь недели через две, не имея достаточного времени для ухаживания (а по-другому не интересно), хотя серьёзных отношений побаивался – не для моей жизни, а именно на это и

указывала интуиция. Задачи, которые ставил Григорий, были часто нереальными, в основном из-за им разрабатываемых фантастических планов. Много я потратил сил, что бы победить эту, сталинско-гитлеровскую, самоуверенность, пока он понял, что гораздо лучше мои, уже приведенные в действие планы, выставлять как свои перед «Иванычем». Зачем-то ему это было нужно, а мне, в общем-то, безразлично.

Одно, не совсем удачное мероприятие, проведённое по просьбе «Сильвестра» мною, но в пожарном порядке и по чужому плану, принесло мне повышение рейтинга, жигули белого цвета 2107 – первую в моей жизни машину – и небольшую сумму в денежном эквиваленте. Позже я просил не привлекать меня на подобное, потому что откровенно считаю самым лучшим экспромтом тот, что был заранее подготовлен и, конечно, лично. А потом нужно чётко понимать, что «влезая» в чужую кухню, очень просто выйти из неё «вперёд ногами».

Однако Тимофееву всё понравилось, и он даже просил Гришу познакомить его со снайпером, но пока я отпирался, зная, что моё желание не встретиться совпадает с Гришиным, который боялся «потерять» меня, но получалось это недолго, «авторитет» не любил ждать.

Сидя на дереве, удобно расположившись, изредка посматривая в подаренный Ананьевским бинокль фирмы Swarovski, только дарственной надписи не хватало (между прочим, практиковались награды в виде дорогих подарков за что-то выдающееся или полезное, от машин до пистолетов или, как в данном случае, бинокля – это производило впечатление на бойцов и у многих вызывало неподдельную зависть, слышал, были даже истории, подобные библейской между Каином и Авелем, за обладание ими). Я же всё продолжал вспоминать, с приятным ощущением теплоты, первый поход в ресторан, состоявшийся через два с половиной месяца после знакомства с обладательницей золотых косичек. Предваряющая его попытка оказалась не совсем удачной. И вот

почему я потерпел фиаско. Учась управлять подаренными «Сильвестром» жигулями, уже напичканными магнитофонами, стеклоподъёмниками, деревянным рулём и так далее – всё как положено у новичков, – договорившись с мадмуазель, я мчался, как заправский чайник, по середине трамвайного пути в предвкушении вечера, но, как назло, забыл документы дома. К сожалению, обнаружил это не я, а представитель подвижного поста ГАИ, остановившего меня буквально в ста метрах от заветного дома. Откупиться, как ни странно, не удалось, видно, из-за отсутствия пока ещё опыта, и оставив паспорт на очередную фамилию, уже не помню, какую, я рванул за документами, а позвонить было некуда, ведь договаривались мы по рабочему телефону – мобильные тогда были редкостью, и первый появился у меня только через полгода. В результате, опоздал я на 40 минут. Прождав ещё полтора часа на оговоренном месте и утеревшись от «пощёчины», немного пожалел о потерянном времени – ведь следующий раз вряд ли получится скоро.

Оказывается, подождав 20 минут, она ответила на звонок кому-то другому и согласилась на встречу с ним. Заинтересованность во мне, кажется, налицо, но этот издевательский рассказ прозвучал из её уст гораздо позже, через несколько лет. На первом же удачном свидании, мы наслаждались живой классической музыкой в бывшем тогда итальянским рестораном, в гостинице «Олимпик плаза». Вечер явно удался, красное вино и капучино были хорошей прелюдией лёгкого и пугливого поцелуя при прощании около её подъезда. После этого было ещё несколько свиданий, в конце концов, растопивших цветами, «Сангрией» и, смею надеяться, хоть какой-то привлекательностью моей и моих ухаживаний сердце юной музы. Не помню уже, кем я представился, важно другое – я был влюблён и, кажется, навсегда, а раз так, и она согласится стать спутницей моего непривлекательного существования, то врать мне придётся постоянно и до скончания дней.

В моей жизни это поменяло многое, и, прежде всего – отношение к самой, пардон за тавтологию, жизни. О таких мелочах, как, скажем, забывчивость убрать пистолет из-под подушки, а потом долгие объяснения, что это и зачем, я и не упоминаю...

Примерно всё было понятно. Слезая с дерева, подумалось: пойти бы сейчас в другую сторону и потеряться, появившись лишь спустя лет десять, а то и позже. Но что дальше? НЕВОЗМОЖНО! И точка.

Приятно было идти через ночной лес. Он, живущий до и после моего прохождения, затихал, прислушиваясь к каждому моему шагу, но стоило замереть на 2-3 минуты, и местные обитатели начинали копошиться. При ухудшении видимости утончался слух, и скоро я услышал работающий двигатель или, точнее, фыркающий своеобразно глушитель. Жизнь не давала передышек и не соглашалась на перемирия. Чётко понимая, что многое зависит от меня, последствия всё же меня пугали. Если бы происходящее влияло только на мою судьбу, я бы не задумывался и, вполне может быть, начал бы с того, что застрелил этих двоих, праздно болтающих с моим пистолетом в кармане: Павла и Григория. Вряд ли бы это что-нибудь дало, да и вряд ли окончилось бы этим. Я был несвободен – почти раб, с мнением которого считались и неплохо обеспечивали. Но к этому примешивались скрытность жизни, риск, неясность понимания чужих мотиваций, куча запретов и совершенный безпросвет непонятно, на сколько лет вперед, а может, и на всю жизнь. Если она не оборвется в каком-нибудь лесу...

Вынув неизвестный находящимся в машине ПМ, постучал им в окошко – пусть знают, о том, что я всё продумываю наперёд и всегда имею запасной вариант, – и полез греться по дороге в «берлогу», потому что дома у меня не было уже два года. Усиленно держась за семью, я всё дальше от нее удалялся и где-то, в глубине души, был этому рад. Чем дальше от меня, тем безопасней для

них. Я не имею права на семью! Но оставалось понять, на что же всё-таки имею – неужели только на выстрелы и на выбор места для его производства? Хотя и это уже было немало. Со временем я мог выбрать любую цель, настолько любую, что мог назначить на ее место Григория, нужно было только дождаться момента. До этого осталось не так долго.

Старательно терпя в ожидании, с уверенностью, что время расставит всё на свои места, и когда-нибудь путь к своей настоящей свободе я расчищу всего одной пулей, видя сквозь прицел одного человека, усилиями которого и, разумеется, своей слабостью, стал тем, кем стал. Так будущий «Лёша-Солдат» приближался к точке, на которую возлагались надежды, но сбыться которым суждено было лишь наполовину.

Стас приезжал на субботу – воскресенье. Они с супругой оказались любителями конных прогулок. После нескольких пар выходных мы застали их за излюбленным занятием. С дерева был очень удачный вид, просматривалась вся тропинка, и теперь стало понятно, откуда на ней появлялись следы лошадиных копыт. Посмотрев путь следования по отпечаткам, я увидел, что есть много мест для нападения по ходу движения, но все они были близки от тропинки. Всё, что я знал о повадках лошадей, было вычитано из книг, а потому было подозрение, что чуткое животное, скорее всего, сведёт фактор неожиданности на нет, чего допускать не хотелось, поэтому точка на дереве была наиболее выгодна, правда, присутствие женщины всё портило своей близостью – не хотелось её зацепить, ведь ночь не была лунною и звёздною, и видны были лишь силуэты. АК 74 – машина надёжная, но невооружённое человеческое зрение делало её почти бесполезной с точки зрения ювелирного выстрела в такой темноте. Время было упущено, вблизи жена случайно заслоняла от нас мужа, а когда положение исправилось, было уже поздно.

Всё, что нам оставалось — «попытать счастья» около дома, иначе Григорий не понял бы, почему мы уже какие выходные подряд безрезультатно проводим на природе. И так приходилось выслушивать многое, выжидая конец его агрессии. После чего следовали чуть ли не мольбы и увещевания. Я всё понимал, судя по его объяснениям, могло быть действительно поздно.

Пашу он принимал либо после меня, либо до. Мы не сталкивались почти никогда. По всей видимости, мои оправдания находили подтверждение и в словах «соратника», а посему, доверие ко мне увеличивалось и крепло — это приближало неумолимо день, когда я должен был остаться один, но то был всего лишь ещё один шаг к свободе.

Мы приближались к дому, в бане горел свет, и труба дымила, давая понять о готовящейся парилке. Во дворе стояла чужая машина, и, похоже, Лёни — третьего, которого, по словам Гусятинского, нужно было убирать следующим. Это был шанс, но я решил им не пользоваться, подарив ему жизнь, которая, впрочем, оборвалась через 15 лет. Пускай существует очерёдность, а не случайная удача. Решив стрелять в первого из них, кто появится, и очень хотелось, чтобы это был не всадник, сопровождаемый женой час назад. Женщина, хоть это и не моё дело, показалась мне красивой, а их прямые спины при элегантной посадке на грациозных животных, удаляющиеся от моего взгляда через прицел, до сих пор оставались в памяти. Нет! Я совершенно не хотел нарушить, возможно, идиллию семейной жизни, а о Леониде я не знал, кроме его дома и мест появления, ничего. Не видел его жену. Но оба они такие же, как мы, отличающиеся только положением и состоятельностью. По уверениям Григория, я повторюсь еще раз, наши «бригады» находились в состоянии войны, и излишнее благородство, с точки зрения информации, которую он мне предоставил, могло привести только к лишним нашим потерям. Но, когда я узнал настоящую причину от Андрея Пылёва через пол-

тора года, очень пожалел, что не промазал. Вот она: эта междоусобица горела лишь в душе Гусятинского, управляемая старыми обидами, одна из них – пощёчина при конфликте, произошедшем несколько лет назад, на которую он не посмел тогда ответить, при всех спасовав. Тогда сплочённый коллектив: «Удав», Стас, Лёня, Лёня «Пантелей», Вадим, Костя, «Чеснок», Григорий, братья Пылёвы и ещё несколько человек, рангом пониже, решили разойтись и создать свои бригады. Ссора произошла из-за неравности полномочий, соответственно, и делёжке материальных средств. Гриша был менее уважаемым, чем вышеперечисленные, и, конечно, проявил недовольство. Его будущее возвышение обусловилось желанием братьев выставить впереди себя буфер на случай возможного возникновения в перспективе «форс мажора», который мог бы повлечь охоту за «главарём». Одного они не учли – что этот «главарь» может, в скором времени, сойтись на короткой ноге с «Сильвестром» и, почувствовав свою силу, станет диктовать им свои условия, а впоследствии возымеет желание и вовсе убрать их со своего пути.

В день же внутрибригадных разборок, при разговоре на повышенных тонах, «Удав», понимая ничтожность нашего будущего «главшпана», швырнул в него пробкой от пива, а Стас через некоторое время дал пощёчину. Остальные просто посмеялись, все, кроме дальновидных братьев Пылёвых, старательно тушивших воспламенившиеся отношения. В тот день это удалось, оставив далеко в глубине неизлечимую рану, зашиванием которой я и занимался, устраняя по одиночке бывших обидчиков. Один нюанс – я-то этого не знал.

Гусятинский был неглупым человеком, хоть и не факт, что понимал, зачем его возвышают. Как и большинство несмелых, жадных до денег и власти людей, наверняка полагал, что всё происходящее базируется на его качествах и заслугах. Думаю также, что он воспользовался знакомым ему административным ресурсом и

либо восстановил, либо никогда не терял связи с «конторой», или «она» с ним, чем обеспечил себе, по его мнению, некоторую безопасность и неприкасаемость внутри и снаружи «организации». Как раз в это время сыграли свою роль его знакомства по спортивному троеборью, с тем же «Культиком» (Ананьевским), и вот он уже «близкий» «Иваныча», со всеми вытекающими последствиями.

Время мстить пришло, несколько слов об этом новому крёстному отцу, как о врагах, и поддержка с одобрением получена. Одним выстрелом – двух зайцев!

Скрипнула дверь, и две тени переместились из большого дома к бане, дверь которой захлопнулась. Мы вышли из укрытия в темноте и забрались в ветвистый кустарник, находящийся метрах в 40 от светившегося окна бани. Я – спереди, Павел – чуть позади справа, с неизменным ТТ. Попутчик был подслеповат, машину водил в очках, для его пистолета и этого расстояния, тем более в темноте, попадание в цель было, в принципе, невозможно. Тогда для чего же? Согласитесь, вопрос в такой ситуации более чем справедливый и нервирующий.

До моего выстрела меня это не беспокоило, а потом... Вот потом и посмотрим. Направив ствол в довольно большую прорезь меж занавесок в окне, и приблизительно прицелившись, поджидая, пока появится чьё-нибудь тело, постороннего быть не могло – либо Лёня, либо Стас. Снял автомат с предохранителя и... мелькнул Стас. Первый раз стрелять не стал, второй раз – он же, опять тишина, и здесь решил уже стрелять точно, в любого из них, кто сейчас появится. Через несколько минут сначала быстро появился самовар, потом кисти рук, потом предплечье, мой палец, поглаживающий спусковой крючок, плавно начал давить на спуск, и при появлении средней части тела, «отсёк двойку». Человек исчез так же быстро, как и я повернулся в сторону Павла, несколько отойдя в сторону. Мой помощник стоял как вкопанный, и, как я понял, ждал команды. Думать некогда, скорее,

опасность исходила от промедления, нежели от его пистолета, тем более курок которого не был взведён. Оружие бросать я не стал, чтобы уравновесить наши шансы против друг друга, на всякий случай, конечно.

Мы рванули, бежать было полтора-два километра по тёмному лесу и, желательно, не по дорожкам, чтоб не оставлять следов. За спину я был спокоен, ибо всё прочитал на Пашином лице. Мысль работала лихорадочно, но так же надёжно принимала решения, как и пальцы в перчатках сжимали рукоять и цевьё автомата. Давая напарнику не отставать, приблизился к ждавшему на обочине мерседесу болотного цвета с «Полпорции» за рулём (очень меня повеселило обстоятельство появления этого автомобиля через несколько месяцев у молодой супруги Григория, учитывая участие машины в покушении на убийство – то ли жадность, то ли глупость, скорее, и то и другое в одном лице). Разумеется, занял я самое безопасное в этой ситуации место на заднем пассажирском сидении, чем раздосадовал подросшего «Пашу». Серёга улыбнулся («Полпорции», убит по указанию О. Пылёва из-за неблагонадёжности в одном из лесов Подмоскovie, примерно в 1996 году), я сказал утвердительно: «Порядок», – и через 30 минут мы были на даче у Гусятинского, занимаясь упаковкой «стволов» вместе с припасённой на всякий случай «мухой» в колодец. Завтра вечером – на доклад, который трудами организационных способностей «Северного» должен был стать очередным его фурором. Для этого он подтянул нас на спортивное мероприятие, где обычно собирались несколько дружественных «бригад».

Сегодняшний зал был в районе «Лосиноного острова» – миниполе с деревянным полом и высоченными потолками и стенами, обвешанными сетками огромных окон для безопасности. Одним словом, всё в лучших советских традициях. Здесь отрабатывались чувство локтя и борцовский дух. Нередко ломались кости и получались сотрясения мозга. Состязание называлось «баскетбол

с правилами регби». Смысл в следующем: пока ты без мяча, правила действуют, но стоит лишь им завладеть, как включалось полное бесправие. Исключались лишь всевозможные удары, толчки руками, подножки, броски и удушения. Любое воздействие корпусом, обхваты – только приветствовались. В такой игре не дай Бог попасть на борца-классика или греко-римлянина – силы явно не равные, а бить нельзя, хоть зрения лишай. Но эти увальни, хоть и быстрые, как молнии, на коротких дистанциях, как почти все большие люди, были добродушными – лишь только мяч покидал твои руки, объятия разжимались, вместе с расплывающейся, добро-издевательской, улыбкой. Цель – попасть в кольцо баскетбольным мячом, и делать это можно было любой частью тела. Иногда получалась куча мала, с мелькающими частями тела, руганью и истерическим хохотом. Выплеск адреналина бешеный. Наши «главшпаны» играли редко, зато «Культик» и «Ося» – в первых рядах. После нескольких раз, я со своими 85 килограммами, при росте 185 см, хоть быстрый и юркий, но лёгкий, часто подвергался нападениям, уже успев отдать мяч, или бросив в сторону кольца. Этих игр вполне хватило, а после смены «рода занятий» и вовсе посчитал это лишним.

Обсуждение вопросов происходило на трибунах, где под общий гвалт не то что кто-то мог подслушать, но и друг друга-то было слышно неважно. Выйдя в фойе и в двух-трёх словах обговорив всё случившееся на даче Стаса, ответив на массу вопросов, я оставил Пашу с Григорием довыяснять картину, а сам пошёл, по просьбе Ананьевского, в сторону его автомобиля, конечно, получив одобрителный кивок шефа. Разговор касался перспектив вообще, а закончился предложением прокатиться и познакомиться с человеком, очень желавшим встретиться – как оказалось по пути, с «Сильвестром». Разумеется, я согласился, при этом получив неожиданную премию в десять тысяч долларов – на тот период сумма, составляющая три моих оклада. Правда, после я

сделал вид, что хотел отдать её Гусятинскому, давая тем самым понять, что завишу только от него, и в денежном отношении тоже, но тот успокоил, сказав, что в этих деньгах есть и его доля.

Подъехав на Арбат в самый большой ресторан Европы, вошли в здание, но направились не в зал, где был небольшой банкет, а в казино рядом, выбрали место, и Сергей ушёл, появившись, через несколько минут со среднего роста человеком с живым и внимательным взглядом. Казалось, он совершенно расслаблен внешне, но комок, собранный внутри – один оголённый нерв, держащий всё под контролем и, прежде всего, самого себя. Спортивен и подтянут, хорошо и аккуратно одет, быстро движущийся и уверенно говорящий – «Иваныч». Во время нашего прохода через рамку металлодетектора сигнализатор произвёл противную металлическую симфонию, чем вызвал напряжение охраны, которая быстро успокоилась, узнав вошедших.

«Иваныч» больше слушал, потом поинтересовался, не хочу ли я к нему, если, конечно, Григорий будет не против (вообще-то считалось некорректным задавать подобные вопросы через голову людям, находящимся в чужом подчинении, это было не исключением и для моего собеседника, поэтому я воспринял его слова как некоторую проверку). От прямого ответа я ушёл, дав понять, что не мне решать, но всегда готов выполнить любую его просьбу. Его рука передала откуда-то взявшуюся коробку, и я услышал примерно следующую фразу: «Говорят, на тебя можно положиться, если что нужно, или ещё что-нибудь появится, – не стесняйся, жду». Вот последнее «жду» было не совсем понятным и напрягало, ведь почти все мои проблемы должен был решать Григорий, но кто поймёт этих хитрых ребят. Правда, такое отношение к себе даже льстило, но, при любом раскладе, вставать под его крыло напрямую не хотелось и даже пугало. Уже после, закрывая коробку с отливающим блеском стали

ТТ, совсем новым, поймал себя на мысли, что на время забылся, забыл, кто я, и купался в своём глупом тщеславии, возомнив себя в криминальной элите. Как мало нужно человеку для того, чтобы, пусть и на время, стать совершенно другим по мировоззрению, а ведь закрепи это, усиленно поддерживай – и вот вам готовая «торпеда», пусть даже одноразовая.

Подняв голову, рассмотрел Тимофеева («Сильвестра»), проходящего через рамку, которая так же среагировала, как и на нас, он повернулся, и мы встретились понимающими улыбками – это была первая из двух встреч с сильной и легендарной личностью. Думаю, конечной целью было становление его как сильного мира сего, возможно, в правительстве, но скорее – в Государственной думе. Хотел ли он стать «вором в законе»? Не думаю. Да и нужно ли было ему это? Не знаю, каково было отношение к нему представителей этой «корпорации», слишком многих из неё он отправил на тот свет, что вряд ли могло быть прощено. Вопрос скорее в другом: шёл ли он сам, или его «вели»? Ответив на него, мы сможем понять конечные цели.

Он и «Отарик» были разными людьми, но задачи ставили себе одинаковые. К конечному пункту такие люди одновременно прийти не могли, и если и шли, то в одиночку, второго места не было. В любом случае, когда-нибудь их пути бы пересеклись, после чего движение мог продолжать только один. Но досталось всё третьему, немного чего из себя на тот период представляющему – господину Березовскому, который, впрочем, пройдя все смертельные препоны и гениально обойдя все ловушки, достиг заветного, но удержаться не смог.

Вообще, есть существенное отличие, на первый взгляд в чем-то схожих понятиях, конечно, с точки зрения обычных людей: «вор в законе» и «авторитет». С позиции же криминального мира, с учетом развития мировоззрения, – вещи настолько разные, что можно назвать

их почти антагонистами. «Авторитет» может оказаться на своём месте в апогее своей карьеры или случайно, — скажем, из-за гибели окружавших его товарищей, из-за симпатий вышестоящего «крёстного отца», обратившего на него внимание из-за преданности или честности, впрочем, без учёта других качеств, которых и вовсе нет. Он может стать полководцем, ничего не понимая ни в стратегии, ни в тактике, лишь будучи злобным и подозрительным, уничтожая всё и вся, не только на своём пути, но и вокруг. Своей высоты он часто добивается, скорее, заслугами подчинённого ему коллектива, где основная цель достигается почти всегда убийствами. «Авторитет» не пользуется такой популярностью среди «настоящей» криминальной среды, воспитанной в лагерях и тюрьмах. А этих людей тоже надо разделять со спортсменами и другими составляющими основной части «бригад», как правило, никогда не сидевших. Такие люди, появившись у руля именно стечением обстоятельств, даже не имеют понятия об обязанностях и ответственности, которую возлагают на себя «воры», а сталкиваясь с этим, даже не всегда могут понять, о чём речь. Зачастую решение ими судьбы человека не носит характера скрупулёзного разбирательства в каждой мелочи, а рассматривается лишь как один поступок, и совсем не важно, кто или что послужили причиной сего деяния — наказание быстрое и часто жестокое, причём налагающее отпечаток на всю оставшуюся жизнь и не ведающее реабилитации.

У «королей» «настоящего» преступного мира, «родившегося» в тюрьме и имеющего совершенно иную субкультуру, обычно, впитывающуюся с малолетства, идущих долгим, кропотливым, очень трудным путём в лагерях всегда, без исключения, через карцера, лишения, боль и часто унижение, как мировоззрение, так и карьера, складывается совсем по-иному. В ней почти всё зависит от самого человека, от его терпения, целеустремлённости и желания понимать то, что он делает

и куда стремится. Их так и называют – «стремяги», и это только начальный шаг, которых будут ещё сотни на пути к заветной «короне». По этой дороге очень тяжело, проходя грандиозные проверки как на свободе, так и в заключении, собираются товарищи, которых этот человек знает гораздо ближе, чем собственную жену, если такая есть, в правильном смысле этого слова, ведь в тюрьме человек проводит в замкнутом помещении 24 часа по несколько месяцев, а то и лет с одними и теми же людьми. С тем, с кем «ломает» кусок хлеба, он должен идти до конца, вплоть до смерти или страшного унижения, справедливо ожидая такого же ответа. За «дубком» проверяется характер человека, при минимальном количестве пищи, где и чай – бесценная редкость. Скажем, вновь появившемуся человеку предлагается несколько нарезанных кусков чего-нибудь, но нарезанных неравными долями, достойный и уважающий себя начнёт с меньших и остановится, скорее, на одном, просто оказав уважение, будет терпеть голод, но никогда не позарится на больший и на большее. «Авторитет» же вряд ли придаёт большое значение столу и делению пищи. Он не лучший среди равных, а просто главный – «вершитель судеб», хранитель тайн и главный распорядитель кошелька.

«Вор в законе», или «Идущий впереди», как ни странно это сочетание, никогда не пойдёт ни на какой сговор с властью, единственное, что возможно – принятые сообща в этой «корпорации» компромиссы, где порой тяжело определить, кто больше выигрывает. Но при разности интересов, заинтересованность очевидна. И, разумеется, будучи умными людьми (глупый и неинтеллектуальный просто не сможет подняться до такого уровня), эти компромиссы соответствуют не только необходимости, но и духу сегодняшнего времени. К примеру, если в вину себе подобного лет 30 назад могли вменить наличие телефона в квартире, которую снимали для «вора», то представить сегодняшнего лидера без

трубки мобильного телефона невозможно. То же касается и жён, и семьи вообще. Ведь запрет на них ранее был не из-за принципа, а из-за опасения давления и шантажа на близких людей со стороны тогдашних правоохранительных органов. Сегодняшний претендент на «короону», предлагая полюбившейся женщине руку и сердце, так же и с целью продолжения рода, не только понимает совершенно чётко, но и объясняет своей суженой, что в случае ситуации, когда на одной чаше весов будет семья, а на другой – правильный выбор, он обязан выбрать последнее, предпочтя честь своим чувствам. Думаю у «авторитета» ни таких мыслей, а часто и выбора просто нет, хотя как раз в его-то случае опасность семье часто угрожает, и в основном в виде гибели от случайных пуль, направленных в главу семейства.

Основная из главных целей «авторитета» – это власть, но власть не подобная имеющейся у «вора в законе», но всеобъемлющая, та, к которой мы все привыкли. Его интересуют, в конечном итоге, депутатские полномочия и все возможности, вытекающие из этого. Человек же, прошедший полжизни в тюрьмах и лагерях, считает неприемлемым не только любую уступку от власти, но и, тем более, вхождение в неё, хотя может пользоваться услугами власть имущих и сильных мира сего в своих и общественных интересах.

«Авторитет», как правило, до того, как стать таковым, в редких случаях имеет судимость, но имеет все шансы «угреться» на полную катушку после – отсюда и боязнь, заставляющая устранять все возможные источники информации. «Вор в законе» тюрьмы не боится и считает её домом родным, он обладает властью как «там», так и на воле, когда просто авторитетный человек теряет её при попадании в лагерь, мало того, может иметь большие неприятности, если за него не замолвят словечко те же «воры», имеющие с ним отношения до ареста и считающие такое заступничество необходимым.

При убийстве одного из членов «корпорации» «вор в законе», действует неперемное правило мести, и при этом совершенно не важно, в каких отношениях погибший состоял с оставшимися в живых, исключение только в случае, если его смерть – это вердикт самих его коллег, принятый на общем «собрании».

«Авторитеты» же таких правил не придерживаются, и в самом лучшем, благородном случае исходят из принципа: «своего «не отдадим» и чужого «не нужно»». И уж если мстят, то только за друзей, товарищей, находящихся внутри своей бригады.

«Вор в законе» – это лучший среди равных, принимающий решения, которые являются аксиомой по всем вопросам, от коммерции (разумеется, здесь не обходится без разного рода консультаций) до разборок личного плана, таких, как драки, проступки, изъятие личного имущества и его возврат, и тому подобное. Эти люди старой формации, просто находясь «на пенсии», завидной для любого Российского персонального пенсионера, люди же новой формации, являясь уже сами бизнесменами, продолжают прежние традиции. Но, естественно, если «вор в законе» строит свою жизнь, совершая поступки, исходя из мировоззрения, образовавшегося под воздействием субкультур лагерных традиций, то «авторитет» больше исходит из мировоззрения, база которой опирается на культуру и воспитание, присущие обычным гражданам.

Не берусь судить, кто лучше, кто хуже, во всяком стаде, сами знаете, кто есть, но уверяю вас, что в обеих «корпорациях» есть много людей достойных, и некоторые из них, и оттуда и оттуда, помогали мне как на свободе, так и уже находящемуся в заключении. Дай Бог им здоровья и благополучия и, если только у меня будет возможность, я буду стараться отплатить тем же, разумеется, не прибегая к криминалу. И очень жаль, что посвятили они свою жизнь и отдают свои силы тому, что выбрали. Хотя, если есть место, то должен быть и человек,

и пусть он будет из ряда тех, кто поступает как должен, ожидая, что будет то, что будет. Не мне обо всём этом судить, я лишь высказал разницу.

* * *

Под впечатлением я вернулся в свою «пещеру» и долго сидел в задумчивости, не выпуская из рук в перчатках уже мой не просто пистолет, а вещь в себе, что-то значащую, но для моего понимания ещё не раскрывшуюся до конца. Правда, я был не исключением – после рассказа о презенте «Иваныча» Гриша также впал в суровую задумчивость, но, по всей видимости, смог объяснить всё понравившимся ему образом. Весьма возможно, что последствием этого стал его подарок, в виде такого же «наградного» пистолета, естественно, еще лучшего и более дорогого: «Глок – 19». Через несколько лет, в обнаруженном милицией складе, оба ствола так и найдут в одной коробочке, смазанные одним маслом, почищенные одной ветошью, когда-то подаренные с одной целью – не для использования и, действительно, так и не использованные.

Завтрашний день требовал не меньшего напряжения, чем вчерашний. Осталось две задачи, которые, как всегда, требовалось выполнить ещё до их озвучивания, а надо было ещё с утра заскочить к боссу за выговором, как оказалось, из-за своей принципиальной гуманности – ведь одной из двух оставшихся задач являлся как раз тот самый Лёня, оставшийся в бане, где погиб Стас, живым. Но случилось так, что через некоторое время необходимость его устранения отпала по неизвестным мне причинам. Это позволило укрепиться во мне мнению о правильности принимаемых мною решений.

И всё-таки один плюс из разговора с Гусятинским я вынес – видимо, не без вмешательства «Сильвестра», которому, разумеется, показалось логичным моё объяснение рациональности работы в одиночку, без напарника,

и Павел больше не маячил на моём горизонте. Правда, в своё время, он смог удивить многих, потребовав «для исполнения» какой-то задачи два спортивных мотоцикла иностранного производства и такую же машину. Думаю, причина была не в желании что-то сделать красиво или надёжно, а в его непомерной любви к скоростной технике, просто ему хотелось каким-то образом завладеть ими и ничего не делать. Позднее я заявлял об этом на суде, на что, правда, не обратили внимания. Специально и хладнокровно убить он не в состоянии.

Он попался мне еще раз через полтора года, когда остался запечатлённым на плёнке фотоаппарата при скрытой съёмке банкета в день рождения братьев Пылёвых, которые, после смерти Гусятинского, стали полными «главшпанамии». Ту «презентацию» посетили все руководители дружественных группировок и почти все представители общего «крышуемого» или «долевого» бизнеса.

В 2000 году Андрей на праздновании Нового года бросил мельком, что Павла больше нет, как это произошло, не уточнял. И каково же было моё удивление, когда он «всплыл» в 2007 году на очной ставке!

* * *

На сей раз задача была, параллельно розыскам и «работе», просто поиск, и я понял, что нужна своя группа. Поиском в неё людей и их сбором был занят три-четыре месяца, что уплотняло и без того забитый график. Полгода были заняты Сашей «Злым», тоже территориально «медведковским» — то ли крестным сыном, то ли воспитанником, как говорили, «Отарика». До сих пор в памяти забавная по финалу «стрелка» с Сашей года за два до этих событий.

С нашей стороны было пять или шесть человек, но хорошо вооружённых (два АКМ и три пистолета), с ав-

томатами в «Волге» и ещё одном седане, а Пылёвы – в бронежилетах и кожаных куртках, одетых поверх, готовые к «разговору», с ТТ за пазухой. Свою подготовку никто не скрывал, и стволы торчали из машин, показывая тем самым, что мы не только готовы, но и правы!

Подъехал «Злой», и за ним целый «Икарус» с надписью одной из известных спортивных команд, из которого начали выбираться крепкого, борцовского вида парни, так сказать, помощь «воспитаннику» – человек 30-40. Тогда, в самом начале 90-х, обычно брали нахрапом и количеством приехавших на «стрелки» – оружия ещё было мало, поэтому массовость имела значение. Впечатляюще, если не считать, что голова у всех одинаковая, и пуля от неё не отскакивает, на какой бы крепкой шее она не держалась, и неважно, что этот крепыш ею делает, кушает или думает. Надо отдать должное Саше, увидев «стволы», ситуацию он «проинтуичил» мгновенно и среагировал: «А-а-а! Братухи! Это вы! Тогда порядок, вопросов нет! А мы думали, это какие-то залётные». Встреча закончилась, не успев начаться. Да и тяжело было не понять, увидев, кроме торчащих автоматов, парившихся в такую жару (больше 30 градусов), в кожаных куртках, застёгнутых под самый подбородок, и раздутых, как «ниндзя-чебурашки», братьев.

Бойцы непонятливо забирались обратно, а их ведущий, глядя на «ощетинившиеся» машины, с некоторой обидой говорил: «Зачем же так, свои ж все-таки пацаны!», – видно, позабыв о неравенстве: сорок на шестерых. Но человек он был неплохой, да и команда у него была неслабая, на короткой ноге с «афганцами». Хотя кто с ними так не был? Ребята, прошедшие Афганистан, объединившиеся официально в ассоциацию и неофициально – как получилось, чувствовали себя неплохо. Ближе всех «Злой» сошёлся с «Мастером», в коллективе которого и посещал баню на Ярославском шоссе, в гостинице «Саяны». Вход в баню, которую они отделали под себя, выходил на задний двор, к лесному массиву

«Лосиный остров» — оптимальное место для засады. Один минус: зимой холод собачий, а не шевелиться лёжа приходилось по шесть-семь часов, ноги мёрзли, а затем всё тело, а, как известно, холодные ноги давят на мочевой пузырь, и в таких случаях иногда приходилось пользоваться взрослыми памперсами. Не надо смеяться, всё было очень серьёзно, хотя видок при одевании был смешной.

Кроме всего прочего, «Мастер», был ещё близким другом Олега Пылёва, и последний настойчиво просил сначала Гришу, а после меня, узнав, что именно я занимаюсь этим вопросом, не задеть Андрея. Гусятинский пообещал, но мне сказал: «Смотри сам, в принципе, я не против». А что сам? Я прекрасно понимал, что парень, отбегавший по горам Гиндукуша семь лет прапорщиком, не станет смотреть, как гибнет его друг, да и при первых звуках выстрела, скорее всего, «планка» вообще упадёт, поэтому либо валить вместе, что недопустимо, либо... Дождаться, пока ветерана не будет рядом с нужным человеком.

В этом ожидании проходили три дня в неделю, с 17 до 23 часов, но закончились ничем и, в основном, из-за присутствия в подходящие моменты рядом со «Злым» «Мастера». За затынутость я получал «выговора» и лишался премий. Но, как это часто бывает, к апрелю месяцу надобность в операции отпала, но появилась нужда прослушивать всё, о чем там говорилось. Вход в баню был свободен, нужно было лишь заранее заказать время посещения и оплатить. Это была хорошая возможность для очередного свидания, которым я и воспользовался. Впечатления были, в том числе из-за своей редкости, незабываемы, мы погружались в тёплый водный мир вдвоём, на несколько часов забыв об окружающем нас хаосе, и единственное, что портило атмосферу, это мои воспоминания о пяти месяцах холода, проведённых в нескольких метрах напротив выхода. Мурашки пробежали по спине, когда я стоял на ступенях, весь распарен-

ный и расслабленный, и вдруг заметил шебуршание, как раз на месте бывшей «лежанки» – чей-то пёс копался в прошлогодней листве, так и оставшейся лишь тем, чем станет, когда-нибудь – перегноем, но не местом преступления.

На обратном пути я не мог наглядеться на свою попутчицу, думая про себя: «Что нас ждёт?!». Я не мог оставить жену с ребёнком, но и не мог вообще жить в семье. Серо-зелёные глаза говорили, что согласны на всё, я же не мог дать ничего, кроме редких встреч, редких, но таких же фееричных, как её импульсивный характер, хотя она всеми силами пыталась скрывать это, думая, что мне нравятся женщины спокойные и сдержанные, как внешне был я сам. Но только внешне...

Запутанный вереницей событий, на которые накладывалась невозможность рассказать, объяснить, дать то, что хочется, элементарно съездить куда-нибудь, или оторваться и пожить с семьёй, я уже понимал, что недалёк тот день, когда придётся делать выбор. Сколько их было, таких моментов, сложных до невозможности, разных по ситуациям, но неизменно раздирающих душу в клочья. И лишь «Она» и её близость могли, если не собрать всё воедино, то, по крайней мере, не разорваться дальше.

А сердце все больше и больше заполнялось этой невысокой, стройной, тогда ещё студенткой, причём, как мне казалось, ничего для этого не делавшей. Встречаться хотелось чаще, и чем дальше, тем больше появлялось желания просыпаться и засыпать, обнимая её хрупкий стан, но куча причин вопила против этого.

Периодические встречи с супругой – высокой, красивой женщиной, не просто хорошей хозяйкой, а настоящей, что сейчас редкость, «хранительницей домашнего очага», по характеру полной противоположности своей сопернице, – конечно, продолжались, но не имели уже столь лирический характер, как раньше. У нас ни разу за все годы не было ни одной ссоры, и ни разу я не слышал

ни одной претензии, даже когда я, сильно выпивший, 8 марта положил глаз на какую-то одинокую гостью наших друзей... Между нами ничего не было, но эта свиная морда, образ которой я принял, бесконтрольно позволила себе несколько лишнее. Другая бы схватилась за сковородку, или «подсадила на горшок» на неделю – другую и потребовала развод. Я же в свой адрес не услышал ничего, лишь увидел лёгкую укоризну в больших карих глазах, но через рождавшуюся слезу очень больно и заслуженно бившую в совестливую точку. После извинений я был прощён, и жизнь продолжалась, будто ничего и не было. Очень терпеливая, достойная и знающая себе цену, но никогда не показывающая этого. И надо же было ей достаться такому, как я, умудрившемуся вляпаться в самое, что ни на есть...

* * *

В очередных гостях у «Северного» мне совершенно неожиданно было предложено поменять принадлежащую его матери трёхкомнатную малогабаритную квартиру в Чертаново на мою однокомнатную на 5-й Кожуховской. Сделка представлялась выгодной, а разница объявлялась премией. Разумеется, я согласился. Это значило, что я смогу некоторое время пожить с семьёй, но моя спокойная жизнь закончилась уже пару лет назад и на долгие четверть столетия, а может, и больше, семь из которых отслужил в армии, 14 – находился в бегах, а остальное... Сижу, и сколько сидеть ещё буду – неизвестно.

Для начала мы затеяли ремонт, утеплили полы, так как квартира была над входом в подъезд, вставили тогда ещё редкие пластиковые стеклопакеты, объединили ванную, туалет и коридорчик и обустроили кухню так, как хотела Ольга. Отделка уже блестела и новая мебель

была заказана, когда мама попала в больницу. Она «сгорала» быстро – старый, восьмилетний, оперированный рак грудной железы напомнил о себе очередной раз.

Я настолько закрутился, что забывал обо всех, а она терпеливо ждала, никому не говоря о болях, муках и недомогании. Вот когда проснулись сыновьи чувства. Бросив всё, ринулся спасать, но мать ли? А может быть, совестливое своё самолюбие, которое стыдило и кричало о том, что сын не должен забывать родителей? Свободных денег не было, да их и вообще не было. Заняв, «арендовав» отдельную палату, обставил и заинтересовал врачей, очень помог и недавний новый знакомый хирург, очень хороший человек. Позже это несчастье нас сдружило не только с ним, но и семьями, его дочь стала моей крестницей, через несколько лет он оперировал супругу и спас её бабушку, подарив ей два года жизни. Суровый человек, горящий душой на работе, огонь в которой заливает его жена своим терпением и заботой. После моего задержания, узнав всё о моей настоящей жизни, он не только не смутился, но и как настоящий друг приходил на заседания суда, иногда даже всей семьёй, чтобы отвлечь от печали и поддержать морально. Да воздастся вам, друзья мои, сторицей!

Для мамы мы возили из Клина два раза в неделю какую-то знахарку, которой я попытался поверить от безысходности, потребляли разные дорожные медикаменты, но 12 сентября 1994 года человек, который любил меня больше всех, ушёл из жизни, придя в себя всего на несколько секунд из забытья, ища сына глазами, но найдя только сестру. Я же в это время был за стенкой, пытаюсь выяснить у докторов настоящее состояние её здоровья, и утолял свой голод. Я оказался не достоин её при жизни как сын, и даже не смог сказать и выслушать последнее прости!

На полгода я выпал из эмоциональной жизни, существуя, словно робот, и вообще не задумываясь ни о чём. Всё окружающее было неважно, но одно положи-

тельное воздействие до меня тогда дошло: я понял, что испытывали люди, родственников которых я убивал. Но то была чужая боль и смерть чужих людей, которые к тому же во многом своим выбором предопределяли свой конец. И пока я воспринимал это умом, но не душой или сердцем.

Многим я обязан и своей супруге, Ольге, брак с которой всё же распался – не столько из-за слабости наших отношений, с ними всё было нормально, а в силу обстоятельств, которые наложила моя работа. Мне кажется, я бы нашёл в себе силы сопротивляться любому чувству, если бы был рядом с ней, но после смерти матери мы провели вместе лишь несколько дней. Душевное тепло, глубокая озабоченность моим замкнутым состоянием помогали ей найти подходы для исправления моего, чрезмерно углублённого в себя настроения. Молодость, физиология, тяга к красивой женщине брали своё. Я, потихонечку начал оттаивать, и уже через несколько дней был в состоянии бороться с одолевавшим меня недугом, но вместо благодарности я вновь уехал, и в этот раз надолго. Так постепенно происходило наше разъединение, она крепилась, терпела, на руках с малолетним сыном, в одиночестве, пусть и благополучном, в достатке, но всё же одиночестве. По всей видимости, настал момент, когда желание общаться и внимание мужчин пробило сначала небольшую, а потом уже достаточную брешь, позволившую принять ухаживания другого... Но это случилось гораздо позже, после двух лет моего исчезновения, которое могло произвести и произвело впечатление исчезновения без вести, а то и смерти. Кроме ежемесячной суммы и пожимания плеч от людей, её передававших, в ответа вопрос: «Жив он, или нет?» – ничего не было. Так что в этой ситуации я склонен винить себя и только себя.

Позади было многое, и Квантришвили, и случайная гибель посторонней девочки, и покушение в лифте с помощью управляемого взрыва, и выстрел в одного из

лидеров «измайловских», чудом оставшегося в живых при точном попадании... Был арестован и освобождён за миллион долларов Григорий, он пробудет месяц в Москве и переберётся в Киев, где я наконец «достану» его через три месяца. Да и сам я еле ушёл из засады, уже практически будучи в руках милиции, и только реакция и сообразительность помогли мне остаться на воле. Странное совпадение: днём раньше попытались арестовать обложенного со всех сторон Солоника — он ушёл «на легках» через соседний балкон квартиры, которую тоже снимал. Мы ещё не были знакомы, но много слышали друг о друге. Через месяц после похорон пришлось спасать свою сестрёнку от, в общем-то, неплохого парня из «краснопресненских» бандюков, правда, кажется, с расшатанной психикой — он позволил себе избивать 17-летнюю девушку, при этом, с детства изучавший единоборства, ни силу ударов, ни точки их нанесения не рассчитывал. Пытаясь решить всё миром, сестрёнку я спрятал на снятой для этого квартире, запретив покидать убежище, звонить куда-либо и, тем более, выходить. Привёз я её туда от нашей замечательной бабушки Манефы, редкого по прозорливости и увлечениям человека — достаточно сказать, что в свои годы она была секретарём женского общества рыболовов-спортсменов и редко ошибалась в своих мыслях на будущее, как и в людях вообще. Не ошиблась и в этот раз. Позвонила мне и требовательным тоном, чуть ли не приказала мчаться к ней. Испугавшись за её здоровье, через полчаса я звонил в дверь. Удивлению моему не было предела, а взбешённое состояние поднялось до точки кипения за секунду. Не знаю, что нужно было делать с человеком, что бы придать юной гладкой и шелковистой коже, почти по всему телу, такой лиловый оттенок. Принимать решение нужно было сразу, что я и сделал. Но, естественно, не кардинальное. Пока определил её в «золотую клетку», надеясь сначала выяснить, а потом «разрулить» ситуацию с шурином. Разрулил...

Увещевания мои не помогали, он пугал жён моих друзей, кидался на меня прилюдно, даже попытавшись, якобы в шутку, в машине придушить меня. Разумеется, это я списал на неудачный юмор, но уже напрягся на полную катушку. Последней каплей была ситуация, когда мы с женой и маленьким сыном возвращались в только что приобретённую путём обмена с Гришиной матерью квартиру с новым ремонтом. Находилась она на втором этаже. Ещё при выходе из машины я заметил какое-то шевеление в окне лестничной клетки между вторым и третьим этажами. Остановил семейство у багажника вишнёвой «Нивы», а сам, закрывшись машиной, быстро разобрал вынутый магнитофон Clarion, работавший только как радио, поэтому не вызывавший ни у кого и никогда подозрений, извлёк оттуда пистолет, снял с предохранителя, но патрон в патронник досылать не стал и, немного осмотревшись и подумав, держа его в кармане, сказал, стараясь их не волновать, что пойду первый, а они следом, в отдалении, на случай стрельбы, чтобы их не зацепили. Зайдя в подъезд, шумя и топая, пока не видели отставшие жена и сын, передёрнул затворную раму и с лязгом отпустил её, досылая патрон в патронник, с предупреждением, что буду стрелять, не задумываясь, в надежде, что знакомый звук заставит поостеречься людей, как мне казалось, что-то замышляющих против меня. Интуиция не ошиблась. Я продвигался пешком ко второму этажу, держа пистолет обеими руками перед собой, дошёл до лифтовой камеры и явно услышал топот убегающих на верхние этажи людей, как минимум, трёх человек... Нашли, с кем связываться! Не меняя положения в сторону сектора обстрела, открыл замок решётки в тамбур и поторопил Ольгу. Она появилась, ни о чём не подозревая, через секунду мы были уже дома, за металлической дверью, и о чём-то мило болтали. Скорее всего, всё получилось бы по-другому, если бы я не показал, что готов к атаке – всего-то лязг

передёрнутого затвора. Каково же было моё удивление, когда при просмотре камеры видеонаблюдения я увидел силуэт шурина и лицо его «близкого».

Ещё поразительнее было случившееся в три часа утра. На окнах были решётчатые ставни, и я не очень задумывался о возможности проникновения через окно, но такого и предположить не мог. В три часа ночи неожиданный взрыв сотряс стёкла, и рыжеватые оттенки пламени затанцевали кривыми рисунками решётки на стенах спальни. Проснувшись, я не придал этому значения, не подумав, что может гореть моя машина, которую я обычно ставил за квартал. Закрыв шторы поплотнее, лёг и заснул ещё крепче, наслаждаясь редким присутствием женщины в своей постели. Хоть сон в одиночестве был моментален, обычно мне приходилось просыпаться в той же позе, что и засыпал – бешенная психологическая нагрузка давала о себе знать. Проснулся я от какого-то нехорошего предчувствия, и точно: выглянув в окно, увидел, что сгорела именно моя машина, пусть и нашего, российского производства, но нафаршированная всевозможной техникой для фото и видеосъемки, ведения наблюдения по ходу движения, а также перехвата всего, что могло происходить в эфире. Хуже всего было то, что сгорели не мои частные, а принадлежащие группировке специальные средства, ценой в 5 тысяч долларов, о потери которых мне пришлось позже оправдываться перед Гришей. Из горловины бензобака торчала не до конца сгоревшая резиновая трубка, на которую было намотано что-то, уже погибшее в пожаре, да и сама по себе эта машина была непростой, с расточенным двигателем, подготовленной трансмиссией и ходовой. Почти всё моё оборудование сгорело. Сканер, частотомер, два приёмника, камера с видеомagneтофоном, видеорегистратор с покадровой записью, радиостанция и всё остальное не подлежали восстановлению. Спаслись только спрятанные под решётку проблесковые маячки

и рупор громкоговорителя. И всё. Глупый поступок, повлекший несчастье.

Через день мы с Гусятинским рассматривали доставленный на эвакуаторе автомобиль. Разумеется, пришлось рассказать о небольшой семейной трагедии, о совсем потерявшем самообладание шурине. Сестру, разумеется, я возвращать не собирался, а понимать что-либо её муж не хотел, да и вряд ли был в состоянии. То ли влюблён был сильно, то ли это чувство наложилось на какую-то ненормальность, хотя, спору нет, сестра во всех отношениях женщина очень привлекательная. Но, возможно, здесь сыграли роль и гены прабабушки, которую вся станица называла «Зарезихой» из-за постоянно дерущихся за право ухаживать за ней мужиков. Судя по этому имени, пострадавших было немало.

В разговоре с Григорием я понимал, что он склоняется к чрезвычайным мерам, но старался его удержать, потому что воздействие было бы неадекватным, хотя и выхода особо не видел. Сошлись на том, что просто поймают и попугают, скажем, разрядив над ухом пистолет. Так и вышло, только по привычке шефа решать всё кардинально весь магазин разрядили в затылок, и не в лесу, как предполагалось, а буквально на проспекте Мира, у принадлежавшего их коммерсанту магазина «Кавалер», где он был «куратором» от своей «бригады». Забота о своей персоне со стороны «общества», конечно, приятна, но, по-моему, это было слишком, хотя, с другой стороны, единственно возможным и безопасным для моей сестры вариантом.

Так я понял, что имею не просто цену, а очень большую ценность, но только пока я ещё что-то могу, что-то делаю, и пока не стал чрезмерно переполненным носителем информации.

Впрочем, несправедливо было бы кончить на этой ноте, рассказывая об участии этого молодого человека. Он был моим родственником и замечу, я был рад, имея

такого парня своим шурином и, соответственно, мужем моей сестры. С большой силой воли и добрым сердцем, очень разумный и всегда готовый помочь. Одним из главных увлечений в жизни – занятия единоборством «карате-до». Он любил детей и сам вёл детскую секцию, а когда я из-за своих неприятностей был вынужден исчезнуть, носил мою же мать, попавшую под машину, на руках в уборную (и ещё нужно подумать, кто в этой ситуации лучший для неё сын). Сестра его любила, отец уважал.

Илья был надёжен и я не раз полагался на его помощь. Никакого значения не имело то, что он принадлежал к «Краснопресненской группировке», с которой мы, кажется, не были дружны. Семья, как и для меня, всегда была выше всего остального. Но увлечение спортом принесло две травмы – печени и головного мозга, последнее, возможно и было причиной того неконтролируемого, что возникало в нервных ситуациях. Точнее, неконтролируемыми они становились только когда дело касалось чувств к сестре.

Он делал всё, чтобы она стала счастливой, всё его сердце было залито светом, излучаемым ею и когда его поток исчез, пропал и смысл жизни, пустота заполнилась тёмной дымкой, а мир недругами, первым из которых стал я.

Расследование этого преступления, кстати, столкнуло меня с тогда ещё старшим лейтенантом УВД, который через 12 лет будет меня арестовывать. И ещё несколько раз судьба сводила нас подобным образом, бросая его на расследование преступлений, мною совершённых. Такое знакомство с Александром Ивановичем Трушкиным, про которого я плохого сказать ничего не могу, было заочным, и хоть поначалу враждебным, но позже вылилось в отношения, носящие только положительную окраску по многим, иногда даже не зависящим от нас причинам.

Возвращаясь к Стасу, замечу, что произошло с ним несчастье в тот момент, когда мы пытались вернуть взятые именно его бригадой 60 тысяч долларов, принадлежащих «Марволу» и бывших задатком в каком-то некрупном договоре, по которому не выполнялось (понятно, что никто и не собирался выполнять) никаких обязательств. Деньги, конечно, вернули на всякий случай, но его соратники были уверены, что Стаса убили другие, правда, полностью вернувшаяся сумма так и осталась у нас («усушка», «утруска»), но коммерсантов удовлетворил сам факт, как и дошедшая до них информация о гибели двух людей из группировки виновных в утрате силами вновь приобретённых «союзников», то есть нас. Более того, погибшие также предлагали свои услуги в прикрытии, но на более жёстких условиях, чем у нас, и с позиции силы. По сравнению с ними мы выглядели более корректными и цивилизованными, что дало им ощущение обретения искомой безопасности в лучах «профсоюза».

На этой смерти кровожадность Григория к «медведковским» закончилась, но для меня работы только прибавилось. Должников, врагов и просто «мешающих», по его понятиям, меньше не становилось. В это время мысли о ЧОПе меня не покидали, и через месяц после начала поиска кандидатов в свою команду я совершенно случайно, но по делу организации ЧОПа, познакомился с людьми, занимающихся оформлением такого же охранного предприятия для себя и согласившихся включить и нас в свои списки. Как всегда, всё казалось дивно волшебным и по стечению обстоятельств. На деле же мы оказались знакомыми через третьих лиц, и нашу встречу, с позиции сегодняшнего дня, я неожиданной назвать не могу. Несколько раз мы показались на занятиях, отдали свои фотографии и постановочные данные, каждый – те, которые посчитал нужными. Через неделю мы стали обладателями документов и карточек-заместителей офи-

циальных табельных ПМов. С разворота удостоверения на меня смотрел я, но со светлыми, длинными до плеч волосами, в очках и с усами, окантованными рубашкой, костюмом и галстуком. Роговая мощная оправа меняла форму бровей и скрывала форму надбровных дуг, усы заменяли своими свисающими кончиками носогубную складку – «собачью радость», но более всего мне нравилось общее глупое выражение лица. В крайнем случае, для пользования этим документом необходимо было просто нарядиться во все вышеперечисленные причиндалы.

В процессе обучения, воспользовавшись некоторыми контактами, я сблизился с общим замечательным знакомым, как оказалось, никогда не отказывающимся от стаканчика, но его профессиональные навыки составляли прощать многое. Для начала, я попросил познакомить меня с хорошим электронщиком-связистом, желательно – офицером в отставке, с дальним прицелом на него самого. Нужда в деньгах и заинтересованность в работе, похожей на ту, которой он обучался, а закончил он академию ГРУ, расположенную недалеко от «Октябрьского поля», жил в таком же ГРУшном городке Чаплыгин, рядом с объектом невероятных объемов, и носил соответствующую фамилию – Чаплыгин. С ним самими разговор получился коротким, а его ответ – быстрым и, естественно, положительным. Карты были раскрыты все, в задачи группы входили: поиск, несанкционированный доступ, слежка, прослушка, радиоперехват, фотографирование, проникновение на объекты... Конечно, всё неофициально. О том, что потребуется устранение людей, я умолчал, не говорил и после – это их не касалось и было только моей задачей, так же, как и моей обязанностью.

Глаза его горели азартом, и, скоро, работа закипела. Совместными с Сергеем усилиями мы дособрали команду, и за дело они взялись втроём – два Сергея и Александр: двое бывших сотрудников ГРУ, с приличным

стажем и опытом работы за рубежом, и ещё одним офицером, в задачи которого входило обеспечение техники сменными расходниками, батареями питания и носителями информации. Чаплыгин «ЧИП» – во главе, и только с ним я поддерживал связь. На первых порах – только установка и обслуживание закладок на телефонные сети, слежка, фотографирование прибывающих и убывающих объектов по адресам и проверка правильности определения «точек» и безопасности. Соответственно, ни они меня, до поры до времени, ни я их не знали, и, уже тем более, никто и никогда из «бригады» не то что не знал, кто они, но даже никогда не видел их лица. Я старался беречь их, как зеницу ока, ограждал от всякого ненужного общения, и, в результате, они выросли в тепличных условиях, не испытыв на себе той репрессивной дисциплины, которая властвовала у нас в «профсоюзе», за что они мне до сих пор благодарны. Конспирация и ещё раз конспирация. Не так много, за хорошую зарплату в 2,5 тысячи долларов, плюс премии, машины и телефоны за мой счёт, и, что не менее важно для творческого человека (а двое из троих были именно такими) – свобода в выборе выполнения задач. Работоспособность проверялась по количеству и качеству записей и фотографий на передаваемых кассетах и фотоплёнках. Сбои были, «ЧИП» чудил и пьянствовал, доходя до того, что приезжал домой на нанятом для одного себя рейсовом автобусе, до этого объехав пол-Москвы в состоянии агрессивного беспамятства. Пару раз приходилось его выкупать за приличные деньги, однажды только восемь тысяч долларов спасли его от возбуждения уголовной статьи, сулившей до 15 лет заключения. Таких у нас пускали в «расход», но этот метод мне не нравился, хотя бы потому что я чувствовал ответственность за людей, которых привлёк к этой работе, и я пользовался другими возможностями, пока Сергей действительно не запорол серьёзное дело.

К началу 1994 года я «оброс» спецификой и таким количеством, поставленных для себя запретов, исключений и правил, что только их соблюдение и выполнение могло уморить кого угодно. Но частые выезды на природу для тренировок и пристрелок давали возможность расслабиться и были некоторой отдушиной, где я вдальбывал весь свой негатив тысячами патронов в десятки мишеней. И после этого – вечерняя, ещё более успокаивающая чистка оружия. Если бы всё этим и заканчивалось. Ан нет! Постоянное одиночество того времени, без общения, без людей... Встречи с друзьями детства закончились, да и времени на это уже не было. На точки нужно было приезжать к 6-7 утра, а с последней я возвращался около часа ночи. Спал, где и как придётся, так же и ел. Жизнь потеряла красочность и почти потеряла смысл. Лишь редкие встречи с девушкой – солнцем – и женой возвращали к нормальной действительности. Начал появляться азарт: сколько я так протяну. Нервные струны натянулись и давали только высокие ноты, настроение всё же было, и держалось оно интересом к анализу поступающей и постоянно обрабатываемой информации, по просторам которой я носился в попытках найти нужное, и находил.

В этот период мои парни работали почти без сбоев, и я забирал кассеты в 5.30 утра, по пути на место «работы», и это был огромный плюс, потому что заниматься ещё и их работой в таких объёмах не успевали бы и пятеро таких, как я.

В такой вот день в начале апреля, не предвещавший ничего особенного, звонок Григория остановил мои сборы на очередной выезд на природное стрельбище, и стало понятно, что выходного у меня не получится. Неделю или больше назад он просил подготовить пару «длинных» стволов (винтовок), и быть готовым. Охотничий карабин браунинг «Сафари» с позолоченным спусковым крючком, и мелкокалиберный «Аншутц» финско-

го производства с интегрированным глушителем, не полуавтомат, что мне особенно нравилось, я оборудовал креплением под кронштейны с оптическими прицелами, такими, какие посчитал наиболее подходящими под калибры 30-06 и 5,6 соответственно. С каждого из них выпустил по несколько тысяч пуль и знал их поведение досконально, поэтому посчитал поставленную задачу выполненной.

Сегодня Гусятинский настойчиво, в серьезном, безапелляционном тоне приказал взять соответствующий для расстояния не более 150 метров арсенал и быть в определённое время в районе метро 1905 года, чтобы кому-то показать свою готовность. Несколько расплывчато, но, в принципе, понятно. В виде тайника для перевозки я использовал приготовленный ранее синтезатор – он выполнял все необходимые для подобного инструмента функции, но из-за распотрошённых внутренностей играл не более 5 минут. Из-за переделанных Сашей схем и перестановки некоторых агрегатов туда теперь помещалась любая винтовка или автомат, разумеется, в разобранном состоянии. Безопасность переезда была обеспечена, моя внешность соответствовала – густая борода, причём моя натуральная, крашенные волосы, причём тоже мои, очки и шапочка. Подъехал на свое белой, только что освоенной «семёрке» жигулей и пересел через два квартала в автомобиль «Полпорции», где и дожидался подъехавших, надеясь обойтись показом быстро, чтобы успеть выполнить сегодняшний план. Но... в результате я очутился в Лэнд Круизере, в обществе «Культика» и «Оси», что говорило о чём-то не только серьёзном, но и непредсказуемом. Вспомогательного ствола я с собой уже не брал, чтобы на отходе случайно не «вляпаться».

О чём-то серьёзном подумав, «Ананьевский» кивком показал – следовать за ним, в жилой дом со одним подъездом. Мы зашли в квартиру, встали у окна, и здесь

стало всё очевидно. Теперь понятно, о чём они говорили в машине. О подготовке покушения с моим участием. Ситуация была серьёзной: судя по всему, человек, на которого готовилась «охота», был не шутейного уровня, иначе их бы, обоих Сергеев, здесь не было. К тому же, кроме них, в другой машине, было ещё несколько человек, какова их роль – на тот момент мне было тоже непонятно. Мне, в принципе, никогда не нравился путь одного отхода, а тем более ограниченный одним подъездом, да еще в тридцати метрах от места покушения. Я рискнул и отказался от «исполнения» из этой квартиры, оправдавшись очень вероятной «засветкой» при выстреле – ведь стрелять пришлось бы под очень большим углом, находясь при этом очень близко к окну, а ведь и дилетанту понятно, что позиция должна находиться в темноте, в самой глубине комнаты. Поразительно, но мой авторитет в этом плане оказался непререкаемым, и парни даже не заикнулись о деньгах, времени и средствах, потраченных на поиск и съём этого помещения (тем более что, оказывается, кто-то занимался арендой этой квартиры, и стопроцентно оставил в чьей-то памяти своё описание). Вторым был предложен чердак этого же дома – вариант совсем не лучший, а может быть, даже и худший. Было предложено искать самому, правда, времени оставалось в обрез, до приезда человека, – не больше двух часов. Сбив ноги и не имея возможности позвонить Григорию, с местом я определился и даже показал якобы план отхода, на всякий случай – не того, каким предполагал пользоваться на самом деле. Здесь же получил одобрение плана вместе со всеобщим успокоением. Заговорила рация, или телефон, – сейчас уже не помню. Мы рванули к машине, заняли места и притихли, обратившись во внимание. Вообще, подход сегодняшнего дня мне не нравился, и не нравился изначально. Вся эта суета могла быть замечена человеком из охраны ожидаемой персоны, если бы она у него име-

лась. Такие вещи планируются заранее, более скрытно и, разумеется, не так помпезно и не с таким количеством участников. Думаю, что мой вызов в тот же день не был обоснован попыткой сохранить информацию о готовящемся покушении, просто организация была не на надлежащем уровне, хотя некоторые моменты, о которых я узнал позже, ясно указывали на организацию выше, гораздо выше самого «Сильвестра». Скорее всего, какие-то действия отдавались на свободный откуп более низшим структурам.

Подъехали пара машин, и я подметил, что припарковались они неудачно для точки, выбранной мною. Если что-то пойдёт не так, то эти люди смогут воспользоваться автомобилями как защитой мгновенно, правда, в случае правильного определения местоположения стрелка, но... Из уже стоящих автомобилей и из бани, а это, оказывается, были «Краснопресненские бани», навстречу вышли люди, и направлялись они к высокому, крепкому, уже в годах южанину, одетому в длинное бежевое кашемировое пальто до пят, очень заметного и имеющего вид человека, который умрёт только своей смертью, да и то, если захочет – именно такое определение пришло мне в голову повторно, и аналогичное приходило ещё лишь раз, когда я впервые увидел «Культика»... И оба раза ошибся!

Оставалось не более двух часов до времени «Ч». Забрав синтезатор в машине Сергея «Полпорции» и объяснив, где ему встать, желательно, никому не говоря об этом, – глупая надежда, шеф узнает первый, а значит, возможно, и остальные, и выдвинулся на новое выбранное место. Уже на месте расчехлил и достал инструмент, разумеется, предприняв все предосторожности, от сеточки на голове под шапкой до перчаток на руках. Осмотрелся, снарядил два магазинчика по пять патронов, немного даже для короткого боя, но достаточно для пары выстрелов. В Джона Фитцджеральда Кеннеди

тоже стреляли из мелкокалиберного (6,5 мм) «Манлихера – Каркано» укороченной модели, но там только калибр был небольшой, а патрон был мощнее в разы, с пулей, покрытой оболочкой, гораздо тяжелее этой, плюс длина ствола и отсутствие глушителя. Всё это повышает инерцию пули, а значит – и разрушительное действие. Карликовые патроны с маленьким пороховым зарядом и мягкой свинцовой пулей без оболочки. Мне всегда казалось, глядя на них, будто они мало что могут сделать, но многие тренировки утверждали обратное, поэтому уверенность была полная, правда, на небольших расстояниях, далее же баллистика и кучность боя вызывали вопросы.

Вспоминая мощь человека, который должен был скоро выйти из подъезда, слабости оружия и неприступность для него цели казались мистическим несоответствием. Однако я знал и верил в возможность хорошего выстрела, и сомнений не возникало. А вот настойчивые просьбы «Ананьевского» о прицеле либо в область сердца, либо, еще лучше, в область солнечного сплетения, сбивали все карты. Я прекрасно понимал, что проблема не в точном попадании, а в его воздействии. Также и в этот раз, тем более маломощным патроном. Но, пообещав, пришлось сделать. Оптимальным местом всегда была шея или область головного мозга. Второе и так понятно, а в первом – в узком месте сосредоточены четыре артерии, две спереди, две сзади, толщиной почти с карандаш, плюс шейный отдел позвоночника и трахея. Что-нибудь да зацепит. Прошу прощения за эти подробности, но иначе останутся пробелы в понимании и осознании происходящего. Недаром известный террорист Карлос «Шакал» (не киношный, а настоящий) предпочитал именно шею в виде точки поражения.

Вообще, подобные указания «главшпанов» удивляют. Григорий, после ряда взрывов, проведённых другими бригадами, настаивал на подобной акции, и невероятно тяжело было объяснить ему, что есть масса

минусов, даже при направленном взрыве, – предсказуемость поведения людей в секторе, куда он направлен, возможные случайные жертвы и часто невозможности сделать точечный удар в условиях города (достаточно изучить акции «Моссада», являющиеся мстью за теракт на Мюнхенской олимпиаде, против баскетболистов сборной Израиля). Однако всё это не только устраивало его, но и было желательным. Он был бы горд, если бы «рвануло» на кладбище, и разом полегла какая-нибудь группировка, пусть даже вместе с родственниками, могильщиками и музыкальным оркестром. И предложения такие были, я же останавливался на поголовных видео- и фотосъёмках для архивирования, очень иногда помогавшем мне. Кстати, на таких мероприятиях часто сталкивался с операми из силовых структур, но, в отличие от них, делал это более скрытно и незаметно, с улыбкой наблюдая за их действиями и реакцией на них со стороны «братков». Милиционеров не трогали, считая необходимым предметом культа при погребении. А заодно они отвлекали от меня любую охрану. Интересно, какая бы была реакция милиции, если бы гости, пришедшие на похороны, так же, наполовину открыто, устроили съёмку на похоронах их начальников? Хотя, о чём это я?

Тогда да и сейчас, наверное, – это норма. Мало того, существовал негласный закон, по которому органы никогда не позволяли себе кого-то арестовывать на погребении, даже если знали и видели персонажей, находящихся в розыске. «Игра» разворачивалась лишь после окончания похорон. И честь и хвала людям, честно соблюдающим эти правила взаимного благородства: полебрани при сборе погибших неприкосновенно для боя. Когда-то, в этих негласных постановлениях, были пункты, касающиеся и всех членов семьи, ныне часто нарушаемые.

Но однажды всё же я чуть было не переступил черту, за которой была бы уже моя погибшая совесть и кровожадность Гусятинского. И лишь вовремя опомнив-

шись, или, скорее, остановленный чьей-то невидимой десницей, не инициировал мощный заряд в килограмм пластида, напичканный поражающими элементами, на Введенском кладбище в Москве, где несколько десятков «Измайловских», «Гольяновских» и других отдавали долг памяти на годовщине смерти своего товарища. Бог миловал, пробудив от сна и забвения.

* * *

Чердак был совсем не новый, с деревянными балками и балясинами. Я обошёл ещё раз всё, подготовив импровизированные запоры для дверей с чердака. Их было несколько, как и подъездов. Разумеется, я собирался выходить из самого дальнего от места стрельбы, сказав «Серёгам» о другом маршруте, кстати, наиболее удобном. Времени оставалось немного, а нервы не успокаивались, я занялся дыхательной гимнастикой и заставил поработать воображение над спокойными темами. Почти закончив, услышал отчётливое шепуршание и шаги, человек оступился и сделал резкое движение в попытке сохранить равновесие. Ещё чуть, и я дождал бы спусковой крючок, вклепав нежданному гостю маленький кусочек свинца, но разглядел фигуру человека, сопровождавшего «Осю». Науки ради, нужно было бы ему что-нибудь отстрелить. Задав пару вопросов и убедившись в моей полной готовности, полностью сбив меня с нужного ритма, он удалился.

Все шутки закончились, появилось какое-то движение – по времени выход должен быть с минуты на минуту. Вынув два пакетика, рассыпал вокруг себя их заранее собранное на улице содержимое – окурки сигарет, фантики, использованную жвачку, спрятал целофан в карман и продолжил подготовку.

Опять ненавистный, щекочущий комоч собирался, фокусируясь тяжёлым свинцом в месте мочевого пузыря и медленно поднимаясь точно к середине, к солнечно-

му сплетению, — как раз в то место, которое восточные практики называют центром концентрации энергии. Теперь нужно заставить его медленно рассосаться по всему телу, отзываясь мелкими, еле заметными мурашками в самых отдалённых частях пальцев и, казалось, даже в волосах, кончиках носа, ушей, и отдельно, в паховой области, не позволив «взорваться».

Занятое положение в позе пирамиды подтверждало её жёсткость, а значит — и стабильность выстрела. С десятков долгих вдохов и выдохов, с паузами задержки между каждым, и организм насыщен кислородом. Ещё раз, судорожно, мысль пробежалась по всем пунктам подготовки и приходила к выводу, что всё в порядке. С каким-то упорством пробивалась настойчивая фраза, повторенная неоднократно Ананьевским, когда «Отарик» с сопровождением уходил к жаркому пару: «Валить всех». То есть всех, кто будет вокруг него, основные предпочтения — двое таких же крепких, но более молодых. Двери открылись, важно было не пустить их за большую крону огромного дерева, мешающего траектории слева и бывшего возможным спасением для выходящих.

Слух уже не работал, сердце почти не билось, уйдя куда-то ниже, всё превратилось в зрение. Я слился с «финской дамой» («Аншутц»), правым глазом ведя человека через прицел, левым — держа пространство вокруг. Если кто-то думает, что через «оптику» видна только часть человека — ошибается, на расстоянии уже больше 100 метров, при кратности «х4», не важно: галочка, точка, перекрестье, активная марка или что ещё может являться точкой прицела, а может закрывать голову целиком, а то и больше. А ведь человек ещё двигается, и надо успевать учитывать поправки, которых масса, хотя не на таком маленьком расстоянии. Правда, для пули 5,6 мм и резкий порыв ветра на расстоянии 100 метров — уже угроза для точного попадания. И чем легче пуля, тем больше поправки, чем слабее патрон, тем большее приходится учитывать, потому и ходят ребята парами. Когда

стрелок поглощен процессом, он становится уязвим, все его чувства обострены до предела, но направлены не на свою безопасность, о ней необходимо задумываться раньше, а на цель и оружие. Если чувствуешь, что не слился с ним – забудь об успехе. Если думаешь: попаду – не попаду, забудь, а если лезут мысли «уйду – не уйду», то лучше разворачивайся и уходи сейчас, или делай, что решил.

Я ждал «тяжёлого шага», предшествующего остановке... Вот он. Люди остановились, о чём-то разговаривая... В голове шумит: «Валить всех», – и какой-то чёрной нефтью пробивается через пустоту... Очень важно полагаться на своё чутьё, не ждать, пока человек застынет – он не будет подстраиваться, но интуиция обязательно подскажет, нужно прислушиваться и забыть обо всём. Но, когда ты уже готов и касаешься серединой подушечки последней фаланги спускового крючка, возникает бешеный животный страх, – нет, не перед законом, не перед местью за то, что ты собираешься сделать, и не из-за возможного промаха. Это страх перед тем будущим, которое ждёт нас после смерти. Страх Того суда, а не земного, и лишь непонимание позволяет его, это последнее предупреждение остановиться, перебороть. Если он, такой страх, есть – значит всё получится, по себе знаю. Если он был, и ты переборол его, то помни, что твоё место в геене огненной, а твоё преодоление, которому ты после радуешься, думая о своей могучей силе воли, которая опять не сбоила – помощь существа, слугой которого ты становишься. Имя твоё – пепел, как и твоего господина. А пока ты думаешь о своей силе и кажущихся неограниченных возможностях, но не о душе, которая есть настоящее поле боя для каждого человека. Сегодня – победа гордыни и тщеславия, твой ангел-хранитель отстаёт ещё дальше, на шаг позади тебя, отстранённый падшими, когда-то такими же, как ты, чёрными ангелами, и голос помощи его слабеет. И смогут увидеть это сотни, ужаснутся десятки, а исправятся – единицы.

Дисциплина сказала бить в сердце – РАЗ! Южанин пошатнулся, видно было, что его тело сковала резкая тошнота, рука потянулась к груди. Отдачи в плечо из-за слабости патрона не было, привычно оперируя затвором, держа в прицеле уже шею, светлый, мощный квадрат, обрамлённый воротником рубашки – ДВА! Опять попадание. Секунда-две – ТРИ! Голова. Он должен обмякнуть, потеряв контроль. За три выстрела сделал три-четыре шага. Успел присесть у машины, где бесконтрольно упал.

Цель достигнута. Резко ослабели члены, и всё тело потребовало отдыха лёгким онемением. Дикое нервное перенапряжение, упадок давления, и приходящие мысли занимают недолгую пустоту. Номер один – отход и безопасность, всё по шагам, заранее продуманным, никакого форс-мажирования: внешность, не торопиться, не спешить... Десять-пятнадцать секунд, и я в норме и уже на улице, на ходу меняясь внешне. Осталось решить, куда двигаться – к автомобилю Сергея «Полпорции», или к своей. Неспешно прошел три-четыре квартала, пару дворов, и вот она, «семёрочка», моя и безопасная. Отъехал, нашёл тихое место в двадцати минутах от случившегося, поставил машину в 50-ти метрах и зашёл в забегаловку, по дороге позвонив Григорию, что-то заказал и стал, собирая мысли воедино, наблюдать за событиями, которые могли развернуться вокруг моего «коня», если его «выпасли».

Как-то всё очень необъяснимо, быстро, непредсказуемо, и пока у меня было больше вопросов и несостыковок.

Что дальше? Кто этот человек, жизнь которого я, винтик в большой машине, сегодня остановил навсегда? У меня было ещё несколько часов в запасе, чтобы принять какое-нибудь решение. Пока меня будут прикрывать на мнимом отходе обещанными двумя стрелками от возможной погони, пока узнают, что ушёл по-своему, пока начнут искать, если начнут, и так далее...

Я-то мог исчезнуть, и уже был готов к этому, но не семья. Да, именно семья, это понятие я уже насаждал в себе искусственно, потому что встречи наши были редки и, скорее, эпизодическими. Связи разрушались, и какое-то чувство, если и теплилось внутри, то именно чувство, базирующееся на долге и обязанности, но тем крепче становились отношения. И именно поэтому я считал должным воспринимать нас как семью. Какие планы у «главшпанов», не превысил ли я лимит информации, полагающийся «такому», как я? Но ведь «Солоник» ещё не перебрал. Я знал отношение к нему, и отношение ко мне ничем не отличалось.

Об «Отарике», как его сегодня называли, отзывались, как об очень влиятельном человеке в мире криминала, но не как о «воре в законе». Мы вступили с ним в войну и, по словам Ананьевского, силы были равны, а значит – крови будет много. Здесь я вынужден сделать небольшое отступление и объяснить, что слова, приводимые мною от лица людей, возглавляющих нашу «структуру», я не могу привести дословно по прошествии стольких лет, но смысл их был именно таков. Была ли война? Погибли ли эти люди? Тогда мне это доподлинно было неизвестно. Возможно, просто мешал человек, и от того, останется он живым или нет, наверняка, зависело что-то важное, скажем, под чью крышу попадёт какой-нибудь замечательный «алюминиевый» завод, приносящий огромные барыши. Может быть, кроме изменения финансовых потоков, ничего не изменилось бы, а может быть, погиб «Иваныч». Думаю, что вопросы эти решались в сферах, гораздо выше интересов «Сильвестра», и, проиграв раз, два, три, он стал бы не нужен, что, скорее всего, тоже равносильно гибели в карьере «политической», а значит и физической. Но тогда всё называлось так, как я написал выше: противостояние – войной; выяснения – «рамсами»; встречи – «стрелами». Хотя такие «стрелы» с перестрелками и горами трупов, скорее, действитель-

но представляются войной, пусть и локальной, между двух-трёх группировок, но всё-таки войной, вызванной делением интересов.

Но почему мне заранее не показали место, почему столько участников и такая крупнокалиберная поддержка? Если всё же боялись утечки, то значит не всё так просто, и, скорее всего, будут остерегаться её и дальше. В ходе мыслей пока точка.

Времени мало и я помчался забирать основное и наиболее ценное с ныне снимаемой квартиры, и перевозить на заранее снятую в плановом порядке неделю назад. Надо подумать и о другой машине, чтобы создать вокруг себя ещё один дополнительный барьер. Управившись за час, и ещё через полчаса уже выгружая нехитрый, но наполовину криминальный и дорогой скарб, я обдумывал следующие действия.

А всё было просто. На поверку дня, исчезнуть я не мог, но до появления опасности каким-то образом должен был узнать о её существовании, а значит, для этого нужно что-то инициировать, мало того — и наблюдать. В то время только возможность контроля давала какую-то безопасность. С момента выстрела прошло не более трёх-четырёх часов, я вызвонил одного своего человека, оставил свою семёрку на заметном месте у прежней квартиры и поставил ему задачу наблюдать и фиксировать всех, кто будет крутиться возле машины и интересоваться квартирой, не забывая просчитывать и их транспорт и, разумеется, не вступая в контакт.

Соблюдая фактор неожиданности, подъехал к дому Гриши, зная, что он дома, и позвонил, докладывая и предлагая приехать в течении часа. На вопрос, почему я так задержался, ответил, что уничтожал улики, к тому же был уверен, что «Полпорции», по договорённости со мной, всё доложит, а короткий звонок на пейджер я сделал почти сразу. Разумные объяснения, тем более на фоне радости от удавшегося покушения, были приняты.

Оставалось ждать до наступления назначенного времени. Если всё плохо – значит, жди гостей, если они, конечно, уже не на месте, что маловероятно. Гости были, но свои, ежедневные – привезли знакомую сумку с деньгами, скорее всего, от рыночных сборов, и уехали через пять минут.

Ждать смысла больше не было, и я, сделав круг пешком, осмотрел все подозрительные, окружающие дом Григория объекты, не найдя ничего подозрительного, вошёл. Он, увидев меня, не признал сразу без бороды и усов, сбритых только что, но в парике и костюме, с небольшим зонтиком в руках (зонтик не простой, работающий, как обычный, но с 30 сантиметровым стилетом внутри). Необычности добавляла и позолоченная оправа очков, удобно сидевших на переносице. При необходимости, нужно было лишь подтянуть немного кожу лба к темечку, чуть поднимая брови, и выражение лица принимало вид некоторой наивности, даже с налётом чудаковатости, что обычно обезоруживало. Важно было не забываться, и не расслаблять мимические мышцы.

Мои перемены Гусятинского привели в восторг, потихоньку ошибочно убеждая, как и впоследствии братьев Пылёвых, да, наверное, и всех – такого не поймать. Очень полезное мнение, и я старался его укреплять и развивать.

На чай времени не было, я съел пару бутербродов и... Оказывается, нас давно уже ждали. Интуитивно чувствуя отсутствие опасности и наблюдая за светящимся, предвкушающим славу лицом «Северного», от которого исходило всё, что угодно, только не угроза, мы подъехали в район стадиона «Юных пионеров», к старой школе, где проводилось опять какое-то спортивное мероприятие между дружественными бригадами. На улице уже стояли несколько человек, среди которых узнавались «Ося», «Культик», «Дракон», Дима... – «близкий» «Иваныча», имевший отношение к денежным средствам и

единственный, додумавшийся после его смерти иммигрировать в Америку, прихватив с собой несколько оставшихся миллионов. При мне он говорил немного, и всё, что я запомнил – это две его фразы, сказанные год назад в тире ЦСКА на Комсомольском проспекте, когда мы отмечали следы от пуль в мишенях. Наши оказались рядом. Посмотрев на мои, сбившиеся в две маленькие кучки на месте головы и на месте сердца, а затем на все остальные, сказал: «Твёрдая рука». А через пару минут, когда мы стреляли на скорость, мне не досталось наушников, и поэтому я начал палить первым и закончил на середине выстрелов остальных. Опять встретившись у мишеней и сравнив результаты, он дополнил: «И железные нервы». К нему все относились уважительнее, чем к остальным, что заставляло меня сторониться его и без того редкого общества.

Две минуты ушло на рассказ. «Культик» поинтересовался, на чём я езжу. Узнав, что по-прежнему, уже полгода, на белых «жигулях», намекнул Григорию: такому интеллигентному человеку (иронизируя по поводу моего, резко изменившегося внешнего вида) надо бы поменять машину. Это было исправлено на следующий же день. Так я их и менял, каждые 2-3 месяца, пока...

Вечером, не поехав на банкет и предоставив удовольствие докладывать «Сильвестру» Грише и компании, а самому избежать посторонних глаз, добрался домой, на новую квартиру, отпустил своего человека, выслушав доклад, что всё было тихо, перекусил сосисками с горошком и овощами, которые были на тот период моей постоянной пищей, быстрой и дешёвой.

Стирать было нечего – старое и грязное оставил на прежней квартире, новые комплекты ещё были. Оставались только носимые вещи – замочил их и пошёл смотреть новости, дабы понять, во что вляпался.

Оказалось, вляпался будь здоров. Но по-настоящему стало понятно только через три дня, когда чуть ли не

в прямом эфире транслировали похороны и зачитывали телеграмму с соболезнованиями президента. Много, очень много насторожило, но отступить было поздно, что сделано, то сделано, и пусть будет, что будет. К тому же я хорошо понимал, что сторона, которой это было нужно, тоже не в шортиках ходит и не в песочнице играет, но имеет не меньшие вес и положение в обществе и у силовиков. А после того, но уже гораздо позже, я узнал, что за Квантришвили довольно долгое время «ходила» конторская «наружка», причём с интересом по наркотрафику, но за три дня до покушения, по указанию сверху одного большого «дяди», была снята. И теперь понятно, почему, что совсем успокоило. Как сказал «Сильвестр», «теперь надолго многое будет проще». Но и он ошибался – этот год оказался последним и для него, а чуть позже и для Гриши. И ещё многие будут унесены Валькириями в Ваалгаллу с этого поля делёжки и выяснения, кто сильнее и кому принадлежит. Так заканчивался путь не только больших дорог, но и плащей и кинжалов.

«ЗОЛОТОЙ ДРАКОН» НА КАЛАНЧЁВКЕ

Финансовая состоятельность росла. Вместо премии Гусятинский отдал мне несколько своих участков, по всей видимости, попавших к нему на халяву и совершенно не нужных, расположенных в 120 километрах от Москвы, недалеко от Воскресенска. Место мне понравилось и стало началом большой строительной эпопеи, о чём я всегда мечтал и к чему, в общем-то, был предрасположен. Со временем, на них выросли четыре дома, один – мой и три – для родственников, в том числе один – для отца. В это время они выглядели как один замок и окружающие его маленькие крепости из белого кирпича, обнесённые забором, с проведённой своей линией электропередач и трансформатором и даже мостиком и дорогой через него. Всё это стояло в гордом одиночестве, но функционирует и живет по сей день. Из всех хозяев, включая меня, частным собственником из прежних остался только отец. В результате, надежды на жилище оказались тщетными, а вложения не оправдались, хотя пару раз спасали меня в дни, когда нужно было исчезнуть. Оказалось, что не только семью я не могу иметь, но и недвижимость.

Мне необходимо было место, где работал бы человек, которому я полностью доверял, где я мог появиться и находиться в безопасности, а в случае подстерегающей неприятности – был бы им заранее оповещён. Таким местом мог стать ресторан, и такой нашёлся – «Золотой дракон» на Каланчёвке, мой друг там уже работал. Обговорить с ним некоторые нюансы не составляло проблем, и не особо чего мне стоило. Теперь, если кто-то просил о встрече, то они происходили не в чужом или нейтральном месте, но как бы для всех случайном, а для

меня – гарантированно своим. Это помогало не раз и не два, но после инцидента с шуриным пришлось поменять и его, хотя и на структурное ответвление той же сети ресторанов – бар «Пятёрочка» на Смоленской, в переулках Арбата, тоже сыгравший свою роль.

Дополню: на следующий день после покушения, получив некоторую сумму, и от Григория лично уже ранее упоминавшийся «глок – 19» как знак отличия. В подарках он отставать не хотел, желая представляться в более выгодном свете.

Но не прошло и нескольких дней, как, под присмотром «Осиных» людей и по настоянию Гусятинского, мною было совершено неудачное покушение, в котором пострадала невинная девочка, смерть которой оправдать невозможно. Какое-то глупое стечение обстоятельств. Я сделал всё, чтобы убрать детей из опасного места, даже «засветившись», хоть и с изменённой внешностью, но, всё же дав некоторую зацепку следствию, за что получил очень убедительный и нелцеприятный выговор от шефа, с обещанием этого так просто не оставить. Возможно, всё осталось в подвешенном состоянии благодаря убийству «Отарика», а потом, из-за резких перемен, и вовсе сошло на нет. До сих пор не пойму, как я не заметил игравшего ребёнка, которого дважды прогонял и точно видел, что место пусто – роковая случайность, тем не менее, ударившая сильно не только по мировоззрению в целом, но и понизившая мою самооценку до «ничтожности».

Тогда Григорий вспомнил все мои промахи, неудачи, отказы убивать больше одного человека. Разговор был унизителен ещё и тем, что происходил в присутствии «Усатого» и ещё нескольких человек, явно смотревших на меня со злобой по разным причинам, но более всего из-за зависти. С удовольствием отдал бы им своё место и все эти «лавры», которые, в моём понимании, были скорее грузом, от которого хотелось не только освободиться, но и оттереться.

И тем более что при покушении на Квантришвили (и я об этом рассказал не только Грише, объясняя, почему не стал стрелять в остальных) я опять упёрся в свои принципы, и из уважения к чувствам человека, подбегавшего к смертельно раненному Отари, находившемуся без памяти, то ли пытавшемуся ему помочь, то ли оттащить, не стал производить выстрела. Этот поступок произвёл на мои сентиментальные чувства неизгладимое впечатление, тем более что обычно народ в таких случаях разбегается в разные стороны, думая только о себе. Эти условности, от покушения на «Стаса», где остался живым Лёня, до «Удава», и ещё многие повторяющиеся моменты, где люди оставались живы, теперь, по уверению Григория, произошли из-за моей безалаберности и чуть ли не трусости. Теперь же, когда выяснилось, что с «Отариком» были люди, смерть которых была также «на руку», разразилась буря. Всё говорило о том, что терпеть этого больше нельзя и так продолжаться более не может. Это стало ещё одним доводом для принятия решения «убрать» самого «босса» – ведь ещё одна осечка или принципиальная выходка, и кто знает, чем бы это закончилось.

Но вернусь к тому злосчастному случаю. Взрыв был направленным, и в секторе поражения, кроме «цели» и охранника, я решительно никого не видел, но получилось так, что незадолго до инициации взрывного устройства телохранитель поравнялся с охраняемым и случайно закрыл его от ударной волны, несущей осколки. Всё произошло за доли секунды. Отбросило обоих, но погиб только один – ближний к эпицентру взрыва. До сих пор неясно, где находился ребёнок, ведь я точно видел, как девочки, которых отогнал, сославшись на подъезжающую для разгрузки машину, ушли, и ушли далеко, в сторону игровой площадки. Всё это произошло минут за 10-15 до происшествия, и, кроме вышедших из подъезда, вблизи не было никого! Но ничего не снимает, а лишь усугубляет вину, и только мне известно, как тяжело

писать эти строки, отгоняя трусливые мысли изъять их из книги. Но пусть будет видно, насколько ужасно, а вовсе не романтично то, что мне приходилось делать, и пусть в сознании прочитавшего создастся правильное впечатление обо мне.

Родители называли её Юлией, мать после её смерти вскоре оказалась в лечебнице, а отец навсегда покинул этот мир. Думаю, после таких строк вряд ли найдётся хотя бы один человек в мире, который бы нашел для меня оправдание. Даже Саша «Солоник», которого не особенно волновало количество людей, погибших от его руки, и их половой и возрастной состав, не имеет на своём счету ни одного ребёнка, пусть даже погибшего волею случая.

И если и преследуют меня, как наваждение, мысли о том, чем я занимался, то именно здесь, особенно теперь, когда у меня есть своя дочь, и я боюсь её потерять, уже не только мысленно представляя, что может чувствовать отец, опасаясь за своего ребенка, а действительно являясь им. Чудовищные картины возникают в воображении, и разум еле способен сопротивляться им, пожираемый страхом!

Я неплохо знаю взрывное дело, но именно с этой стороной мне вообще не везло. Совпадения, пересечения, случайности и, конечно, пресловутый человеческий фактор доводили до того, что не должно было случиться вообще, если об этом вообще уместно говорить.

Так и случилось через несколько месяцев. Гусятинский, как обычно, загрузил меня по полной, словно хотел найти половину человечества, а вторую перебить. Но, слава Богу, почти все его желания в этот период не уходили дальше первой части. Времени не было вообще, и я, засыпая, просыпался в наушниках, прослушивая чужие телефонные переговоры. Все эти не мои и не нужные мне жизни, выраженные в словах, в основном протекали в суете и проблемах, в изменах и выяснениях обстоятельств. И только небольшая часть, которых

я начал воспринимать почти родными, и даже некоторым сопереживал, удивительным образом не путались у меня в голове. Странно, но очень многое было одинаково, даже возраст и состояние здоровья не делали исключения. Мы совсем перестали, да и не хотим понимать друг друга – более того, многое делаем просто в пику. Нет, не назло, но просто наоборот, так, чтобы «не по-твоему». Слушая разговоры, я почти не слышал счастливых людей, только дети еще обладали этим свойством, да иногда старики. Если бы вы знали, как похожи и те и другие. Иногда казалось, что если изменить тембр и частоту голоса, то различить их было бы невозможно.

Несмотря на всё это, мне приходилось пользоваться прослушкой их разговоров, чтобы добывать информацию, и ни разу не было случая, чтобы кто-нибудь да не «помог». Даже если человека просили, умоляя или пугая, чего-либо не говорить, всё равно он это чаще всего делал. Мы, люди, странные создания, и единственная возможность уберечь тайну – не говорить о ней вовсе. Конечно, есть и исключения, в виде умеющих держать язык за зубами, но мы не можем не реагировать, и порой даже просто молчание указывало, в каком направлении необходимо двигаться – не мытьём, так катаньем.

ЛИФТ

Мерзкая погода, конец 1994 года, дела, касающиеся «Марвола», радуют всех, но не всё так сладко и не как хотелось бы.

Гусятинский протягивает мне написанный на клочке бумаги словесный портрет какого-то человека. Там же – адрес, марка и номер автомашины. Но нет фотографии, а мало ли может быть всяких ситуаций? Но уверенность «босса» говорит о невозможности сомнений и о его убеждённости в правильности решения. Спорить бесполезно, можно попытаться сделать снимок самому, хотя, на сей раз, ни времени, ни возможности он не даёт: «Надо ещё вчера». Впрочем, по-другому никогда и не было.

Чистопрудный бульвар, старые дома, своеобразная инфраструктура. Подъездов я не любил – это для хулиганов, бомжей и «начинающих», засветка 100%, да и случайные свидетели были не редкостью, а их, насколько я знаю, ждала та же участь, что и человека, которого убивали. Никто никогда ничего не должен видеть, тем более рядом с местом, где всё происходило. Ну, разве что, в очень крайнем случае, и то в массе народа и холодным оружием или сильно закамуфлированным огнестрелом.

Место было хоть и закрытое, но неудобное – двор полуколодец, со множеством выходящих в него окон, в соседнем подъезде – опорный пункт. Во всех дворах – проходные, как и подъезды, въезд в арки, мест парковки почти нет. Значит, водитель подвезёт прямо к выходу, значит, и времени на реакцию и для отхода почти не будет. Поэтому машину приходилось высматривать издали, ещё в потоке при подъезде, чтобы успеть прошмыгнуть впереди неё через арку и, как бы удаляясь от

них, контролировать процесс. Оказалось непросто определить по форме горящих фар и их размерам марку и серию машины, но и здесь нужна была только привычка, а потому всё дело во времени. Неделю я промёрз безрезультатно, выслушивая всякую всячину от Гусятинского, а на деле оказалось, что человек был просто в отъезде. Почему-то в тот раз, наверное, из-за надежды сделать всё быстро, подключаться к домашнему телефону не стали, и это была ошибка. При появлении, подметив несколько мелких особенностей и подтвердив их в следующие два раза, я пришёл к выводу, что лучшим вариантом будет минирование лифта. Одна загвоздка: как понять, вошёл человек или нет? А может, уже вышел? Раз десять пробовал засекать время при разных возможных вариантах, разумеется, в другом, зеркальном подъезде – бесполезно. В ящик за газетами полезть может, ключ начнет искать, может задержать и просто встретившийся знакомый.

Поэтому решил отложить это дело на более позднее время и заняться взрывчаткой, снарядил «Ф1» электрохимическим взрывателем и соединил с приёмником и аккумулятором. Сразу понял, чего не хватает – аудиомикрофона с передатчиком. Видеокамера – это было бы слишком объёмно, да и слишком круто, а радиоинформация – в самый раз. Теперь главное, чтобы одно другому не мешало. За один день ребята всё сделали и всё проверили, проблем нет, теперь нужно привыкнуть к звукам, чтобы автоматически понимать происходящее в подъезде и лифте. Один – два дня, и я полностью готов.

Взрывное устройство – уже в лампе лифта, его я устанавливал примерно за час до ожидаемого времени приезда нужного человека и снимал каждый день перед уходом, что называется – «лучше перебдеть, чем недобдеть».

Проверил несколько раз и высчитал, с какого места двора оптимально место инициации, всё получалось и всё работало, кроме Гришиного терпения. Я не спал уже

двое суток, скоро пойдут третьи, устал и вымотался. Понимал, что в таком состоянии лучше ничего не делать, но... Вот и «Вольво», по описаниям, человека, которого я видел до этого – он подходил. Однако сейчас рядом с водителем сидел вроде бы он, но полубоком, я не особенно обратил на это внимание – кто же ещё, хотя и показался он мне несколько крупнее. Было какое-то предчувствие, мало того, я не успел пройти вперёд машины в арку, но, в любом случае, акустический контроль есть. Вбегая в арку, услышал хлопок двери автомобиля и, выходя из неё, увидел закрывающуюся дверь подъезда. Водитель пока в машине, прохожу дальше на точку дороги, с которой добывает сигнал, замедляю шаг, делаю вид, что прикуриваю, убирая то и дело лезущие в лицо от ветра волосы парика. Какие-то мощные автомобильные сигналы, сирена, но это далеко, на проезжей части, к нам никакого отношения не имеющие. Кажется, что-то пропустил в наушнике... Ага, звук двери и какой-то хлопок... Пора нажимать. Слышится приглушённый взрыв. Водитель выбегает из машины, влетает в подъезд... Меня уже нет, ухожу через проходы, переодевание, и через 5 минут я еду на своей «Ниве» в сторону «Золотого дракона». Какое-то предчувствие ошибки, причем именно в звуках: чётко было слышно открывание двери, но из-за sireны и гудков автосигналов какой-то совсем неясный хлопок закрывания – может, это просто дверь на этажах... И не помню, слышал ли я мягкий, клацающий удар, который должна была произвести платформа пола при наступании на неё ноги. Но думать поздно, оставалось только ждать.

Отправив, как всегда, на пейджер Гусятинского сообщение: «контракт заключен», перекусив тигровыми креветками и парой капучино, поехал забирать кассеты – необходимо было чем-то забить, даже утрамбовать время, какими-либо действиями, чтобы отвлечь ноющую совесть. К ночи, почти добравшись домой и уже доставая ключи перед входной дверью, получил

сигнал срочно приехать. Уже четвёртые сутки без сна, и почему не получасом позже? Я бы уже спал, без шансов проснуться ни от звонка, ни даже от стука в дверь. Или часом раньше – я бы не петлял, проверяя за собой «хвосты», только лишние силы потратил. Но успокоение было – пока жив и на свободе! Оставив пару признаков неприкосновенности: спичку, опёртую о дверь и волосочек, приклеенный слюной к дверной раме – если дверь откроется, то по изменённым положениям одного и второго это будет сразу видно. Можно было использовать и бумажку, и засунутый кончик придверного коврика, да что угодно, главное – не забывать обращать на это внимания... Я поплёлся к машине. Поняв, что по дороге скорее всего усну, поехал на такси, перехватив немного сна, как едущий пассажир – на несколько часов бодрствования хватит. Попросил остановить за несколько кварталов, осмотрелся: стояли знакомые парни, – видно, передний край обороны, новое веяние, а может, и мода, но, на мой взгляд, лишний знак присутствия «хозяина» дома.

Зачем я понадобился? Наверное что-то случилось, скорее всего – ошибка, но в чём? Оказывается, человек остался жив, но с открытым переломом ноги. Тотчас позвонили. Гриша, слушая, даже растерялся – пострадавший вообще оказался не тем человеком, но... Но тот, который должен был быть вместо потерпевшего, всё понял, и происшествие подействовало на него именно таким образом, каким нам было нужно. Мало того, заказчик позже передал пятьдесят тысяч долларов, с льстивым признанием профессионализма совершённого. Какой уж тут профессионализм, когда пострадал другой человек, совершенно посторонний. Я был в состоянии прострации от услышанного и не внимал восторгам и островам шефа. Догадался лишь по контексту, что три пятых этой суммы он отдаст своему брату-строителю, который делал ремонт в новой квартире, где сейчас проживала моя семья. Потихонечку я осознал, под каким

«колпаком» мы находимся, а когда он сказал, что моему сыну понравилось в зоопарке какое-то животное, и он смеялся, шлёпая себя по бёдрам, я вообще обо всём забыл и лишь силился понять, зачем всё это было сказано и каким путём узнано. Его несло, слова о каком-то недоверии, а сейчас о полном признании, наконец-то, сложили полную картину – это элементарный, причём неподготовленный шантаж, либо перевознесение себя и, в любом случае, лишняя информация к размышлению. Я вежливо отказался от предлагаемой периодически охраны моей семьи, обосновав тем, что не смогу объяснить ни супруге, ни родственникам такую опеку. Так потихоньку всё двигалось к тому, что необходимо принимать кардинальные меры.

Думать сил уже не было, рядом находился дом Милены, которая могла меня принять. Встретившись через 15 минут, мы выяснили, что нам нужен только сон, и ещё через пять, просто упав, заснули, ополоснувшись и даже не вытершись.

Проспав более десяти часов, я явно не восстановился до конца.

В тот же день меня ждала встреча с другой женщиной, тяга к которой была непреодолимой в любое время дня и ночи. У меня оставалось всего два часа до встречи, а я был во всём мятом и не очень свежем. В таком виде я не мог позволить себе появиться. Единственный выход – «потрепать» магазин за отдельную плату, далее полчаса бани, 15 минут парилки, которая не только очистила, но и взбодрила. Во всеоружии и с трепещущим сердцем, я «лупанул» из главного калибра, подарив небольшой перстенёк с сапфирчиками в одном из ресторанов китайской кухни. Огромный аквариум с такими же рыбами и омарами в отдельном кабинете, и спокойный разговор, с человеком, которого, то есть которую я с жадностью пожирал глазами, а она полностью отвечала взаимностью с тем же желанием близости. Этот вечер, как и

многие с нею, унёс меня совсем в другое измерение, где не было ничего, что бы мне не нравилось.

А до того было лето, не меньше напичканное событиями, малыми и большими, значительными и не очень, и все они съедали мою жизнь, вместе с появляющимся чувством вины, и тем хорошим, что эфирное понятие «совесть» оберегает.

Погнавшись за модой, все бросились снимать хоть какую-то недвижимость за городом. Гриша с водителем и одним из «близких» «Оси» снял здоровенный особняк какого-то академика на Рублёвке за десять тысяч долларов в месяц который, как оказалось потом, принадлежал «Сильвестру». Я же был скромнее не только в запросах, но и в возможностях, поэтому мне достался сруб у ведомственного парка в Жуковке, что, впрочем, оказалось гораздо удобнее. О том времени остались приятные воспоминания, хоть и появлялся я там не больше двух-трёх раз в неделю, и то не долго...

Нам нужен был поставщик оружия, и все, кто мог, занимались поисками. Некоторые знакомые свели меня с одним молодым человеком, скорее это была закономерность, и вот почему. «Случайно» появившийся в «Золотом драконе» человек, которого я называл «покупателем», словно знал все мои проблемы и надобности. А они имели когда-то отношение либо к армии, либо к другим силовикам. Порой мне казалось, что он вообще знает всё, даже то, что я сам ещё не знал и совсем не собирался делать. Беседы с ним были редки, а встречи неожиданны, но продолжительны. Он говорил о Боге, а мудрые и ёмкие истины современности открывали на многое глаза, точно так же, как ненавязчиво объясняли действительное положение вещей. Хотя я не всегда был склонен ему верить, но, странным образом, он всегда оказывался прав. Его то ли гений, то ли опыт, то ли просто осведомлённость многое подсказали мне, кое с кем заочно познакомили и изредка кое о чём предупреждали. Но в своё время настал момент, когда я понял, что он

ошибся, заговорив нечаянно о своей смерти. Но ошибся я, не поверив в его прозорливость, и думаю, даже уверен – он просто «отчистился», просто пропав.

Те, кто о нём слышал, ничего не знали об этом загадочном человеке, а после исчезновения сразу резко забыли, будто никогда и не видели. Пропала и какая-то тонкая связь, сдерживающая и определяющая границы. Последними его словами было: «Тебе всегда помогут». Странно, но мне действительно всегда помогали, даже когда это в принципе было невозможно, помогали даже те, кто, казалось бы, не имел на это право по своим служебным обязанностям.

В тот раз он подсказал, что если вдруг у меня есть хороший электронщик (а он наверняка есть), и если он имеет какое-нибудь отношение к ЧОПу, то наверняка знает, куда можно обратиться за покупкой спецсредств, и, словно невзначай, посоветовал фирму и даже к кому обратиться. В принципе, ничего удивительного сказано не было, всё выглядело логично, если бы не лёгкость получаемого дальше из-за одной мелочи – доверия ко мне со стороны тех людей, к кому я далее по этой подсказке обратился.

Так я попал в одну из крупнейших на тот период фирм по продаже специальной техники и специального оборудования, спецсредств и другой «мистики», как будто кто-то что-то шепнул её директору, тоже не простому человеку, с которым мы через короткое время были уже на «короткой ноге», сблизившись чуть ли не до родственности... Именно в этой фирме работал начальником транспортного отдела и человек, возглавлявший автосервис, бывший дочерним предприятием фирмы. На сервисе, совершенно случайно, я с ним и познакомился, и знакомство это оказалось очень полезным и плодотворным в смысле приобретения оружия. Звали его Сергеем, поступления были в основном эксклюзивные, и поставки канала имели явно дипломатический душок.

Когда он начинал, ничего не опасаясь, доставать

«стволы» из всех щелей своей небольшой квартиры, я понял, что хочу забрать всё, правда, и так же быстро желаю исчезнуть отсюда, понимая, насколько беззалаберно и опасно выстроен сбыт. В самом деле, как выбирать из такого ассортимента: «браунинг хай пауэр»; «CZ 52»; Perfecta «FBI» 8000; Naurus PT 92; Ингрэм M11; «Беретта 92м»; револьвер «Смит&Вессон»; револьвер «Кольт», всё калибра 9 миллиметров. Пистолеты-пулемёты «Heckler & Koch» MP-5; «CZ 61, Скорпион»; небольшой модельный ряд «Штайер»; штурмовые винтовки, снайперский комплекс и ещё много чего, разных фирм и разных калибров. Глаза разбежались, денег хватило только на половину. Из приобретённого кое-что пришлось отдать – часть разобрали «главшпаны» как сувениры, хотя мало что в этом понимали. Особый интерес у них вызывали мальки – «Беретты» калибра 6,35 и 5,6мм с откидывающимися стволами, что называется оружием последней надежды. Они были блестящими, как маленькие бронзулетки, и, находясь в ладони, вызывали приятное ощущение, притом, что это всё же оружие. Было много и другого, на что не нашлось ни желания смотреть, ни, тем более, брать – разные «Маями», «Интротеки», «Дезерт Игл», «Арминиус» и тому подобные несуразности.

От покупки ещё двух вещей я всё-таки не удержался, и взял, чисто для тренировки, мелкокалиберный револьвер «Рюгер» с матчевым, толстым стволом, познавшим свой «час славы» около «Доллса» и, в принципе, до этого хорошо «поработав», и мелкокалиберную версию «Парабеллума» с удлинённым стволом.

РУБЛЁВКА

Самая худая и «жирная» трасса страны. Совершенно необъяснимо, что гонит туда людей, кроме мнимого престижа и бешеного неудобства. Когда-то я продал принадлежавшие мне 30 соток земли на Николиной горе за тридцать тысяч долларов, в совершенной уверенности непригодности её для меня. Сегодняшний день над этим лишь усмехается. Периодически заскакивая на дачу «учёного» к Григорию, ловил себя на мысли, что знаю места и гораздо получше, хотя дом для того времени был большим и неплохо отделанным. Гусятинский жил там с супругой и двумя собаками. Там же поселил водителя с подругой, и там же нашлось несколько комнат ещё для одного человека с его невестой. Компания была тёплая и весёлая, гостей – масса, но почти все определённой направленности.

Во второй свой приезд я пожаловался присутствующим дамам, шутки ради, что никакая краска не берёт мой иссиня-чёрный цвет волос. Не прошло и пяти минут, как их скучная жизнь приобрела новый оттенок благодаря попыткам придать моей голове блондинистый цвет. Ведь все, чего я добился в модных и дорогуших салонах, – это светло-каштановый окрас, и то мерцающий своей неоднородностью по всей длине. Моя съемная квартира была уже завалена париками, бородами и усами на любой выбор, со всеми причиндалами и всевозможной одеждой, от строительных роб до длинного чёрного пиджака католического священника с белым галстучком, купленного в театральной костюмерной (в своё время пригодится и он), но необходимость изменять и свой цвет тоже была, и на тот период стояла даже остро, а причину я рассказывал по просьбе шефа уже в пятый или шестой раз, пока девушки колдовали над

моей шевелюрой. Правда, то, что их жёны знают многое, поначалу изумляло и казалось ошибочной семейной политикой, но приходилось надеяться на женскую забывчивость, к тому же это было всё, что я когда-либо рассказал женщинам из своего опыта.

Итак, лето, прекрасный, многообещающий солнечный день. В панаме, джинсовой рубашке и штанах, заправленных в американские армейские ботинки «коркораны» с брезентовым верхом, и со среднего размера брезентовой сумкой я вышел из дома, где Сергей «Полпорции» снимал квартиру. В принципе, этим занимался я для себя, но это была вторая квартира, и Гриша упросил на несколько дней поселить там своего водителя. Пришлось согласиться, понимая, что нужно искать очередную. Проходя пару кварталов к своей уже третьей «Ниве», я обдумывал покупку четырёх помповых «Бенелли», короткоствольных, без прикладов и очень надёжных. По предварительному договору, они должны были быть снабжены специальной ременной оснасткой, которая позволяла их носить под мышкой и пользоваться при стрельбе вместо приклада: естественно, не прижимая к плечу, а оттягивая от него. Ещё эта сбруя позволяла без затраты времени и усилий вытягивать ружья из-под руки и выводить их в положение готовности. Это были лучшие помповые стволы, которые я знал для подобного применения. Их можно было оснастить подствольными фонариками, целеуказателями, хотя это всё на любителя и, на мой взгляд, лишнее. Два из них я должен был отдать Грише, остальные оставить себе. Но всё вышло по-иному, а расставание с ружьями оказалось неожиданно опасным, хоть и спасло меня благодаря смекалке и быстрой реакции.

Возвращаясь после удачной покупки, я поднимался в квартиру на четвёртый этаж дома, расположенного за универмагом «Москва» на Ленинском проспекте, где пока расположился не уехавший Гришин водитель и откуда я ещё не успел увезти большую часть своей спец-

техники и дипломат с двойным дном, в котором хранились некоторые мои документы. Там же была и вся носимая одежда. Больше всего из потерянного мне жалко орден и орденскую книжку – наглядные доказательства того, что когда-то я был... «Полпорции», по всей видимости, отсутствовал. Да, кстати, Гриша попросил на пару дней «приютить» несколько стволов, СВД, автоматы и пару пистолетов – как будто специально. Я затормозился на один день, отдав предпочтение не перевозу всего моего имущества, находящегося на этой квартире, а покупке ружей. Уже подымаясь, я как будто боролся с каким-то чувством – оно заставило снять очки от солнца, спрятать их в футляр и застегнуть все карманы. Ну не хотелось мне туда идти. Я двигался, прислушиваясь, но ничего необычного не слышал. И все равно что-то было не так. Я знал: интуиция о чём-то отчаянно мне сигналила. Когда она тревожна беспричинно – значит, вы идёте навстречу отчаянной и, может быть, безнадёжной ситуации! Но лишь редкие люди проверяют это издалека, остальные – на ходу или вообще плюют на сигналы. Как правило, плевков возвращается, и очень быстро, в виде молота и наковальни, между которыми вы и оказываетесь.

Уже подойдя к двери и увидев тронутые «признаки» – половая тряпка была без отогнутого уголочка и не расправлена гладко, а сбита, медяшка, закрывающая вход для ключа, оставляемая мною висящей на 4,5 часа, сейчас висела на 6-ти. Казалось, чего ещё нужно для подтверждения опасений, но я вспомнил о том, что обещался зайти хозяин. Я даже не мог представить, что Серёга его не дожждётся, и тот попадёт в квартиру один! За дверью тихо. Поворачиваю ключ, один поворот, второй поворот, и... дверь резко отворяется, а выплывающий ствол оперского ПМа застывает в 15 сантиметрах от моего дорогого носа. Дальше всё, как на замедленной съемке. Вторая рука милиционера тянется к сумке, губы,

шевелилась, что-то кричат, лицо так изуродовано гримасой напряжённости, что понятно – не шутит. Хочешь сумку – получай. Уходя с линии прицела, с силой швырнул её ему в грудь – он, отшатнувшись, вынужден был схватить ношу двумя руками, инстинктивно не давая ей упасть. Хорошо, что у пистолета не был взведён курок – не произошло случайного выстрела, хотя меня уже не было. Я пролетал лестничные пролёты, касаясь каждого только один раз, и то для того чтобы, оттолкнувшись, перепрыгнуть через перила, цепляясь за них руками, толчок и вниз, толчок и вниз. Вверху слышался ор и паника. Подлетая уже к первому этажу, увидел, что открывается дверь подъезда, и хорошо, что от меня, – наскакивая на неё всей массой тела, сбивая вместе с дверью двух милиционеров, спешащих на помощь, выскакиваю на улицу и бегу, что есть мочи, к Ленинскому проспекту, понимая, что за мной погоня и стрельба. Делаю вывод, что единственный выход – свернуть в боковой вход универсама. Из последних сил залетаю на 5-й этаж в надежде найти раздевалку персонала, но не тут-то было. Внешность с зализанными назад волосами, оканчивающихся длинным хвостиком, надо менять. Ничего подходящего не найдя, быстро спускаюсь на этаж, где продается мужская одежда, в проём уже вижу поднимающихся оперов в сопровождении людей в форме, с бронежилетами и автоматами. Кажется, что времени совсем нет, и ловушка захлопнулась. Быстро пробегаю глазами по висящим на вешалках шмотках, одновременно залезая в карман и вынимая то, что меня, и без того ошарашенного, убивает – всего 36 рублей. Самым дешёвым на взгляд, показался костюм строительных бригад цвета хаки, и чудо! Его стоимость без одного рубля помещалась в имеющуюся сумму. Быстро схватил и убежал в примерочную. Кажется, ещё шторка не перестала колыхаться, а я уже стоял в «оливе» и утрамбовывал джинсовые штаны и рубашку в забытый кем-то пакет. Осталось привести го-

лову в беспорядок. Блестящая причёска держалась за счёт огромного количества застывшего геля, и расчесать их было не так-то просто, к тому же нечем. Я весь взмок и раскраснелся, но перемены мне понравились, остался последний штрих – очки с прозрачными стёклами в толстой роговой оправе, которые я всегда носил в кошельке на поясе, на всякий случай. Одетые на переносицу, они логично довершили кошмарную внешность человека, воистину обладавшего львиной гривой вместо волос, словно шерстью торчащей во все стороны – нечего сказать, гламурненько. В таком виде я и появился перед ожидавшими меня кассиршей и продавщицей. Они покатались со смеху, но дело своё делали, оплату я пересыпал шутками, явно уже издалека, представлявший из себя не того, кого искали быстро передвигающиеся и внимательно всматривающиеся люди в форме. Забрав рубль сдачи и ногой затолкав мешок со шмотьём под прилавок, пошёл разухабистой походкой на первый этаж искать возможности выхода. У каждого из трёх по 4-5 милиционеров. Иду к центральному, придурковато улыбаясь, пристаю к одному из них с вопросом, где можно позвонить, чем вызываю у него улыбку и слова: «Ну иди уже», – я явно не подхожу под описание, точно так же, как моя внешность под нормальную. Спускаюсь в подземный переход и где-то там уже нахожу телефон. Сообщаю Григорию на пейджер о случившемся, предупреждая о невозможности появления в квартире, и жду следующих указаний. Оно говорило, что я должен подъехать на Дмитровское шоссе и ждать, пока меня подберёт один из Пылёвых. Пришлось ехать «зайцем», усевшись на свободное место и хоть как-то пригладив взъерошенные твёрдые волосы, вызывающие несдерживаемые улыбки. И только здесь я понял, что пора пугаться...

Который раз Господь предупредил меня, но страшно человеку, не зная будущего и не понимая, что подобный

шаг вряд ли хорошо закончится, и не только для него самого, всё же сделать его. Лучше оттянуть – пусть, если что-то и случится, то позже. Вот тогда и посмотрим. Вот так, откладывая, и доходим до «сегодня». И уже обращая свой взгляд в дымку прошлого, видишь, что много непонятного с сегодняшней точки зрения выглядит по-другому.

На вопрос, хотел бы я что либо изменить, я ответил: «Нет». И выпалил это «нет» журналисту, словно боясь ошибиться, когда давал интервью уже находясь под арестом. Да, поначалу звучит и странно, и даже страшно, но вдумавшись... Всего не изменить никогда, а поменяв события... Во-первых, на что именно? А во-вторых, – к чему придёшь? Не стал ли бы я более кровожадным, не погибло ли бы ещё больше людей? С кем бы встретился и как закончил? Ведь, возможно, сделав другой выбор на каком-то отрезке пути, дальнейшие шаги и события развивались бы непредсказуемо и, возможно, привели бы к потере близких и любимых мне людей. В этом контексте я даже не могу себе представить свою реакцию, да и с какого места и что менять?

Часто к этому возвращаюсь и не нахожу подходящего ответа. Бывает, у меня интересуются на эту тему, но сказать мне нечего, а честно – по-другому не получается.

И вообще: я твёрдо знаю, что люди, уверенные в своих возможностях изменить что-то в своей судьбе своими силами, обязательно потерпят фиаско. Изменить изменят, но не достигнут первоначально поставленной цели, и всё, предпринимаемое ими, лишь будет отдалять от неё. Не может человек по своему желанию, не понимая, как мало зависит от него (лишь правильность выбора, и деятельность на избранной стезе), пытаться повернуть течение в реке своей жизни, при этом не меняя его русла, а последнее – точно не в нашей воле. Но всё переменчиво, и меняются дороги, по которым, казалось бы,

мы твердо ступаем. Я был этому свидетель, я был в этом участник, и вся, лично моя, жизнь – есть подтверждение сказанному.

Другое дело, если вопрос повернуть иначе: сожалею ли я о содеянном? Разумеется. И о том, что сделал, и о последствиях. Сначала я думал, что эта книга будет единственная, но, размышляя над вышенаписанным, прихожу к мысли, что она будет нести в себе не полностью то, что я хотел сказать, а потому в планах и разработках – и вторая книга, но уже более художественного плана, с приблизительной рабочей сутью: «А как могло бы быть, если...»

Зачем я всё это рассказываю? А для чего и по какой причине люди любопытствуют о том, о чём, в принципе, даже подумать страшно обычному, среднестатистическому человеку: «А как себя ведут люди, когда в них попадает пуля? А что снится? И снятся ли те, которых ты убил? Или те моменты, отпечатавшиеся на всю оставшуюся жизнь в твоём сознании? А из чего лучше это делать? А что чувствуешь, когда нажимаешь на спусковой крючок?» – спрашивают люди разные, с разными уровнями знаний, интеллекта, опыта, возраста и национальности. Прокурор на суде или адвокат стороны потерпевших задают эти вопросы с полной уверенностью и надеждой, что любой ответ воспримется присяжными негативно. Ан нет. Хотя, конечно, многое зависит от того, как отвечать, и что происходит в этот момент с совестью и сознанием опрашиваемого... Раскаianie выплёскивается безгранично и почти неконтролируемо, захватывая слушающих своей экспрессией, доходит до самых глубин души и памяти, и вынимает оттуда свои потаённые переживания. Люди слушают, смотрят и задумываются: «А смог бы сам вот так?». Но мысли их о своём и, как правило, меньшем, типа измены жене. Всего-то упасть на колени и повиниться! Но подумают, подумают и испугаются последствий, а они не так и велики по сравнению с ожидающими меня...

* * *

После удачного ухода от засады, я первый раз близко познакомился со старшим Пылёвым – Андреем. По духу он оказался мне ближе остальных. Очень положительное осталось о нём впечатление после первой встречи. И почему-то оно так и не поменялось за всё время нашего общения. Бывший пограничник, мечтавший об офицерском поприще в юные годы, но «зарубленный» ещё на стадии подачи документов после окончания срочной службы в один из специальных вузов из-за судимости брата – Олега. Семью кормить чем-то нужно было, и он устроился мясником, что стало хорошим подспорьем на несколько лет в поддержании штанов. Добрый и справедливый по натуре человек, он оказался податливым, хоть и рассудительным, и во многом шёл на поводу у младшего, а после и у «Оси». Возможно, я смягчаю краски – ведь из его уст прозвучали слова о необходимости устранения некоторых людей. Или же они просто были согласительными?

Крепкий, здоровый парень, в шутку называемый близкими «руки-ноги» («карликом» он стал после задержания, благодаря воображению прессы, раньше никогда подобного сопровождения его имени я не слышал). Такое прозвище он получил из-за не совсем пропорциональной раскачанности, несоизмеримости объема рук и ног – при его среднем, а совсем не маленьком росте рука зашкаливала за полтинник, в то время как нижние конечности были просто толще средних размеров. После, правда, эта разница им была устранена, но уже в своём личном зале на собственной вилле в Марбелье.

Андрей подъехал на «Гранд-Чероки», тогда ещё редкой модели, очень престижном джипе, подивился моему юморному, полусумасшедшему виду, и мы двинулись в сторону заново снятого спортивного зала.

Происшествие, из которого мне удалось выпутаться «победителем», произвело фурор и подняло рейтинг, причём всех. Здесь же были выданы «подъемные» – не так много, как хотелось бы, но достаточно, чтобы одеться и снять квартиру. Что в прежней осталось – потеряно. В подвешенном состоянии была и машина, и мы усиленно над этим работали.

Судьба настойчиво сводила меня с братом «Оси» – Александром. Похоже, в том была какая-то необходимость, хотя напряжения в отношениях с обеих сторон не ощущалось. А вот пользы было предостаточно. Так, было принято выражать доверие, разрешая общаться ценным сотрудникам дружественных «бригад», как в древней Элладе или Риме было принято делать заложниками родственников – «аманатов», в надежде, что это удержит от войн. Хотя ими часто и жертвовали. Я приглашал его домой, чтобы показать это доверие. К тому же он был действительно человек достойный (я имею в виду качества характера), хоть и не очень образованный и отёсанный. Обычно пили пиво или болтались в ресторане, бильярдной или боулинге. Если встреча всё-таки происходила на снимаемой мною квартире, то устраивалось это за день-два до переезда на новую. Доверяй, но всё же не плошай.

Именно с ним мы и занялись моей нашпигованной спецтехникой «Нивой». «Мытьём и катаньем» машину без эксцессов забрали на эвакуаторе. Радоваться было чему – ведь внутри автомобиля оставалась чуть ли не единственная электроника и аппаратура для фото- и видеосъёмки и хранения информации. Остальное было либо на восстановлении и в работе, либо «ушло» в засаде. Правда, не всё было гладко. Сигнализация за две недели посадила аккумулятор, а двери я не закрыл, и часть бесценного оборудования, не установленного, а находившегося просто в сумках в багажнике, пропала: магнитофон, переделанный под приёмник для хранения

«вальтера – ППК» 7,65 мм, а вместе с ним, кстати, любимого оружия «агента – 007», правда, с другим калибром и с большим наполнением магазина, второй прибор ночного видения и разные необходимые мелочи. Но и это была определённая победа.

* * *

Бандиты – тоже люди, причём в основном бандитами себя не считающие. И, пока они на свободе, являются гражданами общества, часто очень уважаемыми и многое решающими. Но всё становится другим, если что-то происходит: либо арест, либо смерть – здесь многие резко меняют своё отношение, причём не только к самому обладателю «данной профессии», но и к его семье, сами не понимая, какая это отвратительная двоедушность. Если уж так претит общение с подобными людьми – не общайтесь, ведь никто не заставляет, а если это нравится – так оставайтесь людьми, поддерживая в тяжёлые минуты, или, как минимум, не меняйте резко своего мнения, прикидываясь, что недавно были слепыми, глухими и глупыми и как-то странно не рассмотревшими в этом человеке «воплощение зла».

Но любопытно, что освободившийся, если имеет средства и хотя бы часть прежних связей, обычно вновь занимает прежнее место, и тогда соседи и другие окружающие, те из них, кто лицемерил (спасибо откровенным и честным, с которыми я тоже знаком), плавно возвращаются на прежние позиции. Вряд ли так получится, если человек потеряет всё, что имел. Он навсегда останется изгоем, практически без прав, имея их лишь юридически, то есть на словах, которых даже не произносит. И непонятно, когда люди осознают, что тюрьма не лечит, не воспитывает и даже не сохраняет. Хотя есть, как всегда, исключения, но они работают лишь на малых и средних сроках, при больших же человеку тяжело даже

остаться прежним, а сохранить свои принципы и основы своего характера – ещё тяжелее. Заключение не прибавляет здоровья, оно калечит и духовно и физически. А главное – ставит штамп, и, похоже, на лбу. Но, кажется, общество меняется каким-то странным образом, по не зависящим от политики и состояния государства обстоятельствам, и есть шанс, что изгои, выходя из мест заключения, всё же смогут найти себе место. Очень хочется верить, что что-то изменится, но чем больше усилий прикладывается, тем корявее получается. То ли потому, что пытаемся взять пример с других – тех, кто живёт западнее, сами, будучи совсем не похожи ни на кого, то ли просто потому, что делается не от сердца, а потому что это как-то должно происходить. Хотя мысли неплохие.

Возьмите хотя бы уголовно-исполнительный кодекс. Он как был околосталинского образца, так и остался. В нём до сих пор учитывается уровень технологий и обеспеченность тех времён. И не дай Бог вам граждане... И не зарекайтесь. Чести ради, надо сказать, что я собственными глазами видел попытки изменений на местах со стороны выбивающейся из сил администрации колоний, стоящей между необходимостью держать арестантов на «коротком поводке», следить за безопасностью, порядком, чистотой, гигиеной, в соответствии с законом – с одной стороны, а с другой – пытающейся угодить бесконечному множеству проверок, посылаемых из столицы и всевозможных управлений, результатом которых является кипа депеш, противоречащих друг другу и, прошу вас заметить, установление компромисса между людьми. Ведь и представители администрации и заключённые, прежде всего – люди, и от того, насколько они найдут друг с другом общий язык на основании закона, зависит общая атмосфера лагеря, где живут и даже, как принято в шутку говорить, «сидят», и те и другие, не допуская до волнений – с одной стороны, и репрессий – с другой. Почему они могут возникнуть? Ответ прост – потому что, создавая законы, законодатель часто не задумывается

мывается, каким образом обеспечить их выполнение, а отсюда – государство не может обеспечить осуждённого и отбывающего наказание всем тем, что само же лимитирует и что, зачастую, жизненно необходимо. И здесь возможен только компромисс, против которого обычно жёстко настроены приезжающие проверяющие, часто не вникая в суть дела и неглубоко изучая имеющийся опыт.

Что характерно, уже сами они, попадая иногда в эти места в виде заключённых, не перестают удивляться создавшейся ситуации, но менять что-либо уже поздно и не в их власти.

В большинстве своём граждане Российской Федерации к бывшим узникам относятся неплохо, хоть и с опаской – любят у нас на Руси страдальцев.

Скажем, проведите референдум по всей Российской Федерации с одним единственным вопросом: «Где место господину Чубайсу?». Впрочем, можно добавить ещё один: «А кому ещё там место?». И вы увидите, что добрая половина правительства, милиции и всяких прочих дум и чиновничьего аппарата должна бы, по мнению народа, находиться в краях «не столь отдаленных». А если останется там еще место для представителей криминала в том понятии, к которому мы привыкли, то в последнюю очередь и совсем немного – не любят у нас двуликих, а к пойманным и наказанным и при царе-батюшке относились с милостью и сочувствием, считая их страдальцами.

К чему это я?!

* * *

Продолжительность жизни на острие ножа в долгом одиночестве, меняет привычки и рассуждения, и начинаются они от... Но, что характерно, обязательно возвращаются в исходную точку не с наименьшим, а с большим потенциалом, чем прежде.

...Временное отсутствие машины дало передышку, и в тот напряженный год, когда многое происходило через неделю-две или месяц, наконец-то позволило вздохнуть. Как расходовать это время, кроме возмещения потерянного на Ленинском проспекте? Только встречей с людьми, занимающими думы и сердце. Они были моими слабыми местами, на которые я не имел права, но без них бы давно спятил! Истрепавшиеся в беспросветном марафоне нервы криком кричали от одного взгляда на стопку газет, переданную Григорием – он дарил мне все заметки о покушениях с подчёркнутыми строчками, всякими значками и рисунками, разумеется, после уничтоженными. В тот день, второй после «скачек» от милиции, сидя в ожидании часа свидания с лучиком надежды, под светом торшера в комнате с окнами, плотно закрытыми тяжелыми шторами, я перебирал коробки с записями, выискивая лишние и ненужные, из которых и выбрал пару десятков разных вырезок. Они неровной стопкой лежали на краю кровати, вызывающие раздражение эпизодическими кусками фото и кричащих заголовков. Чем дольше я смотрел, тем обречённей чувствовал себя: никакого просвета, никакого выхода – всё это сделал я! На некоторых из листков бумаги печатный текст говорил об одном и том же, смакуя каждую подробность, гипертрофируя и перевирая одна другую: то ввали про сломанный приклад (а он просто не помещался в синтезатор и, отпилив, буквально в ночь перед «тем как», поменял его на пластиковый телескопический от какого-то страйкбольного аппарата, возможно, МГМ М-16), то про задержание на месте преступления, то про выстрел от РПГ, который пробил лобовое и заднее стекла автомобиля и сдетонировал о воздух, то якобы обнаружили труп «исполнителя». Почти всегда путалось оружие, но зато всегда говорили о высоком профессионализме, в попытках впечатлить и так перепуганного обывателя, исключая совсем бытовые случаи.

Эти свинцовые буквы давили и выжимали ком в горле, и не было большой разницы, о чём и как писали – если бы не я, их вообще бы не было! И дорого бы заплатил за это «не было», но... Но совершенно четко понимал, что буду только увеличивать размеры этой стопки. Все, что я пока смог – это «убирать» по одному. Что толку обвинять себя или кого-то или что-то, когда и так всё понятно.

Остекленевший взгляд начал проясняться от фото раскуроченного «мерседеса» – явно не моей работы. Прочитал о Березовском. Вспомнил, как недавно, некоторое время назад, сам «Культик» возил и показывал пару «точек» – не очень удобных, но времени искать новые не было, и я готовил, что мог, выбирая, взвешивая и сожалея о своей привычке лишнего не спрашивать. А информации явно было мало – всё, что сказано о человеке, укладывалось в пару строчек, неприятных на слух. Ни фамилии, ни фото пока. За день до случившегося в засаде, Гриша показал фотографию, именно эту заметку с назиданием отнестись серьезно: «Сам «Иваныч» очень просил!». Но сработал я только через месяц или чуть больше. «Сработал» – именно так, оставалось лишь нажать на спусковой крючок.

Вообще-то, нужно отметить очень важную часть интуиции, назовём её чутьём или, как в некоторых кругах принято называть, где понимают о чём говорят и ценят это – чуйка. Это ни в коем случае не предупреждение о грядущем, или впечатление о неправильно сделанном, но сиюминутная подсказка о времени, которое пришло и о том, что им нужно пользоваться именно сейчас. В моём опыте это так же выражалось в опознании человека, по которому я в данный момент «работал».

Представьте себе фото, словесное описание, или указание на персону издали, а то и вблизи, когда пристально смотреть на неё невозможно. Проходит время, и чтобы провести этого человека от дома до мест, где

он бывает, приходится, причём, опять-таки, издалека, при не таких уж ясных характеристиках, высматривать и сравнивать каждого вышедшего или зашедшего в подъезд. А если это правительственное учреждение?! Можно ориентироваться и на автомобиль, но очень часто интересующие меня люди сами не управляли «железным конём». Быть же уверенным на 100% в том, что именно необходимый человек а, скажем, не один водитель или кто-то, кто получил разрешение воспользоваться этим транспортом. Ты срываешься привязчивым, но не мелькающим хвостом и, бывало, констатируешь что тот, кто тебе нужен, остался там, откуда ты только что уехал. Всё очень непросто в суете, усталости, чрезмерной концентрации и множестве других факторов, от плохой видимости до случайной отвлечённости.

Березовского ранее я не видел, а фото в газете, переданное мне Гусятинским, ни о чём особенно не говорило. Единственное, что меня интересовало, разумеется, кроме установочных данных, это уровень профессиональности его охраны. Кое-что узнав из разных источников и обобщив, пришёл к выводу, что «светиться» не стоит. Выбрал один из известных офисов и, находясь в отдалении, довольно долго наблюдал, как происходит подъезд и отъезд разных лиц. А их действительно оказалось много, все они были разного статуса, без исключения отдавая дань времени, пользовались услугами охраны. В результате я определил несколько точек возможного ведения огня, но все они были однотипны и пригодны лишь для работы из машины.

Как раз недавно я уговорил Григория приобрести далеко не новый минивэн фольтсваген Б-2, подушатанный автомобиль, но с малым финансовым вложением, а в основном трудом и умением, приведённый в приличное состояние. Занавески и часто появляющийся пропуск за его лобовым стеклом, гласящий о принадлежности к телевидению или разрешение на проезд куда-нибудь, даже неважно куда, лишь бы официальный – всё это де-

лало его не вызывающим вопросы, вне подозрений, а заодно хорошим средством для, в основном, фотографирования или наблюдения, но пока не больше.

В этот раз ему выпал случай стать скрытой точкой для стрельбы по человеку, который, в случае если бы меня не остановили, вряд ли стал бы известен не только каждому гражданину Российской Федерации, но и далеко за рубежом.

Преимущество минивэна в этой ситуации в высоко смонтированном круглом окошке в задней части, которое мы сделали открывающимся. Стрелять нужно было почти стоя, упираясь коленом в сиденье, но доработки внутри салона сделали крепление оружия и, соответственно, прицеливание достаточно удобными. Дистанция детская – сейчас она кажется не более 150 метров, но, возможно, и гораздо меньше, время смывает не только числа, но и сами рамки отсчётов.

СВД чуть-чуть не помещался, но его отпрыск Тигр – огражденная, на 10 см укороченная версия, позволяла себя чувствовать комфортно. Грохота от выстрела было масса, но не это было важно. Частично он оставался в машине, остатки же отражались от построек в центре Москвы, акустически меняя место выстрела для окружающих, приятно было и то, что открытый прицел употребляем с оптикой, которая при этом не мешала. Патрон мощный – не уйдёт. Магазин я снарядил через один «снайперскими» и «бронбойно-зажигательными» боеприпасами 7,62 на 54. Первый при попадании разваливается на 2 части, нанося тяжелейшие ранения, вторые же на случай, если придётся всё же бить через препятствие.

Сергей Ананьевский, показав это место и развернув всю информацию наведывался иногда сам, постоянно стараясь держать меня в курсе дела. В один из дней он позвонил и предупредил, что: «“кабанчик” обязательно выйдет на “тигра”». С тем я и поехал. Была договорённость о постоянной связи, на тот период у меня был телефон и два пейджера, но обычно оставлял всё это и

не брал на точку. Специально для обмена информацией были приобретены исоповские рации с горловой гарнитурой. «Культик» выдвинулся раньше меня – по всему была видна серьёзность мероприятия. Договорились о полном молчании, допуская лишь фразу-другую в экстренном случае, при входе или выходе объекта.

Вход объекта в здание не дал ничего. Я даже не заметил среди людей цель, а потому ждали выхода. Это был уже третий раз, когда я его не то, что бы видел, но смотрел на то, как проносится горстка людей, в которой, вроде бы, есть и Березовский. Весь путь не более 10 метров, после покушения на него, состоявшегося буквально недавно, он, кажется, уменьшился вдвое, и перешёл с шага на бег.

О суетливости и увлечённой быстрой манере излагать, описываемой «Культиком», не было и речи, поскольку не только оценить, но и разглядеть этого возможности не было! Он и «Сильвестр» находились в крупной ссоре, и «Иваныч» денег отдавать не хотел, и потому решил уладить вопрос более привычным для него методом.

Однажды на телеэкране я наблюдал, как Березовский отвечает на вопросы, точнее сказать, он вообще на них не отвечал, а говорил то, что ему нужно и вот, что запало – создалось впечатление, что его быстрая манера речи и многоступенчатая многословность напрямую связаны с боязнью, что его не так поймут. Так показалось и Ананьевскому, присутствовавшему на одной из встреч, кажется проходивших в парижской гостинице, где бизнесмена устраивали и, как он выразился, «надавали оплеух». Другой человек рассказывал что видел, как из номера в коридор вылетел, в буквальном смысле, очень похожий на «БАБа» джентльмен, который в результате оказался Березовским.

Всё это сказано к тому, что в пылу доказательств своей правоты или, скажем, в постановке кому-то задач, он может увлечься и забыть о безопасности, так и вышло.

Культик не успел предупредить о выходящем «предпринимателе», об этом мне дала понять та самая, ранее упоминаемая «чуйка», с указанием именно того самого Борис Абрамовича. Сергей был занят разговором с «Сильвестром», тот как раз давал отбой мероприятию, по всей видимости, только что договорившись с оппонентом, выход которого я и ждал с нетерпением. Березовский, видимо, сразу после этих телефонных переговоров, решил куда-то ехать и, возможно, поверил в разрешение проблемы, а значит и в свою безопасность! Правда, это только сведённые воедино факты, но... Как бы то ни было, могло выйти иначе.

В то время, как Ананьевский получал «отбой», я смотрел через оптический прицел винтовки, жёстко закреплённой у потолка и поворачивающейся не более 10 градусов в любую сторону. Дверь главного входа открылась, выбежал человек и через 5 секунд, что-то сказав водителю, убежал. Сразу посыпались люди, должно быть охрана, и через минуту показался сам Березовский с трубкой телефона у уха, одновременно что-то объясняя наполовину склонившемуся перед ним человеку. Тот слушал и кивал. Я успел снять с предохранителя и начал доцеливая сразу выбирать свободный ход спускового крючка, ловя в прицел висок или ухо, но явно не успевал. Вдруг, хлопнув о ладонь крышкой телефона, цель развернулась и, жестикулируя, остановилась. Человек вернулся и внимательно слушал слова Березовского. Я же снова, уже чётко выцелив, плавно тянул крючок, застыв на секунду из-за заслонившего его вернувшегося подчинённого. Но вот сейчас он уйдёт, ему даже достаточно чуть склониться или начать поворачиваться и... Тут я заметил, что в концентрации совершенно отключился слух – рация шипит, и голос Сергея что-то повторяет: «Отбой, всё отработали» – человек ещё загораживал но уже начинал движение, мне же только дожать и... «Не понял, повтори!». Отбой повторился и я, перекрестив-

шись, поставил «Тигр» на предохранитель, уже видя через узкую щель в круглом иллюминаторе расходящихся Березовского и того, кто волею случая, заслонив собой, спас ему жизнь – всего-то несколько секунд!

Почему-то ему подарили жизнь! Не мне судить об этом человеке и о его делах, но можно задаться вопросом: что было бы, если бы «Отарик» остался жив (а он занимал тогда куда более весомое положение), а Березовский, именно о нем речь, канул в Лету? Что было бы с Россией? Вот так, какой-то «винтик» может сделать нечто непоправимое, и... Иногда, если подобная мелкая часть держит ось всего механизма, сделана из хороших материалов и с должным качеством, то может оказать серьёзное воздействие, точно так же, как и негодное его качество может привести в некоторых ситуациях к маленькой аварии или сбою, что повлечет крах или катастрофу. И называется это, как модно теперь, «человеческий фактор». Поэтому хороший руководитель не тот, кто видит вдаль и ведет в правильном направлении, а прежде всего – умеющий подобрать хорошую и надежную команду.

Кстати, почему-то Григорий очень просил никогда не говорить – никогда и никому – о Березовском...

Просидев пару часов в такой задумчивости, в полумраке спокойствия и бездвижности, перебрав разные сценарии, которые может построить Провидение, и, не видя ничего хорошего, я всё возвращался к одному вопросу: «Что я для них – жены, сына и этой девушки? Что я могу сделать и что принести, кроме проблем, несчастий и очень возможной опасности? Разве кто-нибудь из них захотел бы стать близким родственником пресловутых Клайда, Ли Харли Освальда, Лёньки Пантелея, Ильича Рамироса Санчеса? А чем я лучше? И, тем более, я не вправе этого допустить. К тому же, я уже начинал понимать, что невозможность компромисса между сердцем и умом разрывает меня между двумя молодыми и красивыми женщинами.

По опыту своих родителей, которые разводились и несколько раз были на грани разрыва, но после всё-таки женились вторично, знал, что флирт на стороне ни к чему хорошему не приводит. Но если бы это было просто увлечение!!! Возможно, и допустимо изредка воспользоваться отдушиной и сразу забыть об этом. Об «этом» – о чём?! А если это самые яркие впечатления в твоей жизни? А если тяга к человеку непреодолима? А если ты начал понимать, что жизнь без семьи невозможна, но её состав ты не можешь себе представить прежним? И уже не знаешь, что и в отношении кого должен, но всем своим нутром чувствуешь: безопасность – лишь в одиночестве, а жизнь – в обществе, которое обязательно от твоего присутствия пострадает. Замкнутый круг, и не по какой-то спирали, восходящей или нисходящий, а в виде натуральной змеи, поглощающей свой хвост – эмблема, может быть, и бесконечности, но явно не добра.

У меня был надёжный тыл, пока я ощущал себя в семье – тёплый и негаснущий очаг, никогда не встречающий меня претензиями или поучениями. Всё, о чём я мог подумать или чего-то пожелать, появлялось до того, как я успевал об этом подумать. Высокая стройная брюнетка с большими глазами, преданная, терпеливо любящая, без суеты, никуда не спешащая и уверенная в том, что всё получится и успеется – идеальный характер идеальной жены, которая может осчастливить любого. Возможно, так и было бы, останься я на службе. Но сегодня, в 1994 году, «поджариваясь на вертеле», причём сам же его и вращая в быстротекущей жизни, меня вдруг увлёт огонь – не своей молодой кровью, а может быть, теми вспышками, темперамента обжигающего характера, которые прожигали кожу, глаза и все нервные окончания не то что прикосновением, но даже взглядом. Эти женщины были чем-то похожи: своей необузданной и в то же время контролируемой внутренней силой и духом противоречия, но в остальном совершенно разные. Возможно, эти непохожести дополняли одна другую, и при-

тягивала более яркая... Хотя кто нас, мужиков, разберёт, ведь в результате виноват я перед обеими.

Идеальный вариант – пропасть, оставив первой всё, что имею, а второй – ничего, кроме воспоминаний, пока ещё не задолжал. Так было проще добиться желаемого и стать для начала неуязвимым, а затем исчезнуть для всех вообще, включая всех родственников и «профсоюз».

Но, оказавшись слабым, я всё же предпочёл делать болезненный и долгий выбор, очевидно, оставивший глубокие раны всем троим. Супруга не знала о стороннем чувстве, но могла догадываться. Вторая, «ангел, забытый на земле», знала, что семью я никогда не оставляю. Я же не имел понятия ни о себе, ни о нас, ни вообще о чём-либо в завтрашнем дне, так как ежедневно просыпался мало того, что один, так ещё с одной и той же мыслью – сегодняшний день вполне может стать последним.

Так шли недели, месяцы, годы, редкие встречи с женой, всё более учащающиеся с «ангелом», но большей частью – с поездками по Москве или якобы просто стоянием на какой-либо улице. Она не замечала никого, кроме меня, не задавала лишних вопросов и не требовала большего. Чтобы хоть что-то объяснить или предупредить её вопросы, я придумал очередную из легенд о своей работе – инспекция ЧОПов и их работы, входящих в огромную сеть, находящуюся под управлением большой корпорации. А я, так сказать, инспектор и консультант, по ряду вопросов безопасности клиентов этих агентств и проверки профпригодности их сотрудников. Думаю, такая расплывчатая формулировка и сейчас многих бы устроила, тем более иногда попадавшейся техникой, большим количеством литературы, телефонных распечаток, прослушивание телефонных переговоров, и всё это с мотивировкой, вполне дополняющей ореол впечатления бывшего работника спецслужб, толь-

ко создавало впечатление некриминальности сферы занятости.

Но проблема была, и обойти её было очень сложно, так как заключалась она в расставленных капканах и ловушках собственной ложью. Если контролировать сказанное днём раньше просто, то через месяц, скорее всего, это забудется, но лишь говорившим, а никак не слышавшим. Это не касалось основного потока информации, но вот мелочи, которые порой приходилось выдумывать на ходу и красочно описывать, как раз и всплывали изредка, словно подножка в темноте. Но моя непогрешимость в её глазах скрашивала и это. Именно этого я и старался избежать, предпочитая углубляться в философствования, фантазию и историю, да во что угодно. Беседа двух влюблённых, как ручеек вытекает и втекает из уст в уста, периодически сокращая расстояние до поцелуя. Это общение стало основным, и совершенно не важно, где оно происходило. Разумеется, как и у всех, у кого подошёл подобный период жизни. То пространство, будь оно салоном автомобиля, номером отеля или снимаемой мной квартирой, принимали в своё лоно двух, возможно, отчаявшихся по своим разным причинам людей, женщину и мужчину, но, к сожалению, не чаще раза в неделю, пока вдруг на горизонте не замаячил Киев с необходимостью разрыва отношений и появившейся возможностью освободиться раз и навсегда от короткого поводка, который держал Григорий.

Я чувствовал ветер перемен, медленно усиливающийся, особенно после освобождения Гусятинского, который провёл несколько месяцев за решёткой.

Потихоньку я начал разбираться в окружающем меня хаосе и обратил внимание на стройность его порядка — ведь именно хаосом создаются самые великие не только произведения, но и масштабные вещи, от инфраструктур, до вселенной. Таковым они кажутся из-за непонимания рациональности порядка вещей, правил

и формул, по которым они создаются. Причём существует особенность того, что даже обладание знанием не гарантирует удачи в упорядочивании хаотического движения, и даже рассмотревший его во всех подробностях и, казалось бы, всё понявший, не в состоянии его описать. Выход один – самому стать хаосом, но путь труден и непонятен, как и приобретение любого опыта, и так же сложен, как попытка им воспользоваться. Тяжело, но возможно разглядеть в суете человеческой жизни, даже в границах одного часа, стройную линию, ведущую к цели. Тем сложнее это сделать, если промежуток времени гораздо больший: ничего не сложится в строгий план или схему, потому что идущий (а идущий обязательно дойдёт) – живой человек, и сам мир внутреннего хаоса, является незаметной и моментально сгорающей частичкой в огромном бесконечии.

* * *

Лето, начавшееся в Жуковке, несколько напрягало своими всплывающими неожиданностями. То эта засада в квартире на Ленинском, то «безумный запорожец», потерявший управление и ударивший бампером в переднюю часть переднего левого колеса, направил мою очередную «Ниву» прямоком в находящийся в 15-ти метрах по ходу движения столб на скорости 90 км/ч... Кстати, до сих пор не могу отделаться от впечатления «нарошности» проведённого кем-то плана. Эту маленькую машинку, почему-то со швеллером вместо бампера, я нашёл через час, совсем недалеко от места аварии, брошенной, а вот хозяина – никогда. Вопрос так и остался открытым. То вдруг арест человека, нёсшего мне эксклюзивный снайперский комплекс с интегрированным глушителем и очень интересным патроном, за 15 минут до нашей встречи, правда, он не знал, с кем должен встречаться и что несёт. В конце концов, я так и не

получил ответа о том, нахожусь ли в розыске, и о закрытии или выделении дела в отдельное делопроизводство двухлетней давности. Оно якобы постоянно, по каким-то причинам возбуждалось – всё это нервировало, пока не разорвалось, как бомба, арестом всех проживающих с Гришей на даче.

К этому времени мне казалось, что он начал усиленно пытаться стать официальным человеком. Иногда, когда днём или утром он подвозил меня со своей арендованной фазенды или, наоборот, забирал по пути домой, чтобы что-либо обсудить в более комфортных для него условиях, по дороге мы заезжали или останавливались у больших и дорогих особняков, лица хозяев которых я видел хоть и редко, но зато узнавал некоторых из них по телевизионной или печатной известности. Разумеется, кратких разговоров я не слышал, но папки с документами, которыми менялись, или увесистые пакеты, которые оставались в руках последних, говорили о многом. Однажды ко мне попал на несколько минут и случайно у меня остался дипломат, который, кстати, волею судеб, впоследствии, по забывчивости «Полпорции» стал добычей силовиков в квартире на Ленинском проспекте, где была организована та самая засада, одна из двух. Я успел скрытно посмотреть (жаль, что не сфотографировать), шапки и грифы, находящихся там документов, захлопнул крышку и даже не стал задавать вопросов, а постарался просто забыть то, что видел.

Сам он иногда рассказывал о поездках и встречах своих и «Сильвестра», из чего складывалось некоторое впечатление «одевания» нашей верхушки в костюмы официоза. Поэтому происшедшее было неожиданно.

Тем не менее, в утренние часы дом со всеми постельщиками был окружён и «атакован». Спецназ перевалился через высокий забор и вломился в двери, перед этим нашпиговав двух здоровенных собак свинцом. В ответ на крики и пальбу в воздух разбуженные жильцы вы-

швыривали из окон всё, за что можно получить статью. Один из вышвырнутых «Скорпионов» попал на голову оперативнику и стал доказательством не огнестрельного предназначения, а холодно-ударного, что, кстати, чуть было не послужило поводом к возбуждению уголовного дела, но откупились.

Через два дня я слушал рассказ до сих пор не пришедшей в себя жены Гусятинского, подтверждённый в своё время, до мельчайших подробностей, всеми его участниками, попавшими под этот «пресс».

В принципе, всё понятно: главарь группировки вооружён, может оказать сопротивление, причём не он один. Но зачем же бить всех, в том числе и женщин, выпивать весь алкоголь и разбирать всё, что плохо лежало, на сувениры, а всё оставшееся – разбивать, рвать и громить? Напившихся от успеха тошнило, а те, кто был ещё в состоянии говорить, наставляли дуло пистолетов на женщин, которых заставляли убирать за своими товарищами и приносить новые порции пойла и закуски. Первые допросы проходили прямо там же, разумеется, без адвокатов. Малые дети голосили, а матерей к ним поначалу пускали не всегда, и лишь после ответа на вопросы. Таково было одно из проявлений тогдашней «законности». Оправданное или нет – не мне решать, но разницы между попадавшими под такой «каток» тогда не делали никакой. Это не было противостоянием, ибо таковое представляет адекватное противодействие, но лишь идиот мог позволить себе что-то предпринять против органов, хотя было всякое, и были исключения.

Милицionеров убивать нельзя, тем более, трогать их семьи, я вас уверяю – среди них есть достойные уважения и признательности люди, и не так мало, как кажется на первый взгляд. Даже если их поведение в начале карьеры было подобным, и на совести каждого из них есть что-то, что хотелось бы скрыть, когда-нибудь хотя бы одна спасённая ими жизнь (и не факт, что не ваших ребёнка или жены) перевесит всё остальное.

Те годы – годы беспредела и передела. И практически не было человека из себя хоть что-то представляющего, в этом не участвующего тем или иным образом, или, хотя бы немного, не попользовавшегося вытекающими из этого благами – деньгами или возможностями, зная – не зная. Не дети – если не понимали, то догадывались. Рвали друг друга более-менее обладающие силой или возможностью, рвали и страну, кто копеейкой не заплаченных налогов, кто «леваком», кто продажей чужого и государственного – есть нужно было, и не гражданам друг друга судить! Но каждому начинать нужно с себя. Хотя и неприятно – здесь я не имею в виду когорту людей самодостаточных или не позволяющих себе послушаться голоса совести, и не привыкших брать более заработанного, а то и более чем дают. Это такой же разговор, как и тема о «погибшем», после перестройки и сокращения армии, офицерстве. Как здесь, так и там – всё складывалось по-разному. В любом случае, образовалась и до сих пор существует масса людей, у кого хоть что-то получилось, или получилось в принципе, есть и те, кто потерял то, на что надеялся и во что верил.

А с другой стороны, из какого населения нашей страны происходят чиновники-взяточники, бизнесмены-хапуги, депутаты-изменники? И не представители ли они народа, пусть хоть якобы выбравшего их? Не из тех же ли детей начальных классов, выпускников школ и студентов вузов выходят стройные ряды милиционеров и ГИБДДшников, к которым оставшийся не при делах народ испытывает крайнее недоверие? И не из того же ли народа, что уже стало «притчей во языцех», те же наркоманы, бандиты, преступники, проститутки и, разумеется, представители ОПГ и, в конце концов, бывшие, будущие и нынешние изгои – заключенные, большинство из которых совмещает эти ипостаси в одном лице!

Все эти представители, ветви власти, силовые структуры – мы и вы – всё это срез общества, то есть люди, попавшие на свое место разными путями. Правда, пути

пахнут обычно чем-то, что либо соединяло – комсомольские вожак, бонзы от КПСС, КГБ или близость к нынешнему руководству, но ещё с юности; либо соединяет – родственные связи или национальная принадлежность, и вряд ли к той, которая в основном проживает на территории России. По-разному отреагировавшие на перемены, но ставшие теми, кем стали. И вот вам резюме: обладание властью из тысячи не портит лишь единицы, обладание деньгами – десятки, а страху противопоставить свою жизнь и жизнь близких – один из... И то, в случае свершившегося несчастья, только ленивый не осудит его.

Сия точка зрения, вынесенная на общее осуждение, моя личная и не обязательно правильная.

Здесь я пишу не о себе и даже не о том, по словам Алексея Пиманова, одном миллионе погибших в разборках, а о тех, кто идёт по их стопам, может пойти или раздумывает на эту тему. Да и не об этом пути речь, а о дороге в политику, во власть, в силовые структуры или на наши освободившиеся, но никогда не пустующие места – знайте, зачем вы идёте, чем придётся поступиться и чему противостоять. Я не говорю: «Не будьте таким, как я, мы, они, те или другие», никого не хочу осуждать, выливать кучу гадостей, для этого есть многие другие из числа журналистов, писателей, изданий, но через многих из них смотрит лицо лжи и жадности, и пишут и говорят они, в большинстве, не о себе, а о других.

Но хочется сказать: смотрите, читайте, наблюдайте и замечайте – за всё, что человек сделает, ему воздастся и в этой жизни, а в следующей – тем более. Никому власть и деньги не приносили и не принесут хорошего, лишь боязнь их потерять и временное наслаждение, но среди бесчестия. Одиночество, непонимание, зависть других, лезть вместо откровенности и так далее, а счастливым быть трудно, стать им ещё тяжелее, и почти невозможно удержать хотя бы обжигающее пёрышко от такого успе-

ха, и потому говорим мы, что это категории скоротечные. И на деле, наверное, быть просто самодостаточным и не одиноким, то есть кому-то нужным, – может быть, и есть то состояние, к которому все стремятся.

Как только Гусятинского арестовали, включились механизмы, предупреждающие любые последствия, прежде всего, утечку информации, это не могло быть связано и не запараллелено с попытками освободить или хотя бы поменять меру пресечения. Куча денег, море адвокатов... «Сильвестр» отдал свой рычаг или, как он называл, «отход», на такой случай, но, увы, уже поздно: звонки не сработали сразу, но дали послабление всем, кроме Саши «Зомби» – на него воздействовали физически три месяца к ряду, ежедневно. И на то была причина – ограбление совместно с братом какого-то коллекционера, экземпляры коллекции которого находились под охраной ЮНЕСКО, за что он впоследствии отсидел 5 лет, но единственный из троих устоял. Он не сдал меня, хотя кое-что знал, и ни о ком не сказал вообще ни слова.

Вот пару случаев из Сашиного дела. В числе всего был «добыт» и сервиз, по-моему, чайный, цена которого, если выставлялся бы на аукционе, определялась бы шестизначной цифрой, но он был сдан перекупщику за несколько тысяч долларов.

При подготовке к очной ставке с этим коллекционером, подследственный готовился долго и уверенно, отращивая бороду и волосы, прокуратура, подробно следившая за всеми изменениями в его внешности, подготовила таких же статистов. На сколько же все были шокированы, когда под конвоем на процедуру привели совершенно наголо бритого заключённого, то есть даже с блеском бильярдного шара и улыбкой Чеширского кота, и это на фоне двух обросших бородачей! Возобновить заново, в другое время, процедуру не представлялось возможным, поэтому в обход всем законным актам, свидетель признал его и так, несмотря на то, что в принципе

лица его не видел никогда – лишь глаза в прорези опущенной до подбородка шапки. Эх, времена, эх, нравы!

Отправили его на восемь лет в Иркутск, но через пятилетку мы уже встретились на юге Испании, в доме его брата «Оси», и я с интересом слушал его длинный рассказ. Несомненно, жизнь его научила многому, одновременно закалив многие качества, но на вопрос: «Что собираешься делать?» – он ответил: «Что брат скажет». Его зубы, все, кроме задних восьми, были потеряны во время следствия, а новые ещё не вставили, и звучало это хоть и печально, но улыбку всё же вызвало.

Правда ли, нет ли, но «Ося» рассказывал, что беззаботная жизнь в лагере обходилась около пяти тысяч долларов в месяц. На эту сумму существовали не только некоторые сотрудники, но и ползоны, включая проституток, которых к нему привозили не реже раза в две недели. А еще – достойное питание с хорошим столом, насколько возможно, вседозволенность и гарантия ухода по УДО.

У Гусятинского было несколько иначе. Обладая неограниченной властью над другими, он не мог властвовать над собой, страх сковал его, и чтобы как-то развеять сковывающий ужас от нового, непривычного положения нахождения в тюрьме, он ежедневно требовал общения с адвокатом, на что и работала наша, вовремя созданная контора «Согласие» во главе с Ильёй Рыжковым и с уже имевшими на тот период вес Мидлиным, Долей и Кононенко.

Беседы сопровождались написанием длинных писем, ксерокопии которых Андрей мне передал перед поездкой в Киев, дабы разбить в пух и прах, возможно, оставшееся хорошее мнение о шефе. Письма – «малявы», на нескольких плотно сжатых, исписанных мелким почерком страницах – содержали просьбы, редко указания по делу, а порой проскальзывали и мольбы о скорейшем освобождении, перекрывавшие своим объ-

емом и энергетическим выплеском темы семьи, бригады и даже недавно родившейся дочки.

«Иваныч» заботился о нём, как о себе, всегда была готова любая сумма. И в результате всех усилий суд, проходящий в Иркутске, вынес оправдательный приговор с формулировкой «За отсутствием улик», но Григорий был выпущен до этого под подписку о невыезде – за чисто «символическую» сумму в 1 миллион долларов, от которой я лично остолбенел на некоторое время! Такой суммой на тот период по его делу можно было «убить», в смысле «купить», почти любого судью, вплоть до «Верховного», учитывая не такую уж большую серьёзность предъявляемого ему обвинения. Что не получилось у Пылёвых через 11 лет, предлагавших за «подписку о невыезде» для себя по два миллиона долларов от каждого.

Смех заключается в том, что обычно прозорливые «главшпаны» покупают свою свободу и безопасность до ареста. Если вы слышали название той или иной группировки и не знаете о процессе над её участниками, подобно нашему, или «Кингесепской», «Слоновской» и так далее, то лишь потому, что их лидеры научились вести бизнес и правильно вкладывать деньги. И уж совсем не потому, что нет о них ни данных, ни сведений. Правда, здесь работает ещё один закон, старый, как сам государственный строй: если нет возможности победить преступность (а победить её, как любую «Гидру» и любой перманентный процесс, с постоянным замещением пустых мест, крайне сложно), то её нужно либо подчинить, поставив в зависимость, либо возглавить. Действительно, зачем убирать старых, прислушивающихся и уже имеющих, что терять, когда на их место придут точно хуже, точно голоднее, и, возможно, с новыми методами добывания денежных средств и борьбы, если гораздо прагматичнее, что-то позволяя им, создать из них же «бампер» со сдерживающим и смягчающим эффектом от вновь прибывающих и создающих новые структуры. И

той и другой стороне достаточно создавать образы врагов, противопоставляя друг другу – разделяй и властвуй. И ведь работает, как вечный двигатель, со времён Гая Юлия Цезаря, а, скорее всего, гораздо раньше. Правда, с последним всё плохо закончилось, как с любим, кто потерял контроль или подумал о себе, как о Боге.

Гусятинский был на свободе, я, в числе многих, «имел счастье» общаться, но не как большинство, а тет-а-тет. Он, бывший силовой троеборец, всегда в мышечной массе, выглядел сейчас утёнком с тонкой шеей, причем далеко не прекрасным. В нём проглядывался какой-то надлом, видимый в его постоянно хаотически шаркающих глазах, ещё не отвыкших от казематных стен, которые вызывали в его душе ужас. И это мне не нравилось. Я убеждён, что любой страх, закрывшийся в подсознание человека, всегда выползает не вовремя и заставляет принимать не только более жёсткие, но и часто неадекватные решения. Страхами мы живём, скрытыми – управляемся, завуалированными – многое пытаемся объяснить, и, зачастую, не со всеми имеем возможность бороться и всем противостоять, хотя бы потому, что не в состоянии всех разглядеть. Выход, мне кажется, в жёстком соответствии своим принципам, раз и навсегда выработанным, без оглядок на временно волнующие и часто меняющиеся обстоятельства. Как всегда скажу про исключения, но они должны быть всегда в положительную сторону и служить напоминанием тех же самых правил. Иначе хаос перестанет быть порядком, и из получившегося бардака вытечет новый, в котором неизвестно, найдётся ли для вас место.

Мы расстались со словами, с его стороны: «Готовься, работы будет много», с моей: «Как всегда, и наверняка ещё вчера нужной», – и распрощались кивками головы. Впрочем, на «старых дрожжах» вес в криминалитете он набирал быстро, хотя никто особенно и не старался его расшатывать, как, впрочем, и вес тела. Купленная сразу по освобождению новая дублёнка стала трещать по

швам. И настроение поднималось новыми покупками в неограниченных количествах. Быстро восстанавливалась и уверенность в себе и в своих силах. Здесь же впервые, кажется, он увидел угрозу в Пылёвых, а Олег, один них, по всей видимости, привыкнув к самостоятельности, давал тому немало поводов.

Первое, за что Гриша поблагодарил меня, это за преданность и выполнение поставленной им из заключения задачи.

Хотя это и был период сразу после потери матери, и, наверняка, нормальный человек выкинул бы какой-нибудь фортель и, скорее всего, закончил бы свою «карьеру», а в наших обстоятельствах, по выходу Гусятинского, и жизнь. Я же просто занял себя поиском человека, совершенно не думая о последствиях и о том, что придётся стрелять. Действовал, как хорошо налаженный механизм, коим стать боялся. Меня волновали только мои переживания и, эгоистически не думая о других, я работал и жил только сегодняшним днём, только что бы отвлечься – кривая выведет.

И вывела: узнал, где появляется «Пантелей» – именно так называли человека с именем Леонид. Я даже видел его год назад на каких-то встречах, а принадлежал он когда-то к тому же коллективу, к которому принадлежал сам Григорий, а также Пылёвы, «Удав», Стас, Костя «Чеснок», и Лёня. Сейчас же, по версии «сидельца», именно он, «Пантелей», был виноват в тогдашнем положении дел, со всеми выходящими последствиями.

Узнав, что искомое можно обнаружить в одном из спортивных залов в районе Белорусского вокзала, принялся за просеивание и, через некоторое время, обнаружил. Здание находилось во дворах известного казино. Ещё два дня, и оптимальное место покушения было определено – окно тренажёрного зала, выходившее в тёмный переулок, и все проблемы лишь в его высоте, которые решал подставленный заранее ящик. Этот выбор места упрощал и делал задачу безопасной, учитывая

ещё и время года, когда темнеет чуть ли не в середине дня, а свет, горящий в помещении, высвечивает цель, в то же время слепя её и не давая видеть, что происходит за окном.

Точка была поставлена через день, и явилась жирным окончанием в разборках между бывшими единомышленниками.

Точнее, предпоследней, последней станет смерть самого Гусятинского – вот такая «братва», вот такая «преданность до гроба», и вот такая «смертельная романтика», в прямых смыслах этих слов.

Кстати, после смерти последнего выяснилось, что мой шеф подробно расписал, кто мог выбраться из засады, устроенной милицией на Ленинском проспекте, – наверное, он дал подробное моё описание, как и весь принцип, и основной состав организации нашего «профсоюза». Правда, назвал он лишь фамилию, до сих пор не знаю, какую именно, но точно ту, в которой был уверен. Все эти протоколы впоследствии были выкуплены и, соответственно, уничтожены. От этого дела, где обвиняемым проходил бывший сотрудник КГБ, не осталось и мокрого места.

СТРАХ

Сегодня 28 марта 2011 года. Прошёл день, я не написал ни строчки, хотя позади десятки исписанных страниц. Уже неделю меня мучает вопрос: «Что получится, и напишу ли?». Мало того, понимаю, что в этой рукописи не должно быть ни намёка на бахвальство, но чтобы человек, читающий и мнящий себя кем-то, наподобие меня, прочитав, понял – это не его, не только не его, а ничьё!

Сегодня я звонил священнику – протоиерею Александру, окормляющему несколько колоний и являющегося настоятелем одного из Елецких храмов, посвященному «Введению в храм Пресвятой Богородицы». Как и тот храм, который находился в Москве у Введенского (Немецкого) кладбища на Госпитальном валу, где неведомая рука остановила меня и не дала погибнуть нескольким десяткам молодых людей от «адской машины», которую я должен был привести в действие – один килограмм пластиковой взрывчатки, обвешанной поражающими элементами. Кто-то неведомый не только удержал, но и воочию, в затуманенном сознании, показал бездонную пропасть, в которую я лечу. Наверное это день стал днём, когда я не просто в очередной раз задумался, но «уцепился» за край пропасти и начал «карабкаться» вверх, или хотя бы, для начала, остановил падение.

Казалось, что накладная борода, парик, старые «шмотки», бледное лицо и старые очки – уже не бутафория, скрывающая меня невядалеке от места взрыва, на совсем чужой могиле, откуда было удобно, да и безопасно наблюдать и инициировать устройство, а мои настоящие внешние приметы – будто я состарился и собирался умирать сам. Такое впечатление, что сам я, сделай это, вот-вот отправился бы на тот свет.

Этот ли день или день вынесения вердикта присяжными заседателями на втором суде, с объявлением снисхождения, что исключало высшую меру, то есть пожизненное заключение, считать вторым днём рождения – не знаю, поверить ли в то, что я стал другим, или вернулся в своё прежнее состояние, во время службы в армии – не знаю, хотя, по словам протоирея Глеба Каляды: «Мы приговариваем к смерти одного человека, а казним уже совсем другого, но с той же фамилией». Какой выбор я сделаю при ситуации, когда что-то будет угрожать моей семье, её жизни – не знаю. Думаю, что если платой за её безопасность и благополучие станет моя жизнь, не задумываясь, отдам, предпочтя её окончание новому криминалу.

Я не был очень верующим человеком, но стал после того дня на кладбище вдумчиво приближаться к этому пути, и всё происходящее со мной говорит о правильно сделанном тогда на погосте выборе. Сегодня, пока ещё младенцем на этой дороге, прихожу в церковь и стараюсь сделать хоть какие-нибудь шаги, понимая: единственное, что могу – стараться и просить. Лишь сейчас, слушая отца Александра, я понимал, что остановило меня тогда – какой-то неопишуемый страх, по его словам, Страх Божий. И именно он есть одна из многих причин, возможно, самая главная, так как не поддаётся ни описанию, ни противодействию, и нет, на сегодняшний день, даже мысли о преодолении его: «Перед тем, как что-либо предпринять, мы боимся, ибо нарушаем, боимся ответственности перед Ним – значит Он есть, и это страх очень древний». И, как известно, подтверждением тому слова не только Библии и Евангелие, но и более близких по времени людей, имевших большой вес в современной истории: «Голая правда в том, что страх – основа подчинения» (У. Черчилль).

Разговор с протоиреем, борющимся за души наши, за каждого из нас, которого я тайно считаю своим духовным отцом, состоялся для выяснения лишь одно-

го вопроса – нужна ли книга и писать ли её? Батюшка, с присущей ему уверенностью и твёрдостью в голосе, нисколько не раздумывая, благословил с настоянием, что написанное в ней не должно быть бахвальством, но покаянием. Ну что же, продолжим с Богом.

Страх, о котором я говорил на этой странице – не есть страх постоянный, и преследующий, он не появляется перед тем, как вы раздумываете, сделать это или нет, зная, что делать нельзя. Можно знать наизусть Уголовный Кодекс и совершать преступления без страха и упрёка, можно сказать «нет», зная заранее, что это грозит тяжёлым наказанием, можно изменить супруге, совершенно не боясь ничего, но понимая, что в случае раскрывшейся измены будут неприятности, которых не хотелось бы и которых даже опасаться. То, о чём говорю я, – не предупреждение, основанное на понимании запрета, и не опасения, связанные с преодолением этого запрета, наложенного человеком, обществом или законом, и даже не то, что предписывает остановиться и на что часто ссылаются служители церкви и верующие люди, говоря о мытарствах и Суде Божьем. Это не «красная лампочка» одного из рефлексов, но то, что описать и выразить возможно лишь приблизительно, и то, как последствие воздействия на физиологию и эмоции. Именно подобная вспышка такого состояния моментально обезбоживает даже тех людей, которые в жизни своей ничего не боялись и всегда шли наперекор всему, что было пределами, границами и запретами. Подобное состояние охватывает даже людей, психологически нездоровых и не имеющих чувства самосохранения. Если сравнить с детскими впечатлениями, то, зачастую, это то, что не пускает маленького человечка совершать что-либо, опасное его здоровью или жизни. Это можно сравнить с боязнью преодоления ребёнком дошкольного возраста запрета отца, хотя тот не то что не лупил его ни разу, но даже не прикрикнул. Это не боязнь наказания, но ужас преступить составленный когда-то, в древние времена, «Завет», который есть Договор. Этот не страх, но ужас, мо-

жет внушить лишь Тот, Кто подписал его с другой стороны, относительно человека, ставящего вторую подпись.

Каждый из нас претерпевал подобное. Я говорю не только об убийстве, нужно только покопаться в себе и вспомнить. И тогда вы поймёте, что это далеко от страха перед смертью или от страха перед болью, потому что и то, и другое для человека, долго находящегося на грани с ними, перестаёт быть пугающим. А значит – они временны и преодолимы. То же, о чём говорю я, преодолеть невозможно, оно отступает само, как бы уступая – «попуская» возможность войти в дверь, где живут новые искушения и испытания, близнецы-братья «ящичка Пандоры», притягивающего каждого из нас.

Страх же обычный, затаённый где-то глубоко в подсознании, как катализатор, лишь детонирует взрыв адреналина, но не сжигает. Он даёт понять, где сказанное или сделанное опасно, а где нет. Ваши размышления и анализ приводят к нему не сразу, а через выводы, с утыканием в тупик безвыходности. А выход есть, всегда есть, даже, как минимум, два. Но один из них никогда никого не устроит, потому что неудобен, нежелателен, потому что это конец всему, чего добивался, а второй как раз, скорее всего, все устроит, но будет за границей морали – таково неудобство двойственности выхода в случае, когда судьба делает вам предложение, от которого вы, что называется, не сможете отказаться. Однажды испуганно остановившись перед этой развилкой, вы интуитивно будете вытаскивать ту точку стояния из глубин своего разума, уже заранее зная ответ.

«Идти», со страхом или против него, но не убегая, не отталкивая, и не отстраняясь от этой сущности, может только сильный человек, остальные бегут «от» и никогда не убегают, потому что он поселяется внутри нас. А как убежать от себя? Пытаясь же локализовать его, то есть часть себя, можно раздвоиться. В любом случае, нужно бороться.

Мне было иногда страшно, но, так или иначе, принятые решения и их воплощение в жизнь были ничем

иным, как противостоянием ему и своим слабостям. Стоило один раз уступить, и приходилось начинать заново. И ни в коем случае нельзя лгать себе, я всё время подмечал, что это уменьшает шансы. Стоило убедить себя, что ничего не угрожает моим близким, и ошибка была неминуема. Стоило предположить, что ты сильнее, и отрезвляющий ушат был гарантирован с последующим рогом изобилия помоев. Подумав, что тебе самому ничего не грозит, ты подписываешь себе приговор. От этого может удержат только где-то в глубине тебя живущий, иногда появляющийся страх, в виде всплесков интуиции, и жёсткая самодисциплина, подстёгиваемая ежедневными мотивами и объяснениями самому себе. Вспомним фразу: «Сегодня я умру», – с которой самураи начинали каждый день, и неважно, верили они в это или нет, но так они действительно готовили себя к смерти, а то и стремились к ней в священной службе сюзерену. То есть страх конца был преодолен ещё в зачатии, до возможного его появления, и всё вместе упраздняло возможность ошибки.

Идеальное состояние жизни – со спрятавшимся страхом, которого вы и не чувствуете, но который подсказывает, что затишье или долгое спокойствие – не к добру, и, вместо того, чтобы наслаждаться и успокоиться, вы, напрягая себя, если не предпринимаете, то, по крайней мере, чувствуете необходимость контрмер. Хотя... никого не видите и ничего не слышите. Может быть, потому что пустота – это неизвестность, а нет ничего другого, более тяжело переносимого человеком. И наоборот, в постоянном, ненадёжном, врождённом, опасном окружении страх отступает дальше – некогда бояться, и совсем невозможно, когда противник уже перед тобой.

* * *

Однажды, когда прошло уже больше года, как моя семья жила на новой квартире, принадлежавшей ранее

матери Григория, далеко после происшествия с шурином и его смерти, вдруг позвонила супруга, а было около двух часов ночи, и с плачем рассказала о «налёте» участкового с несколькими милиционерами. Вели они себя вызывающе, были нетрезвы и хамоваты. Один из них позволил себе даже толкнуть её и наорать на ребёнка. Тогда не было ни одной причины относиться к жене и сыну таким образом, пришедшие ничего не могли знать обо мне, а во всём подъезде это была самая спокойная квартира. Их счастье, что через час в опорном пункте никого не было, но, скорее, больше моё! Понятны не случайность происшедшего, тем более, что ни одного вопроса, по сути, задано не было, а весь бардак, устроенный ими, был для острастки женщины и мальчика, и не ради их унижения, а для меня. Как я понял, Гриша почувствовал лишнюю мою свободу в мыслях и суждениях, а также сомнения по поводу нахождения меня в розыске, хотя многословен я не был, напротив, всегда осторожен.

Чьи-то слова или просто предположение, возможно, его жены или водителя, а может, и его чёткая интуиция, никогда ему не изменявшая, подсказали ему мои настоящие чувства или хотя бы их возможность. И старый страх за них, Ольгу и Илью, дороже которых у меня пока никого не было, всколыхнул желание обороняться, а обороняться я привык, наступая! Взвесив всё, стало понятно, что сейчас непосредственно что-либо предпринять невозможно, необходимо сделать вид озадаченного и прибегнуть к помощи человека, который всё это задумал, то есть Гусятинскому, и который, наверное, очень ждал моего к нему обращения. Что я и сделал, чуть ли не брызгая слюной, посылая проклятья в сторону угрожавших и обидевших жену и ребёнка и буквально требуя разрешения на ответную акцию, которую я якобы уже разработал. Чувствовалась радость шефа, не ошибшегося в своём ожидании и гордившегося своим гением, хоть и немного струхнувшего от моей решительности – не переборщил ли? Дав клятвенное заверение,

что во всём разберётся сам, он запретил мне рисковать ради такого пустякового вопроса.

Участковые заявили второй раз, но, испугавшись жёсткого отпора со стороны приехавшего в гости отца, пожилого человека, но с боевым прошлым, быстро ретировались. К моему удивлению, это были другие люди в погонах, но смысл их появления был прежний. Они погрозили тем, что всё знают, и были таковы. Что всё? На том их визиты и закончились, оставалось только ждать, а ждать я умею.

Тем временем многое менялось, видно, тюремное заключение, хоть и короткое, возымело своё действие, и Григорий решил перебазироваться в Киев. Вряд ли это являлось попыткой захвата новых территорий, скорее, перенесение базы для создания новой, с новым комплектом личного состава, при том, что старый требовалось уничтожить, и начинать нужно было с головы – Пылёвых, они многое знали, на многое были обижены и не получали желаемого. Не буду вдаваться в подробности, они много где описаны, да и не столь интересны. Но Украина не приносила никаких дивидендов, а лишь растраты, суля только их увеличение, причём были они наполовину, так сказать, представительскими. Глава клана позволял себе проигрывать по 10-20 тысяч за ночь в казино и окружал себя всеми самыми фешенебельными и дорогими, на тот период, атрибутами. Из общих денег группировки около миллиона ушло на постройку виллы на Тенерифе – для того времени большая сумма. Бывший «сиделец» ускорился и взмыл над всеми, возомнив о себе, как о великом.

Пылёвы пытались сначала остановить, а впоследствии – хотя бы притормозить этот процесс. Олег даже устроил мнимое покушение на себя, но простреленная машина не произвела на Гусятинского никакого впечатления и, тем более, не испугала. Скорее всего, он догадался о фальшивости преподнесённого ему, и единственным последствием стал грандскандал среди троицы, что закончилось удалением младшего брата и

его людей как главу охраны «тела», и постепенным расхождением интересов, уже на виду у всех.

Место начальника безопасности занял Юра «Усатый» (Бачурин), с «лианозовскими» и «климовскими», что не могло меня не беспокоить. Я понимал, что время «Ч» наступает, причём не приближаясь в ожидании, а именно идя в атаку, которую нужно не отбить, но предупредить своим наступлением. Как мог, готовился, хотя всё для рывка и, в общем, чего угодно, было давно: документы, деньги, оружие, маленький домик в отдалённой губернии и, конечно, машина и связь. Заранее продумал возможность контроля ситуации и получения информации о ней через доверенного человека в окружении Пылёвых. Единственное, что пока было непонятно, как к возможному исчезновению отнесётся моя семья, жена и сын – ведь придётся обрубить их общение с родственниками. И какова будет разлука с девушкой, которая всё больше и больше занимала моё сердце? Но последнее было уже делом выбора охлаждённого рассудка, хотя я нигде ещё не вычитал, как можно остудить пламя пожара, бушующего в душе.

Было какое-то затишье перед бурей. Я лениво, но скрупулёзно искал, а найдя, «выжидал» Сашу «Злого» и «Аксёна», но совершенно чётко понимал – это сейчас не главное ни для кого, а потому скорее делал вид, просто накапливая информацию для, возможно, потребующегося отчёта.

Новый год, встреченный с друзьями и женой, от Рождества Христова 1995-й – именно он поменяет многое, повернув всё в другую сторону, дав толчок качественно изменению не только бригады в целом, но и каждого из нас, хоть как-то касавшихся её жизнедеятельности.

Кстати, для многих это был шанс покинуть безопасно и бескровно, слишком быстро набиравший скорость корабль, но в этом «шоу» многие увидели перспективы, однако не рассмотрели шипы, которыми, как правило, снабжается всё привлекательное. К несчастью, оказалось, что эти опасности не только ранят и калечат, но и убивают.

РАЗГОВОР «ПО ДУШАМ»

*С мнением можно спорить,
но лучший довод – это выстрел.*
Лоуренс Аравийский

В один из январских дней, заехав за зарплатой, которая тогда составляла, по-моему, пять тысяч долларов, и которую, в связи с отсутствием Григория и его людей, нужно было забирать у Андрея Пылёва, я почувствовал у него какой-то порыв и желание общения, что и выразилось позднее в откровенном разговоре. Провожая меня к двери, он спросил, не могу ли я подъехать вечером. Подобное всегда воспринималось как приказание, и ближе к ночи мы сидели в одиночестве за чашкой чая. Меня всегда интересовало, почему он не выпивает, то есть вообще ни капли, ведь ничего нет зазорного в рюмке – другой, в компании друзей, хотя и у самого был период в два года совершенно «сухой» жизни, но это ещё в бытность офицером. Интересно, как же он снимал нагрузку? Тогда мне казалось, что существует три варианта: это выпивка в тёплой компании, встреча с женщиной и увлечение каким-то делом – хобби. Помимо первого и второго, в качестве последнего я занимался тратой неограниченного количества боеприпасов, выстреливаемых во всевозможные мишени – имеется в виду тренировка на природе, пусть и в одиночестве, но со всем возможным комфортом. Правда, сейчас, знаю, можно обходиться и без этого, но женщина есть всегда женщина, и не даром Господь нашёл для Адама, с Его точки зрения, единственно приемлемое решение именно в ней – Еве.

Однако разговор принял другой, но, в общем-то, долгожданный, оборот. Я, хоть и напрягся, но ликовал,

ведь даже, если это была и проверка, на которую, по моему, можно было оставить не более 10 процентов, ничего страшного это не предвещало, потому что мною не было высказано ни одного одобрения, предположения или замечания. Приняв вид недоумения, и, якобы с удивлением, выслушивая, просматривая и читая всё, предоставленное Андреем для уничтожения в моих глазах авторитета Григория, я был в самой выигрышной позиции. Всё, что мною было сказано, скорее выражало недоверие к услышанному, и, уходя, я обещал всё обдумать и завтра заехать вновь, оставив тем самым хозяина квартиры в нервном недоумении насчет моих намерений.

А подумать было над чем, и, разумеется, эту ночь я не спал, перехватив пару часов днём, формулируя то, что я хочу дать понять Пылёву, и что хочу сделать сам. Повторную встречу, опять вечернюю, я построил на принципе Гришиного оправдания на предъявленное обвинение. На всякий случай, для проявления доверия, привёз несколько купленных намеренно «стволов», на зависть – первоклассных «иномарок», которых, к сожалению, себе оставить всё равно не мог. Просто обладание и созерцание их само по себе уже доставляет определённое удовольствие, пусть и нелегальное.

Рискнув перенести разговор и ответ на следующий день, почему-то был уверен, что кроме новой информации, в виду нетерпения, это больше ничего не принесёт.

Так и вышло, поток хлынувшего на меня был неожиданным, и, признаюсь, в нём было то, что от Гусятинского я совсем не ожидал, оставалось только выяснить, было ли это правдой. Смешно было бы узнавать это у Григория, ведь такая попытка – смерти подобна, а, значит, решение нужно было принимать до, тем более что в отношении него оно мною давно уже было принято, а остальное покажет время.

Уходя, ничего конкретного я снова не сказал, но обещал никуда не вмешиваться, имея в виду внутренние разборки между ними тремя, мало того, сказал, что уез-

жаю на 2-3 недели на свою «базу» в Карелии отдохнуть и потренироваться, оставляя им с братом право и возможность разобраться во всём самом. Надо сказать, это тоже с моей стороны был «подвиг», так как узнай о тех разговорах Григорий и пойми он, что значит моё молчание о них, конечно, при условии, если бы он остался жив – не сносить мне головы. Да и со стороны господ Пылёвых тоже было всё неоднозначно.

Я понимал, что это их не удовлетворит. Но, наученный горьким опытом, знал, что задуманную операцию по устранению Григория, как и им подобные, нужно проводить либо в одиночку, либо с тем, кого никогда не «достанут». Поэтому моя поездка в Карелию была лишь прикрытием отлучки в Киев. Я надеялся, что двух недель мне хватит, чтобы найти и достать Гусятинского самому, без чьей-то помощи, а значит, без лишних глаз и разговоров, ведь события жизни могли развернуться по-разному, а у Гриши останутся не только друзья – «Культик» и «Ося», – но и у «братьев» планы могут быть разные и непредсказуемые. Никогда не хочется оказаться ни крайним, ни, тем более, на краю выкопанной собою же для себя могилы, со стволом, упёртым в затылок. И пусть лучше чего-то не понимают, можно будет потом объяснить, исходя из создавшейся ситуации, чем знают что-то ненужное, – скажем, что я, совершенно преданный, могу самолично решить судьбу того, кому якобы так предан.

Я дождался, чего ждал, и меня несколько потряхивало от осознания того, что скоро всё это, весь этот ад закончится, и наступят тихие, спокойные, пусть и однообразные, даже, может быть, кем-то из обычных обывателей не воспринимаемые как тихое семейное счастье, обывательские будни, в домашней суете, в кругу близких людей и уверенности в том, что завтрашний день б-у-д-е-т!

Но для этого нужно было совершить почти чудо, причем без предварительной подготовки, без возможности выбора оружия (какое взял, такое и используешь),

в незнакомом городе, без информационной поддержки и заведомо разработанной страховки.

И ещё то, что щемило сердце: как бы я ни был спокоен и уверен в себе и в удачном проведении задуманного, необходимо было разорвать все контакты, и объявить об этом на каждом углу, ибо сохранённые, они, во-первых, были небезопасны, и прежде всего для тех, с кем я имел общение, – в случае провала, а то и в случае успеха искали бы через них, и явно не подкупом или уговорами, а во-вторых, искали бы и, возможно, нашли (представить себе однозначно планы братьев, или оставшихся «лианозовских» точно было невозможно, но, поскольку я был человеком Григория, то 50 на 50, что начали бы охотиться и за мной). И здесь меня волновал, в основном, только один человек, но порвать с ней я не хотел, и всячески сопротивлялся этому всеми силами своей души. Но оставить семью был не в состоянии – это ведь уже семья, и вся ответственность за неё на мне, ей я дал всё или почти всё, что мог, как и они мне. Ирине – в сущности, совсем юной, и готовой почти на всё, но на всё ли? – дать мне нечего. Предположим, ей всё равно, узнай она, кто я и какой жизнью я живу, отчего и почему бегу, что, возможно, мне предстоит не полная жизнь и семейное счастье, но вечная неизвестность. И если секундинутно она готова разделить это, то что будет позже? И это не самое страшное, что можно предвидеть, – ведь вокруг нас люди умирали ещё совсем молодыми, я в этом списке мог стать не исключением, соответственно, и она... Одна мысль об этом переворачивала всю душу. Думаю, что пойми она полностью возможность ожидаемого, может быть, повела себя по-другому, но гадать я не имел права, а должен был, принимать решения сам, предполагая, что лучше для неё.

Посчитав себя не правым делать иной выбор, с тяжёлым сердцем заставил себя расстаться с ней, уже заполнившей всё моё внутреннее эмоциональное пространство и значившей для меня всё!

Уже позже, когда мы вновь оказались вместе, она так никогда и не смогла понять – да что понять, и не поверила в причину нашего тогда расставания. И немудрено, не зная всех подробностей и не понимая грозящего... И вообще – женщинам часто кажется, что опасности, о которой иногда говорят мужчины, не существует, а если и мерцает что-то, то с этим можно справиться. Может быть, в чём-то она и права, может быть, только ради этого и стоит жить, пусть и короткую, зато яркую жизнь, и, наплевав на все опасности, искать счастье даже в темноте, зная, что нужно просто обратиться к свету.

Этот шаг обезопасил её только сначала, но перевернул всю жизнь. Кажется, большее ей никто никогда не делал и не сделает! До сих пор вспоминаю этот тяжелейший для нас обоих момент. Я не стал ничего объяснять, бормотал какую-то одну фразу, да и все мои объяснения были бы просто ничтожны и, разумеется, разбиты в пух и прах, а сражение проиграно, правда тянуло к поражению то, что проигравшему гарантирован плен, приятный и восторженный, но, всё же, смертельный для победителя.

И я был прав! Хотя время расставило всё настолько неожиданно, что многое приходилось делать экстренно и с большим риском, зачастую импровизируя, идя буквально на пролом.

Юмор или сарказм наших отношений состоит в том, что если признавать ошибку, то только при нашей первой встрече. Сейчас всё по-иному, и была ли она счастлива после нашего воссоединения – решать ей. Интересно было бы услышать ответ на такой вопрос через много лет, но смогу я это сделать или нет, будучи на свободе – неизвестно. Мы будем уже совсем не теми людьми, нас вряд ли уже что-то будет соединять, и никогда не будет уже того, что было прежде. Что произойдёт в жизни каждого из нас – загадка, как загадка происходящее сегодня. Впрочем, такая же, как и сама эта женщина, оставшаяся «так и не прочитанной книгой» вплоть до нашего расставания.

Тогда у меня был человек, которому я мог доверить съём квартиры и некоторую «бытовуху». Его никто не знал и никто никогда не видел. Он-то и снял за два дня квартиру в Киеве, и купил старую, но надёжную «копейку». А большего и не надо. Передвигаясь в ней, можно было прикинуться бедным человеком, с неприметной внешностью, неброско одетым, соответственно – слиться с общей массой. За это время я подготовился, собрался и под фамилией завязатого украинца – Щухлый, соответственно, оформленной всевозможными документами, в том числе и правами, и с усами Тараса Бульбы, поехал в сопредельное государство. В багаже у меня был счастливо приобретённый музыкальный центр с двумя колонками с метр высотой, который я вёз «в подарок на свадьбу родственникам», весело попахивая самогонкой. В них я и упаковал, уже упоминаемый брауниинг «Сафари», с позолоченным спусковым крючком и ореховым прикладом, по всей видимости, кем-то заказанный, но не оплаченный, и перепавший мне за сходную цену. Оружие сугубо для охоты, но кто же знает свою судьбу наперёд, да и зверь был крупный и опасный, сам устраивающий засады и дающий указания на устранение себе подобных. Я играл ва-банк, ибо другого выхода не видел. Даже не зависимо от конечного результата для меня, настроение моё было приподнятым – эта дорога имела окончание прежней жизни, пусть ценой чьей-то, может и моей, но успокаивало то, что многое зависело именно от меня, и неважно, на чьей я стороне: Пылёвых или своей.

Как бы то ни было, а воображение уже начало переселять меня в тихий и уютный уголок Калужской области с небольшим свежестроенным домом со всеми удобствами, банькой и высоким забором, расположенный усадьбой на высоком холме, с одной стороны имевший озеро в 2-3 гектара, с другой – почти реликтовый лес, который с балкона сруба выглядел как сплошное поле, образованное верхушками елей. Приятно было наблюдать,

поставив кресло наверху, рассвет или мчащиеся облака, уходящие далеко за горизонт... Мерно постукивающие колёса убаюкивали, успокаивая тем, что до него – дома в тиши – всего один шаг, возможно, останавливающий марафон смерти, и, раз решено, то пусть она будет допустимой.

Предполагать другое развитие событий не хотелось, по крайней мере, до выстрела. Их могло быть масса, но, во-первых, без меня, а во-вторых, без раздела, а значит мирным путём власть плавно перейдёт в руки братьев. Говоря «мирным», я имею в виду – «без внутреннего столкновения», разделяющего внутрибригадное общество, хотя и через смерть одного человека. Это очевидно, ведь вся сила и нить управления у них, да и связи тоже. На тот момент я совершенно не представлял, насколько мозг людей, одурманенных наркотиками, способен перевернуть всё с ног на голову. (Имеются в виду «лианозовские»).

Зима в конце января в Киеве была приветливой, хоть и снежной. С корабля на бал – сначала по магазинам и барахолкам докупать недостающее: адидасовский плащ, предназначенный для плеч какого-то тренера, толстый и тёплый, и такие же пуфики на ноги местного производства, если скину, то никаких московских следов. На снятой квартире ещё раз все продумал и начал поиски. «Копейка» убивалась по всей столице Украины, от казино и гостиниц до аэропорта. Приблизительно знал, что Гриша часто заезжает играть, а казино оказалось одно, будет тренироваться в зале, и искать надо самый помпезный, как, впрочем, и рестораны. За всё время дважды я заставал своего бывшего шефа, но ничего сделать не получалось, надежды таяли на глазах, как и время. А глаза слезились от недосыпа и перенапряжения. А как-то, случайно получив информацию и поленившись её перепроверить (а первое правило моё было всегда: «получил информацию – перепроверь»), поехал, уверенный, что Григорий улетает одним из се-

годняшних рейсов, в аэропорт, и залёг на снежном поле, приблизительно рассчитав, где может быть посадка в самолёт. Полз к точке минут двадцать, предполагая, что за всем пространством должно вестись хоть какое-то наблюдение. Добравшись, до как показалось, удобного места у двух малюсеньких холмиков, нагрёб на себя снега, а чуть согревшись, заснул минут на 20-30. Проснулся от того, что ломило надбровную дугу, которая, уткнувшись в ободок снайперского прицела, начала замерзать от железки. Зато прободрствовал ещё часов пять, и понял, что ошибся.

Неудача, как солью, разъедала и рану, нанесённую расставанием с той, о которой думал всё больше и больше, но, чем меньше оставалось шансов на выполнение задачи, тем меньше я уверялся в правильности сделанного выбора. Всё пройдёт, а её молодая жизнь внесёт свои коррективы. Наверное, ей было ещё хуже от непонимания моего поступка и от открытости и откровенности отвергнутых чувств, которые в юные годы кажутся не такими, как у всех, а самыми большими и навсегда. Хочется – так лишь бы сейчас, а что потом – неважно. А наступившее «потом» уже не помнит «вчера» и требует такое же «сегодня». Парадокс нашей тогдашней размолвки что-то убил в каждом из нас, оборвав какие-то струны в нас, кажется, навсегда соединённых, но всё притягивающее перешло на оставшееся, что потом всегда тяготило и не давало того прежнего унисона, который был ранее.

Нам представляется, что мы всегда знаем, как наладить у других, когда же дело касается своего, то либо не хватает сил, либо не получается договориться, либо невозможно уступить, согласовать, забыть, сдержаться, а проще говоря – даже понять, как это сделать. И тот человек, ради которого ты легко и не задумываясь отдал бы жизнь, плачет в пол-оборота, потому что хочет уйти от обиды, но не уходит из-за любви к обидчику. А перегруженные жилы скрежещут по сердцу, и ты уже го-

тов пасть на колени, но гордый взгляд, хоть и с красным заплаканным носиком, смотрит мимо тебя. Поздно, кажется тебе, хотя никогда не поздно. И мы, каждый из нас, в глубине души начинает оправдывать себя, изображая занятость, и мужчина, украдкой посматривая на гибкий стан, неспроста иногда прогибающийся, будто хочет поднять, а подымать нечего. Два упёртых характера перетирают ржавчину отношений, молча накапливая энергию, вместо того, чтобы просто капнуть хотя бы немного тёплого масла признания и столько же смирения, пока разряды не начнут сверкать между истиной и материей. И иногда кто-то первый, обычно всегда один и тот же, начинает плавно сдаваться, постепенно увлекаясь, но не показывая, что на милость победителя, но лишь для общего блага, это не так долго – полдня, и уже летят голуби в ресторан, с разных концов Москвы, на встречу друг другу, готовятся к вечернему брудершафту, который, не успев начаться, разливается томной негой, мирными признаниями и жаркими поцелуями.

А сейчас всё шло непонятно куда, скорее всего, рушилось, а, как известно, строить заново труднее и далеко не сразу получается. Признав свой неуспех окончанием двух недель и оставив оплаченную ещё на полтора месяца квартиру, с купленным рыдваном под её окном, приобретя очередной синтезатор на выставке достижений народного хозяйства, отправился восвояси.

В «восвояси» было холодно, а по пути ещё и таможенники взяли пошлину за вывоз товара, скрытно напичканного винтовкой и патронами к ней.

Теперь нужно было сделать один звонок, а, точнее, сделать выбор, кому звонить: Грише, чтобы поведать о разговоре с Андреем, или Андрею, с душещипательным рассказом о своей поездке, а может, и вовсе солгать. Сделав вид, что только вернулся с отдыха. Утаивать о ней бесполезно при звонке одному и второму – всё равно узнают, а вот мотивировать придётся, но как – вопрос! Пахло полной задницей, не просто чёрной полосой пос-

ле белой на жизненном теле зебры, а именно той самой, единственной, в которую попадаешь лишь однажды на своём земном пути, но для меня это единственное пахло своеобразно – запахом смерти. Постольку, поскольку рассчитывать я мог только на себя, пришлось брать микроскопический пятазарядный «Ля фабрик», нож-пряжку, зонтик-стилет. Хотя к чему это?

Французскую мелкашку я вложил в специально сшитый кармашек в паху и срезал оба передних кармана на брюках, чтобы удобнее было доставать – стилет обнажался мгновенно, а раскрывавшийся при этом зонт скрывал руки и давал выиграть целую секунду чужого замешательства. Но этот момент может помочь, если их будет двое, ну, максимум трое, но ожидалось гораздо больше, два плюс пять-семь человек и, как всегда, собака – огромный переросток, овчарка, «Грэг» весом в 90 килограмм.

Почему не придерживаться плана без одного звена – смерти Гриши? Да потому, что я стану врагом и для него и для них, не возникнет сумятицы и суеты, а нужно будет только цель найти. Всех не спрячешь, так же, как и навсегда не исчезнешь.

Потом я уже чётко знал две вещи – с Пылёвыми наши цели совпадали, правда, они ещё об этом не знали, и без меня им до Гусятинского не добраться, а это веский аргумент. С тем и поехал. Разумеется, часов за пять до встречи. Квартира, где временно, а тогда все жили где-то временно, находилась в стороне от Ленинского проспекта. Подъездов к дому было несколько, но вход только один. И даже оставляя машины за квартал, все входили в поле моего зрения. Подошли по-серьёзному, оцепив визуально даже внешний периметр. Пятеро зашло в подъезд. Теперь наступила и моя очередь. Пока шёл, казалось, по расстановке внешней и присутствию народу внутри квартиры, будто иду в расставленную западню, выхода из которой нет. Но логика, анализ и интересы говорили, что дома я буду уже через пару-тройку

часов, находясь ещё в большей безопасности, чем прежде, хотя кто знает.

В коридоре сидел послушный только одному хозяину «Грэг», а за закрытой дверью в первую комнату слышались приглушённые голоса, которые, когда проходил мимо, затихли. С левой стороны, почти в углу, стояла картонная коробка из-под телевизора – ну уж совсем нехороший признак, в таких коробках удобно выносить останки того, что осталось от человека, к тому же нового телевизора я не заметил.

Выбрав самый отдалённый угол мягкого дивана, стоящего буквой «Г», так, чтобы спину прикрывала стена, а спереди стоял, мешающий движению навстречу, тяжёлый журнальный столик, который я придвинул ближе, для удобства, в случае необходимости, посильнее толкнуть его ногой. Не успел я этого закончить, как Олег, а, кроме Андрея, был и он, начал орать (добрый знак, если так можно сказать, – значит, это максимум, что меня ожидает при правильном моём поведении, хуже, когда начинается беседа вкрадчиво, и совсем плохо, когда сразу начинают убивать). Смысл «громко сказанного» был в вопросе, что я делал в Киеве. Всё началось, как нельзя лучше, и я еле сдерживал улыбку, видя плохую его игру, да он и сам понимал театральность своего поведения и, уже почувствовав мою реакцию, совсем сник, когда услышал ответ, как положено в такой ситуации, тихий и спокойный, но короткий, как выстрел: «Гришу ездил валить». Положение было тупиковое, Олег не понимал моего спокойствия, ожидая извинений и просьб о милости. Всё выровнял Андрей, подойдя с подносом кофе и чем-то сладким. Чашки было три!!! И они стояли на подносе без особого порядка, то есть, выбрать можно было самому, и игра на проверку доверия продолжалась. Я взял ближнюю и отпил первый, давая понять, что в такой напряжённой атмосфере даже не имею мысли о физическом своём устранении, хотя бы даже отравлении. И второй момент – раз кофе был всего лишь кофе,

а чашки три, значит, всё страшное позади, иначе зачем перспективному трупу...

После этого успокоившийся Олег поинтересовался, почему я не сказал о поездке и не попросил помощи, и разговор потёк плавно и в нужном направлении, но с небольшим изменением. Было ясно, что во всей шайке-лейке по важности я становлюсь, с их точки зрения, третьим человеком, мало того – равным, конечно, не навсегда, но особенное положение обеспечено. С одной стороны – лестно, особенно, когда всё напряжение позади, правда, лишь сегодняшнего дня, что будет после устранения Григория – непонятно. Пока что я рассчитывал на состоятельность своего плана – на самоисчезновение.

Уже уходя, постучал в дверь, где сидели спрятавшиеся парни, открыл и поздоровался, чем удивил всех участников беседы и чем ещё выше поднял статус доверия к себе, показав, что знаю, на что иду.

В Киеве я устроился там же с Сергеем – его мне придали как человека, преданного братьям, и знающего, где можно найти того, кого не удалось найти в первый раз. Место выбрали в тот же день, определилось и всё остальное – с путями отхода, точкой ожидания. Вопросом оставалось лишь одно – что же после. В доме, с чердака которого пришлось стрелять, как потом оказалось, была квартира тогдашнего президента Украины Кучмы. Возможно, он там не появлялся, став руководителем «самостийной», но уютный эксклюзивный кварталчик в элитном месте назывался «Царское гнездо».

* * *

Вечер, богатый спальный район с домами, сильно отличающимися от всего остального Киева не только качеством, но и самобытностью застройки – высокие дома, стоящие на большом расстоянии друг от друга, даже с некоторым намёком на дизайнерский ландшафт. В та-

ком затеряться сложно, но мужчина в длинном плаще, с длинными светлыми волосами и усами Тараса Бульбы, большой шляпе, с висящим за спиной кейсом для гитары, казалось, был местным, хотя и неузнаваемым. Женщина, хорошо одетая, поздоровалась на русском, входя в лифт. И мы, поулыбавшись друг другу, расстались. Вскрытый чердак так и остался нетронутым, а значит – никто и не придёт. Небольшое духовое окно, примерно 30х40 сантиметров, коих по стенам несколько десятков по всему периметру, расположено высоко от пола, и на него подоконник облокотиться не получится – стена хорошо освещается снаружи, а потому нужно быть в глубине, чтобы свет через проём не попал ни на меня, ни на оружие. В метре от него проходит труба то ли горячей воды, то ли отопления, в толстой изоляции. Поставив на неё качающийся ящик, можно хоть как-то закрепиться, но конструкция шатка и ненадёжна. Через образовавшуюся визуальную трубу: оптический прицел – оконная отдушина – щель между занавесками через застеклённый балкон, – виден лишь небольшой участок дома напротив, но как раз достаточно необходимый. Надеюсь, и что щель между шторами в 15 сантиметров, позволит среагировать на проходящего человека.

Вчера я не обратил внимания на балкон, честно говоря, думал, что это спальня, а не зал, оказалось – ошибка. Сам балкон ничем не мешал, но он был застеклён, а это ещё одно стекло, значит, вместе с оконными, – три. Патроны же я взял с полубоблочистой пулей, то есть не целиком снаружи медной, а внутри свинцовой, и не просто с чисто свинцовой, выходящей изнутри головкой, но ещё и с углублением в центре, что, при попадании в мягкие ткани, раскрывает пулю как зонтик, расширяя ещё больше раневой канал и причиняя нестерпимую боль, ведущую к болевому шоку. Это даёт большую гарантию достижения цели, но такая пуля разбивается о препятствие более жёсткое, разлетаясь на разные кусочки, тем более, если их три, пусть даже и стекла. Надеюсь на

тонкое балконное остекление, всё же допустил ошибку – стекло было не толстое, но двойное, то есть, фактически, стекло оказалось четыре! Понятно, что всё решал патрон в цельной оболочке, но вот его-то взять было негде, да и некогда, я рассчитывал «работать» на открытой местности. Оставалось положиться на мощь патрона и на инерцию пули. К тому же, каждый из разлетевшихся осколков станет почти полновесной пулей, подобной излюбленной мною 5,6 миллиметровой мелкокалиберной, но с гораздо большей инерцией.

Для стрелка расстояние не далекое – 150 метров, но стрелять приходится почти без опоры и стоя, а цель не полноростовая, узкая, ограниченная краями штор, и к тому же в движении. Стоять приходилось, не отвлекаясь, поджидая, когда он появится в промежутке между занавесками, при этом, после включения света в окне, всё время глядя через оптический прицел, стоя больше на полу-цыпочках, чем на полной стопе – дыши, не дыши, а жёсткости никакой. На кону стояли не деньги, не положение и даже не моя жизнь. О том, что я здесь, знает уже минимум три человека, и это при лучшем раскладе, а значит – ни о какой конфиденциальности в случае промаха речи быть не могло. Слишком большая вероятность, что пострадают близкие мне люди, а между Гусятинским и братьями начнётся бойня с привлечением всех имеющихся живых сил и с последующим переводом большинства из них в разряд мёртвых. Всё решал лишь один удачный выстрел! Один. И второго не будет. То есть он должен быть ЕДИНСТВЕННЫМ. Только в этот раз у меня не было мысли о сожалении. Перед выездом из Москвы я узнал причину, по которой не мог позвонить до Юры Лукьянчикова, спортсмена-единоборца, преподававшего кикбоксинг детям, с которым изначально, три года назад, наладились дружеские отношения, и мы, как могли, пытались их поддерживать. Это был откровенный, честный, красивый человек. Он и Дима («Африканцы»), о которых я уже писал, держались в не-

котором отдалении и не были похожи на всех остальных из нашего «профсоюза». Юрка неоднократно говорил, что хочет расстаться с этой «братвой» – того, что он имел (арендованный зал и маленький магазинчик), ему вполне хватало. Им обоим не нравилось то, что творилось, хотя они и сами «крышевали», но не жёстко, а милостиво, и люди сами к ним тянулись. Особенно женщины. Высокие, почти братья, почти Аполлоны, по возможности, справедливые и бесшабашные, этим и не нравились. И конечно, их открытая независимость и откровенная заносчивость перед «комитетчиком», вознёсшим себя до небес волею случая, не могли пройти даром. Гриша ненавидел их обоих и нашёл случай отомстить.

Случилось так, что Гриша привёз из аэропорта свою прилетевшую после отдыха в тёплых странах молодую супругу – барышню, знакомую многим, в том числе, по стечению обстоятельств, и братьям Пылёвым, которые, после близкого и надоевшего им знакомства, познакомили её с Гусятинским, после чего дело приняло серьёзный оборот с сопровождением марша Мендельсона. Марию везли с эскортом, одна из машин которого принадлежала Юрке, он подъехал к дому первым, где была и его квартира, и уже с кем-то разговаривал. Проходя мимо, мадам бросила, даже не поворачивая головы: «чемоданчики поднеси». Разумеется, реакция была предсказуема – серая мышка, напрашивающаяся когда-то в ресторан или на дискотеку, обычная, ничем не замечательная девушка с тяжёлой костью и широкой голенью, напоминавшая «воспиталку» из детского сада, вдруг ставшая девушкой, затем гражданской женой, а теперь и официально оформленной, быстро поднялась по поведенческим характеристикам сначала до уровня, а сейчас и выше мужа, не стесняясь и пользуясь его окружением, как прислужой. Зайчик поменял морковку на мороженное в золотистой обёртке, почувствовал власть не только над людьми, обеспечивающими быт и комфорт их семейной четы, но и над мужем, а значит, и

частью его бригады. За какие-то месяцы привыкнув выделяться, что повлекло не только наслаждение властью, но и дом на Тенерифе за деньги с «общака», и охрану, и водителя, и всякую другую прислугу, а также перестав замечать вокруг себя других людей, ей захотелось иметь носильщика из «близких» Григория и, в принципе, равных, а то и во многом, кроме власти, превосходящих его людей, а Лукьянчиков был одним из семи имеющих право практически равного голоса.

Разумеется, чемоданы остались на месте, а вслед прозвучало напоминание о прежнем уровне жизни и настойчивая просьба не забываться, мягко говоря. В квартире, где радостный супруг после долгой разлуки начал ворковать над супругой, его, вместо любовных утех ждал скандал прямо с порога и «замечательный» вывод, из которого муж должен был понять, что не уважая и насмехаясь над ней, то же самое происходит и над ним. Нахала нужно наказать! Вместо того, что бы осадить, объяснить и научить, супруг и наш растроганный «главшпан» дал команду, и жизнь Юрия остановилась через несколько дней, определив его остатки, до следственного эксперимента, в очередном лесу.

Не знаю точно, но слышал, что будто бы его черепная коробка была прошита пятью пулями, выпущенными из пистолета ТТ, неплохим в общем-то парнем, Алексеем Кондратьевым (Кондратом), когда-то бодибилдером, рокером и даже, в своё время, хорошим знакомым «Хирурга». Его физиономия дважды мелькала в каких-то фильмах нашего кинематографа. Добрый по натуре, страдающий тяжелой формой эпилепсии, преданный, никогда не задумывающийся в силу своего интеллекта, он сделал то, что ему приказали, а на вопрос: «Почему так много выстрелов?», – отвечал: «Но ведь люди всякие бывают, а так наверняка».

Узнав это, у меня вообще пропало сожаление о возможной смерти Григория. Не мне осуждать и, тем более, не мне судить. Жутко быть профессиональным орудием

убийства, но вдвойне хуже быть им именно в таких руках – я более всех остальных знаю, как подобные люди ненавидят, подымаясь на Олимп себе подобных, прошу прощения за каламбур.

О Юре же остались тёплые воспоминания и сожаление о потере хорошего человека.

Дмитрий, второй «африканец», после смерти соратника перешёл в другую «бригаду», более спокойную, а потом и вообще влился в парашютный бизнес – стал соучредителем профильной фирмы. Как парашютист-инструктор страховал и выводил «чайников» – видимо, манило небо, свобода и чистота в нём.

На очередных прыжках у подопечного запутались стропы основного парашюта, увидев это из «рамы», он, не раздумывая, нырнул следом, догнал, и даже успел раскрыть второй парашют. Подробности я не знаю, очевидно, не хватило 50 или 100 метров, но купола своего над головой он увидеть так и не успел. Разные бывают люди, и разные бывают их пути, даже если и объединяются они в какой-то отрезок своей жизни аббревиатурой «ОПГ».

* * *

Рация и гарнитура прошипела Серегиным голосом – сигнал готовности. Из подъехавших машин вышло несколько человек, но для меня они были недоступны. И начался отчёт безотрывного слежения через окуляр оптического прицела за промежутком, обозначенным двумя занавесками. Чья-то лень или недосмотр с невнимательностью дали мне шанс и поставили жизнь их кормильца перед лицом смерти. Он мелькнул первый раз, теперь я боролся со своим дыханием, чрезмерным в неудобной стоячей позе, почти на цыпочках. Сердце работало мерно, усиленно, ускоряемое остающимся адреналином, упорно поглощаемым всё большим и большим количеством попадающего в кровь кислорода, не хоте-

ло уступать даже под воображаемыми потоками воды, и плавно замедляемым дыханием: вдох на «8», «6» – задержка, выдох на «8», снова задержка на «6» счётов, и так до успокоения. Вдруг стало всё безразлично, не важно «вчера», не интересно «сегодня», будто не будет «завтра» – я весь «нырнул» в «луну» оптики и застыл то ли рядом, то ли размазавшись взглядом по самому окну. Казалось, что видно чуть колышущуюся занавеску, воздух, расступающийся перед движущимся телом, на улице – минус, но жарко – пустота, а в висках, непонятно откуда взявшаяся фраза: «Если свет, который в тебе – тьма, то какова же тьма?». Много позже узнал – из Евангелия, она тянулась медленно, плотной жидкостью, постепенно сокращаясь до последнего слова, раз 100, а может, больше. Сознание повторило это слово растянуто, похоже, так говорит человек на смертном одре, борясь за ещё одну минуту пребывания здесь, где привык, жутко боясь того, что «там» ... «ТЬ-м-а, ть-м-а, ть-м-а».

Палец сам лёг на холодную позолоту и осторожно пульсировал биополем, казалось, что я не только чувствую присутствие Гусятинского в этой комнате, но и ощущаю шевеление атмосферы, разгоняемой его организмом не только при движении, но и дыхании. Вот он приближается к креслу, немного нагибается, присаживается, вся масса тела идёт вниз, палец плавно тянет «спуск», крючок которого проваливается, винтовка прикладом толкает плечо, пуля ушла навстречу опускающемуся «боссу», когда он коснётся сиденья, голова будет точно в промежутке, чуть позже – и тело откинется на спинку кресла, и кусочек металла пролетит мимо, лишь испугав и запустив жернова репрессий... А может, это диван, виден только маленький кусок в дальнем углу, в отдалении от окна... Смотреть не хочу, в мозгу отпечаталась явная уверенность попадания, с последним словом в беспросветной пустоте: «ТЬ-м-а». Чрезмерная собранность рассеялась, зрение рассредоточилось на привычные пять чувств, и в уши ударила мощная волна от звука

выстрела. Поставил карабин, погладив напоследок отработанный ствол – за два года тренировок мы сроднились. И мощный толчок очередной порции адреналина привёл к привычному контролю ситуации...

Сергей за рулём «Таврии» был на ранее оговоренном месте, предупреждённый по радиии, он даже приоткрыл дверь, явно волновался и не понимал моего спокойствия, я же в какой-то момент этой «лёгкой прогулки», оставив весь груз на чердаке, снова почувствовал, насколько от меня ничего не зависит. Всё, что сейчас интересовало – это несколько слов, звучавших в голове, и откуда они. Тогда этого я так и не понял, вспоминая же сегодня, думаю, что фраза эта всплыла из подсознания, попав туда лет за десять до того дня, прочитанная, хоть и очень невнимательно, в одном из четырёх Евангелий в Казанском соборе Санкт-Петербурга, в то время ещё Ленинграда, во время одного из десятков культпоходов, когда я был курсантом военного училища. Почему и зачем? Это сейчас стало понятно, а тогда, замкнутое суетой и переживаниями, бурными эмоциями, оно всплывало резко, в моменты затишья и одиночества, наедине с самим собой, где-нибудь на охоте, рыбалке, под безграничным небом, в котором утопал взгляд, утягивая за собой всё моё существо, как сегодня перед выстрелом в абрис оптического прицела. Казалось, всё тело замирало, но если тогда мысли отсутствовали, то в эти моменты, возможно, они раскрывали створки сердца, всё больше и больше запоминавшие тем, что, переполнив, отрезвят и заставят остановиться.

Я ждал чего-то на снятой квартире, почти в центре Киева, ждал и по привычке перебирал возможные варианты. В большинстве из них места мне не было, но успокаивали самые рациональные, и лишь с одним условием – при отсутствии среди живых бывшего шефа. Дело оставалось только за тем, чтобы так же начали думать Пилёвы. Овладевшая мною умиротворённость подсказывала, что марафон остановлен, и если что-то и будет,

то не с такой частотой, и призрачно мелькала надежда об отходе от дел вообще. На следующий день появился Олег с Сергеем и ещё кем-то, радостный и энергичный, он светился от перспективности и громадности планов, и, разумеется, от благодарности ко мне, граничащей (правда, лишь в этот момент) чуть ли не с преклонением. Сергей ничего рассказать им не мог, потому как даже оружия не видел, я разбирал синтезатор и убирал оружие в футляр от гитары в ванной, а в курс проводимого вообще не вводил, давая лишь редкие указания. Был бы он посторонним человеком, вообще бы ничего не понял, и единственное, что могло показаться странным – зачем нужно было раскидывать по помойкам вещи при возвращении домой.

Рассказав и объяснив подробности, разумеется, лишь одному Олегу и напоив чаем гостей, по-братски обнявшись, проводил их и стал собираться – «пока свободен».

* * *

Январь 1995 года. Через несколько дней мне 28 лет, а сыну три годика. Грише могло бы быть 32, а его младшей дочери от второго брака шёл только второй год.

Судя по тому, что я знал о последней поездке его жены на Канарские острова, где у неё был бурный роман с управляющим местного автосалона Mercedes-Benz, по душу которого я должен был ехать по просьбе страдающего мужа ближе к весне, смерть Гусятинского облегчила жизнь всем, а многие и спасла. Дамочка завладела приличным состоянием и фешенебельным домом на островах Испанского курорта в придачу с оставшимся чудом неувредимым продавцом автомобилей, и воспитывает дочь.

ВЛАСТЬ ПЕРЕШЛА...

Заметно ли, нет ли, скорее безобразно, но совершенно точно, власть волею случая, ненадолго потерявшись в людских страстях, проявилась в руках уже не одного, но двух людей, возможно, ещё не готовых к этому, но явно не столь кровожадных и не стремящихся пока узурпировать её ради ублажения своих интересов. Поначалу всё выглядело спокойно, разумно, и даже перспективно.

Правда, люди из «своих» через некоторое время стали гибнуть чаще, а дисциплина из железной перешла в рамки репрессивной, и всё это было следствием событий, последовавших после «Киева» в Москве – следом за похоронами нашего «лидера».

Прибыв в столицу, я занялся своими делами, всё далеко ещё не закончилось, и не было ясно, каким будет продолжение, исчезать было преждевременно и даже глупо – оставалось ждать, опять и всегда ждать!

Мой день рождения, проходивший в «Золотом драконе», начался бурными, продолжительными тостами в небольшой компании друзей, с кем мы дружили семьями, когда вдруг, в самом разгаре танцев, появились «братья» в сопровождении охраны и при параде, преподнесли часы Cartier с тремя сапфирами, чем удивили, но всё же обрадовали откровенным признанием «третьим», пусть и несколько скрытым, братом. Прошу понять правильно – радовало по-настоящему не положение и соответствующие почести, денежное содержание и даже не дом, пусть и небольшой, на Канарах, а то, что не враг, хотя это могло быть и временно. Но им нужна была кувалда, бьющая точечно, а прежде упорно отыскивающая место её удара. Этого было достаточно, чтобы позволять им держать многих на коротком поводке.

Радость их была подкреплена и тем, что сегодня, в ночь с 30 на 31 января, отключили от аппаратов Григория, находящегося в коме после смертельного ранения в голову, просуществовавшего так несколько дней. Станным совпадением с моим днём рождения стала через два года и смерть «Солоника».

Хотя есть версия, что он мог выжить, жизнь его представляла бы существование растения, но... якобы на похоронах брат Виктор заметил маленькую дырочку за ухом. Так ли это – не знаю, суть от этого не меняется. Через несколько дней после сабантуя с друзьями детства и произведённого на них сильного впечатления от первоначального испуга до последующего шока, хоть и разбавленного после коньяком, я собирался переезжать на другую съёмную квартиру и всё же попробовать исчезнуть на месяц – другой, но позвонил знакомый, попросившей подъехать к станции метро «Молодёжная» буквально на 10 минут. Думая, что вопрос в деньгах, без задней мысли через полчаса уже ждал его на площади, недалеко от выхода из метрополитена. Не нужно было расслабляться, и это послужило уроком, после которого, даже встречаясь с друзьями, да и с кем угодно, я оставлял машину за 2-3 квартала от места встречи, куда и прибывал заранее, чтобы осмотреться. Не всегда, конечно, но в этот период особенно.

Не успел я заглушить двигатель, как в «Ниву» (последнюю, шестую) вломилось человек пять. Казалось, они просачивались через все щели. Не оставалось ничего делать, кроме как покинуть перегруженный корабль и «поставить на сигнализацию». Отходя в сторону, я ещё подумывал, не инициировать ли маленькую коробочку, одну из тех, что я ставил почти на все машины с небольшим зарядом тротила, на случай заматания следов. Большого взрыва бы не было, но автомобиль сгорел бы дотла, впрочем, позволив покинуть погибающий корабль непрошеным гостям. Такое средство позволяло гарантированно уничтожать всё, что находилось внутри

салона, от следов биологических до документальных, радиус действия инициации – до 100 метров, разлёт осколков отсутствовал, как и они сами, но, при желании и необходимости, я монтировал иногда во второй аккумулятор взрывное устройство гораздо большей мощности, но это в очень редких случаях.

Сразу поняв, что это «лианозовские», искал глазами в толпе среди спешащих граждан либо «Усатого», либо «Женька», о знакомом и забыл. Юра стоял с другой стороны машины и отчаянно делал успокаивающие жесты, думая, что правая моя рука за пазухой держала пистолет, а не пульт от «аккумулятора». Странное было зрелище – на совершенно пустом месте, в отдалении от торопящихся по своим делам людей, которые не обращали на нас внимания, я ждал развития событий дальше.

Монолог, который я услышал, был нервным и сбивчивым. Он чуть не попал под милицейский «бульдозер» в Киеве, сегодняшнее состояние дел и положение в «бригаде» были непонятны и неустойчивы, хотя Пылёвы признавали его права и долю, как, впрочем, и Любимова – «Женька».

Посчитав и место, и время неподходящими, договорились на завтрашний вечер, на время после похорон Григория и, конечно, на «нейтральной» территории – в «Золотом драконе». Мне нужно было подготовиться к завтрашней фото-видеосъёмке, ставшей сегодня привычной во многих группировках. Нынешние «свои», «близкие», те, кто рядом, завтра могли стать и становились врагами. Выполняя задачу братьев, я невольно составлял и архив своей собственной безопасности, куда попали несколько тысяч бойцов и тех, кто возглавлял хоть что-то, с соответствующей сопроводительной информацией: кто это, где бывает, на какой встрече сделана фотография, на какой машине подъехал, что имеет, друзья, связи, родственники, номера телефонов, базы сборов, спортивные мероприятия, контакты и так далее. Информация набиралась сама собой, какую-то я поку-

пал в милиции, какую-то с компьютерными базами. (Не волнуйтесь, господа «бандюганы», «жиганы» и прочие представители мира «правильного» и «блатного» – подавляющая часть его уничтожена, правда, мизерные остатки по ошибке всё же уцелели. Кроме того, надо понимать, что и без того о нас знают многое, так что покупайте и оплачивайте аренду своей свободы, но не безопасности: старуха с косой всегда стоит за нашими спинами гораздо ближе, чем у других граждан – таков наш выбор. Удачи, господа.)

Утро и день следующего дня были неинтересны и суетливы, все делали вид «расстроенной вдовы», но, рассевшись по машинам, обрели прежнее веселье. Две вещи бросились в глаза при дотошном наблюдении: многие заискивающе общались то с «братьями», то с «лианозовскими», определяя направление «ветра» для подсчёта шансов, а мне стало понятно, что перетягиванием меня на свою сторону каждая из сторон будет пытаться повисить свои.

Но я уже выбрал сторону – свою, правда, с ориентацией на Пылёвых, ибо о «свободе» и думать уже перестал после вчерашней встречи с «Усатым». Второе, что бросалось в глаза – обеспечение безопасности. К этому подошли самым простым – количественным методом, заставив машинами и «патрулями» все прилегающие пространства.

Всё было как на ладони, а значит обтекаемо и проникаемо.

Вспомнился прошедший этим летом (1994 год) день рождения моего, бывшего тогда ещё живым шефа. Ответственным за безопасность проведения мероприятия назначили меня, что, разумеется, при постоянной нехватке времени не обрадовало, да и банкет проходил не в самом тихом и спокойном месте – в ресторане «Времена года» в ЦПКО им. Горького.

Для начала пришлось раздать кучу денег тем, кто мог помешать, не без доли острастки, конечно, и администрация с милицией в тот день с этого участка исчезли. Готовится было бесполезно, если рассматривать опасность, исходящую от человека, скрупулёзно и профессионально подготавливающего свои диверсии, хотя все точки подхода, все места возможных засад, в том числе отдалённые, были либо перекрыты, либо заняты физически, скрытно или не обозначая своего присутствия. Выезд на Ленинский проспект оцеплен, а места скопления закрыты щитами или чем попало. Раций не хватало, в отличие от средств защиты и оружия. Приглашённых было море, в числе их были и «воры в законе», и пара десятков авторитетов – как и из криминальной среды, так и из среды силовиков, и последнему я сильно удивился. Были также крупные бизнесмены, чиновники разных мастей и ведомств и некоторые будущие политики. Конечно, для всей официальной когорты – отдельные места, в отдельном зале и с отдельным входом, ну и, конечно, не без бомонда. «Братва» шастала где попало, со временем предпочтя столики с навесами на улице, но бардака не получилось, почти всё поддавалось управлению, тем более при предупреждении о якобы подъезжающем «Сильвестре». Что характерно – чем выше ранг лидера, тем порядочнее и дисциплинированнее себя вели люди. Шубодубили в основном молодые или совсем «отмороженные», которым, по их надуманному убеждению, терять было нечего, и, конечно, молотобойцы, возомнившие себя без пяти минут «жиганцами» и «бродягами» – этих успокаивали свои же. Все действительно ждали приезда «Иваныча», и это было удивительно, потому что среди присутствующих, как мне казалось, имелись люди и «повыше» его в официальном смысле. Видно, либо я чего-то не понимал или не знал, либо «Иваныч» есть «Иваныч». Он был звездой, причем, пожалуй, одной из самых перспективных – не Бог обжигает горшки, но именно Он делает людей творца-

ми, и к этим гончарам он, Тимофеев, по всей видимости, был ближе остальных присутствующих.

Авторитет «прилетел» на двух машинах, произведя фурор и придав движение «муравейнику», и так же быстро исчез на одном автомобиле, подогнанном незаметно.

После этого веселье вошло в раж, и, как следствие, часть толпы, решила посетить местный тир пневматического оружия. Сделав несколько выстрелов из «воздушек», Гриша вспомнил о подарках и вытащил ослепляющий блеском подарочный ТТ и, если не изменяет память, беретту 92 «М», поставив переводчик огня на автоматическую стрельбу. Я еле успел убрать людей, праздно шатающихся балбесов, сидящих на ящиках с обратной стороны тира, лениво посасывающих кем-то оставленное пиво. Единственный, кто не успел покинуть место обстрела – хозяин тира. Поначалу он пробовал возмущаться, но когда, после разряжения с двух рук, никуда не попадая, Гусятинский из обеих пистолетов, причём из одного очередью трёх десятков люгеровских «девяток», замелькал десятком досылающих патроны в патронники стволов, упал и, наверное, охрип от ора. Однако в конечном итоге всё же остался довольным, благодарно шевеля губами и, по окончании всего, собирая и сжимая в трясущихся руках летящие зелёные, stodолларовые купюры. Думается, что после подсчёта его не расстроила даже почти отсутствующая задняя стенка с зияющими дырами на месте бывших когда-то механическими мишеней.

Это было уже слишком. Схватив втроём плохо державшегося на ногах шефа и пронеся его мимо разинувших рот спасённых бомжей, смотревших на нас глазами-блюдцами, загрузили в машину вместе с супругой и умчались с прикрытием из пяти человек. Потом, шутки ради, ходили прибаутки о расстреле неугодных в тире и о выпущенном объявлении в какой-то газете о запрете в этот день посещения парка, особенно дамам с сопро-

пождением и, тем более, без. Последнее бы не помешало, а фактически печать сообщала о пьяной драке и аресте нескольких пьяных болельщиков, которые случайно попали под кулаки, жаждущие разминки.

Сии мероприятия напомнили кадры из фильма «Человек с бульвара Капуцинов», где персонаж, которого играл мэтр кинематографа Табаков, будучи хозяином кабака, подзадорил драку, предвкушая огромные барыши. Да, зажигали, но и денег не жалели, может быть, потому что в сопутствующей музыке воспевалась жизнь, как в последний раз. Наверняка, такую она и чувствовалась.

Никого не оправдываю, всяко бывало, но вряд ли так еще будет, ведь гуляли и пировали развязно все и вся, от бандитов до шахтёров, и от милиционеров до коммерсантов, соря деньгами, может, даже последними, и, за редким исключением, не платя за ущерб – из-за принципа.

Жили одним днём, а умирали внезапно и, преимущественно, не своей смертью.

На подобных мероприятиях всегда любопытно наблюдать за женщинами или жёнами этих «бравых и неустрашимых» людей без «страха и упрёка». Будут ли они осуждать то время потом, прибавив в годах и опыте, став мамами и, скорее всего, если не вдовами, то очевидцами измен, нервных срывов, а нередко – и судов над своими сегодняшними вторыми или, пардон, первыми половинами? Деяния, совершённые их супругами, будут осуждены гласно или негласно? На людях или нет? Наверняка, всё по-разному... А в те дни их успеху, пусть и временному, подруги завидовали, соседи задумывались, прежде чем нагрубить, а появлявшиеся любовники гордились – ничего себе, спал с женой такого-то или того-то, и ничего, возвышая в своих глазах рейтинг собственных успехов.

На банкетах они смеялись, им нравилась исходящая от их мужчин сила, бравада и сплочённость, помножен-

ная на уверенность. А мнение, что именно так выглядит когорта молодых людей – хозяев жизни, из многих не выветрилось и по сей день.

Частично эти женщины были правы, чувствуя сильного защитника и, как казалось, стоящих за ним или локоть к локтю его соратников, вряд ли зная всю глубину пропасти, на краю которой зиждилось их сегодняшнее благополучие и комфорт, зачастую замешанные на крови...Что ж, если и так, то всегда можно найти оправдание.

Эта жизнь затягивала, хоть и из непонятного, но манящего далека и их – молодых и сильных, тогда ещё юных дев. Да, именно – ещё молодых, и именно – ещё юных, но уже амбициозных, не замечающих того, что сами становились неотъемлемой частью конвейера, допускающих, в конце концов, многое, в том числе – и смерть врагов от руки защитника.

Подымающиеся тосты в бесконечном множестве выступлений – «за пацанов в заключении», «за них же, в могилах», за безвестно пропавших – создавали ореолы мучеников, а тосты за «братство, единство, силу и равенство», где «старший» – лишь лучший из равных (если бы так было ещё и в финансовой части!), создавали впечатление некоторой стабильности и лучезарности перспектив. Постоянные разговоры с употреблением словосочетаний «наш банк», «наш коммерсант», «сервис, магазин, милиционер...», как и частичное тому подтверждение, подымало барышень нередко на высоты, равные высотам их мужей. Впрочем, это присуще и женщинам других начальствующих особ – жёнам чиновников, бизнесменов всяких направлений и даже представителей силовых структур. Возможно, подобные представительницы «слабого пола» становятся такими не сами по себе, а являются лишь зеркальными отражениями своих супругов. Точно одно – порождает подобное поведение не столько вседозволенность, сколько безнаказанность. Закономерностей здесь нет, поскольку

ку люди воспитанные в духе уважения прежде к себе, а далее – к окружающим, подобным образом вести себя никогда не будут.

Честь и хвала терпеливым, просто красивым, умным, ставшим матерями, достигшим чего-то самостоятельно; честь и хвала тем из них, кто остался верен семье и мужу в любой ситуации, не бросившись осуждать или делить и выигрывать. Честь и хвала тем, кто своим присутствием в тяжёлые минуты рядом с человеком в больнице, в беде или тюрьме, скрашивал его боль и горечь. И дай нам Бог всё победить, всё преодолеть и получить заслуженное признание и любовь от тех, для кого вы стали ангелами-хранителями.

Очень надеюсь, что всё вышесказанное не ляжет на подавляющее большинство разных по темпераменту, по возрасту, по внешним параметрам и по всему, что может касаться женщины и жены в принципе, представительниц слабого пола, решивших, в своё время, разделить семейный очаг с теми, кто оказался так или иначе близок к криминалу. Не вижу в этом ничего зазорного и ничего непорядочного, у каждого свой крест. И не важно, какой он, но важно, как ты его несёшь, даже если судьба свела с таким человеком. А главное, что я хочу сказать в данной книге – «эти» люди ничем не отличаются от других, и тысячу раз, будучи в их компании или приглашая в свою, вы могли удостовериться не только в нормальности мужчин, но и в достоинстве похвалы бывших рядом с ними женщин. Из десятков жён моих «соратников», которых мне приходилось видеть, лишь единицы позволяли себе вышеописанное, вот только отражалось это очень пагубно и порой опасно на подчинённых их мужей. И низкий поклон тем из вас, милые женщины, кто, раз приняв решение соединить свою жизнь с любимым и единственным, старались или смогли пронести это до конца, терпя вместе с мужем все невзгоды и несчастья.

ФАТАЛЬНЫЕ ВСТРЕЧИ

Si vis pacem, para bellum

(лат. «хочешь мира готовься к войне»)

Корнелий Непот

Через некоторое время деревянный крест на могиле Гусятинского сменился бюстом из чёрного гранита, создававшим впечатление величественности и могущественности человека, чей лик несла эта каменная глыба. Сегодня на том кладбище каждый желающий может видеть ряд надгробных произведений чёрного цвета, созданных великим скульптором Эрнстом Неизвестным, если, конечно, не соврал Пылёв.

Этих людей заменили другие, а тех – третьи, и их череда в прискорбном месте напоминает то ли аллею космонавтов недалеко от ВДНХ, то ли ряд двенадцати цезарей, начиная с Гая Юлия в разрушенном варварами Риме (бывшими, кстати, христианами – приверженцами Ария).

Всё тлен, и вряд ли это нужно тем, кто в мире ином ждёт суда и, увы, не человеческого, где есть хоть какой-то шанс, но Суда Страшного.

* * *

Как всегда, проконтролировав подъезд тех, с кем была встреча, хоть сколько-нибудь предвещавшая неприятности, позвонив своему человеку в ресторане и убедившись, что всё спокойно, осмотрел периметр и подъехал сам к крыльцу ресторана, выражая тем самым внешне полное доверие – всё равно на днях машину менять. Разумеется, о встрече были предупреждены «братья», и, как это всегда делалось, во время самих «переговоров» организовывалась пара звонков, которые

должны были предупредить собеседников, что звонящий на другом конце абонент знает о встрече и, случись какая неприятность, будет знать, через кого искать или кого винить.

Вооружившись всей техникой, в данном случае – мобильным телефоном с батареей, оборудованной чувствительным микрофоном, фильтром и передающим устройством (сейчас, конечно, всё гораздо проще, и, главное, меньше), я шел на встречу. Стол, за который мой человек «случайно» посадил Юру и Алексея «Банщика», как уважаемых гостей, тоже оборудованный, стоял в отдалённом и уединённом кабинете, за большим аквариумом, и, если сесть к нему спиной, то лица твоих оппонентов будут освещены, в отличие от твоего, что даёт некоторые преимущества в контроле физиогномики. Я понимал: это вопрос жизни и смерти, где каждое слово, а то и жест могут перевесить ту или иную сторону. Но, независимо от всего, шоу должно продолжаться!

Как ни готовься, а что-то обязательно найдётся, что выбьет из колеи, хотя бы ненадолго.

Не успели мы поздороваться, как официант принёс три бокала и бутылку шампанского «Мадам Клико» – с чего бы? Лица гостей выражали нетерпение и выглядели неважно. Пока напиток наливали в бокалы, один сворачивал купюру, достоинством в 100 долларов, а второй разминал маленький пакетик с белым порошком. Как только нас стало трое, так чудесным образом на стеклянном маленьком подносике появились три дорожки и так же быстро, белыми червячками, шумно вползли в ноздри поочерёдно каждому из них. Процедура закончилась втиранием в десну и полным восторгом. Отказавшись от предложенной третьей, я согласился с тем, что ничего в этом не понимаю, и весь превратился во внимание. Время шло, а сути не звучало. «Усатый» быстро рассказывал, скольким он подарил возможность наслаждаться и привил привычку суточных кокаиновых марафонов. Рассказы перемежались объяснением её необходимости, воз-

возможностью отказаться от неё в любую минуту, и чуть ли не неимоверной пользой не только для ускорения мысли и проявления «суперспособностей», но и, буквально, физиологической потребностью нормального человека, полезной для здоровья, с чем, разумеется, спорить в такой обстановке и с этим человеком было не разумно.

Можно сколь угодно восторгаться худобой, изящной стройностью, блестящим, даже горящим взглядом, быстрыми, чёткими движениями или плавными и медлительно-неторопливыми (в зависимости от употребляемого), обостряющимися чувствами и состоянием блаженства, но при этом не слышать слов проклятий дня, когда первый раз попробовал, когда получил это незнакомое, чувствуя фантастические ощущения, не сравнимые ни с чем, а параллельно – непреодолимое желание ещё, ещё и ещё... Но всегда наступает момент, когда наркотик становится уже не средством получения наслаждения, а лекарством, без которого обычная жизнедеятельность превращается в сплошные мучения. Я ни разу не встречал наркомана, оставшегося нормальным с точки зрения морали и этики. Он держится, пока есть деньги, а большинство, причём подавляющее, употребляют за счёт привлечения новых потребителей, отламывая от их доли. Повторюсь, пока есть на что купить дозу, её приобретение вторично, а может, и третично, и человек, в принципе, тот же, что и был прежде, с некоторыми внешними изменениями во взгляде и поведении, смену которых обычно окружающие не замечают, но стоит появиться проблеме с финансированием, как поиск дозы становится номером первым, возвышаясь над честью и порядочностью, над долгом и любовью – буквально над всем, чем живёт и дышит человек. И все, без исключения, употребляющие существуют в двух стадиях: поиск «кайфа» и его состояние. И ещё – я не встречал ни одного, кто бы смог расстаться с этой болезнью навсегда. Вырываются из плена на какой-то промежуток времени,

до появления ситуации, где наступит возврат. Каждый из них говорит: «Героин умеет ждать».

Если ты «подсадил» человека на эту гадость, считай – убил, сначала душу, а потом и тело, потому и срока у распространителей «лошадиные», в принципе, как и у подобных мне.

Уже многим позже, в тюрьме, при обходе, прокурорский работник сказал, обращаясь к нам, выстроившимся заключённым: «Шерстобитов, вы, как точечный снаряд, для ювелирного поражения, а этот (показывая на таджика, пойманного с 30 килограммами героина, причём 29 из них он признал подкинутыми) – атомная бомба. Я бы таких, как ты отпускал, но с условием – уничтожать таких, как он». Понятно, это была шутка, но мы же помним, что в ней лишь доля шутки, а всё остальное истина.

Кто знает? Париж времён Видока помнит истории и покруче.

Наконец-то линия монолога встала на нужное русло, и через тему смерти и причинности её, добрались до Григория. Вопрос, кто это сделал, был поставлен ребром и долго «обсасывался», до момента, пока вдруг не уткнулся в Пылёвых, но без моего участия. Затем речь пошла о «братстве», «взаимовыручке» и крепости отношений в «лианозовской» братве, звучавшей, как реклама памперсов – с нами сухо и безопасно! Во всём чувствовалась чужая рука и такие же слова, скорее всего «Женька» или «Артура». Оба – «конченные» «винтовые» наркоманы, уже давно и плотно «сидящие» на «героиновой системе». Вся их кампания потихонечку плотненько подсаживалась на тот или иной «марафет», а те, кто отказывался, просто не приживались. Через некоторое время в этом кругу появлялись некоторые жёны. Как результат – сегодня из них в живых никого не осталось, «недобитки» ушли из жизни либо через передоз, либо по слабости здоровья.

Алексей «Банщик», бывший бармен из «Крылатских бань» на Гребном канале, бодибилдер-профессионал,

занявший в своё время одно из первых мест на чемпионате Москвы, совсем не глупый парень, но, захваченный блатной романтикой, приукрашенной кокаиновой дымкой, быстро был приближен из-за своей брутальной фактурности и интеллектуальности к «Усатому» – скорее как щит или, точнее, буфер, а подаренный ему Мерседес-бенц, понятное дело, краденый, сделал его преданной без оглядки собакой.

У нас были очень хорошие отношения, и после встречи я пригласил его на завтра в поездку – так сказать, на пикник в поле, со ставшей уже привычной для меня тренировкой в стрельбе, а заодно и рыбалкой, но только вдвоём, чтобы проверить их доверие ко мне и попробовать выяснить, насколько глубоко он увяз в предстоящем противостоянии, а также, чтобы попытаться локализовать его от теперешней компании. Когда-то именно я характеризовал его Грише, и поэтому чувствовал ответственность за его жизнь.

После окончания встречи, со всеми полагающимися проверками и пересадками, я был на докладе у Андрея. Он был немного удивлён моим беспокойством, и сказал, что всё уже решено по долям, и «лианозовских» всё устраивает, их куш – в несколько раз больше, чем они даже могли себе предположить, а их разговор о чьей-то вине – одурманенный бред, хотя руку на пульсе держать надо. На том и порешили. Не такой была моя точка зрения – на мой взгляд, опасность была очевидна, а заинтересованность во мне, хоть и не высказанная до конца, была конкретна и, как я полагал, должна выразиться в просьбе устранения Пылёвых. И я не ошибся. А соответственно, понимая, что прав, мог либо предотвратить кровопролитие, которое явно не остановилось бы на одних братьях, либо заработать денег и попробовать отвалить в сторону, – ведь организация «лианозовских» находилась на уровне достаточно низком, и о возможном поиске без поддержки Пылёвых не могло быть и речи.

Поездка с Алексеем не оправдала моих надежд. Он увяз глубоко и надёжно, и, прежде всего, своими мотивациями. На природе, вместо радушной водки, он не выпускал из рук пакетик с порошком и, не умолкая, восхвалял «Артура», «Женька» и «Усатого». В его словах отсутствовала реальность, непонятно, как эти заблуждения, впрочем, как и у многих из их круга, могли завладеть их разумом – было ясно, что они закончатся плохо, и ждать особо долго не придётся.

Что я мог ему сказать, о чём предупредить, если каждое сказанное мною слово будет передано его сотоварищам, а сам он уже в открытую говорил, что Пылёвы... (непереводимый жаргон)... ведут к краху, и через год все погибнут, соответственно, и те, кто с ними? Единственное спасение – с «Усатым», который, кстати, как я понял, был таким же «буфером» для «Женька», как «Банщик» для Юры. Думаю, что и «Женёк» – такая же, как и они, прокладка безопасности для «Армена».

Мало того, сначала мягко, чуть позже уже настойчиво, Лёха намекал на то, что одновременно «лианозовские» и «медведковские» существовать смогут лишь под управлением именно вышеперечисленной тройки, а «Пылям» места нет ни на «Олимпе», ни в мире сём. Это ещё не была конкретика, и о ней, в том числе, и для Лёшиной безопасности, я никому не сказал, пожалев его, с наивностью надеясь, что в его жизни, возможно, всё ещё образуется.

По приезду, через день, состоялась вторая встреча, где мне уже пришлось выводить Бачурина на точные, тонкие ответы и, получив их, пытаться уверить, что устранить Пылёвых не так просто. Для начала я просил пятнадцать тысяч долларов якобы для поездки в Киев, чтобы выяснить, кто из местных мог быть заинтересован в смерти Гусятинского, а заодно и посмотреть на реакцию ответа и быстроту передачи денег. Я получил их незамедлительно, впрочем, он на следующий день возместил их из «общака», через Андрея – ну не чудак?!

Открыто было сказано об угрозе, в том числе и мне, со стороны Пылёвых, из чего я должен был сделать, по его мнению, вывод о необходимости моего присоединения к нему. Разумеется, он получил предварительное согласие, но с необходимыми гарантиями, и не только от него. Так же я поинтересовался, для формирования у него большей уверенности во мне, работой, обязанностями, положением и, конечно, финансовой стороной, напомнив о необходимости определённой свободы. То, что я услышал, наверное, должно было заинтересовать, но не заинтересовало. В принципе, я всё подумывал и искал возможности мотивированно исчезнуть, что всё-таки было маловероятно, но реально. Опасались меня обе стороны, во всяком случае, пока не были уверены в том, что перетянули меня к себе. Главное было – не переборщить, ведь спокойным можно оставаться только до тех пор, пока эта уверенность не доходила до убеждённости, что меня невозможно уговорить стать своим человеком. Но как только увидят во мне врага, открыто (я уже не говорю про встречи) ездить будет больше нельзя. Вот и случай – якобы, поехав к одним, не доехать и пропасть, заранее оповестив об этой встрече обе стороны. Думать станут друг на друга, а в конце междоусобицы просто забудут, заваленные более серьёзными проблемами. Но не тут-то было. Следующая встреча, ещё через несколько дней, закончилась ещё большим откровением и открытым предложением платы по 200 тысяч долларов за каждую голову Пылёвых, причём половину предлагалось забрать чуть ли не сейчас!

После каждой встречи, братья, Андрей и Олег, прослушивали записи и предпринимали (надо отдать им должное) попытки найти мирные возможности выхода из создавшейся ситуации. При встречах с «лианозовскими» это вроде бы всегда удавалось, и расставались радушно и будто бы спокойно, но... Следующий, и последний ужин с Юрой и Алексеем в «Золотом драконе», который снова оплатил я, и, что было интересным по-

казателем для всех обещанных золотых гор, поставил жирную точку и стоил ещё нескольких миллионов погибших нервных клеток. Ведь нужно понимать, что с этой стороны ни о каком доверии не могло быть и речи. В их планах я существовал лишь до смерти Пылёвых. Закрадись в их сознание достаточная доля подозрительности, и ниточка, на которой, по их мнению, держалась моя жизнь (а они чётко верили, и я очень старался им в этом помочь, что я нахожусь в подвешенном состоянии и не принял ещё ничью сторону), обрежется ими в любую минуту. Поэтому тот день можно считать игрой на удержание равновесия, что было уже рискованно и что чувствовалось не только в нервозности этих двоих, но и в их высказываниях, некоторые из которых звучали просто приказами. На встречу «Усатый» приехал на 15 минут раньше, я же появился якобы вовремя, минута в минуту, – это нетрудно, если находиться невдалеке от места и наблюдать за ним в течении двух часов. Ждать – вот чего ленятся, не хотят и избегают все, в то время, как это основное условие безопасности в подобной жизни, да и пожалуй, одно из главных качеств вообще в характере любого человека – терпение. Кому это удаётся, тот, в конце концов, выходит победителем, недаром одна из японских поговорок напоминает: «Если хочешь всё испортить – поторопись».

Настроен он был несколько агрессивно и, более того, требовательно, несмотря на последнюю вчерашнюю встречу с «Пылями», окончившуюся, по словам последних, миром и взаимопониманием. Как раз желания этого мира и не виделось. Его поведение наводнило воздух отдельного номера ресторана запахом маленькой гражданской войны, где, понятно, немалое место в «Наполеоновских» планах, отводилось и мне. Даже настолько большое, что стало очевидно и продолжение – вряд ли моё присутствие в их компании нужно было им надолго. Я ничего не взвешивал, ибо, раз приняв решение, не имел привычки его менять, максимум – отложить.

Поедание королевских креветок сопровождалось несдержанным отрыванием усатых голов моллюсков от их телец, с акцентом на какой-нибудь фразе, с уколом в сторону противника. Такая ненависть и нетерпение не давали повода для сомнений – миром эта ситуация не разрешится. Время дипломатии явно закончилось, сегодня Бачурин не хотел уже слышать просто ответ, на чьей я стороне, но число и, желательно, время смерти братьев. Мои парирования по поводу денег, тех пятидесяти процентов, успеха не возымели – хоть завтра. Тянуть не имело смысла, к тому же мне опять навязывался помощник, и настойчиво предлагалось сейчас же доехать до «лианозовских кортов», где ждёт «Женёк». Ни отсутствие времени, ни другие причины отговорками быть не могли, два сопровождающих за столом, у выхода из VIP-номера, говорили о серьёзности его намерений, но не произвели должного впечатления. Необходимо было найти подходящую причину. Мне пришлось разыграть комедию – изобразить якобы прозвучавшую по телефону просьбу подъехать на пять минут к Олегу, причём к нему домой! Этого, понятно, упускать с точки зрения Юры и, тем более, моей было нельзя – место жительства «плыло» само в руки. Предложив ехать вместе, и «срабатывать» «гоп-стопом», я ждал ответа на, казалось бы, рациональное предложение – ведь для людей «Женька» такое было самым привычным методом. Теперь настал черёд «Усатого» отговариваться, так как он к этому был не готов, и не столько теперь, сколько вообще, имея привычку делать всё чужими руками. Я же настаивал – кстати, редкие представители преступной элиты могут сделать то, на что толкают своих подопечных, на убийство особенно, зато приговоры раздают направо и налево. Гриша боялся участия в подобном панически. Однажды, напросившись со мной на «точку», выдержал только два часа и начал уговаривать меня сняться, мотивируя тем, что и дураку ясно – никто не появится, поднявшись же к

нему домой, я заметил, что он весь мокрый (это зимой-то), а от нервного перенапряжения у него подрагивают пальцы рук. Тогда я списал это на начало гриппа, на который он сослался, хотя после душа, по происшествии некоего времени, выглядел уже огурцом. Ни на Олеге, ни на Андрее, по моей информации, крови, «добытой» их руками, нет тоже, зато принятых решений...

Разумеется, есть и другая сторона: «Культик», «Дракон», да и «Ося» и ещё многие в подобных случаях не задумывались, а приняли бы активное участие. Но это не большая часть, хотя и такая же пассионарная, могущая стать элитой чего угодно и где угодно: и на стройке века, и на передовой, и в первопроходцах в глубинах Сибири и Дальнего Востока в соответствующее время. Они и здесь везде были первыми, в том числе, и в смерти – не только несли её настойчиво и без оглядки на возможные последствия, но и сами ушли из жизни. Таков ход истории, постоянно повторяющейся, где есть свои герои и их антиподы. И очень часто это одни и те же люди, просто на разных сторонах противоборствующих, и в разные промежутки своей жизни.

* * *

Итак, мы разъехались, чтобы уже никогда не встретиться. Всю ночь я готовил, как мог, кассеты, по просьбе Олега сокращая, но не убирая суть сказанного на всех встречах – завтра должно было состояться что-то грандиозное, к тому и готовились. Выполнив часть своей задачи, а с точки зрения Пылёвых, и это понятно, я второй раз спас им жизнь. Кстати, очень странно было слышать потом от многих вопрос, почему я не взял почти полмиллиона «баксов», ведь тогда с такими деньгами можно было ехать куда угодно, и до сих пор, устроившись и вложив куда-то большую часть, жить безбедно и безопасно. Ответ, по-моему, очевиден – не всё меряется

деньгами... Поверьте, если бы интерес был только в деньгах, с моим опытом я ушёл бы в «свободное», независимое «плавание» и «работал» бы до сих пор в гордом одиночестве, пока не посчитал бы, что хватит. Умеючи, не так уж сложно всё устроить. Но это точно не моё. При том в подобной жизни нет места семье, а для меня, как я понял в последние годы свободы, это невозможно, что, кстати, и дало возможность меня арестовать. Не могу утверждать, но, как кажется, последнее только к лучшему. Посмотрим, ответ будет лишь через года.

БАНЯ

*Ни богатство, ни избыток роскоши
Не могут заставить наших врагов
Любить нас. Это сделает только
Страх перед нашим оружием*

Веретий

*Чтобы не дать почке распуститься в листок,
лучше всего воспользоваться топором*

Цзян Ши

Это была не маленькая локальная разборка, но большая война, со множеством сторон-участниц, прошедшая незаметно для десятков миллионов граждан Российской Федерации. А как сказал неизвестный автор, «Большая война всегда порождает больше пошлецов, чем убивает».

Странным образом интересы пересекались по очереди со всеми, с кем угодно, и «профсоюзу» приходилось не только отстаивать и забирать, но и отдавать, а чем больше было последнего, тем чаще появлялись коршуны. Многие в той истории из подобных нам предпочитали не отдавать вообще, даже если на то были веские причины, а многие подводили к этому специально, так как жили не от решения вопросов к решению вопросов, а от проблемы к проблеме, которые и были основой заработка, пока интересы группировок не перетекли плавно из сферы «гоп-стопа», «напёрстков» и «крышеваний» в примерный бизнес, с вложениями финансовых средств, порой равных, а то и больших, с коммерсантами. Иногда вкладывали, в виде своей доли, в маркетинг и менеджмент – понятно, что не своей личной интеллектуальной собственности, но предоставлением этой собственности, принадлежащей «своим» предпринимателям. Долей

вложений могла стать и предоставленная возможность пользоваться ранее наработанными связями, например, добыча лицензий, вхождение в организованные монополии или открытие новых, раскручивающихся проектов.

Но, в любом случае, своё отдавать было нельзя, и это условие порождало столкновения. Ведь на всех не хватало, а иные перестроиться не могли – работая по старинке, что тоже, потихоньку отмирая, приносило всё же некоторые доходы.

В исключительных случаях, хотя они были нередки, начинали со своих, или уже бывших своих: бей своих, что бы чужие боялись. Однако это был тупиковый ход, решающий проблему сегодняшнюю, но закладывающий бомбу под новостроящееся здание в виде появляющейся боязни обмана, потери нажитого или предательства в перспективах и попытки их устранения путём уничтожения предполагаемых неугодных.

Возможно, в нашей структуре предполагаемое столкновение между Пылёвыми и главарями «лианозовских» не могло окончиться иначе, чем окончилось. По крайней мере, рациональность и некровожадность «братьев» были, поначалу, очевидны. Развивайся же события по другому сценарию – уверен, всё устроилось бы гораздо хуже.

Появившиеся проблемы сами решать не стали, а вынесли благоразумно на суд Ананьевского, Буторина и «Дракона» (Сергей Володин, расстрелян в 1996 году) – они на тот период были «основными» в оставшейся, после смерти «Сильвестра», империи. О том, что и как случилось, писать смысла нет – лишь ленивый не поделился своими домыслами и предположениями. Факт его смерти, с моей точки зрения, очевиден, его гибель была логичным окончанием выбранной им стези. Рано или поздно подобное произошло бы, вопрос лишь, когда и как. Из многих тогдашних криминальных деятелей, выбившихся на самый верх пирамиды, он представ-

ляется одним из первых «революционеров», а революция имеет одну, неменяющуюся привычку – пожирает своих детей.

Невозможно контролировать всё и быть со всеми в хороших отношениях. Убить можно – запомните это! – любого человека, кем бы он ни был. Необходимо только три фактора: человек с мотивом, деньги (их количество зависит от величины фигуры и уровня её охраны), а также исполнитель с соответствующим уровнем. Любая служба безопасности это знает и учитывает в подсчитывании процентов, которые может только увеличить, в смысле выживания.

Разумеется, было принято решение на уничтожение пытающихся внести раздор, осталось понять, насколько показательно. Было выбрано место – бани на Алтуфьевском шоссе, разумеется, знакомые и постоянно посещаемые Ананьевским, куда и пригласили верхушку противной стороны: «Женька», «Усатого», «Артура», Лёшу «Банщика», которые не преминули захватить с собой пару отделений своих бойцов, на самом деле «мяса», потому что понятно, если что – жалеть никого не будут. Но в этом случае всё было несколько иначе.

Основным активом собравшейся братвы было «Русское золото» во главе с его бессменным и по сей день кормчим А. Таранцевым, больше известным, на тот период, как Саша «Москва», дважды сидевшим, но оказавшимся перспективным бизнесменом. Это был человек «Иваныча», он же и передал его под «крышу» тогда ещё Гусятинскому, разумеется, не без своего интереса, выражавшегося в привозимых ему ежемесячно процентах с общей доли.

Из-за куска в этом пироге и разгорелся весь сыр-бор. Но, по сравнению с братьями и, естественно, с «Осей» и «Культиком» (они тоже имели свои дивиденды, как и кое-кто из ныне покойных), «лианозовские» не вышли ни ростом, ни умом, так как умели только есть, «разрывать», но не созидать, или, хотя бы, не мешать созидать.

емому, и уж тем более его отстаивать. На поверку дня, правды ради, нужно заметить, что наши вожди были тоже не очень зрячими и компенсировали это жадностью, что и привело всех (конечно, за исключением своей вины), на скамейку и, увы, не запасных!

В бане ждали, подготовившись во всеоружии: шнурки, кастеты, кувалды, ножи. Но огнестрельного использовать не предполагалось, хоть и держали наготове. «Женёк», естественно, к началу опоздал, а после, почувствовав неладное, предпочёл потерять свой «буфер», но не ввязываться, трусливо бросив его. Ну, на то он и «прокладка». То же сделал и «Артур». Если бы кто-нибудь приехал, Садовников остался бы жить, а так одного «Усатого» показалось мало.

События же развивались своим чередом. Несколько человек остались дожидаться в машинах с другими «пацанами», приехавшими с участниками с другой стороны, но добрая половина, после рукопожатий и лицемерных объятий, вошла в помещение. Все скопом зайти не смогли, хотя желали не разделяться. Место было просчитано заранее и обладало всеми помещениями для разделения групп и дальнейшего выполнения задачи по определённом заранее порядку. Длинный коридор вёл в зал, а сзади отход вошедшим преграждала уже запертая дверь и несколько дюжих парней. Первым вошёл «Булочник» – 120-килограммовый атлет, чемпион чего-то по какому-то единоборству. Не раздумывая, Махалин уложил его двумя ударами в голову небольшой пятикилограммовой кувалдочкой, участь остальных была примерно той же, с той разницей, что некоторые падали сами, увидев предметы воздействия и не шутейно настроенных тяжеловесов криминальной политики. «Отработанных» оттаскивали в другую комнату, где их «пеленали» и переносили в следующую – с ними будут решать позже.

Основную работу по «встрече» делали сами «главшпаны», конечно, не без помощи Юры «Мясного», мясного в прямом и переносном смыслах, и ещё пары человек, никогда не отказывающихся получить удовольствие от участия в подобных мероприятиях.

«Культик» бил сильно, размеренно и один раз, ровняя всё, куда попадал, с остальным черепом, сил, благо, хватало, как и уверенности – бывший силовой троеборец с высшим, не купленным, советским образованием института МАИ, интеллектуальный, умный, знающий, дерзкий, без страха и упрёка, добивающийся везде своего и идущий первым, показывая пример. Вдобавок ко всему, возглавлявший Российскую федерацию силового троеборья и сам бывший главным тренером её сборной. На деньги, которые он «зарабатывал», отгрохал огромный центр «пауэр-лифтинга» и, естественно, спонсировал многих выдающихся в этом виде спорта спортсменов, в том числе – и чемпионов мира, Европы и России, которых я с удивлением видел на его похоронах. Наверное, единственных из присутствующих людей, по-настоящему (кроме жены, конечно) расстроенных и сожалеющих о его смерти.

Не отставал и «Дракон» – тоже, нужно сказать, человек не простой, в своё время доказавший свою дерзость и безоглядность в деле, которое считал правильным, расстрелом нескольких человек «бандюшков» в офисе одной конторы за невежливое обращение со своей супругой в тот же день. Одна «засада» – всё сняла скрытая камера. Но... он вышел из лефортовского изолятора (прямо скажем, непростого «централа» через год, где частенько пивал чай и кофе с его начальником) по решению суда, в постановлении которого говорилось об отсутствии вообще каких либо улик. Да... «О времена, о нравы!». И, разумеется, это не единственный его «подвиг», говорящий о многом, в том числе и об отношении к своей жене.

Ананьевский, в своё время, тоже пропорол пару ягодиц джентльменам, пытавшимся затащить его супругу в подъезд. И как только он услышал сбившийся рассказ о случившемся из уст жены, тут же потащил её показывать, кто это сделал, не забыв прихватить с собой большой охотничий нож. Распоров две задницы и не погнавшись за третьей, он навсегда отбил охоту брать у женщин что-то без их на то желания и согласия у этих троих, а может, и у большего числа, которым было достаточно об этом просто услышать.

Это, кстати, к вопросу о рассматриваемом законе на разрешение и приобретение огнестрельного оружия гражданами для самообороны.

Несколько человек, запертых в комнате, связанных по рукам и ногам, ждали своей участи, в то время, как судьба Юрия и Алексея (после краткого разбирательства и предоставления доказательств в виде аудиозаписей, и не без звонка мне, как главному очевидцу заговора) заканчивалась приводимым в исполнение «приговором». «Мясной» пылал желанием разорвать «Усатого», который постоянного унижал и третировал бывшего спортсмена – пловца, в два раза большего его по габаритам, но вынужденного терпеть. Этот юноша, около двадцати лет от роду, не страдал позывами совести и не отличался большим умом, зато был вспыльчив и резок, что при его силе, росте и массе живых мускулов, являлось, как минимум, опасным. Ему очень нравилось сделать что-либо из ряда вон выходящее, что могло повергнуть в шок окружающих. Скажем, он спокойно дважды переехал себе подобного на своём автомобиле после «стрелки», окончившийся избиением неприятельской стороны, вместо того, чтобы просто выполнить поставленную перед ним, тоже, знаете ли, впечатляющую задачу – сломать ногу!

Но страдали от него не только люди. Как-то, на открытой площадке у Макдональдса, пользовавшегося тогда бешеной популярностью, настолько бешеной, что за поход туда можно было овладеть понравившейся

тебе девушкой. Правда, очереди туда в то время стояли огромные, даже ужасные, а пролезть мимо было опасно, так как через одного стояли такие же крепкие, бритоголовые парни.

Так вот, откушав свой гамбургер в компании ещё нескольких «братков», он заинтересовался рядом сидящими дамами, короткое время за их столиком дало понять, что несмотря на всю его могучесть, шансов у него нет. Тогда, то ли, чтобы покорить их экстравагантностью выходы, то ли решив выплеснуть всю обиду на голубя, посмеявшегося мирно клевать недоеденный им и оставленный на краю стола очередной ...гер, он схватил птицу и откусил ей голову. Но, наверное, это убийственно подействовало не только на девушек, но и ещё на некоторых окружающих, в том числе и на «своих», особенно хруст пережёвываемого черепа пернатого. Некоторая Юрина ненормальность была очевидна, и, чтобы избежать дальнейших неприятностей, одна барышня потеряла сознание, другая... умолчу, вдруг кто-то прочитает это за столом. Обед был испорчен всем окружающим, кроме «Мясного», он весело гоготал, фыркая прилипшими к губам серыми перьями и запёкшейся кровью, и после часто об этом рассказывал, конечно, в подходящее для того время.

«Усатого» предоставили в полное его распоряжение, пока оканчивали допрос «Банщика». Руки их были скованы спереди наручниками, здоровяк обхватил шею жертвы удавкой, как верх завязываемого вещмешка, и закинул его за спину. Весело смеясь и припрыгивая перед зеркалами, он пытался рассмотреть в них выражение лица и глаз своей, пока ещё безнадежно борющейся за жизнь, ноши. Лёша Садовников сидел на полу, его чувства, одолевающие страхи и надежды, должно быть, сводили его с ума. Уткнув лицо в колени и плотно прижав подбородок к шее, интуитивно преграждая путь возможной удавке, он, в сущности, случайная жертва, поддавшаяся, пусть и меркантильному, но с напылени-

ем романтики чувству, не вникая глубоко, скорее всего, даже не отдавая себе отчёта, что делается его руками, часто в кокаиновой дымке, бормотал одно слово: «За что?», – старательно отводя глаза от происходившего с Бачуриным. Там, на пикнике, куда я его пригласил, готовя шашлык, он задумчиво говорил, что Пылёвы уничтожат всех, если их не остановить (странно не понимая, что к нему, на тот день, претензий нет ни у кого, кроме «Усатого», который купил его, и покупка должна была отрабатывать расходы), и о том, что не представляет себя без музыки, ради прослушивания которой вбухивал в различные музыкальные устройства большую часть зарабатываемых средств. Он был молод, не задумывался о своей кончине, а может, и вообще не верил в неё. Сегодняшний день не стал бы последним для него, если бы он смог прислушаться, а точнее – перебороть себя. Кроме назидания другим, которые перестают обычно действовать через несколько месяцев, смысла в его смерти не было, что я высказал в своём мнении «Культуку» за 20 минут до происходящего. Ананьевский подошёл, наклонился... Что он прочитал в глазах жертвы? О чём в это время думали другие присутствующие и что переживали: связанные, наполовину бессознательные, сваленные один на другого несколько человек, чья судьба была ещё под вопросом, не видящие ничего, лишь с испугом улавливающие последние звуки в жизни какого-то человека – их «старшего»?

Ничего не поменялось от обоюдного взгляда, крепкое мускулистое тело бывшего призёра чемпионата города Москвы по бодибилдингу, теперь связанное по рукам и ногам и так нравящееся женщинам, сейчас станет прахом! Он больше никогда не увидит жену, ребёнка, родителей, он больше никогда... Никогда не будет больше ничего. Читалось ли на лицах остальных тоже самое? Кто-то бравировал равнодушием к происходящему, кто-то еле выдерживал, желая в душе только одного, чтобы скорее всё это закончилось, кто-то мысленно выбирал

среди присутствующих в этом зале и связанных в другой комнате следующую жертву, чтобы расчистить себе путь к власти и чужой доле... Люди, люди, люди, ставящие цель и идущие к ней или, наоборот, живущие только сегодняшней днём, безоговорочно подчиняющиеся чужим планам, становясь маленькими частицами общего организма... Но кто не такой же?! Тогда первый брось камень! А кто этот первый?!

Ананьевский присел, не давая команду унижить напротив сидящего человека, но предложив принять участие в собственной казне самому: «Лёш, ну ты же всё понимаешь». Легко, согласительно покачав головой, Алексей выпрямил бугристую спину и поднял голову со взглядом вверх, освободив шею... Господи! Помилуй нас, грешных!

Рядом с баней, в гараже, уже не первый час пытались сжечь два тела – недостаток кислорода в маленьком замкнутом помещении и большое содержание жидкости в органике были тому помехой. Не помогал ни бензин, ни мат, ни водка, щедро сдабривающие каждый своё, но ни горючее не помогало сжигать трупы, ни спиртное, поглощаемое внутрь, не успокаивало нервы. Обгоревшие остатки были впоследствии найдены и опознаны по обточенным зубам, под так Н И К О Г Д А и не поставленные коронки и мосты... Это был Садовников Алексей – Лёха «Банщик». Ему, по сравнению с многими, ещё повезло – родные смогли похоронить оставшееся от него и могут навещать его могилу, похороненного и, наверное, отпетого в церкви, чего многие и многие лишены.

Эту историю в бане я описываю подробно, почти слово в слово так, как слышал её от некоторых из участников, делая поправки, исходя из знания людей и их характеров и, думаю, не ошибся ни на йоту.

Из Акафеста «Об упокоении усопших»: «... Мир весь общая могила священная есть, на всяком бо месте прах отец и братий наших...»

Это случилось через две недели после смерти Гусятинского, 14 февраля 1995 года. Но до конца, то есть до точки в том дележе, было крайне далеко, и до осени этого года я занимался поиском «Женька», «Артура» и иже с ними, найдя почти всех, ещё больше – их родственников и знакомых, но участь, постигшая Юру и Алексея, догнала только «Женька» и, намного позже, «Артура». Остальных «признали невиновными».

* * *

Что изменилось в моей жизни? Изменилось.

Я остался в «бригаде», или, как больше нам нравилось, в «профсоюзе», поставив условие подчинения только одному человеку, и, разумеется, выбрал Андрея Пылёва, человека взвешенного, спокойного – главное, поддававшегося некоторому влиянию. Это последнее было как плюсом, если исходило от меня, так и минусом, если исходило от кого-либо другого. Он прислушивался к аргументам, признавал факты, не страдал маниями, просто любил комфорт и спокойствие, а, кроме того, был приятным собеседником и, в принципе, хорошим человеком, способным, кроме всего прочего, на сильный поступок. Время покажет, что я не ошибся. Понятно, что мы говорим всё-таки о человеке, преступившем закон и всё-таки имевшем отношение к руководству группировки, пусть даже и не в поле силовых воздействий, а больше в разработке стратегических направлений и вращения финансов, но всё же принимавшем участие в кардинальных решениях, которые вели к изменению многих судеб. Могу лишь добавить, что несмотря на то, что команды от него я получал, но – по стечению ли обстоятельств, исходящих от меня, или моих принципов, или нежелания делать, или случайностей вообще, – по его поручению ни одного человека я не убил и не ранил. Остальное решать не мне.

У меня на Канарских островах, на самом большом из них, так полюбившемся за десяток поездок, появился небольшой домик. Правда, увидел я его только через год, а пожил в нём и вовсе всего несколько дней, в конце концов продав его в 1997 году за 120 тысяч якобы Алексею Кондратьеву, не без помощи наших руководителей, а тот, в свою очередь, Сергею «Пельменю» (застрелен Олегом Михаловым по указанию Пылёва Олега в 2001 году). Такие перепродажи – старая традиция избавляться от ненужного, пользуясь, с одной стороны, непониманием, а с другой – создавшимся впечатлением принесения пользы «своим».

Зарплата выросла очень быстро – с последней цифры в пять тысяч долларов в месяц при Грише до 100 тысяч. Правда, со временем она понижалась, и из неё вычиталось (как, впрочем, и у всех) на «воров» и в «общак», в процентном отношении, точно не помню, – когда-то двадцать, когда-то десять. На многие месяцы и даже годы закончился кровавый марафон, и начало казаться, что так будет всегда. За полгода я достроил неподалеку от Воскресенска четыре дома, наивно полагая, что смогу там жить, когда всё утихнет, через год-два: два маленьких, один средний, хотя в этом, отцовском, папа принципиально тоже принял финансовое участие, и свой, большой, с гаражами, баней, тренажёрным залом и предполагаемым подземным тиром на 25 метров – хорошо, ничего сказать! И надо было до такого додуматься!

Но всё временно, хоть и нет ничего более постоянного, чем временное в нашем понимании. Стройка началась ещё при жизни Гриши, там я прятался, при появлении проблем, несколько месяцев, за что безмерно благодарен этому месту, в лесах и карьерах которого отстрелял не один ствол, и я уже молчу про частые тренировки. Наличие этой маленькой усадьбы дало толчок отцу к жизни после смерти мамы – углубившись в работу, он стал там почти прорабом.

Но дело испортили очередные сезонные рабочие, случайно наткнувшиеся на один из схронов с закопанным оружием и боеприпасами. Это было бы полбеды, но они решили подзаработать денег, начав продавать некоторые экземпляры, и ничего умнее не придумали, как найти покупателей среди милиционеров, разумеется, чем органы потихонечку и воспользовались. После горбачёвско-ельцинских прививок МВД потихонечку восстанавливалось, хотя до сегодняшнего было ещё далеко, примерно так же (конечно, в общем понимании), как сегодняшней милиции до советских или царских времён. Рвачество, очковтирательство, коррупция, меркантильность – гири, которые ещё долго не позволят достигнуть правоохранительным органам хотя бы средней точки. Тут, что называется: «И верхи не хотят, и низы всё устраивает».

Разумеется, профессионалы есть, и я был удивлён, столкнувшись с ними с первых дней своего ареста. Поразительно (в это даже не верится), но они помогали нашим ребятам уже далеко после суда и даже через 5-10 лет, при уходе тех на условно-досрочное освобождение, разумеется, тем из них, кто хотя бы признал свою вину. Кстати, если вы думаете, что признать свою, как у нас, ... тягчайшую вину, хуже или легче, рациональнее, чем скрыть её, и молча или изворачиваясь, дожидаться окончания суда – ничуть. Это ОПГ, и из нескольких десятков, обязательно найдётся тот, кто даст на вас показания, что, скорее всего, повлечёт за собой срок, и немалый, и потому многие, понимая безвыходность ситуации, предпочитали признавать содеянное. После этого, даже с большими сроками, им легче жить и нечего бояться. Пишу с их слов, с предупреждением, что каждый имеет право на выбор, и каким он будет – зависит от него. Я ни к чему не призываю, а просто констатирую факт, имевший место быть у конкретных людей, в конкретной ситуации и в конкретных судьбах. Не больше и не меньше.

Это невозможно сразу понять, а тем более принять и осознать, не будучи на нашем месте и не делав того, что делали мы.

Другое дело – суд. Данные каким-то образом человеку силы, права и власть судить себе подобных, всегда напоминают (хотя не так настойчиво, и многие о том забывают), что всю эту данность избранные сыны человеческие получают в обмен не на большие льготы или зарплаты, а на огромную ответственность.

Но... Права человека самого человека чаще интересуют, чем ответственность.

Итак, предметы из обнаруженного склада завалили всё местное УВД, собравшаяся толпа служащих здесь людей и даже преступников в наручниках, перемешавшись, рассматривали найденное. Подивиться было чему, но, разумеется, это было далеко не всё. Окончательными были только приезды в моё предполагаемое родовое гнездо и планы на тот замечательный уголок Рязанский губернии.

Наверное, самым запоминающимся моментом, проведенным в этом Эдеме, было 2 января 1995 года, когда мы с супругой Ольгой, в лютый мороз, приехали поздравить отца с Новым годом. Он был один, правда, был ещё Жора – азербайджанец, добрый старик, никогда не забывающий о своих интересах, но знающий в этом границы, исполнительный и весёлый.

Отапливаемая комната была одна, она пропахла куревом и солянкой от печки – окончание строительства было не за горизонтом, но всё же ещё требовало времени. Проболтав полдня, наугощавшись деликатесами, мы пошли устраиваться в небольшой деревянный охотничий домик, в котором я как раз и провёл те три месяца. Стенки его были в толщину вагонки, а кровать была сколочена из мощных брусьев и занимала треть второго этажа. Двойной матрац и три ватных одеяла, по утрам чуть тронутых инеем, в принципе, как-то грели, в

отличие от печки, работающей на бензине и сумевшей прогреть «дуршлаговое» помещение не выше плюс пяти градусов, как констатировал отец. Ещё два часа мы вдвоём слушали его истории о них с мамой и грелись водкой и ещё кое-чем после его ухода. Незабываемое чувство вот-вот исчезающей теплоты, вдыхаемой колющей свежести и прижимающегося ко мне жаркого тела. Проснулись мы явно «в минусе» и долго не хотели вылезать. Через неделю я был уже в первой поездке в Киев, а через 28 дней, после второй, Гриши не стало.

* * *

*На войне, больше, чем где-либо ещё
в мире, дела отличаются от наших
ожиданий, и в близи выглядят по-дру-
гому, чем издали.*

Карл фон-Клаузевиц

Я очень часто употребляю понятие «война», хотя, разумеется, есть разница между тем, что имею в виду я, и войной настоящей, где действие ведут военные подразделения, массовость и состав которых зависит от серьёзности и участия государств. То, о чём говорю я, точно определяет один из героев многими любимого фильма, снятого по книге братьев Вайнеров «Эра милосердия». Он видел разницу в том, что в прямом боевом соприкосновении враг и его нахождение очевидны и понятны. Увидел его — пали. Скрытая же война, на которую он попал, став милиционером, была для него не понятна и более опасна из-за отсутствия явного противника, зачастую более жестокого и действующего не по правилам человеческим, а по вычурным понятиям, и палить здесь, увидев противоборствующую сторону, сразу не получится.

Конечно, войну он сравнивал с противодействием органов преступному миру, на тот период – кровожадному для обеих сторон. Нужно понимать, что при таком противостоянии в цивилизованной стране у криминалитета нет шансов. Превосходство неограниченных государственных ресурсов, как в материальном, так и в человеческо-профессиональном планах, просто несопоставимо.

В современном мире если и есть подобное, то лишь в зонах конфликтов, всем известных. В обычных же городах против милиции никто не воюет, хотя бывают казусы, чего не скажешь о битвах между друг другом, и где здесь враг – действительно не ясно, а зачастую – становится понятно лишь после внезапно случившейся беды.

И почему «войны»? Обратите внимание на жертвы и на их количество. Афганистан, унёсший от 13 до 15 тысяч жизней, по официальным данным, называется не войной, хотя в народе бытует именно это мнение. Называйте, как хотите, но и в Чечне и в Дагестане тоже велись настоящие боевые действия, которые поглотили примерно столько же. Если смотреть на более раннее время, ссылаясь на «Историю военных потерь» Б.И. Урланиса, а также на периодическую печать, если даже брать глобальные войны, скажем, Отечественную войну 1812 года, когда за всю компанию войны с Францией Россия потеряла около 250 тыс. человек, а американцы за всю Вторую Мировую войну – чуть более 300 тысяч человек, то, конечно, числа впечатляют, ещё больше сами события, плавно перетекающие в потери родных и близких из-за чьих-то политических интересов.

Многое можно приводить и сравнивать, тем не менее, с начала 90-х, в мирное время, Россия в этой, хотите – «войне», хотите – «разборках», потеряла более миллиона, а по некоторым данным, и больше человек, причем в подавляющем числе – генетически здоровый

и перспективный фонд страны, брошенный на произвол судьбы последствиями выживания самой России и попыток становления её государственности.

Не огромны ли эти цифры, так незаметно изъятые разделом собственности и разгулом преступности? Что это, как не война?! При глубоком изучении окажется, что мы, стреляя в других, попадали в себя. И никто, кроме нас самих же, не виноват в сегодняшней нашей участи, и в уничтожении своими же руками своего будущего, для многих рухнувшего раньше. В этом не нужно признаваться кому-то, надо мучительно сознаться самому себе и не забывать напоминать об этом.

Не простая тяга проложила дорогу каждого из нас в церковь, по разным причинам «бритоголовые», одетые в кожу, представители разных криминальных структур с уверенной походкой приходили к алтарям, зажигали свечи и жертвовали разные суммы. В подавляющем большинстве далёкие от правильного понимания сущности и необходимости этого института, некоторые просили про себя благословения на следующие преступления, другие полагали, что такой поход и покупка свечей есть прощение за только что содеянное, и подобное может повторяться бесчисленное количество раз, кого-то глодала совесть, но, по-настоящему, причин, находящихся глубоко в ещё не познанном подсознании, никто тогда ещё не определял. Никто не заглянул в глубину души каждого из нас, никто не подсказал и не направил, хотя на всё это, кроме нашего желания, должна быть и воля Создателя, который ждёт от каждого покаяния перед ним, не перед обществом и законом, хотя в этом уже воля субъекта, — не берусь судить о том, что происходит и как происходит в правоохранительных и судебных системах, и даже не могу этого делать, поскольку не знаю полной картины, хотя и вижу огромное количество частных. Наш закон хорош, а Конституция — одна из лучших, беда в том, что написанное отличается от действительности. Можно приводить массу примеров, но все они сойдутся

на отсутствии настоящего гаранта с жёстким его требованием именно соблюдать законность, а не поддерживать частные случаи.

Не мне рассуждать, моё рыло даже не в пуху, а в колючей щетине, и меня более чем устраивает, как поступил закон со мной, хотя всё же второй шанс дало мне общество, представителями которого были те самые присяжные, которые признав вину в своём вердикте, вынесли и «снисхождение», доказав тем самым, что милосердие, даже к таким, как я, превышает закона!!!

Выводя эти строки, часто пишу о стечении обстоятельств, о непредсказуемости, изменчивости и даже печальной иронии своей судьбы. Но не даром, я уверен в не случайности всего происходящего, как во вселенском масштабе, так, тем более, и в таком микроскопическом, как жизнь одного человека.

Представьте себе, ну кто ещё пройдёт через подобные перипетии (хотя были и удивительнее, а о судьбах военных дорог я вообще молчу) в современном мире, кто запомнит, обобщит, а потом не только захочет это вынести на суд общественности, с собственным взглядом изнутри, но и сам напишет и подаст своими руками свою раскрытую душу, заранее понимая, что в неё полетят и плевки.

Нет, положительно ничего не бывает просто так. Такое явление должно было появиться, и раз появилось, то, значит, вовремя в истории современной России. Раз так сложилось, то пусть будет, что будет, и я уже несколько не сомневаюсь, что этот труд, каким бы он ни был и как бы он ни воспринимался – мой долг, возможно, позволяющий хоть сколько-нибудь, загладить свою вину перед семьёй, обществом, Богом.

Итак, война. Ни одна армия не обходится без разделения задач между разнородными подразделениями. Так же и в любой, «уважающей себя» «группировке»: есть отвечающий за сбор денег; отвечающий за прикрытие; поддерживающий связь непосредственно

с бизнесменом; обеспечивающий бытовые нужды; есть водители; есть лица, непосредственно приближённые к «телам» элиты и за их безопасность отвечающие. Есть разведка внешняя, с многими, разделёнными функциями, а также контрразведка, ищущая внутри; есть «чистильщики»; есть отвечающие за всевозможные связи, за развоз денег, и, наконец, сама элита, со старшими, поставленными во всех перечисленных подструктурных вариантах. Есть отдельные, стоящие особняком лица: адвокаты, банкиры, аудиторы, плотно входящие в структуру «профсоюзов». Есть те, кто отвечает за встречи на разном уровне, их специфика может различаться в зависимости от их способностей, возможностей и знакомств в той или иной сфере – от переговорщика до обычного «быка» – «мяса». Всё должно работать как часы и подчиняться железной дисциплине. В отработанном механизме каждый знает, что делать, и выполняет свои обязанности, он предполагает и ответственность за возможно совершённые ошибки. Разумеется, всё это снабжено и смазано оружием, спецтехникой, транспортом, инфраструктурой, льготами и тому подобное. И между этой армией и армией, которая подчинена напрямую государству, разница лишь в отсутствии опирающихся на законы, официально написанных уставов. Однако здесь они тоже существуют, хотя и на словах, но, несмотря на это, исполняются также жёстко и бесповоротно. И, конечно, разница в конечной подчинённости, в первом случае – случайно ставшему «главшпаном», во втором – назначенному министру обороны и, в конечном счёте, главнокомандующему, а так же в масштабности задач, исходящих от верховного начальника в интересах личных, или же государственных, соответственно. Хотя, как справедливо замечает история, между личными и государственными интересами границы часто отсутствуют.

В случае обладания такой маленькой армией, любые «битвы», «сражения» и противостояния, при наличии должной информации, поступившей вовремя, либо

предотвращаются, либо имеют большой процент на победу.

И здесь, как везде, всё решают кадры, и здесь, как везде, что-то работает на «отлично», что-то на «удовлетворительно», а что-то даёт сбои. Поэтому, как и везде, от руководителя требуется одно – умение подбирать людей, вовремя их менять и ставить правильные и чёткие задачи, по возможности контролируя их выполнение. Очень многое зависит от целей, к которым стремится такой «бонза», и средств, которые он выбирает для достижения поставленного. Это вам не руководитель фирмы, ресторана, сервиса, – это дядя, наворотивший столько, причем преимущественно чужими руками, что останавливаться не будет, иначе съедят или чужие, или свои, съедят в прямом смысле, ещё и посолить и поперчить самого себя заставят. Таким образом, «загнанные» в угол (впрочем, комфортный, со временем – заграничный, в богатстве и уважении) находятся в постоянном страхе, и хорошо, если со временем у них получится создать финансовые рычаги управления и давления. В противном случае остаются, что бывает чаще, – только силовые. Наиболее талантливые их совмещают, однако стараясь больше опираться на первое, чем на второе. К таким лично я питаю большее уважение. Оставшиеся сегодня на плаву, в большинстве своём, именно такие, и именно с такими «силовики» согласны договориться, и договариваются, соответственно, не без обоюдной пользы.

Но насколько просто наладить и поддерживать контакты с государственными структурами, отвечающими за безопасность и законность в обществе, настолько же проблематично, если и получится, найти равновесие с «подобными себе» и удержать его. Мотивов больше для разрывов, чем для поддержания. Причём всё начинается почти сразу по заключению «договора» о ненападении, союзе или совместной работе с какими-то долями – вчера братались, а на завтра уже стрелялись.

Разумеется, всё делается в подходящий момент, когда появляются какие-то неприятности с других сторон, чтобы на них и «перевести стрелки», а ещё лучше, после какого-нибудь случившегося несчастья, помогать бороться, но при минимуме затрат своих сил и средств.

Надо понимать «всю глубину наших глубин», где ставка всегда выше, чем в обычном общепринятом бизнесе, – это всегда чья-то жизнь, как и ответственность. Если решили «спросить» за что-то, то будут отнимать, вывозить или убивать и обойдутся без конкурсных управляющих, аудитов, судов, банкротств и исков, хотя и это уже вошло в моду, но в редких случаях. Правда, если вспомнить рейдеров, как узконаправленную и жутко прибыльную часть криминального пирога, понимаешь, что вышесказанное не совсем справедливо. Но я исхожу, прежде всего, из того, чего касались мы, и из того, что эти самые рейдеры, занимаются только данным узким направлением – и так хватает.

Короче, не ждите письма с претензией, а если оно и будет, то прибудет его, пардон, пулей к вашей голове, правда, обычная отличительная особенность подобных фактов – отсутствие этого пресловутого послания. Единственное, чем можно утешиться в таком случае – тем, что когда-нибудь найдутся пуля или кандалы для того, с чьей подачи подобное случилось. Этим господам совет – вините во всём только себя, и на сегодня он бесплатный, конечно, исключая стоимость книги.

* * *

Время, шедшее, тянувшее за собой все больше появляющихся вопросов, далеко не всегда с ответами, съело то нормальное восприятие жизни, которым можно наслаждаться, если, конечно, не привыкнуть к нему, как все люди. Давно уже хотелось чего-то обычного, семейного – как просто человеку сказать, подумать, помечтать, но как редко удаётся сделать. Всегда есть какие-то

ограничения (я не имею в виду что-то материальное). Счастье – это, конечно, очень много, но как-то эфирно и визуально не определяемо, а вот радость, отзывчивость, положительные переживания, почувствовать свою нужность, почувствовать к себе чувства другого, не безразличного тебе человека – это уже что-то более приземлённое, но не менее желаемое. Что-то зависит и от нас, но то мы не можем, то нет настроения у других, лишь какая-то суета, оплетающая все хорошие начинания, то, всё подготовив, не получаешь ожидаемого, а получая – вдруг ощущаешь временность и конечность. Спасает лишь то, что это будет вновь. Вот этой, постоянно ожидаемой надеждой на «вновь», я и поддерживал свой дух и свои силы.

Забыв понятия «нормального», я делал необходимое и ожидаемое почти без осечек, правда, не так быстро, как просили и требовали, и как хотелось бы самому.

После смерти «Банщика» и «Усатого», люди «Женька» собрали деньги со всех «точек», где не имели даже «морального» права появляться по прежним договорённостям. Собрали мелочь, потому что более крупные «объекты» были под пристальным присмотром, около 100 тысяч долларов. Но тут дело принципа, плюс незаконченное в бане, и поиски начались с новой силой.

Почему оставшийся в живых «Армен» и Любимов не захотели воспользоваться предоставленными им миром и гарантиями, хотя всем всего хватало – тайна. И эти несколько десятков тысяч для них погоды не сделали. С оставленного же им они собирали около 200 тысяч долларов, что для этой стаи, которая вообще никогда ничего не делала, да и не собиралась, было даже более чем. Однако обдолбанные наркотой мозги хотели сатисфакции и убажания своей гордыни за счёт менее ценных членов своей группы, но совершенно без расчётов, планов, и даже элементарного сравнения сил, чем и аннулировали все достигнутые ранее договорённости, подписав себе приговор.

Их искали все и, конечно, я. Прослушивая одновременно шесть точек домашних телефонов, постепенно перебирая все связи, подкрадываясь всё ближе и ближе, схватили многострадального «Пельменя», но, как крестника Олега, просто заточили в трёхкомнатную квартиру на втором этаже, откуда он не преминул соскочить, в прямом смысле, на козырёк подъезда, сломав себе обе пяточные кости. Видимо, планов лишать его жизни не было, и «Пельменя» снова посадили под домашний арест, дав ему некоторую свободу, но окружив пристальным вниманием со всех сторон – куда-нибудь да приведёт. Найдя всех маленьких, средних и даже почти всех «близких» к лианозовским «главшпанам», охотились за ними самими, но всегда чуть-чуть не успевали, пока наконец-то в один прекрасный день тёмного цвета Гранд-чероки «Женька» на светофоре не поравнялись с «жигулями», из которых вышли два парня – Саша и Андрюша. Их называли «хулиганами». Это была чуть ли не первая их акция в виде проверки. Два парня в кожаных куртках, джинсах и спортивных шапочках подошли к задней двери багажника джипа, запертого другими автомобилями со всех сторон, и одним нажатием на спусковые крючки ТТ и АКСу, полностью разрядили свои «магазины» в заднее стекло. А затем также плавно и мягко, совсем не спеша, переговариваясь и не обращая ни на кого внимания, вышли на тротуар и направились в сторону от расстрелянного джипа, где их подобрал автомобиль, из которого они вышли.

Разумеется, почти 40 пуль прямиком дырявили пахнувший ванилином салон, пронизывая всё, от стекла до спинок подголовников, но ни одна из них даже не коснулась господина Любимова. Придя в себя и выглянув из-под торпеды ошалевшим и, думаю, озабоченным взглядом, он «рванул» на «полусогнутых» или, скорее, подгибающихся в коленях ногах, не совсем отдавая себе отчёт, почему ещё жив... Пока жив.

Но ещё большее удивление было у тех двоих, когда случайный свидетель из нашей же бригады, стоявший на другой стороне и наблюдающий эту картину, рассказывал о заячьих перемещениях подвергшегося покушению водителя. Цель была не поражена и даже не задета, но вера в стрелков не покачнулась, дерзость исполнения оценили и обозначили как «перспективных», отправив на отдых на Канары, предварительно выдав по 3.000\$ в виде премий.

Поиски и акции продолжались, особенно после исчезновения одного из людей Пылёвых – шутки закончились и начались отстрелы, давшие свой результат. На «братьев» вышли среднего уровня «лианозовские братки», и предложили не просто сдать местожительство, но и открыть в подходящий момент дверь квартиры – именно, когда «Женёк» будет под «кайфом», не обладая контролем ситуации. Его так и застрелили, не понимающего, что происходит. «Свои» его бросили и забыли, соседи же нашли его распухшим и почерневшим, распространяющего трупную вонь, сидящим в кресле.

«Армен» исчез, пройдя в течении трёх лет путь от когда-то расстрельного коридора «на Бутырке» до авторитетного человека, «разруливающего» на «стрелах», общавшегося с сильными мира криминального, а исчезнув из мира «дольного», скончался на какой-то «хате» – притоне с клопами и пивными феями, откуда его братья по игле, поняв, что он не дышит после передоза, выбросили на улицу, предварительно обобрав и раздев – каждому своё.

Получив желаемое, Андрей и Олег сдержали слово и словно забыли о существовании этой «братвы», потратив полгода от начала преследования до ситуации, удовлетворившей их.

Этот период ничем не ознаменовался, кроме продолжения обоюдных мук с женщиной, которую я продолжал периодически видеть, но считал невозможным

для себя восстановление наших отношений. Мы периодически сталкивались – то в офисе, где познакомились, то в местах, где она бывала по второй работе, куда меня тянуло как магнитом и куда я не мог запретить себе попасть. Какой-то внутренний запрет не давал сделать всего-лишь маленький шагок ей навстречу.

Сейчас я не могу себе ни простить, ни объяснить этой упёртости, в тот период, когда всё было закончено и с Гришей, и с «лианозовскими», хотя тогда вроде бы всё казалось логичным. Но в любой выстроенной цепи рассуждений и принятых решений сильное чувство пробьёт брешь, тем более когда человек чувствует своё спасение в нём, и тогда не удержать хлынувший поток, сносящий все преграды, ничего не боящийся и не остерегающийся, сметающий не сметаемое, и если не сразу своей мощью, то терпением.

Подходила осень, и появилась мода на греческое гражданство. И потянулись стройные клинья стай в сторону Эллады, состоявшие из людей от бандитов до газовщиков, нефтяников и чиновников. Когда-то оплот Православия и огромный, ещё до конца не изученный осколок монумента истории, колосс существования цивилизованного человечества, посетить который настал и мой черёд, странным образом произвёл на меня не такое большое, как ожидал, впечатление.

Между тем, велась работа по поиску определённых Ананьевским объектов: представителей в прошлом, во времена «Сильвестра», дружественного профсоюза, в частности, «Аксёна» – именно этот человек интересовал двух Сергеев. Противостояние было серьёзным, и, в этом случае, всё действительно решало – кто первый. И дело не в том, что столкнулись две мощные стороны, а в единоборстве двух сильных и непривыкших отступать людей, пользовавшихся непререкаемым авторитетом как среди своих, так и среди тех, с кем когда-нибудь приходилось выяснять отношения. Личностей, которые раз приняв решение, уже никогда его не меняли.

«Измайловец», а базирование их происходило именно в местах Измайловского и Семёновского полков Русской армии, «перемалывал» одно покушение за другим, но упорно продолжал выбранный путь, пока их соревнование, не на жизнь, а на смерть, не окончилось гибелью Ананьевского от рук предавших его «курганских». До сих пор кажется абсурдным обвинение «Оси» в этом злом умысле. Но кто знает? Сегодня эти вопросы уже не имеют той остроты и того значения, и пусть так и останутся не до конца проявленными. История, в принципе, говорит о том, что двум медведям в одной берлоге не усидеть.

Любопытным визуальным и аудиоочевидцем одной встречи стал я, благодаря просьбе «Культика» проконтролировать её, с возможным устранением человека, который должен был на ней появиться. По всей видимости, это противостояние вошло в стадию, когда устраивало любое убийство, даже на встрече с ним, что требовало бы многочисленных объяснений в серьёзных обществах и точно привело бы к массированным «военным» действиям. Времени для скрупулёзного подбора места не было, да и не на каждое согласились бы обе стороны, а главное – непонятно, кто это, при каких обстоятельствах состоится встреча, и какое оружие понадобится. Неизвестность подходов, никакой конкретики – ничего. В результате всё определилось за 2-2,5 часа до самого предполагаемого события, и стало понятно, что «работать» можно только из машины, благо специальное оборудование стояло «на парах» – только что приобретённый минивэн Ford эконолайн-350. Место не очень людное, и, что удивительно, – в процессе встречи стало понятно, что заранее её безопасностью, как и места, где она проводилась, никто не занимался, и я успел прикатить и выставиться самым первым. В тот день не мешал ни шум, ни ветер, а потому всё, о чем говорили, было слышно неплохо (хорошо, что я все же успел заблаговременно передать «Культику» телефон с аккумулятором,

оборудованным микрофоном и передатчиком). Я ждал кодовую, заранее оговорённую фразу, которую, как уже понял, не услышу. АКМС с оптикой, установленной всего месяц назад, просто положил на разложенное заднее сиденье дивана, стволом на подушку с песком, накрутил штатный ПББС и положил рядом два магазина, набитых полностью – один с патронами с уменьшенным пороховым зарядом, другой – с обычными. Удобное место для скрытой перевозки оружия было в специально заказанной люстре – светильнике, длиной около 1,7 метра, с вделанной светомузыкой, под стать «музыкальной шкапулке», которую я сделал из этой машины. Крышка светильника открывалась на лифтах со стопором, и могла принять автомат целиком, в собранном состоянии, за исключением магазина. Прятать было просто, быстро и удобно – очень важный пунктик, а вот быстрое доставание необязательно. Стоящая аппаратура, принимающая аудио сигнал, выдавала через наушники суть происходящего на улице. До сих пор жалею, что не записал, дав честное слово.

Подъехавший оказался «Аксёном». Прогуливаясь вдвоём по улице и ведя, будто непринуждённо, вялотекущую беседу, эти два Сергея могли показаться приятелями, если бы не услышанные несколько фраз. Ни с того, ни с сего прозвучало: «Это ты в меня стрелял?» И ответ Ананьевского после паузы: «Я». Первый продолжал: «И сейчас кто-то готов?». «Культик», так же спокойно: «Только команды ждёт и на нас смотрит». После небольшой паузы разговор продолжался, будто шло обсуждение очередного бизнес-проекта, и закончился расставанием без пожатия рук и констатацией факта, что мира быть не может. (Никто из них не был тогда «вором в законе», никто не достиг уровня покойного «Иваныча», всё это было в перспективе лишь у одного из них, второго же ждала скорая смерть, а вот кому что – рассудило время.)

Несколько месяцев назад, зимой, удачный выстрел, попавший на полном ходу в машину, в которой на пассажирском сидении ехал Сергей Аксёнов, поразил его в голову, но Провидению было угодно, слабостью инерции патрона, используемого скорее для безопасности идущих в потоке машин, чем для повышения шансов выживаемости, спасти ему жизнь, не допустив всего лишь миллиметра до критической точки. Человеку неспроста даётся такой шанс, но вот использует ли он его? Вопрос, на который сможет ответить лишь время, и то, что произойдёт после смерти.

А если точнее, всё же нужно подробней остановиться, то в очередной приватной беседе Григорий, будто только вспомнил, решил ещё раз вернуться к теме «Измайловских» и все обращаясь к уже недавно сказанному, мусолил одно и то же.

На все точки я уже опоздал, а потому досадовал, что сейчас поглощается время, которое я мог бы потратить на сон. Но Гусятинский наконец вспомнил, зачем вновь затронул эту тему: «Вот, кстати, Аксён играет с одним композитором в каком-то зале в районе Октябрьской в большой теннис. Посмотри, вектор верный.»

Было сказано, подходящих залов оказалось мало, а точнее, вовсе один – фешенебельный клуб «world class» на Житной улице, а «один композитор» – Игорем Крутым, который, кстати, тоже не выпал из моего поля зрения. Понимая, что отношения их скорее дружеские, все равно пришлось пользоваться этой возможностью. Отследив квартиру маэстро на улице Фестивальной, в многоподъездном панельном доме, пару месяцев пришлось держать плотно руку на пульсе её жизни, слушая телефон, и разбирая каждого с его связями и знакомствами. Что делать, подобное происходило и с Фрэнком Синатрой, имевшим очень похожие знакомства в разных кругах. Между прочим, ни в чём недостойном или неприличном Игорь замечен не был, в отличие от подавляющего большинства моих «клиентов».

Спортивные мероприятия между двумя джентльменами имели периодический характер что, сами понимаете, упрощало работу. Место, где находился клуб, не блистало специально оборудованными точками для снайпера и пришлось расширить радиус в поисках такового. Оно нашлось.

В тот период вёлся ремонт или реставрация будущего здания банка в конце улицы Полянка и строительное безобразие ограничивал не менее безобразный забор, отходивший от здания всего на полтора метра. Удалось отщепить, в том числе и для незаметности, лишь небольшой кусок доски, проделав щель 5-7 см шириной, через которую можно было обозреть не больше 30-35 метров дороги, по которой машины в это время мчались со скоростью 50-70 км/ч, что при таких условиях делало точный выстрел сложным.

Большее отверстие сделать не представлялось возможным, так как несмотря на слабую освещённость улицы, фонарь бил прямо в этот забор, и была вероятность, пусть и маленькая, попасть в чьё-то любопытное поле зрения, скажем, пешехода. Кончик глушителя, специально обёрнутого в чёрный бархат, поглощающий свет на все 100%, и часть моего лица в полумаске, всё же могли быть замеченными, а это недопустимая ошибка!

Была ещё одна проблема: всё время невозможно было стоять в полной готовности и такой же концентрации, выглядывая в каждой машине с тёмным салоном знакомое лицо. А потому пришлось привлечь одного из моих людей для контроля выхода Сергея и его отъезда. Он мог сесть на любое место, а это только в фильмах салон автомобиля изнутри подсвечен, в действительности же, почти ничего не видно. Мало того, Аксён мог вообще уехать на другой машине, разумеется, в автомобиль Крутого я стрелять бы не стал, но...

Итак, уже время к 23:00, холод за минус 30, а его всё нет. Озябло всё тело, и никакие ссылки на анекдоты с

разговором двух киллеров о задержавшемся клиенте не смешат. Пальцы ног не чувствуются, одну руку согреваю о бензиновую грелку в правом кармане, её пальцы обязаны сгибаться и чувствовать спусковой крючок. Одет я соответственно, но отсутствие движений словно открывает для холода калитку с заднего хода, и постепенно начинают поддрагивать скулы. В этот раз, чтобы скрыть на следах свой размер ноги, а он обязательно останется на снегу, надел сверху прорезиненные бахилы поверх обуви, но вместо тепла они создают неудобство, а поначалу подвспотевшие носки явились сейчас причиной замёрзших ступней.

Десятки раз вскидываю ЧЗ-«Скорпион», калибром 7.65, конечно, тренировки ради – не мощный патрон, но для этого хватить должен, если взять 9 мм, при неудачном выстреле пройдёт оба стекла в машине и с большой вероятностью может ранить или убить кого-то в насыщенном потоке. С меня достаточно случайных жертв. Хотя, сказать по правде, выбирая из двух «Скорпионов» разных калибров, взвешивал достаточно долго. Если подходить с точки зрения более живодёрской, но дающей большие шансы при равных условиях, то конечно, лучше автомат или штурмовая винтовка или, скажем, 9мм УЗИ – с ним вообще из-за его скорострельности, никто не уйдёт: палить с предупреждением метров в 5 по движению машины на уровне голов, и зацепит всех, в том числе и двоих-троих рядом едущих в автомобилях – гарантия! Нет уж, 7.65 и точка, уверен, что попаду, остальное как получится.

Рация прохрипела моим позывным и, получив ответ, сообщила о марке машины, но вот куда сел Аксён понятно не было – человек мой тоже находился, наблюдая в условиях не из лучших. Я, пытаясь зацепиться хоть за что-то, расспросил приметы одежды – светлый меховой воротник куртки был единственной чёткой приметой, но уже что-то!

«Чероки», тёмные и не очень сменяли друг друга, но нужный не появлялся – может свернул? Застыв в одной позе и потихонечку нервным адреналином и статическим напряжением мышц разбивая застывшее от холода оцепенения, вращаю туловищем и головой, как танк в баше, высматривая объект. Его появление предупреждается снова ненавистным плазменным сгустком энергии в солнечном сплетении, потихонечку опускаясь к паху. Плавно выдувая через нос воздух, потом часто и резко 10 коротких вдохов, и застывая на чуть, опять выдыхаю... И вот он резко, рыская из стороны в сторону – ох уж эта привычка вождения, джип агрессивно идёт на обгон и хорошо, что не с правой а с левой стороны, хотя обе для него открыты. Веду через прицельную планку, переднее пассажирское сиденье, но пока ничего не видно. Это «пока» длится долю секунды, а вопрос остаётся – выжимать спуск или не выжимать?! Времени не остаётся, последняя фаланга указательного пальца инстинктивно прошла уже половину холостого пути спускового крючка, надо дать предупреждение в пару метров и... белым хлестнул именно на переднем пассажирском в свете уличного фонаря, воротник. Ещё бы десятая часть секунды и было бы поздно. Прицельная планка плотно зажато в руках и сцементированного всем корпусом пистолета-пулемёта «обогнала» на расстояние предупреждение сверкнувший воротник и, выцеливая чуть выше... Провал под пальцем, после чего отсекаются 3-4 выстрела, меньше замерзшие руки не позволяют. Автомобиль спотыкается реакцией водителя и уже ушедший на скорости из поля зрения, на слух взрывает атмосферу рёвом резко прибавляющего оборотами двигателя, сопровождаемого каким-то металлическим треском, возможно, расталкивая другие машины.

В полной уверенности попадания – последняя картинка не ясна, но в сознании показались отчётливыми, несколько отметин на лобовом стекле и одна точно там,

где надо. Стрелял метров с 15-20, от мушки до цели как у штурмового пистолета, приклад выдвижной – дерьмо, но машинка удачная и удобная, жаль бросать. Упаковал в коробку от конфет и походу выкинул в какой-то котлован в нескольких шагах.

Разные истории я слышал от Гусятинского и Культика, но так и не понял: ни обид, ни ненависти не было, неужели только из-за принципа нужно было пожрать друг-друга?! Но так далеко я уже никогда не смотрел.

Рана оказалась неопасная но проблемная, это всё, что я услышал. Григорий сетовал на ошибку в выборе оружия, оказывается, ранение в голову было бы смертельным, пройди пуля на миллиметр-два глубже – слабый патрон, а может сильный ангел-хранитель!

Но это не единичный случай, вспомнить, Грецию, автостоянку у спорткомплекса в Лужниках, баню в реабилитационном спортивном комплексе за Курским вокзалом, где я ждал его почти месяц, закопавшись в осенние листья или «базу», в гостиничном Измайловском комплексе. Кстати о комплексе АБВГДйка – так называют её в народе.

Я давно вышел по телефонным переговорам на какую-то «базу», сначала думал, что этот код имеет автомойка, где массово собирались «Измайловские», после наткнулся на офис на одной из улиц Соколиной горы. Кафешки штук пять, два ресторана и ещё несколько точек никак не подходили под этот имидж. Взявшись по-серьёзней, напряг своих ГРУшников, и на завтра, четырьмя машинами, рванули за одним из близких «Аксёна». По телефонному перехвату было известно о назначенной на сегодня встрече на «базе» – он-то и привёл к одному из задних входов одного из корпусов гостиницы с надписью «Казино». Выходившего на автостоянку и метро «Измайловский парк», ныне «Партизанская».

Некоторое время понаблюдав и своевременно не доложив о месте сбора, ввиду возможного требования

провести какую-нибудь акцию, я был поражён количеству собирающихся и простоте контроля за ними. И это с их-то конспирацией! На время бросив все другие места, за которыми велось наблюдение, мы скрупулёзно отслеживали пути-дороги от этой точки до следующих адресов назначения, вычислив таким образом около 20 точек и 5-6 домашних адресов, кроме уже имеющихся, большинство, конечно, съёмные квартиры, но всё же. Они сразу обросли телефонными закладками, а через пару месяцев остались только рациональные и дающие хоть какую-то информацию.

Место оказалось настолько интересным, что я снял номер в здании напротив, поселил там своего человека, что не очень помогало, но натолкнуло на мысль об использовании подобного помещения, правда для покушения.

Пару недель и отработанная легенда заурчала в виде командировочного длинноволосого блондина с бородой, в виде профессионального музыканта со всеми предлагающимися причиндалами. Из номера приходилось почти не выходить в виду камер, да и вообще... И наконец подошёл день, когда должны были собраться все наши визави, во главе с «Аксёном». Светило греющее весеннее солнце, лужи от тающего снега бликовали, слепя и играя зайчиками на всём, что попадалось им на пути. В такие дни почти все деловые люди, к каким себя причисляют обычно люди с «больших дорог» и «джентельмены плаща и кинжала», предпочитают после встреч выползать на освещённые улицы и наслаждаться теплом яркого светила, подставляя себя не только под объективы фотоаппаратов.

Из специальных алюминиевых трубочек я собрал конструкцию лежака под самым потолком, подальше от окна, из-за острого угла стрельбы, а находиться стрелку, как известно, что бы не «высветиться» солнечным или искусственным светом, нужно в глубине. К тому же, из-

за необходимости полного обзора всей стоянки шторы закрыть не получалось. В общем, всё было готово, и часа за два-полтора до назначенного времени встречи вдруг зазвонил стационарный телефон, голос девушки с ресепшн начал задавать какие-то ненужные вопросы, и я, почувствовав прилив знакомой энергии адреналина к низу груди, понял – осталось максимум минута! Отсоединив приклад с цевьём, сложил в синтезатор, захлопнул и убрал в чехол. И вот уже уходя вспомнил о конструкции, ударом ноги обрушил трубочки, рассыпавшиеся и ставшие просто небольшой грудой, кое где скреплённые скотчем. Ни одного отпечатка моего остаться не могло, да и вряд ли этим стала заниматься бы милиция, если конечно, не найдёт меня и не поймёт мои намерения.

Проскочив через весть коридор, далее мягко мимо, стоящей спиной в ожидании милиционеров и не обратившей на меня никакого внимания, консьержки, развернулся и будто подходя с другой стороны, направился к лифтам. Почти подойдя, нарочито встал на пути выхода из одного из них, понимая, что человек торопящийся, скажем, занятием поимкой преступника, случайно наткнувшись на хипаря-музыканта может быть и будет чувствовать себя виноватым, хотя, скорее оттолкнёт, и не обратив внимания продолжит свой путь, но точно ни в чём не заподозрит. Так и вышло, из раскрывшийся двери вылетели люди, один из которых прямо-таки воткнулся в меня, я чуть отошёл, и потому удержался на ногах, он же нет. Поставив синтезатор на ребро у двери лифта, я попытался ему помочь, чуть было не совершив роковую ошибку. Он принял поданную руку, сказав «Ага», и уже постав, устремившись за первыми и консьержкой, зацепил случайно чем-то за мой парик, который удержался, но чуть съехал. Глядел бы он на меня повнимательней, может быть и заметил. Я среагировал ведь с головы упала и клетчатая кепка с помпончиком за которой я и наклонился, спрятав конфуз и, уже выходя из лифта вниз, вместе с париком похоронил в сумке оставив в туалете фойе.

Успешно покинув это невезучее, а может и наоборот, место, хотя с какой стороны посмотреть, и для кого именно, я занялся выяснением причин, приведших к такому происшествию, а заодно и не мог нарадоваться своей интуиции.

Ответ появился быстро, через знакомых силовиков. Оказывается, установочные данные, на которые был оформлен паспорт и на которые был снят номер, буквально за день до описываемого попали во всероссийский розыск и, как следствие, запрос с ними оказался в ресепшн гостиницы, а дальше дело техники. Урок я усвоил и, кажется, не один: Номера отелей не самое лучшее место для работы стрелка; необходимо лучше подходить к выбору постановочных данных и не брать их у рецидивистов, а главное, кажется «Аксён» – заговорённый, по крайней мере для меня. Зная же вообще примерную историю покушений на него, это тем более становится очевидным. Осталось дожидаться и понять, для чего готовит и хранит судьба этого человека.

Я же посчитал необходимым и честным, зная Сергея заочно, пардон, через свою «работу», рассказать о себе, теперь мы в равных условиях. И да рассудит нас Господь.

Точка же в конфликте была поставлена более чем через год – у Американского посольства. Ананьевский был расстрелян с трёх метров, через заднее стекло «Фольксваген-Каравелла», стоя на светофоре. В лобовом стекле его машины осталось более двух десятков отверстий от уже потерявших свою устойчивость пуль – в тело они входили под разными углами. Я видел в новостях аккуратно положенное на асфальт его водителем крепкое тело, одетое в вельветовые брюки и кашемировое полупальто, после обыска немного задранное, на лбу вышедший под давлением куска металла через входное отверстие шарик мозга, лицо спокойное и почему-то не бледное, не выражавшее никакого зла, которое он сде-

лал в своей жизни – что бывает, когда в общем-то неплохие люди совершают не соответствующие их предназначению поступки и после не могут объяснить. Конечно, это не тот случай, но выражение посмертной маски не соответствовало его жизнедеятельности последних лет. И ещё один не характерный для быстрой и неожиданной смерти нюанс, говорящий о силе духа этого человека – он успел и смог не только дотянуться до рукоятки пистолета, находящегося спереди, за поясным ремнём, но и с силой обхватить её рукой, которая сковалась последующей судорогой. Эксперты, проводящие осмотр на улице, не смогли разжать кисть правой руки.

На этом и закончилось противостояние между двумя Сергееми, но продолжилось оно сразу после того, как на место «Культика» вступил третий Сергей – Буторин, и остановилось только развалом, физическим и духовным, «одинцовско-медведковско-ореховских» в 2000-2003 годах.

* * *

В августовский день 1995 года Андрей уже не в первый раз попросил перезвонить на номер телефона, принадлежащий Ананьевскому. Договорились о встрече в Шереметьево-2. Редкие, но периодические встречи были необходимы, и явно не мне, давно уже не любившему лишних знакомств и общений. Обычно «Ося» и «Культик» выступали как одно целое, единым фронтом. В основном интересовались бытовыми вопросами, нуждами, методами работы и некоторыми специфическими нюансами. Затем что-нибудь предлагалось – какая-нибудь машина, почти «задарма», и, как правило, приметная до безобразия, скажем, Volvo-750 канареечного цвета. Споры нет, машина скоростная, но не быть же белым пятном на чёрном фоне. Или Chevrolet suburban, в чёрном цвете, но с широкой оранжевой полосой. Мне же

нужны были неприметные и более практичные марки, да и самодостаточность ценилась больше, чем падкость на всякого рода подобные недешёвые презенты. В конце концов, могли и просто расстрелять, перепутав с прежним владельцем.

Напоследок обычно был припасён какой-нибудь подарок, отказываться от которого было неприлично. После подарка, когда я, в принципе, уже готов был уйти, могли одарить ещё и пачкой банкнот достоинством примерно в десять тысяч долларов, которые исчезали в моих вместительных карманах, как и я сам в близлежащих от офиса переулках.

В тот раз всё началось с пачки свежееотпечатанных зелёных купюр и настоятельном предложении «сделать какое-нибудь иностранное гражданство», с явным намёком на греческое. Ничего себе, и это с моей-то невыездностью по всяко-разным причинам.

Греция – страна всего олимпийского, оливкового, философского и исторического. Хотя, как я уже говорил, кроме Акрополя, нескольких музеев и десятка развалин, оставшихся после турецкого нашествия, которое перетянуло в виде земли и расположенных на ней древних артефактов, дворцов и другой древней недвижимости и, конечно, добавляющей красок природы, всё оказалось не столь впечатляющим, даже для человека, впервые пересекшего границу Родины.

Что было ответить? Вряд ли там что-то грозило, а настоящий тон я воспринял, как желание показать свою заботу о человеке, который им «почему-то» стал безразличен, а скорее – нужен. Замечу, что такое же внимание было чуть ранее проявлено и к Саше «Солонику», встреча с которым мне ещё предстояла. Да меня и самого тянуло к новому и непознанному, к тому же паспорт и набор документов со стопроцентной гарантией подлинности, ценой 25 тысяч у.е. не из моего кошелька, которые казались серьёзным вкладом в будущее спо-

койствие (кто же знал, что это будет далеко не последний подобный комплект), вряд ли мог помешать. И через четыре недели я уже летел первым классом авиакомпании «Олимпия», навстречу многому неведомому и даже не предполагаемому, безошибочно предвкусывая сумасшедшее возрастание вкуса жизни.

Полёт был сам по себе приятен и действовал расслабляюще, особенно после выпитых 150-ти грамм «Хенесси». Все думы были заняты перспективой открывающихся новых возможностей, возвращалась мысль, поначалу казавшаяся глупой и недопустимой – восстановить отношения, так насильно прерванные. Но я столько приложил сил для целлулоидного равнодушия, что сам начинал в него верить, к тому же она уже познакомилась с банкиром, и их отношения обещали быть серьёзными. Правда, несколько беспокоила информация о липовости банкира, мало того, его хорошо знают в «нашем» кругу, тем более он присутствовал среди равных на дне рождения Ананьевского. Он был не просто «бандюшок», но глава одной из самых, хоть немногочисленных, но одиозных бригад, занимавшихся, в основном, «устранением» и «чистками» неугодных людей, «по просьбам» за деньги и, разумеется, за «долю малую». В отношениях с ним у нас назревал конфликт, но пока не с очень очерченными границами. Что делать – вопрос банальный, но поставленный ребром, начинал потихонечку «выклёвывать мозг», как тот орёл, посланный Зевсом для мучения Прометея, с той лишь разницей, что его печень к следующему обеду прожорливой птицы восстанавливалась.

Ситуация была не из лучших, и далеко не из самых простых. Уже сейчас было понятно, что если прекратить насильно их отношения, это все равно повлечёт тяжелейшие последствия, но какие, я и предположить не мог, поскольку выходов и решений сейчас видно не было, но лучшим было ждать нарыва, предполагая, что о его начале меня предупредят, или я узнаю сам, поскольку старался держать руку на пульсе событий.

Если в отношениях двух «бригад» дело дойдёт до резни, а позже это так и случилось, девушка неминуемо должна пострадать, так как была «прикована» к противоборствующей стороне, а информацией, хоть и небольшой, в частности, обо мне, пусть даже и составленной из «легенд», обладала. Но любая предполагаемая опасность, пусть даже и подобная, воспринималась «братьями», как критическая, ведь кто его знает, о чём я с ней говорил и что рассказывал.

Стало ясно одно – пока они не женаты, что-то разумное предпринять ещё можно, но у меня словно стоял стопор, скорее всего, появившийся в предчувствии каких-то колоссальных изменений в моей жизни и, разумеется, очевидной после этого зависимости, чего иметь нельзя ни мне, ни моей «работе».

Но в себе я был уверен. Ему, перспективному мужу, нужны были деньги и власть, а потом уже она. Мне же только она, и я готов был сметать восстающим из пепла, самоустранившимся чувством всё на своём пути, пусть даже человека, у которого под рукой всегда с десяток стрелков. В принципе, и «свои» «главшпаны» меня не очень волновали, хотя вот здесь и была зарыта настоящая опасность.

Но сейчас я летел и просто вспоминал, и даже не мог представить, сколько ждёт меня впереди из того, о чём обычный человек в наше время не может и подумать о своём будущем – ну, если только прочитать в романе.

Границу я пересёк под фамилией того же Титова, позже уничтожив паспорт. Постепенно, разными манипуляциями, начинающимися буквально на кухне, подделкой паспортов, виз на ПМЖ, свидетельств о рождении, заявления на предоставление политического убежища и тому подобное, я превращался в грека-понтийца, уроженца села Цалка, многострадальной Грузии, которая вместила в себя ещё несколько тысяч таких же «греков» и, прежде всего, из-за сгоревшего, в своё время, паспор-

гного стола местного УВД. Этого доморощенного эллина до посещения Афин звали Ромой Сариевым, который через 5-6 месяцев успешно превратится в звучного и представительного Ромайеса Саридиса, со всеми выходящими последствиями в виде паспорта гражданского образца, принимаемого во всём Шенгене, и несущего в одном из своих углов гордый отпечаток рисунка указательного пальца правой руки, водительских прав на местном диалекте, понятного лишь жителям этой страны и представителям её диаспоры за рубежом, в количестве столь малом, что в поездках по всему миру прочесть их никто не мог, и эти документы могли быть представлены какими угодно, причём полицейские в Испаниях, Италиях и Франциях и, тем более, в России, понимающе кивали, одобряя качество бумаги и изящество документа. Разумеется, был и загранпаспорт, и ещё масса подобных документов, свидетельствовавших о рождении, о происхождении моих родителей, их браке, предпочтении в исповедании и моём сюда приезде.

Я уже проходил все официальные инстанции в Номархиях, местных отделениях полиции и паспортном столе, почти в одном лице, некоторые из которых посещал и я, под присмотром двух греков-наркоманов, явно такого же как я, «понтийского» пошиба. Параллельно познакомившись с таким же чудо-грузино-греком, стоматологом, несколько поправил зубные дела, но в основном целый день шлялся то в гордом одиночестве по историческим и музейным местам, то в редких компаниях, с постоянно прибывающими-убывающими с той же целью, что и я. Правда, были и постоянно живущие, занятием которых было зарабатывание денег на обеспечении желающих получить гражданство.

На второй день, в фойе небольшой гостиницы, где я поселился, утренняя яичница с беконом, ибо кафе находилось рядом с reception, закончилась встречей с «Осей» и «Валерьянычем» — так условились назы-

вать «Солоника». Они никак не могли меня найти, определённо уверенные, что я либо на прогулке, либо на пробежке. С обоими знакомство началось ещё в Москве, с Сашей – в меньшей степени, пару раз мы встречались в тире и один – в клубе «Арлекино». Тем для разговоров не находилось, и разбегались мы быстро, может быть, кроме первого раза в тире. Результатами он не блистал, хоть и считался «качественным» стрелком, но наблюдал и расспрашивал тщательно. Разумеется, мне среди непрофессиональной публики, из которой редкий человек до попадания сюда вообще брал в руки пистолет, иногда автомат, а разница в стрельбе из первого и второго значительна, блистать было просто.

Перекусив, мне решили показать Афины и помочь взять в аренду автомобиль. Прав у меня не было, но клятвенное заверение, что любой документ с моей фотографией и хоть какой-нибудь печатью сойдёт за свидетельство, разрешающее водить автомобиль, успокоили. К паспорту Титова прилагался партийный билет с фотографией похожего на меня человека. Этого оказалось вполне достаточно. Через пару недель я попался на диком нарушении правил, передвигаясь по встречной полосе, поскольку движение вообще было односторонним, да ещё в центре города. Покрутив красную книжечку и показав на знакомый полицейским профиль «Ильича» и кучу разных штемпелей, говорящих о выплате взносов, черноволосая девушка и юноша в красивой форме жестами попросили ещё что-нибудь и, получив загранпаспорт, пожав плечами, с минуту быстро жестикулируя, объясняли, что у них в стране так ездить нельзя, потом отпустили. Представляю, во сколько бы это обошлось у нас.

Первый раз в жизни я увидел древние Афины с небольшой площадью, огороженной со всех сторон, с поваленными всевозможными колоннами, отколотыми капителями, фризами, раскрошенными барельефами, разорванными статуями, растоптанными лестницами и

расплюснутыми фундаментами, когда-то блистающими красивейшим мрамором, сегодня пожелтевшими, но всё равно производящими впечатление. То ли лорд Эджин, то ли венецианцы или турки, то ли какие-то другие захватчики, или же просто отсутствие у местных жителей строительного материала привели когда-то красивейший мегаполис в запустение, но смотреть было почти нечего, а окружающая современная суета делала это место вообще случайным, скорее всего – временным. Другое дело – монументальный комплекс Акрополя, восстанавливаемый сейчас, после давно произошедшего взрыва боеприпасов, размещённых в виде склада одной из армий в храме Афины Паллады. Он впечатлял – от лестницы, ведущей от самого подножья, до остатка помпезных строений на самой вершине храмовой горы и открывающегося оттуда бесподобного вида. Рождённый во времена Перикла в стране Фидия, и не важно, что на деньги, собранные с союза Греческих государств на поддержку мира и обороны, и не важно, сколько упало в личные карманы (то время от нынешнего мало чем отличалось), важно, что простоял два с половиной тысячелетия и до сих пор поражает своим жёлто-грязным мрамором любое воображение.

Я рванул было из машины, но вход был закрыт, и грандиозная лестница, уходящая ввысь, так и осталась манящей не только своей неприступностью, но и непообразимостью до следующего моего приезда. Стопы свои мы направили на известный рынок-барахолку у подножья Акрополя, где мне потом часто нравилось бродить среди лотков и магазинчиков, наслаждаясь атмосферой непринуждённого балагана и шума. Купив пару ножей, оставшихся от присутствия здесь армии США после второй мировой войны, мы неспешно поехали в магазин «Harley-Davidson», находящийся около какого-то скоростного шоссе, оплатили два мотоцикла и плавно переместились в ресторан с морской кухней.

Суп из морепродуктов по своим кулинарным качествам, а, главное, вкусу, произвёл сногшибательное впечатление, а белое вино и спагетти с соусом из креветок, шампанского и ещё чего-то, подтолкнули на разговоры о смысле нашего, такого оголтелого, существования. «Ося» буркнул избитую уже фразу покойного «Иваныча» о долгой и трудной дороге, и о том, что тот, кто её пройдёт и останется жив, будет жить «лучше богов», далее увлёкся общением с телефонной трубкой, организуя чей-то приезд.

«Валерьяныч» оказался на удивление интересным собеседником, и прежде всего, своими взглядами на жизнь. Правда, первый день и полтора часа близкого общения на поверку оказались не столь откровенными. Но он не сдерживался в рассказах о прошлом и совершённом, и у меня сложилось безошибочное впечатление, что любой, кто знал его больше 24 часов, узнавал о нём, если не всё, то основное точно, тем более женщины. Профессиональных тем касались редко, его знания об оружии были поверхностные и, в основном, вычитанные в журналах. Чувствовалось, что энциклопедию стрелкового оружия Жука, модную в ту пору, он не часто держал в руках. «Валерьяныч» никогда не прорабатывал углублённо планов, веря в «свою звезду», подкрепляя её дерзостью и никогда не подводящей смекалкой. При этом умудряясь быть в моменты опасности взвешенным и неторопливым. Решения он принимал интуитивно, экспромтом, всё же изредка прибегая к поверхностному планированию, когда без этого нельзя было обойтись. Особенно это касалось двух из трёх его побегов, в чём, на мой взгляд, он был действительно талантлив, и где должен быть благодарным только себе.

Начав рассказывать, он не только не старался остановиться, но и не думал этого делать, увлекаясь на каждой мелочи, уходя в сторону, иногда даже забывая, с чего начал.

Очень отзывчивый и весёлый. Как-то я обмолвился, что скучаю по русской парилке. Не прошло и двух часов, как он организовал этот, редкий в Греции, вид наслаждения. Оказалось, что у знакомого его знакомого в «русском районе» Миниди какой-то чудаковатый, строивший своими руками дом, отвёл целый этаж под нравившуюся ему баню. Кстати, там я и подивился на шрамы, которыми обладал Саша, подобное я видел только на трупах после расстреляния. Естественно, получение каждого из них было описано в подробностях. Все врачи, милиционеры и даже он сам, после известного ранения, были уверены в скорейшей смерти, потому, вроде как сделав операцию, зашили, как патологоанатомы, а не хирурги, — крупными стежками.

Через месяц нашего знакомства по его предложению я перебрался на снимаемую им квартиру, которую мы покинули через некоторое время, переехав на арендованную «Осей» виллу после его отъезда в местечко «Варрибобби». Там я упёрто мерил своими шагами неудобную пересечённую гористую местность с невообразимой красоты небольшими изогнутыми сосенками и ещё какой-то растительностью, придающими незабываемый колорит этому месту, покидать которое не хочется никогда.

Оружия было предостаточно, от CZ «Скорпионов», до «Глоков» и «Таурусов», и даже помпового ружья, но стрелять мы ездили только раз, почему-то ночью, и на ширняка, потому что спяну.

Надеясь, что выехали на пустынную местность, поставили банки на освещённый фарами автомобиля склон горы, и открыли пальбу. Не выиграл никто — ни одна банка не упала, хотя живого места ни на одной из них не осталось. Неудивительно, если ставить их с упором в камни. Но расстроясь не было, особенно на следующий день, когда выяснилось, что всё происходило рядом с какими-то фешенебельными домами, днём

наполненными людьми. Больше так мы не рисковали и стреляли во дворе из пневматики, и то порознь, чтобы не смущать друг друга. Общие темы для бесед закончились быстро, источники чтения иссякли, проститутки меня не интересовали, может быть, кроме одной, оказавшейся переводчицей, хотя, переводить они могли все. Она знала, кто такой Саша, и совершенно не интересовалась, кто я. Красивое лицо, стройное тело и невысокий рост, напоминавшие об отринutom мною чувстве, безостановочно притягивали, а всегда печальное выражение взгляда светлых глаз, как будто бы от всего потерянного, подталкивало что-то предпринять, чтобы отвлечь от грусти эту явно несчастную девушку.

Ничего умнее я не придумал, кроме как попросить показать Акрополь. Оказалось, наши желания совпали, и мы целый день отдали древностям, ресторанам, музеям, заканчивая вечер тем, чем заканчивают обычно сблизившиеся мужчина и женщина при хорошем настроении и тяге друг к другу. Она могла бы стать великолепным спутником жизни, если бы не печаль, правда, придающая ей обольстительный шарм и непроницаемую загадочность. Иссине-чёрная брюнетка со слегка бархатистой кожей, повадками и грациозностью кошки, никуда не торопящаяся, всегда полунагая, в расстёгнутой накидке или рубаше, если вдвоём, с распущенными длинными вьющимися волосами, будто ищущая защиты. Именно она и сон о девушке в Москве постоянно наталкивали меня на мысли, что существовать без той, на которую она так похожа, сил больше нет. Какая странная ситуация: ведь находящаяся рядом, всем устраивающая – и внешним очарованием, и красотой, и внутренним миром, и характером и поведением, – вполне могла оказаться тем недостающим, что нужно. Никогда не задающая вопросов, не имеющая связей с Россией и, наверное, даже родственников – не то ли самое, что нужно человеку, занятому тем, чем занят был я в Москве, ломая себе голову о «второй половине» и о скрытности и кон-

фиденциальности этих отношений. Денег она никогда брать не хотела, по всей видимости, ей было достаточно просто находиться рядом с понимающим человеком. Мы расстались, так и не попрощавшись, потому что оба не предполагали для себя никакого будущего.

Всё было рядом, всё было очевидно, и более всего — ответные её чувства и несомненная преданность здесь и сейчас. Но тянуло к другой, к той, с которой было много проблем и которая со временем обязательно станет моей «Ахиллесовой пятой» и чем-то ещё, когда чувства кого-то из нас иссякнут. Выбирая сердцем из возможных вариантов, мы отгоняем навязчивый ум, тем самым окуная себя в волны зачастую предрекаемых судеб.

В то же время я усиленно пытался сохранить семью, честно считая, что всё для этого делаю. Что ж, если бы хозяином ситуации был я, может быть, всё и вышло бы.

Я звонил в Москву с частотой умалишённого, не в силах удерживать свои порывы. Ничто происходящее вокруг не могло убить постоянные мысли о той, которая заставила забыть меня о любом спокойствии. Видя любой телефонный аппарат, я сразу пытался накормить его какой-нибудь мелочью, которая, перемещаясь в карманы этих металлических монстров, давала возможность услышать её голос и успокоиться. Мы уже говорили как старые друзья, совсем чуть не договаривая друг другу и обтекаая скользкие темы. Её отношения с молодым человеком заходили всё дальше и уже вплотную подошли к свадьбе. Я ещё не знал, что с этим делать, но уже был убеждён, что сделаю, и сделаю спонтанно, бессовестно и дерзко! Чтобы эта спонтанность получилась более удачной, я постоянно продумывал все варианты, даже те, которые считал фантастическими, понимая, что в конечном итоге где-то в самых дальних уголках подсознания нужный алгоритм подберётся и выплывет в самый подходящий момент. Она уже не спрашивала, почему я не могу предложить ей приехать, хотя мы оба знали, что будь такое сказано, первый рейс привёз бы её без даже всего необ-

ходимого. За это время я посетил Фессалоники, прошёл пешком половину Афин, посмотрел несколько десятков домов и квартир, но одумался от покупки, ведь глупо приобретать первое попавшееся, это касается и страны, в которую впервые приехал и не видел остальные.

Как-то произошёл разговор с «Осей» по поводу Гришиной смерти. Всё сказанное было «вокруг да около», без какой-либо конкретики, и закончилось обещанием найти убийцу и того, кому это было нужно. Конечно, я обещал участвовать, но продолжение удивило меня ещё больше. Оказывается, в Афины на днях прилетал «Аксён» по тому же поводу, что и мы, и делами его должен был заниматься тот же человек, что и нашими – Саша «Студент». Мысль Сергея вела нас к организации продолжения противостояния, плавно перенеся боевые действия из Москвы в столицу Эллады. Готовились недолго, да особо без информации и готовить было нечего. Я никогда не любил «сайгачить», с надеждой – «а вдруг повезёт». Подобные налёты, как правило, оканчивались полным фиаско, пусть и не сразу, но всегда догоняя проблемами.

Нужно ждать и встречать все рейсы из Москвы, узнать, куда поселится, а дальше уже размышлять, что делать. Со стороны могло показаться, что такой триумvirат – «Ося», «Солоник» и я – не должен оставить ни единого шанса. Но, разумеется, всё пошло наперекосяк с самого начала, хотя я и заметил и даже сделал несколько фотографий счастливо выглядевшей пары – высокого bruneta с короткой стрижкой и в кожаной куртке и стройной красивой дамы, милое лицо которой венчала дорогая тёмная шляпка с белым околышем и бежевыми полями, правда, не помню, какое платье на ней было. Помню только, что в горошек. Встречал их Юра, жизнь которого закончится по указке «Оси» из-за владения информацией да и экономии денег, которые должен был ему один из Пылёвых.

Если бы это происходило в Москве, а вместо фотоаппарата имелась хотя бы лёгкая винтовка, то шансы были бы высоки, но это были Афины, которых мы не знали, камера не годилась для стрельбы, а главное – после услышанного на их встрече с Ананьевским у меня вообще отпала охота смотреть на этого человека через прицел, хотя, признаюсь честно, по «измайловским» я буду работать ещё не один год, но всё более скрупулёзно собирая информацию и не производя ни одной серьёзной акции. Сделав несколько снимков, я попытался сопроводить такси, которое наняли новые гости столицы. Из-за одинаковости машин с шашечками, их большого количества и безобразной организации движения, я потерял их уже у самого отеля, к главному входу которого они свернули. Но через один день мы уже знали всё досконально и планировали покушение, выбрав точку стрельбы... посередине площади, где было круговое движение, и на самом пятаке велись за ограждением какие-то работы. «Солоник» предложил валить прямо отсюда с трёх стволов, я же, поражённый услышанным, долго молчал, слушая их обоих, пытаюсь понять, как объяснить абсурдность этого «замечательно» продуманного плана. Будучи сам в этом уверен, я в конце концов просто отказался, сказав открыто, что они сошли с ума. Предлагалось ещё, дождавшись, пока Аксёнов куда-нибудь поедет, вести его и, догнав, отработать «с движения» – опять же, неужели непонятно, что возможны лишние жертвы? Хотя поряд ли моих «коллег» это волновало. Но почему-то их не волновала и собственная безопасность – а ведь очевидно, что за своих граждан, погибших в наших разборках, греки будут копать, как умалишённые, а фактов и показаний, на основе которых нас можно искать, у них появится масса. Например, наши автомобили взяты в аренду, пусть и на другие фамилии, но с нашими мордами, так что всё найдётся очень быстро, да и вообще, если что-то делать, то делать нужно в одиночку, заранее обладая информацией, тем более – за рубежом.

Ближе к вечеру я переговорил по телефону с Андреем и очень просил каким-то образом подействовать на «Культика», он обещал и, посочувствовав, сказал, что верит в мою изворотливость. Скоро они убедились в моей правоте, и мы втроём начали искать другой вариант. Место дислокации «Аксёна» скоро поменялось – то ли предупреждённый, то ли обладающий хорошей интуицией, он исчез из нашего поля зрения. Далее некоторое время мы были заняты наружным наблюдением в местах, где он мог появиться, которое я, из-за скуки, к радости своих подельников, взял на себя. Но «измайловец» не появлялся. Значит, так тому и быть.

В таких, несколько расстроенных чувствах, кто-то предложил посетить центральную дискотеку «Мамалунию». Она открыла нам свои двери, но всё кончилось почти ничем, если не считать того, что мы втроём, одетые в стиле «Harley Davidson», согнали всю местную молодежь с центрального пятачка на танцполе и глумились, пока не надоело. Пожалуй, мы сильно выделялись, и для девушек – в лучшую сторону, но ни они, ни мы не в состоянии оказались переступить какой-то порог, когда они вдруг понимали, что мы русские. Забава повторялась несколько раз, до тех пор, пока я лично не начал путаться в притирающихся всё ближе и ближе, почти одинаково одетых брюнетках, с длинными, прямыми волосами, со странно привлекающими к себе носиками греческого профиля, большими тёмными глазами, в очень коротких юбках (скорее, поясах) и высоких сапогах на больших шпильках. Выпитый алкоголь и взмокшие от танцев липкие волосы, размешивающая всю эту прелесть, увлекающая музыка и, в конечном итоге, бесцельность происходящего выгнали нас на свежий воздух, тем более что началось, оказывается, принятое здесь второе действие под национальные мотивы, вообще никак не вмещающееся в наш славянский менталитет.

Было принято решение, большинством голосов – три к нолю – посетить следующую дискотеку. Душа не

просила, а требовала взрыва, хотя достаточно просто позвонить по номеру телефона, и скучающие знакомые «феи», представляющие Украину, Белоруссию, Молдавию, осветили бы собой любой выбор.

Следующая дискотека повторила героизм поглощения алкоголя, но, кажется, я покинул своих друзей ближе к полуночи в сопровождении двух ярких и молодых представительниц Голландии с явно выигрышными и более стройными формами, которые среди местных представительниц выделялись своими светлыми волосами. Обнаружил я себя на другой день непонятно в какой стороне Афин, спящий один на огромной кровати. Как ни странно, голова не болела, да и вообще ничего не испытывало неудобств. Поискав глазами, вещи обнаружить не удалось, зато явно слышалось шуршание душа. Шум утих, и мой взгляд наткнулся на вошедшую молодую особу, сверкающую капельками ещё не высохшей воды на плотном теле, очень привлекательную во всех отношениях, которая начала очень экспрессивно говорить, улыбаясь и ластясь. Я ничего не понимал, не зная языка и помня всё происходящее ночью лишь урывками, но, судя по всему, вёл себя очень даже прилично.

Размышляя, в какую историю я влип, приготовил похмельный коктейль из томатного сока, водки и желтка, посыпав солью и перцем, предложил ей и выпил сам. Одежда нашлась, мысли собрались в стройную цепочку, и, зажав в руке протянутый ею номер телефона и, наверное, адрес, я отказался от ключа к входной двери и мы вышли на улицу, о чём-то увлечённо беседуя – она говоря, я молча, не понимая ни слова, допивая свой коктейль. Очаровательная девушка, чарующая ночь и успокоенная ненадолго жажда...

Саня смеялся и говорил, что я могу неплохо зарабатывать со своей внешностью, кто-то третий, зная о его похождениях, предложил нам обоим, шутки ради, прикинуться жигало. Это, наверное, было бы весело, но

невозможно. На предложение я ответил, что, может, проще было бы позвонить на оставленный телефон и договориться о новой встрече – зачем «жигалить», когда можно «зажечь»?

Я стоял на Акрополе и смотрел на открывающийся вид, лежащий у стоп древнего памятника. Нравилось всё – и остатки разрушенного зодчества, и маленькие домики с терракотовыми крышами, и заросшие холмы, спускающиеся к морю. Представляя себя на спине большой черепахи, медленнодвигающейся за этими возвышенностями, здесь хотелось остаться надолго, может навсегда. На моей памяти было всего ещё два таких места – наверное, немного, но тем они и ценнее. Второе я посетил через несколько месяцев – вулканическое плато перед самым пиком заснувшего вулкана Тейда на острове Гранд-Тенерифе. С одной стороны оно окружено стеной зубцов, забравшись на которые можно обозреть всю безграничность океана, если, конечно, взгляд не упрётся в плывущие у самых ног облака. Третьим местом станет приобретённая земля в местечке Спас-Дёминск под постройку деревянного дома и маленькую усадьбу в Калужской губернии. Оно находилось на высоченном холме, даже выше верхушек здоровенных елей в лесу, начинающемся у среднего размера пруда, который появился впоследствии и моими стараниями в том числе. С большого балкона открывался вид на небо до самого горизонта, так что можно было встречать просыпающееся солнце.

В подобных местах ощутимо, до мурашек, осознаешь мощь и совершенство природы и её Создателя, ни разу нигде не повторяющегося ни красками, ни видом, ни бесконечностью замыслов, творящего, кажется, лишь для того, чтоб показать безграничность своих возможностей, а часто и отрезвить возомнившего о себе, как о венце сущности, человека.

Здесь не только заметно течение времени, но и его «временность», как категории непостоянной и имею-

щей значение лишь для всего, что имеет начало, а значит — и конец.

* * *

Мне полюбилось сюда приезжать, и два или три раза в неделю, покупая билет и кивая уже узнающему меня греку-контролёру, я весело и восторженно, будто в ожидании чего-то детского, взбирался по длиннющей мраморной лестнице, знавшей стопы стольких великих людей, по сравнению с которыми современность меркнет.

Стоило подняться наверх, и мысли уносились вслед за облаками, спешащими за мягким морским ветром. Вся окружающая меня суета казалась малозначительной и ненужной, я понимал свою ничтожность и сиюминутность в масштабе вечности, задумываясь над тем, что останется после, если останется вообще.

Задавая сам себе вопрос: «Кто ты «Солдат»?», — ничего не находил в ответ, кроме как «Солдат!»

Что я сделал в своей жизни из того, что будет заметно отсюда? Ничего. А что смогу сделать? Всё казалось никчёмным, и никому, кроме меня, а зачастую и мне, не нужным. Но потому и тянуло сюда, чтобы увидеть и рассмотреть, чтобы переоценить и запомнить. Смысл появлялся, и жизнь ценилась ещё больше, но «дыша» по-другому, не через раз, не по чьей-то прихоти или указке, но полной грудью и на полном ходу. Я уходил с избытком в лёгких воздуха истории, тщательно рассматривая каждый кусочек попадающегося камня, удивляясь восторженно, заряженный уверенностью в том, что когда-нибудь жизнь откроет перед мною ворота другой, какой-то новой жизни, пусть и будет это не сейчас, и дорога к ней, скорее всего, станет длинной и нелёгкой.

Сейчас, уже после того, как всё поменялось, и не один раз, я пишу эти строки в надежде поставить точку

на прошлом и попытаться создать надёжный плацдарм для грядущего, основывая его не как раньше, на лжи себе о самом себе, прошлом, и необоснованных надеждах на будущее, но на правде, какая бы печальная, горькая и страшная она ни была.

Не в первый раз всё начинается с белого листа. Сегодня я наблюдаю течение времени, ведущего к окончанию существования каждого из нас, из места, где никто не спешит, хотя бы по той причине, что эти часы, дни, минуты и годы вырваны из жизни каждого, здесь находящегося, и редкий разумный пытается употребить их с пользой, чтобы они не пропали зря. Стоя у решётчатого окна и глядя сквозь него, не хочется вспоминать прошлое, каким бы оно ни было, ни хорошее, ни плохое. Будущее призрачно, хотя и существует понимание его благополучия, все силы устремляешь на день сегодняшний ради завтрашнего, но всё же учитывая, что прошлое – лучший подарок будущему.

* * *

Уже началась зима. Ради развлечения, хотя это осталось известно только двоим, к «Осе» прилетел человек, ни мне, ни Саше не знакомый – полковник ФСБ, который привёз в подарок Сергею женщину явно самой древней профессии, и не подумайте, что журналиста. Правда, несколько на свой экстравагантный вкус – с горящими глазами, всегда в новой шляпке, вуали или перчатках. Фланировала она между нами, безошибочно, как мотылёк, выбирая место выгодно падающего света, выделявшего всё необходимое, действующее на мужское начало, при этом всегда видя всех, а главное – слыша. Меня она не привлекала, что немного её злило, хотя чувство это было наиграно, и сквозь него просвечивалась мягкая благодарность, так как оплаченные слишком хорошо обязанности, куда, как кажется, входили и все желающие её мужчины, несколько тяготили, и не только её тело.

Полковник рассказывал занятные вещи, периодически уединялся то с Буториным, то с телефоном, то с мадам, а потом и вовсе исчез, оставив нам свой бесценный подарок, который, заходя ко мне в тогда ещё номер, снимаемый в гостинице, спрашивал разрешения просто посидеть и перевести дух, и впоследствии тоже растворился, оставив, в виде напоминания о себе, пару перчаток с высоким раструбом, причём на одну руку, и ленточку от шляпки.

Я не спрашивал, кем был этот мужчина и «координатором» чего именно, как отозвался о нём один из его постоянных собеседников в разговоре с «Культиком».

Более ценным подарком были десяток книг, которые привезла эта загадочная парочка. Они проглатывались с удивительной быстротой и доставляли удовольствие большее, нежели все фильмы и передачи, ранее здесь просмотренные – хороша ложка к обеду.

Одной из книг была тоненькая биография Александра Македонского, увлёкшая меня тогда и ставшая буквально страстью на добрые полтора десятка лет. Я искал и читал всё, что касалось великого полководца и незаурядного человека, его окружения или просто того времени, а история эллинизма в двух томах Дройзена стала любимой и направляющей на этом поприще. Всё окончилось идеей, а в конце – выплеском накопившегося в поэме на 100 страниц, так никому из ныне живущих на суд и не представленной. То время, которое я на это потратил, доставило мне огромное удовольствие и азарт – никогда не думал, что подобная страсть присуща людям пишущим в их занятии.

Интересное замечание: сам процесс написания расставляет по местам факты и упорядочивает работу мозга, делая более приятным язык общения, упрощает составление слов в фразы, несущие в своей минимальности грандиозную суть.

В своё время я осознал, что какую-то часть истории Греции знаю довольно неплохо, но, учитывая провалы в

изучении истории государства Российского, это был скорее недостаток. Поэтому стал читать «Историю России» Татищева, с переключением на Карамзина, Костомарова, Соловьёва, Данилевского, Павленко, Валишевского, Р. Скрынникова, Тарле и других столпов исторической науки, писавших и изучавших уже пласты временные и эпохальные. Но позднее более интересным мне показалось познание истории через биографии людей, сыгравших видную роль в становления государства – от великих князей и царей до выдающихся министров и людей искусства. Очень полюбились мемуары и воспоминания. Чтение, на мой взгляд, даже не как источник знаний, а занятие вообще – прекрасное и удивительное спасение от любых нервных потрясений и печалей, а такая небыстрая, вдумчивая манера, какая сложилась у меня, позволяет наслаждаться каждой прочитанной строчкой, если, конечно, стиль и содержание позволяют.

Эту привычку я приобрёл ещё в военном училище, где усилиями одной барышни, работавшей в библиотеке, полюбил Ф.М. Достоевского, и так в него углубился, что осилил все его собрание сочинений в тридцати трёх томах, включая и тома писем. Если не читать Фёдора Михайловича внимательно, то можно не читать вообще. Кстати, после него я перестал брать по абонементам беллетристику совсем, отдавая предпочтение публицистике и мемуарному жанру. Правда, был пробел в чтении в несколько лет из-за беспокойности и утрамбованной жизни и из-за известных событий. Попав же в тюрьму, я открыл для себя В.В. Крестовского, С.Т. Цвейга, Эфрайма Севвелу, Л. Улицкую, Д. Быкова, Константина Симонова, Умберто Эко, И. Шмелёва, С. Булгакова, П. Флоренского, Нилуса, по-прежнему увлекаясь историей и воспоминаниями. Отдельной темой стала православная литература, показавшая непоследовательность философии и психологии как наук, применимых к самому себе.

* * *

«Ося» уехал, уехал ненадолго и «Валерьяныч», и наступила привычная пора одиночества, но с приятной разницей, заключающейся в уйме свободного времени. Посещая один и тот же рестораник, заказывая одно и тоже с редкими и предсказуемыми переменами, приходилось привыкать к местному своеобразию. Чай, к которому мы привыкли с детства, там не подавали, зато я привык к хорошему кофе в мизерных чашечках, к которому официант обязательно приносил стаканчик с ледяной водой – вкус и ощущения неповторимые.

Полюбившееся мне место в центре Афин – Акрополь, – посещал уже регулярно, параллельно наблюдая за бережно ведущимися работами по его восстановлению и очистке, и параллельно посещая продавца книг и разной мелкой всячины, который нашёл во мне благодарного покупателя, но купленное я так и не успел до конца дочитать. Готовые документы толкали к действию, на руках был билет на Канары, где ждал Андрей Пылёв, уже обжившийся на своей новой вилле. Вернулся Солоник, мы сделали дневной прощальный объезд всех главных мест, на следующий день устроив поездку на «Обжорку», с окончанием банкета в садике снимаемой виллы. Пикничок оказался дымным, но приятным, «Метакса» с сигарой – затяжными,. Вечер никак не заканчивался, в конце прорвавшись откровенностями. Как и я, он хотел спокойной жизни, но если ваш покорный слуга к ней стремился, убирая даже своих начальников, и добившись, довольствовался, то он понимал, что для него причина невозможности – прежде всего, в нём самом, а точнее – в неспособности отказаться от прошлого и начать всё снова, с чистого листа. Ему нужно было признание и общение, а семья в его понимание была болотом. Семейный очаг и друзей заменили тусовки и «брат-

ва», что, в конечном итоге, и погубило его, упразднив все шансы на выживание. Как ни смешно, но моя точка зрения и мои чувства вкупе с жадой семейности, тоже не позволили избежать кары, но пока – не этого мира, дав возможность и время подумать о Том.

Приняв приличную дозу «на грудь», и выпив уже неоднократно на брудершафт, мы, уже совсем на грани «кривых сабелек», пообещали друг другу, на случай образовавшегося противостояния наших бригад, либо не стрелять друг в друга, либо... устроить всё так, чтобы родственники имели возможность похоронить тела. Наивно и непривычно звучит, но что только не бывает в компании людей, привыкших существовать, балансируя между жизнью и смертью. Это был единственный раз, когда я заснул там же, где выпивал, благо – при наличии спального места. После окажется, что возможность встретиться под стволами друг друга была, и в конце концов я и мои люди стали, отчасти, виновниками его смерти. Но обещание я сдержал, и что можно было, сделал. Он был похоронен, хоть и не на родной земле, но в присутствии матери.

Его жизнь закончилась в 36 лет, в день празднования моего 30-летнего юбилея, который был испорчен шестичасовыми телефонными переговорами, предтеча, содержание и смысл которых могли бы составить отдельный, интереснейший том. Это захватывающая история и кровавая драма, речь о которой ещё впереди, правда, вкратце.

Проживание моё в Элладе, естественно, усугублялось тем, что в это время в Москве женщина, захватившая моё сердце, всё ближе подвигалась к моменту, который не оставлял никакой надежды на развязку в мою пользу.

На какой-то миг мне показалось, что я должен уступить чужому счастью, но потом на уровне интуитивном понял, что там ни с одной, ни с другой стороны истинных

чувств нет. Но и я, в свою очередь, должен был убедить себя, что если возвращу всё вспять, то навсегда, а не ради бурного порыва или жадности. То есть необходимо было сделать выбор между женой и моим мальчиком, и любимой женщиной, которой я пока, кроме комфорта, жизни с приличным достатком, своих чувств и себя, предложить ничего не мог. Ни о свадьбе (за кого она могла выйти, если мои документы менялись с частотой смены времён года, а то и чаще), ни о ребёнке, которого я сам хотел и желал, не могло быть и речи. Для кого-то это много, для иных – ничего. Но все соображения перевешивало знание о человеке, который её обхаживал, как о человеке непостоянном, даже в период увлечённости ею посещавшим все мыслимые бордели и бани. Со всеми выходящими отсюда последствиями. Далее, я совершенно чётко понимал, что отношения между нашими группировками натянутые, и, рано или поздно, скорее всего, именно мне поставят задачу за ним охотиться. Полбеда, если мне, иначе её обязательно заденут.

Тем временем, мы с супругой и сыном уже вторую неделю окучивали своими телами Канарские острова, валяясь под палящим солнцем. Не могу сказать, что я был в восторге, хотя отсутствие работы и напряжения от неё влияло благотворно, правда, добивающе действовал высокий уровень сердечных переживаний. Я не мог смотреть в глаза Ольге, было стыдно перед сыном, но какая-то непреодолимая сила раз от разу нашёптывала алгоритм к нашей разлуке. Единственный плюс для них, который явно горел зелёным цветом, заключался в одном из правил безопасности – чем дальше от меня, тем спокойнее, но это утешение вряд ли хоть на йоту облегчило бы состояние оставленной женщины, пусть и с квартирой и с достаточным содержанием.

В разговорах с Москвой уже пробегала искорка напряжённости и недопонимания в отношении готовящейся свадьбы, что подталкивало к принятию кардинальных

решений и действий. Семья уехала в столицу, мне же появляться там, по настоянию наших «главшпанов», было запрещено. За несколько дней, чтобы уменьшить траты, взял в аренду джипик с открытым верхом и снял квартиру в доме у самого океана, но не в курортном месте (хотя любая точка на этом острове – курорт). Это меня устраивало больше, и стало после постоянным правилом, исключавшим любые случайные встречи, шансы на которые не только были высоки, но и постоянно подтверждались. Ведь отдыхать ездят все, причем обычно посещают одни и те же места, во всяком случае – так было тогда.

И вдруг случилось неожиданное – мой «светлый ангел, забытый на земле», пропал, и через её подругу я узнал, что Новый год она будет встречать на модном горнолыжном курорте. Время принятия решения наступило, но действовать нужно было осторожно: во-первых, чтобы не вызвать преждевременное противостояние группировок, во-вторых, чтобы как можно корректнее нарушить запрет на нежелательный въезд в Россию.

Как назло, братья были тоже на острове, и одна из почти ежедневных бесед с Андреем коснулась этой темы, и не в самом лучшем плане, а именно – девушка представляет некоторую опасность, чем я не преминул воспользоваться, пообещав всё исправить, а создавшееся положение объяснив тяжестью выбора, ведь я не мог в своём положении иметь две семьи – и одна-то была роскошью непозволительной.

Я не ошибся, выбрав подчинение Андрею: во-первых, необходимость моих действий не оспаривалась, а во-вторых, обоюдное доверие было почти полным, хотя бы потому, что я бесконечно много сделал за последний год для безопасности «братьев» и водворения их на престол.

Первый же разговор показал, что чудо-меры могут сделать меня счастливым человеком, и я экстренно вылетел на следующий день. Прямого рейса не было, и

ночь я провёл в аэропорту Франкфурта — это был очень нелёгкий марафон, с высоким нервным напряжением и психологической перенагрузкой. Нервы были на пределе, и прежде всего, из-за боязни опоздать или сделать какой-нибудь неверный шаг. Насчет последнего я к утру успокоился, но гнетущее чувство возможной потери и последствия, могущие развиваться непредсказуемым образом, не смогли развеяться даже полётом с футбольной командой «Диной», ставшей чемпионом Европы по мини-футболу, весело празднующей своё достижение вместе со всеми находящимися в самолёте. С их вратарём, Олегом Денисовым, мы когда-то делили одну команду, как и с Александром Мостовым, а сегодня я смотрел на их счастливые лица, взбодренные шипучим напитком, и пытался радоваться вместе, но в конце концов предпочёл найти уединённый уголок и остаться там наедине со своими мыслями. Впрочем, стараясь не попадать на глаза Олегу и избегая встреч с ним, заранее понимая, что желательное в другое время общение сегодня будет не к месту, да и вряд ли кто узнал бы меня сегодняшнего. Со времени последней нашей встречи, года два-три назад, когда мы, уже «старички», собирались попинать мяч ради часа воспоминаний о прошлом и лёгкого разговора за кружкой пива, я несколько изменился, отрастив длинную, густую копну волос, а сейчас придачу ещё и аккуратную испанскую бородку с коротко постриженными усами, и полную форму, отблёскивающую свежей кожей, Harley-Davidson, в сапогах с головами кобр на носках и длинным плащом, довершающим образ. В руках или, когда пытался заснуть, на голове появлялась огромная широкополая шляпа, закрывающая остатки лица, — словом, я предпочёл остаться инкогнито. Часть бывшей команды из тех детских лет поддерживала тёплые, тесные отношения, не меркантильные, но душевные. Как раз трое из них и были моими сегодняшними друзьями.

И вот Москва и мой друг – мы, все приятели и даже его жена, называли его «Доктором». Нетрудно догадаться – он был действительно врачом, настоящим и хорошим хирургом, как, впрочем, и хорошим отзывчивым человеком, настолько «человеком», что второго такого и не вспомню. Я заранее договорился с ним о встрече, и через несколько часов мы ехали уже втроём, причём встретиться я хотел и со своими ребятами, предварительно проверив, стоит ли заходить в ресторан. Мой старый преданный человек, работающий там, предупредил о подозрительности нескольких клиентов и предположил некоторую опасность, которая вскоре подтвердилась. Все предыдущие затраты, и так с лихвой оправдывающиеся безопасностью предыдущих встреч, сегодня оправдались сполна. Моих товарищей задержали, хоть и отпустили на следующий день, задав им несколько вопросов о моей личности, явно вытекающих из кем-то слитой информации. То ли это было частью старых Гришиных допросов, то ли появился кто-то новый, а возможно, это дул ветер ещё от гибели моего шурина – ведь тогда какой-то массив фактов против меня собрать удалось, но весь он был неконкретен и не содержал ничего действительно криминального. Правда, как-то «покупатель» осторожно обмолвился о появлении в «профсоюзе» «мерцающего» «крота», некоего «Тихого», но кто это, я так и не понял, по всей видимости, так и не пересекшись с ним.

Ответов на вопросы в отделении милиции не получили, поскольку их не было в принципе, и все остались при своём. Я же, благополучно миновав засаду и ничего не объясняя другу, попросил его отвезти меня, возможно, уже к «чужой», невесте, ибо предложение ей было сделано и даже начата какая-то предсвадебная суета. Так сказать, визит вежливости и наилучших пожеланий с двумя огромными букетами роз, один – очаровательной маме, другой, конечно, – ей, и, слава Богу, с принятым предложением погостить у меня.

* * *

Первые утренние лучи зимнего солнца пробивались через тюлевую занавеску, царапнув по глазам. По белоснежной наволочке медленно стекали выющиеся светлые кудри, спадающие ко мне, как маленький водопад. Я вдыхал еле уловимый запах, и не хотел выдыхать. В них не было пышной густоты, но, отливавшие насыщенным золотом, они затмевали богатство всего мира. Тоска по этой женщине в измотавшейся неприкаянной душе, ушедшей далеко от многого человеческого, пусть и банального, свербела, отзываясь по всему телу. Всё моё естество тянулось к ней, хотя и опасаясь помешать тихому спокойному дыханию и нарушить грациозность позы, пусть и еле определявшейся через тяжёлое одеило, но чувственной и пластичной. Чуть приоткрытые губы – ловушка для взгляда и магнит для поцелуя.

Глядя на неё, я уже понимал, что не смогу отдать её никому и никогда, а остальное вообще перестало волновать и существовать. Перестав быть прежним – «без страха и упрёка», обретя тем самым, видимо, слабину, и потихоньку начал отделяться от семьи, периодически возвращаясь по долгу и по привычке, ещё некоторое время совершенно не в состоянии понять, как уладить в этой ситуации проблему одновременного существования в моей жизни двух семей.

Две недели мы наслаждались тем, что я не мог попользоваться ни ей, ни себе несколько лет в таком количестве и на постоянной основе, первый раз никуда не спеша и не убегая, чтобы вернуться на разорванные отрезки коротких встреч. Я представлял это ей, как прощальный бал перед нашим расставанием и её свадьбой, а видя в её глазах желание навсегда оставаться здесь, именно в этих днях, тихонько пытался завести разговор о нашем воссоединении. Но там был хотя бы брачный союз, а со

мной..? Я понимал, что при равных предложениях все 100% успеха у меня, но пообещать заведомую ложь (а её был и так воз и маленькая тележка) любимому человеку был не в силах. Другое дело – поставить перед фактом, но красиво и романтично. От меня ждали поступка, и мне ничего не оставалось, кроме импровизации. Повторюсь: лучшая импровизация именно та, которую готовишь заранее.

Раздобыв её загранпаспорт, через турагентство поставил визу в Испанию, купил билеты – конечно же, на Канары, где была снята квартира, дом ещё только оформлялся, а джип «Wrangler» стоял на стоянке перед аэропортом. Договорившись с Андреем о помощи, выраженной в физическом присутствии двух парней (дюжих молодцов, по центнеру с лишним весом, с лицами, облагодущенными весёлым оскалом, широкими мощными челюстями и взглядами со снежною пылью), которые должны были довести нас до «Шарика» и далее в точности выполнить все мои резолюции. Когда всё было готово, я предложил ни о чём не подозревающей, «воплощающейся мечте» проводить меня напоследок перед расставанием. Я не знал, как на это отреагирует её кавалер, и даже не предполагал последствий и, тем более, реакции на это братьев. Меня это не волновало, я чувствовал в себе столько сил и правоты, что был уверен – справлюсь со всем.

Пока ехали до аэропорта, я разыгрывал прощание и сожаление – печаль окружала нас, и мы оба надеялись на чудо. Аура, окружавшая нас, казалось, цепляла и здоровяков Дмитрия с Эдуардом, действуя эмоционально-романтически – расслабляющим эликсиром, не хватало только слёз! Так просто я сдаваться не собирался, и, если гора не идёт к Магомету, то Магомет перенесёт её туда, куда нужно (прошу прощения за вольную трактовку). Заполнив все бумаги, тайно и за неё, к тому же всё, чем она обладала – дамская сумочка с макияжным набором

ром, записной книжкой и мобильным телефоном. Уже попрощавшись, я, как бы вдруг, наивно предложил ей проводить меня до зоны свободной торговли, а если получится, то до самого самолёта – всё-таки до рейса ещё два часа, явно желая продлить прощание, и она согласилась, да и улыбчивые парни, стоя стеной, поддакивали, обещая всё, что только возможно. Всё прошло гладко, и мы уже пили кофе, почти за границей, в Irish house, уже почти взявшись за руки, чтобы идти сквозь пелену необычного и далеко не лёгкого времени, ожидающего нас в непрозрачном будущем.

Всё стало очевидным после объявления номера рейса и предложения последовать на посадку. Мы уже неплохо знали друг друга, и она безошибочно поняла, споткнувшись о мой взгляд, бывший ещё секунду назад грустным и вдруг ставший, наверное, жёстким и решительным и, по всей видимости, не оставлявший места ни шуткам, ни объяснениям. На её: «Ну так же нельзя, у меня есть обязанности!!!», я ответил: «А по-другому невозможно», – и, буквально на руках, пронёс последние метры. Очень стараясь в ближайшее время не давать ей сосредоточиться, параллельно предпринимал всё, чтобы успокоить её расшатанные нервы.

Слёзы текли рекой, а благодатные темы представлялись сами собой. Растягивая объяснения, как мы решим проблемы с её молодым человеком, мамой, работой, учёбой, отсутствием зубной щётки и запасного комплекта нижнего белья – кстати, смешно, когда последнее было представлено в виде неразрешимых проблем, что даже немного разбавило гнетущую обстановку. Благодаря всем этим рассуждениям и попыткам «откусить» мне голову – как прекрасны женщины в гневе! – семь часов полёта и мучений пролетели незаметно, но оставили своей незаметностью широченный рубец на сердце и в памяти. Это, правда, излечилось в момент первого глотка жаркого и чуть влажного островного воздуха – воис-

тину, тот день был не только переломным в судьбе двух любящих друг друга людей, но днём перемены настроений, впечатлений и взрывов эмоций. Когда мы сели в роскошный, по тем меркам, джип с открытым верхом и приехали уже ко всему готовому, настроение поменялось в лучшую сторону, пусть даже и ненадолго – ведь тяжёлые мысли всегда найдут брешь для того, чтобы просочиться в любую, даже хорошо защищённую нервную систему. Много было ещё впереди. И завтрашний день был не менее трудным, чем сегодняшний, но его можно было разбавить ресторанами, покупками, поездками и всем, что способствует объяснению между людьми, а также отказом от свадьбы и, я бы сказал, не вхождением, а влетанием в новую жизнь, сладко перемежающуюся близостью и уединением друг с другом. Это была новая стайерская дистанция – небольшое сражение, где не должно остаться побеждённого или проигравшего, несмотря на использование при каждом выстреле только главного, самого крупного калибра. В эти дни мелочей не было!

Конечно, осадок остаётся. Ирина всегда носила кольцо «Trinity» от Cartier, подаренное экс-женихом, что было хотя и не очень приятно, о чём она хорошо знала, но все же самым маленьким наказанием, и осталось, со временем, единственной иголкой от того времени. Эту женщину пришлось завоёвывать, преодолевая выстроенную стену из сомнений и недоверий, но всегда появлялась новая, и всегда я понимал, что конечность победы зависит только от официального моего положения, которое, как оказалось, грозило появиться лишь после моего ареста. Мы так и не научились до конца избегать подобных преткновений, что порождало изредка острые моменты, когда сдержаться было невозможно, и происходил секундный, неконтролируемый всплеск, из-за пары-тройки которых мне до сих пор неудобно. Но никто не совершенен.

Пока я не знал, как «разрулить» с её женихом, и поэтому решил немножко отпустить ситуацию, дабы найти, за что зацепиться, когда это «что-то» проявится, а потому дал ей возможность попробовать определиться самой. Как только в голову пришла эта мысль, сразу же остановил машину, и мы заняли столик в только что открывшемся кафе, заказав по бокалу местного вкуснейшего светлого пива. Подробно объяснив, чего я хочу, и якобы отдав всё в её руки, протянул телефон и вышел. Гулял, если так можно сказать, минут сорок, уповая на что-то великое и правильно организованное, а когда вернулся, застал несколько растерянную улыбку на её лице. Всегда считал, что в подобных ситуациях последнее слово должно оставаться за женщиной, чтобы не насилловать её дух всю оставшуюся жизнь. Сейчас подумал, что это не всегда лёгкая задача. Сам подобную решал года полтора. Не знаю, как она справилась, думаю, окончательное решение пришло позже, сейчас же увидел, что мои шансы просто взвешенно увеличились, правда, таким образом, что обычное терпение и настойчивость в течении непродолжительного времени точно приведут к желаемому результату. Прямо сразу начал «засучивать рукава» и пользоваться явным преимуществом, имея выигрыш в непосредственной близости к объекту желаний. И плевать мне было на свой имидж и на свою жизнь. Этот месяц, каждую минуту которого я буду усиленно бороться за каждую десятую долю следующего процента, и станет определяющим в наших жизнях, пусть даже этому, в своё время, и придёт конец.

Бродя по магазинам, выискивая одежду и другие нужные для жизни причиндалы, вкушая на берегу океана готовившуюся в местных ресторанчиках пищу, купаясь в безграничных океанских просторах, омывающих остров, загорая, каждый из нас отдавал себе отчёт и чувствовал то же самое в другом, что так хорошо, как

рядом с этим человеком, не было ни с кем. Поездки на Тейду, в кактусовый парк, зоопарки, на север острова, где можно было высмотреть хоть какие-то «древности», к которым нас обоих тянуло, и побродить по ним... Море её фотографий, фанатично деланных мною и раскиданных, где попало, по всей квартире, ежедневно пополнялось всё новыми и новыми... Не было скучно, но не было и спокойно.

Я никогда так не ухаживал ни за кем, и никто так не ухаживал за ней, но дело не в этом, а в том, чтобы понимать, что нужно именно сейчас женщине. Мои интуитивные усилия попадали в цель, хоть иногда и были более мощными, чем требовалось, и в столицу мы вернулись в явном гражданском браке, живя с тех пор вместе до известного времени.

Понимая, что шансов нет, её молодой человек благоразумно не стал предпринимать никаких шагов, но отомстил много позже, уже будучи в заключении, подсказав ищущим меня оперативникам, через кого можно выйти на меня. У нас двоих была только одна общая знакомая, о ней он и намекнул. Странно, но видел он меня лишь один раз, однако, заглянув в мои глаза, отчётливо увидел проходящую мимо, предназначенную именно ему смерть. Тогда, в Риме, он не мог знать, что я и человек, который увёл у него любимую женщину – один и тот же, значит, он отомстил ей. А ведь я мог предотвратить это одним ударом стилета в сердце или шею, и тогдашняя, якобы случайная, встреча на Виа Венетто могла стать для него последней, а для меня – моей гарантией от ареста. Но, что сделано, то сделано, о том решении я не жалею, хоть оно и продлило ему жизнь на несколько лет, и те в заключении, где и закончилась его жизнь – в петле, на тюремной решётке.

Хотя признаюсь честно, что в эту историю с его рассказом обо мне милиции я верю только отчасти, ведь ещё три человека, когда-то близкие ко мне, тоже могли

то сделать, и им было, ради чего — они могли обменять эту информацию на свою свободу. Мне это не особо интересно, тем более ни у кого из них не то что полной информации, а хотя бы более-менее стоящих сведений не было. К тому же я никогда никому не мстил, и привычек своих менять не собираюсь.

В следующей нашей с ней поездке, которая была подарком на 8 марта, три дня были проведены в Мадриде, в гостинице «Ритц». Мы катались по городу в длинном лимузине со всезнающим гидом, не только показывающим и интересно повествующим о всех красотах и достопримечательностях, но и познакомившим нас с кулинарией и сувенирной торговлей национального окраса. Мы побывали в Толедо, узнали все тайны и особенности Толедского и Мадридского дворов, Мавританские страсти и... Было весело и интересно. Тогда, в первый день пребывания, сразу по приезду, нас поразила поздний обед в ресторане этого отеля. Но не столько поздним временем, хотя проходил он уже после закрытия, сколько своей помпезной эксклюзивностью, направленной только на нашу пару, после ухода последнего посетителя, когда и началось всё представление — а-ля банкета Лапши для своей возлюбленной в фильме «Однажды в Америке». Вся поразительность, фешенебельность отделки старого, переливающегося вычурностью отблесков огней свечей в зеркалах и начищенных до блеска столовых приборов зала, с вычурной отделкой, вышколенностью и, соответственной предприимчивостью, официантов, откуда-то, хоть и под закрытие, взявшиеся заказанные нами деликатесы, обслуживание сразу тремя, а то и пятью «камарилье», как их здесь принято называть, непринуждённая живая музыка, приглушённый свет, и только мы вдвоём — всё это нас «убило» наповал, оставив непревзойденное и никогда не виданное ощущение на всю жизнь. Разумеется, по завершении банкета я расстался с обещанными заранее чаевыми в несколько

сот долларов, совершенно не жалея о потраченных деньгах.

Следом нас ждал манящий Тенериф, где нам еле хватило захваченных денег. Первая встреча с Андреем началась расспросами об отношениях моей дамы с её бывшим и со мной. Я сделал замечание о некорректности вопросов, на что получил ответ примерно следующего содержания: «Какая там корректность, когда жизнь на волоске?». Речь шла о её жизни, – полагаю, из-за ошибочных предположений об опасности информации, которой она владела, поскольку, на самом деле, эта информация равнялась нолю. Что я и попытался донести до Андрея, объяснив, что она обладает лишь моим описанием, и пообещав разобраться самостоятельно во всём, если ситуация выйдет из-под моего контроля. Разобраться – значит уничтожить источник опасности. Сурово, но таких слов ждали, и они были мною произнесены. Правда, закончились они убедительным предупреждением, что за неё убью любого, а потом каждого следующего, кто будет этим недоволен, и не дай Бог, с ней что-либо произойдёт, пусть даже случайно! Кажется, старшему брату пришлось попотеть, а мне понервничать не один месяц, чтобы доказать необходимость оставить её в покое и, вообще – забыть о её существовании. Но за это, в виде компенсации, я должен был в ближайшее время совершить зарубежную поездку, направление которой мне сразу не сообщили, как, впрочем, и её цели. Но...

Откуда дул ветер при постановке этой задачи, я осознал позже, встретившись в Риме, ради жизни Андрея «Курганского», с «Осей», спросившим меня, улыбаясь, о здоровье моей возлюбленной.

Первая поездка, оказавшаяся не единственной, была в Париж, город, к тому времени для меня уже знакомый, куда мы отправились вместе с Алексеем Кондратьевым, тем самым, который убил моего хорошего знакомого, Юру Лукьянчикова. К тому времени, правда,

и ещё этого не знал, а если честно, то вряд ли что предпринял бы, даже узнав – ведь, в сущности, Лёха передо мной ни в чём виноват не был, а Гриша уже за всё ответил. Первую неделю мы наслаждались, не получая никакого задания, шляясь по уже знакомым местам. В деньгах он был сильно ограничен, а поездки за границу нашего государства стесняли, и я с удовольствием помог ему в тяге к прекрасному, которая могла остаться так и не удовлетворенной, ограничившись лишь номером в гостинице и кафе напротив. Уехал он через неделю в новом костюме от Hugo BOSS в подарок, а также в туфлях, рубашке и паре галстуков, что необычайно поправило его внешний вид, придав еще более презентабельную форму. Здесь от Алексея я узнал много нового (ведь я ни не виделся ни с кем уже более трёх лет), а, оказывается, что естественно, многое поменялось. Он боролся с наркозависимостью, усугублённой эпилепсией, был одинок и вся его жизнь состояла из общения с Олегом, его окружением из таких же парней, и ожидания, с дальнейшим выполнением, задач по устранению кого-нибудь где-нибудь. Как и «Мясной», он имел привычку, на всякий случай, дырявить голову тремя-пятью выстрелами, дабы не произошло оплошности, но они случались, ибо были промахи, осечки и выстрелы сначала по корпусу, что повышало шансы жертвы, которая срывалась с места сай-тиком и за долю секунды уходила из зоны поражения. От него я узнал, что шурина, ещё при Грише, «отработал» «Мясной», а ещё подробнее мне рассказал о том, как Юра через несколько месяцев, в офисе «нашего» сервиса на Ленинском, причём представили ему этого человека, как убийцу одного из «наших», которого сами же закопали намеренно. Впоследствии Тутылёв уже не нуждался в объяснении мотивации, так как чувствовал и контролировал большинство акций против «своих».

После отъезда «Кондрата» позвонил Андрей и сообщил название отеля, попросив последить за его посто-

яльцами, при попытке уточнить личность, ответил: «Ты сам увидишь». Выходов в здании было два, пришлось светиться в фойе, упиваясь кофе. Их было двое: Андрей «Курганский» и Александр Черкасов – соучредитель «Арлекино» на Таганке, единственный из его владельцев, на которого странным образом до того времени не было совершено покушения. Двое из его партнёров к тому времени были уже убиты. Правда, сам он через несколько лет чудом остался цел после расстрела Маратом Полянским его Land Cruisera, стоящего в пробке в 2000 году. Получив пулю в голову, он остался жив, но потерял охранника.

Настроение наблюдаемых выдавало их бесшабашность и весёлость предполагаемого мероприятия, на которое они уходили. Других задач я не получил. Проконтролировав их выход и посадку в такси, последовать за ними не успел, но узнал номера проживания и фамилию, под которой Колигов прибыл и зарегистрировался, – тоже дорогого стоит! И был таков. Ещё пару дней я делал то же самое, но безрезультатно, и прекратил.

Приехал Пылёв по каким-то своим делам, но мы встретились, отобедав и приятно поболтав, впрочем, зацепив и дела. Далее он поспешил на встречу с Таранцевым, а я, через пару дней, в Москву.

Следующая поездка, в конце 1996 года, зимой, в Рим, продлилась достаточно долго, около трёх недель, и не только могла, но и должна была увенчаться необходимым результатом, если бы не... По приезду, через 4-5 дней я встретился с «Осиным» человеком, который передал несколько приблизительных адресов предполагаемого появления нужного человека. До этого я протопал пять из семи холмов – столпов Великого Рима, посетил Колизей, открытый для посещений, несколько музеев, пинакотеку в Ватикане, в самом Риме – галерею Боргеса, поразился громадности размеров собора Св. Петра, который исследовал вдоль и поперёк, забравшись под самый купол, подивился планировке замка Свя-

того Ангела – крепости, гробницы и даже когда-то тюрьмы. В этой столице античность не только сохранилась, но и ещё, казалось, дышала, несмотря на всю свою полуразрушенность, подтверждая звание «вечного города».

К сожалению, успел я немного, хотя с утра до вечера сбивал свои змеиные «казаки» по булыжникам древних мостовых, передвигаясь только пешком, вышагивая по 15-20 километров в день. Усталости не замечал, лишь насыщение своей любознательности, а вечер приносил другие наслаждения – за чашечками сваренного по своим рецептам горячего пахучего кофе, с порциями непохожих друг на друга «чизкейков» и «термису». Если бы эти продукты волшебной кулинарии и ощущения в этом городе можно было перенести на плато Тейды, Акрополь или балкон (на сегодняшний день уже не принадлежащей мне) усадьбы в Калужской области, то с удовольствием сделал бы полный вдох и постепенно застыл в мраморную античную статую – от нежелания ни двигаться, ни мыслить, и от осознания своего ничтожного, но всё же участия в этом великом процессе существования, пусть и заметного сейчас только для меня одного. Нечто похожее на сидящего на Капитолийском холме в Вашингтоне мраморного Авраама Линкольна, но не с пером и декларацией Независимости, а с чашечкой капучино и кусочком торта... Прошу прощения за иронию, но в написанном есть и доля правдивого ощущения.

Найдя переданные адреса: квартиру недалеко от Ватикана, где, оказывается, иногда жил и «Солоник», а сейчас начал появляться «Курганец», причём передвигаясь на той же самой машине – пятидверной Toyota RAV 4 с римскими номерами, спортивный зал на Виа Венетто – самый престижный в столице Италии, который пришлось посещать, и ещё пару мест, расположение которых не отложилось в памяти.

Неделю я «лопатил» беговую дорожку, удивляя инструктора, пробегая по 5-10 километров со скоростью 15-16 км/ч, так что он даже заучил фразу на русском языке:

«Твои дела хорошо». Я показал ему на большое стекло в метре перед дорожкой, за которым проходило занятие аэробикой, и он, посмотрев на меня, понимающе кивнул – девушки в бикини своей пластикой и растяжкой кому угодно придадут силы и энергию. По три часа, в предполагаемое время появления «клиента», я предавался занятиям, бассейну, парилке и всему, что можно было найти в этом замечательном спортивном клубе. Силы росли, как и выносливость, было бы легче и интересней при наличии груши, но её здесь не оказалось, так же, как и ожидаемого человека. Но всё же дождался, определив и дни, и часы посещения, и место парковки в подземной стоянке рядом.

Вечером же – к квартире. Оружие обещали подвезти, пока же в моём распоряжении был только стилет, спрятанный в зонтике – постоянный мой спутник во всех путешествиях, в принципе, должно было хватить и его. Приехал «Ося» с кем-то из своих, будто специально для встречи с этим человеком, что я и проконтролировал. Правда, после этой встречи, возможно, что-то почуяв, «Курганец» съехал с квартиры, но тренажёрный зал посещал с прежней регулярностью. Буторин настаивал на действиях, Пылёв не возражал, да, думаю, он уже и не мог, попав под некую зависимость.

Наконец в очередной раз, дождавшись заезда в подземный гараж машины, зарегистрированной на один из греческих паспортов «Солоника» и там же купленной, я направился в подземный переход, куда был выход из гаража, и далее, переход в спортивный клуб. Надо отметить, что и спортивные залы и бассейн были расположены под землёй, наверху же размещался огромный парк, по тропинкам которого бегали те, кто предпочитал природу электронной беговой дорожке. Единственным местом без видеокамер, как раз и была часть этого перехода, где нужно было поймать его на небольшом пятачке в 5-7 метров «мёртвого», не обозреваемого техникой,

пространства. В общем-то, дело точного расчёта. Как раз у этого пятака был небольшой закуток, где расположился аппарат для моментального фотографирования, куда я предполагал, в случае удачи мероприятия, перенести останки и таким образом спутать всё видеонаблюдение по временным рамкам – ведь оставшихся на видеоплёнке и проходящих по переходу людей будут десятки, а происшествие останется не зафиксированным. Оставалось только вовремя отворачиваться от направленных на тебя объективов. А также понимать, что вся остальная столица тоже находится под видеонаблюдением, а значит – нужно просто в нужном месте быстро поменять свою внешность и как бы исчезнуть. Гараж для подобного не подходил из-за необходимости ждать машину непосредственно у места парковки, а это несколько часов ежедневного ожидания, то есть стопроцентная засветка. И потом вечный город это не Москва, где практически в любом подъезде можно почти не мотивированно находиться сутками, сделать всё, что угодно, и после этого не оставить о себе ни свидетельских показаний жильцов, ни подозрений.

В этом переходе было большое окно, выходившее на скоростную автостраду, по которой непременно должен был проехать автомобиль, чтобы попасть на автостоянку спортивного клуба. Здесь тоже не было камеры, зато было очень удобное место для встреч, а долгое здесь местонахождение не вызывало подозрения. Увидев подъезжающую Тойоту и понимая, что до появления «Главшпана» осталось несколько минут, я направился занимать исходное положение. Рядом с местом акции был выход по ступеням вверх на улицу, как раз, недалеко от «автофото». «Клиент» остановился рядом с ним и будто ждал чего-то, разговаривая по телефону. Двумя лёгкими движениями освободив жало стилета, я направился, улыбаясь сам себе, и иногда, издалека, приветливо ему. Чем ближе я подходил, тем бледнее станови-

лось его лицо и ниже от уха опускалась рука с трубкой «мобильника», уже что-то кричащей. Вокруг не было ни души и никаких лишних звуков, всё складывалось идеально, кроме одного: я не то, чтобы не хотел этого делать – не имел права! Лишив его женщины, лишать жизни? Он видел меня в зале и, наверное, подозревал, что я русский, скрывать это было бессмысленно, а помочь могло, в крайнем случае, могло оттолкнуть, но не насторожить – ведь не скрываю же... Оставалось 5-7 шагов, тело зонта и его ручка с блестящим остриём, разумеется, ему не видным, лежали в правой руке, и я чуть нагнул голову, и слегка тряхнул: длинные густые волосы под своей тяжестью скатились вперёд и почти закрыли лицо – я часто пользовался таким приёмом, когда не хотел быть узнанным, работало всегда и безотказно, правда, при одном условии – отсутствии ветра в лицо.

Казалось, он застыл, даже ощущался выделяющийся холодный пот, его интуиция подсказывала, не разуму, а телу, и оно застыло, перестав жить. А чем же был занят мозг? Кажется, как он рассказывал через несколько месяцев по телефону, находящемуся на вилле «Солоника», об этом, чуть было не случившимся с ним несчастье (вкратце, но понятно), он видел мелькающие картинки жизни на фоне плавно и размеренно приближающейся моей фигуры. Причем этот разговор мною тоже был записан – несравнимая и непередаваемая интонация голоса. Совсем поравнявшись с ним, надо было нанести два удара, хотя достаточно и одного – в область сердца, а надёжнее всего – в шею, по причинам, которые описывал раньше. Проблема могла быть лишь в специфике заточки стилета – края его были не остры, так как он предназначен не разрезать, а прокалывать.

Правда, говорить об этом спокойно для меня лично возможно лишь на бумаге, когда же дело доходит до действия, далеко не каждый даже вспомнит о написанном, а потому, принимая решение, нужно быть уверен-

ным, что сможешь. Бить сразу в сердце опасно – вдруг жилет? Тогда лишишься и оружия, и фактора внезапности, что, в принципе, не опасно, но срывает всё мероприятие, как и любое подобное событие, отклоняющееся от плана. Скажем, стоит ему побежать, как, догоняя, вы попадаете в поле зрения камер, начиная с ним единоборство, дарите закону доказательную базу, а оперативным сотрудникам – полное своё описание. Поэтому если выделили себе две-три секунды для выполнения задачи, то они и должны остаться двумя-тремя секундами, не больше. Любой форс-мажор – это кучка магии, брошенная в огонь и вызвавшая мощную вспышку, которая, уверяю вас, привлечёт внимание. Тем более, всё это опасно, если человек, ради смерти которого вы всё это предпринимаете, видел вас так близко, а значит, скорее всего, запомнит всё, вплоть до длины ваших ресниц, и не дай Бог, в его памяти отложится ваш взгляд, который при любом изменении внешности останется прежним, поэтому я старался никогда не встречаться глазами, даже при сборе информации, никогда не сближаться с целью, и вообще – делать всё с дальней дистанции, избегая свидетелей. И если уж была ситуация, подсказывающая интуитивно какой-то сбой, то уходил в сторону или вообще разворачивался, стараясь не обращать на себя внимание. Лучше прождать ещё полгода, чем один раз засветиться, хотя бывают ситуации, когда отложить невозможно, а предпринять что-то надо, тогда приходится рисковать.

Да и вообще, взгляд «глаза в глаза» цепляется душами, в нём можно увидеть что-то, что не позволит сделать и так не лёгкий шаг: у кого душа – потёмки, а у кого – слепящий свет.

Сделав это, я не смог бы смотреть в глаза женщине, которую мы оба знали и любили, с той лишь разницей, что обладал ею только я, а потому – пусть с ним разбирается кто-то другой, а на сегодня – мы в расчёте, и, по-

моему, сделка более чем равноценная. На его глазах, проходя мимо, я вставил жало в трубочку зонта и повернул контрящую гайку уже взлетая по лестнице на улицу, обдаваясь исходящим изнутри жаром от понимания какого-то хорошего и правильного поступка.

Это сейчас понятно, что молодой человек получил шанс, но после не воспользовался им. Через несколько месяцев он будет арестован, затем дважды осужден, конечный срок – за 20 лет, в течение восьми лет заключения ему удастся избежать поставленный «воровской крест», в том время как от подобного в тюрьмах погибнут несколько его соратников: Нелюбин, Зеленин... Затем вернётся под охраной в Москву, на самолёте, для дачи на меня показаний, после которых, выбрав какой-то более южный по сравнению с предыдущим, северным, лагерь, «почему-то» погибнет в 2005 году, за два месяца до моего ареста, будучи повешен своими сокамерниками.

Не будем говорить о том, что было бы или могло бы быть, не случись так, как произошло. Не станем предполагать возможные последствия, зная сегодняшний исход, и не очень важно для меня лично, сыграли ли со мною злую шутку принципы, впитанные с детства. Несомненно, что второстепенными из них приходилось жертвовать, чтобы соблюдать главное. Может быть, в их расстановке я и не прав, с точки зрения идеала, но в этом только моя вина, определяющая поведение и принятия решений, а причиной, разумеется, мотивация – правильная или нет, покажет история. И вот вам не разрешаемая задача. Кто прав: охотник, старающийся убить львицу ради защиты своих детей, которая им угрожает, или львица, которая защищается, вплоть до убийства нападающего, для спасения и прокормления своего прайда (семейной группы)? И это вам не вопрос о полноте налитого стакана – наполнен ли он на половину или наполовину пуст, здесь как раз всё понятно: если из него отпито, значит – второе, а если налита лишь половина, значит – первое.

К этому же относится моё твёрдое убеждение, что убивающих свидетелей своих преступлений не только можно, но и нужно считать людьми неполноценными с точки зрения разума, во-первых, из-за неподобающей подготовки в планировании и подборе «подельников», а во-вторых... Не надо свою вину переваливать на плечи других, а если в себе не уверен, то и браться не стоит.

Разумеется, о сделанном выборе и даже о возможности исполнения «работы», я ничего не сказал, лишь после окончания существования «курганских» поделился с Андреем – старшим из «братьев», и получил одобрение, конечно, негласное.

«Ося» и его человек улетели, я же ещё пару дней бродил, наслаждаясь жизнью, узнав ещё больше, что это такое.

Поездки в Европу учащались, со старшим Пылёвым я встречался с частотой 5-6 раз в год, большей частью совмещая с отдыхом, и так продолжалось вплоть до 2000 года. Станным образом после смерти «Солоника» и ареста «Курганских», по информации РУОПа, в частности, добытой полковником Саратовым, обнаружилась квартира в Риме, около Ватикана, набитая оружием и кое-какой важной и очень нужной информацией, якобы исходящей из верхов одной спецслужбы и случайно оказавшейся в этом жилище.

* * *

После Мадрида остров встречал нас помпезностью отеля «Бая Дельдьюе», с ежедневными выходами в вечерних костюмах во внутренние рестораны, с большим теннисом и прочими развлечениями, типа ежевоскресных вечерних салютов и, во многих местах, живой музыки – того самого, который показывали в одной из криминальных передач, называя частной виллой, принадлежащей господину А.П. Таранцеву. Слов нет, он че-

ловек богатый, но, думаю, не настолько, да и кому нужен такой огромный дом?

У нас с моей спутницей оказались несколько разные взгляды на подобные места и времяпровождение. Я никогда к такому не стремился, и костюмов вообще не люблю, плюс к этому ещё и необходимость быть скромнее и неприметнее, что объясняется привычкой моего постоянного положения. Наверное, любой женщине (что я считаю нормальным), подобные места были бы приятны, ведь они дают возможность показать себя во всей красе, что у каждой представительницы слабого пола, поднимает до невероятного уровня самомнение, в хорошем понимании этого слова, не говоря уже об удовольствии. Чувствуя свою вину, и видя, скольким жертвовала женщина, находясь рядом со мной, всегда пытался загладить всевозможными походами в рестораны, цветами и правдивыми комплиментами.

Со временем, правда, фееричность спала до обычной нормы, и, чтобы хоть как-то разбавить обыденность не совсем «стандартной» жизни, мы стали раз в месяц ненадолго уезжать в маленькую свежестроенную усадьбу в Калужской области, где была возможность импровизированной рыбалки и такой же охоты – славное время.

Живописнейшее место – Курьяновское озеро, скрытое в глубине леса, без дорог, обрамлённое покинутыми деревнями, с возможностью добираться туда только на сверхпроходимой технике, которую тоже пришлось приобретать и обслуживать с помощью очень хорошего человека, Александра, одного из местных, помогавшего как строить, так, впоследствии, и содержать домик с прилегающими постройками. Отдых постоянно поддерживали приглашаемые нами друзья детства. Два-три дня там были фантастически непохожи на всё, что я видел на других выездах, в которых когда-либо участвовал. Очень малонаселённый район, тихие, роскошные, раскинувшиеся поля, петляющие по ним живописные речки, ог-

ромное, накрывающее всё это, всегда разное небо, и близкие отношения, моего, как оказалось, хорошего знакомого, с администрацией, позволяли делать всё и наслаждаться почти безграничностью возможного. Хотя границ дозволенного мы никогда не переходили, ни по отношению к людям, ни по отношению к природе.

Озеро Т-образной формы в одном конце продолжалось полуболотом, как раз из него, цепляясь за сказочные коряги, и вставало с утра солнце, преобразая здешнюю природу до всегда новой, прекрасной неузнаваемости. Приезжая, мы делились поровну, одна часть из нас ставила пару небольших сетей, по браконьерским меркам – смешных, а другая ставила шатёр, палатку, мангал, кресла, разжигала костёр и принималась за припасённые рецепты и продукты к ним. К нашему возвращению нас уже ждали радушие парящегося мяса, овощи и холодная водка, для женщин – вино. Никому ни разу так и не удалось напиться. Каждый, хоть раз побывавший в таких местах, знает прелесть лёгких и весёлых разговоров под такое сопровождение. Всё это перебивалось приготовлениями из свежепойманных ингредиентов королевы рыбалки – ухи, всегда разной, иногда даже с добытой по случаю уткой или тетеревом, не доводилось скучать и коптить. Особый смысл и удовольствие – в вечерней и утренней ловле на удочку с берега и лодки.

Это место с домом, баней и всем окружающим было единственной отдушиной, где я забывался и млеял от спокойного ощущения счастья перед костром или камином, покуривая кальян с фруктовым табаком или попивая какой-нибудь лёгкий алкоголь. Очень долго это была единственная моя недвижимость, оформленная на доверенного человека. Правда, его уверения в правильно заполненных бумагах и в полностью имеющемся на всё, без исключения, пакете документов, при продаже оказались, мягко говоря, не совсем соответствующими действительности. Оказывается, я обладал лишь столбом с проведённым электричеством и телефоном

на нём, правда, не потерявшим своей фактической стоимости. Дом этот местные жители называли «генеральским», а меня, соответственно, «генералом», чему я не сопротивлялся, насмешливо сравнивая себя с известным героем одного из фильмов о рыбалке и охоте. Баек о доме ходила масса, и умножались они разрешёнными мною, по взаимодоговорённости и, конечно, в моё отсутствие, приездами разных компаний, от гостей администрации района до всевозможных столичных бонз и бизнесменов, при одном условии – соблюдении чистоты и порядка. В своё время присутствие таких гостей помогло избавиться от милиционеров, занимавшихся моими поисками и узнавших об этом месте через случайный звонок одному из адвокатов Андрея. Выводы, после двухнедельного прослушивания телефона, были какие угодно, в том числе и о присутствии там всех возможных и невозможных компаний, в которых только не было искомого, то есть меня.

Кстати, забавная история, которую мы обсуждали с оперативными сотрудниками, занимавшимися моим поиском, уже на шестой год моего заключения. В этом местечке они побывали дважды и, увлечшись своей работой, пробыли даже некоторое время на верхушках деревьев, отслеживая все передвижения, но... Что знают двое, то знает... с позволения сказать, ваш покорный слуга. Я был предупреждён заранее и усердно трудился над созданием нужного мне имиджа в своей усадьбе, что позволило на тот период обойти опасность, но всё же не полностью. В результате так любимую недвижимость пришлось продать. Естественно, этот край обладал бесчисленным количеством великолепных и безопасных, природой оборудованных тиров, где можно было увлекаться, совершенно не поглядывая по сторонам, и пробовать даже такие виды вооружения как противотанковое ружьё системы Дегтярёва, совсем не беспокоясь о его громогласности. Несмотря на его более чем 60-лет-

ний возраст, им можно было успешно пользоваться и применять, хотя бы даже по броне, которой часто оборудованы современные лимузины.

Бег на природе по пересечённой местности или песку для проживающего в городе и любящего этот вид спорта – дорогое удовольствие. Пробегая по 10 километров и вентилируя свои лёгкие свежим и чистым воздухом, я не замечал ни усталости, ни тяжести в ногах, и мог к вечеру увлечь себя велосипедной прогулкой. Я очень печалился о расставании с этим местом, но, кроме других, была ещё одна причина продажи – постройка нового дома недалеко от Москвы. Прежних доходов не было, так как перестала существовать и сама группировка, а зарабатываемых денег явно не хватало. Снабженческие, часть прорабских и дизайнерских обязанностей пришлось взять (правда, с радостью и интересом) на себя, что позволило сэкономить не только средства, но и нервы. Тогда же я продал всё, что имел – ещё один домик на Медвежьих озёрах в Подмосковье, две небольшие квартирки, теперь усадёбку, позанимал, где смог недостающее, и за три года справился с поставленной и казавшейся фантастической поначалу задачей. Я спешил, предчувствуя что-то с 2003 года, а с 2004-го был уже и предупреждён о надвигающейся со стороны правоохранительных органов опасности.

Спешил я так же ещё и потому, что чувствовал обязанность оставить что-то, и успел «тютелька в тютельку». Теперь у моей семьи, пусть и уже бывшей, есть хоть что-то в виде финансовой подушки безопасности, и это придаёт спокойствие и чувство выполненного долга.

После «города», как мы называли несколько строений, огороженных забором, остались тёплые, весёлые воспоминания о спокойных, с наслаждением прожитых вдвоём днях, с поездками на пикники, прогулками, грибными путешествиями, баней, катанием с горок, и о согревающих в прямом и переносном смысле вечерах у камина. Запомнились и дружеские веселья семьями и,

конечно, проведённая в полном собрании нашего коллектива, знакомого с детства, встреча нового, 2001 года, когда этот небольшой домик вместил 24 человека взрослых и детей. Сбылась давнишняя моя мечта – собрать всех на природе, с санными развлечениями, прямо от бани, с зимним шашлыком в застеклённой шашлычнице, стоящей прямо над обрывом в пруд, с катанием на снегокатах, охотой и прогулками со снежками и салками.

Место, где сбываются, казалось бы, недостижимые желания, оно нравилось мне больше, чем любое другое, в любом другом уголке мира, когда-либо мною посещаемое. А потом вдали от родины, кажется, я перестаю жить полной жизнью, мрачнею и скучаю, просто существую.

Странно, первая моя супруга, в своё время обеспокоенная нестабильным состоянием семьи, обращалась к гадалке, и та, по моей фотографии, вещала следующее: «Сейчас его жизнь протекает в опасностях, но огибает самые острые камни, потом наступит время, на десять лет, по прошествии которого всё станет хорошо. У него будет много домов, но все они будут не его. Многие из них он потеряет. Вы разведётесь, возможно, встретитесь в старости». Эта усадьба – потерянный третий дом: первая трёхкомнатная квартира осталась супруге и сыну, как, в принципе и должно быть, второй дом – в Окатове, третий – в Спас-Деменске и пока первый, который удалось продать. Что называется – бизнес «по-русски».

В принципе, в предсказания я не верю, и многое из поведенного заранее не сбывается, хотя при одном условии: если в этом разувериться. А потом сейчас уже не та жизнь, что была раньше. Прежняя закончилась 24 сентября 2008 года, при вынесении вердикта присяжных на втором суде, своим окончанием дав рождение жизни новой, в которой я пока ещё младенец. Но это лично моё восприятие, на котором я не настаиваю.

Развод же наш с Ольгой, женщиной основательной и самодостаточной (кстати, способной обеспечить себя, что она всегда и делала, имея диплом акушера-гинеколога, а впоследствии увлекшейся каким-то другим, достаточно успешным бизнесом), был не совсем разводом, но вынужденным мероприятием из-за появившихся проблем. По обоюдному согласию и моему предложению с адвокатом было подано заявление о моей пропаже без вести, что через полгода и подтвердил суд и что было почти правдой, ибо я действительно исчез. Брак аннулировали, то же самое и с моей долей в недвижимости, так что бомж и голодранец я уже давно, и всё своё ношу с собой – эти слова Бианта, явно имевшего в виду свои духовные богатства, как нельзя лучше удовлетворяют сегодняшнему моему состоянию.

* * *

Эти полтора года после смерти Григория, «Усатого» и «Банщика», были не самыми спокойными, работы было много, хотя только по добыче информации. Почти всё, что я делал, получалось, и выходило неплохо.

Но оставшийся «у руля» «Ося» вёл периодически локальные войны, и Андрей не всегда мог увильнуть от «барщины», предпочитая отделаться «продналогом».

В очередной поездке к Андрею Пылёву на Канары, у нас состоялся разговор с дальнейшими указаниями готовиться к поездке в какую-то страну и закупать необходимую аппаратуру, готовить документы и думать, что ещё может пригодиться, и сколько денег на это нужно. Задача была обрисована расплывчато, но необходимое для её выполнения предположить всё же было можно. Сказано всё было вскользь, но план действий, перечень и график я всё же составил и огласил на завтра необходимую сумму – шестьдесят тысяч долларов.

Речь шла о среднего размера вилле, которую нужно было нашпиговать аппаратурой для снятия максимума

информации. Имеющаяся техника либо не подходила, либо была в недостаточном количестве, либо её просто было жаль, ведь, возможно, всё это придется бросить.

Все эти расчёты и предположения занимали немного времени, основным был всё же отдых, иногда удивлявший появлявшимися персонажами, скажем, с важным видом проходящими мимо гордыми павлинами, проявлявшими недовольство, когда специально для тебя распушённые ими внезапно хвосты, заставляли отпиваемый мною чай идти не в то горло. Такая же реакция могла быть и на великолепное, по их мнению, исполнение гортанной песни. А вообще мне всё это нравилось, ибо созданное природой не может быть некрасивым. Просто важен подход. По вечерам – развлекательные мероприятия, фейерверки, а завтраки, напоминавшие огромные банкеты, заставляли обедаться, поскольку постоянно обнаруживались всё новые и новые вкусные блюда. Массаж, сквош, тренажёрный зал – всего хотелось побольше, потому что в занятой чем-то все 24 часа Москве времени не хватало ни на что. Всё наше внимание было направленно друг на друга, и мне казалось, что моя юная «Афродита» – воплощение всего, что я хотел иметь в идеале.

Рыбалка на тунца «удалась» на славу, хотя и стоила нескольких часов мучений – дикий шквальный ветер и высоченные волны, швыряющие баркастик из стороны в сторону. Но это ещё полбеды, другое дело, когда видишь высоту волны, на которую предстоит забраться, а после – провал, дно которого ожидает тебя вместе с лодкой, и тошнота подкатывает к горлу от непривычности городского жителя к подобным резким изменениям. Увидев серо-синюю, переливающуюся массу в пенистых пузырьках всего лишь в нескольких метрах перед своим лицом, я не мог пошевелиться и лишь насмерть впивался в поручни. Посудина забиралась на самый гребень, встав под углом примерно в 70 градусов и, чуть повисев, обрушивалась, как на русских горках, глубоко вниз,

чтобы вновь подняться. Моряки в это время весело болтали, поглощая длиннющие багеты свежего хлеба, набитые ранее пойманным тунцом, салатом и помидорами. Я сидел в рыбацком кресле, а они держась за него, жестикулировали той самой рукой с булкой – удивительная картина, фоном которой была следующая и, как мне могло показаться, последняя огромная волна. Если вспомнить, что это был океан, то можно понять моё удивление, когда всё резко прекратилось, и через полчаса появилась добыча. Ощущения были интересные, пусть и не совсем приятные, последнее забылось, оставив неописуемые картины мощи природы и пару фотографий с добытыми всё-таки, здоровенными рыбинами. Рыбалка состоялась, и скоро мы, лёжа пластом, не в состоянии повернуть голову друг к другу, приходили в себя там, куда каждый смог добраться.

Невозможно описать, да я и не умею, всё, что есть на Тенерифе – это место севера и юга, где на юге дождь бывает не чаще пяти раз в год, а на севере – прохладца и чёрный песок на пляже, специально завезённый с Африки.

Вернувшись в Москву, я занялся подготовкой, заказывал и закупал технику: направленные микрофоны, фильтры для очистки звука, частотомеры, сканеры, акустические и телефонные закладки с дистанционным управлением и без, магнитофоны и всё, что касается фото- и видеонаблюдения, и так далее. Получив заказанное, передал человеку, который мог устроить контрабандную перевозку через водителей автобусов, но это уже не моя забота, хотя выполнили её тоже успешно. Другой заботой были документы, ведь их приходилось делать, как минимум, три комплекта – один для себя и два – своим ребятам, ведь оба – бывшие сотрудники ГРУ. Я уже не говорю о том, что по своим документам ехать было просто глупо. Им подобными задачами заниматься было не впервой, плюс огромная практика на работе со мной, подробный инструктаж, «командировочные», с лихвой

окупающие любые запросы, новые мобильные телефоны и сим-карты, и ещё неделю-полторы – на улаживание домашних дел и подготовку. Время командировки неизвестно, предположительно – от двух недель до трёх месяцев, но случиться может всякое.

Ещё через неделю, на указанной вилле в предместье Афин, «Санчесом» и «Чипом» было установлено всё закупленное, пунктом съёма информации был почти такой же, снятый невдалеке для этих целей другой дом, что вкупе со всем остальным давало неплохие результаты. Фотосъёмка производилась с других точек: кустарник напротив или деревья в лесу, помойка или стоящий автомобиль. Информация именно с этих кассет, хранящихся у меня, о которых говорил и Карышев, и стала ободовыгодной и заранее обговорённой «утечкой» через милиционеров. Конечно, некоторыми из них я поделился с представителями РУОП, а через них и с МУРом.

А вот почему, расскажу ниже.

РОМАН И САРАТОВ АНДРЕЙ

Фирм, специализирующихся на продаже спецтехники, услугами которых я пользовался, было две: «Нова» и «Ноуридж-Экспресс». Вторая была как раз той, куда посоветовал обратиться «покупатель», и где мы очень быстро сошлись с её главой – Романом, очень общительным, весёлым, располагающим к себе и имеющим обширные связи везде, где только можно было себе представить. Основными его клиентами были силовые структуры. Большой умница, он был не только приятен в разговоре, но и полезен в деле. Мы быстро сблизились, и через год я уже просто без дела заезжал к нему поболтать за чашечкой чая. Он мог, совершенно не напрягаясь, помочь в ряде вопросов – от ремонта автомобиля на его сервисе, до отдыха и охоты в близлежащих губерниях. Там я и стал его протеже в администрации района при выборе участка под дом в охотничьих угодьях, его же связями там и пользовался. Я очень рад, что он не пострадал от моего ареста, хотя и удивился, когда его допрос произошел за день до того, как всё случилось. Ну, так и это объяснимо.

Я усердно отрабатывал перед ним одну и ту же легенду – человека, профессионально работающего по сбору информации и только, работающего одновременно на несколько человек, заинтересованных групп и даже «бригад», занимаясь этим полужакобно и совершенно независимо. Недостатка в рассказах не было, а закупаемая мною техника и её количество только подтверждали его уверенность во мне и в правдивости повествуемого. Он знал, что я офицер в отставке, и карьера моя имела начало у «медведковских», но быстро закончилась отделением от них. Якобы я успешно провожу в жизнь планы, балансируя порой над пропастью. На этот

случай у меня было много историй, которые я либо придумывал, либо перерабатывал из имеющихся в действительности реалий. Мы были друг другу взаимополезны и взаимоприятны, можно сказать, дружили семьями.

Ромчик постоянно, и чем дальше, тем чаще, повторял, что есть люди, уже достигшие высот в своих министерствах и ведомствах, которые желали бы воспользоваться моими услугами, да и познакомиться тоже. Взяв на эту «игру» разрешение у Андрея Пылёва, разумеется, не раскрывая все карты и свои интересы в ней, я якобы проговорился, что пару раз встречался с «Солоником», второй раз – уже после побега, случайно, конечно, при встрече с другими людьми. По всей видимости, о той встрече и писали СМИ, а высокий молодой человек, «близкий» к СВР – это я. Реакция была мгновенной, и предложения о встречах посыпались на нас валом. Выждав время и узнав, кто есть кто, я выбрал Андрея Саратова, одного из начальников какого-то отдела РУОП. Со вторым я познакомился чуть позже, он представлял другую организацию, через него я и пытался помочь старшему Пылёву (причем частично даже удачно, в смысле влияния на Интерпол), сказав о непринадлежности его к криминальной среде, разумеется, не бесплатно. Испанцы ответ приняли, но до прокуратуры доставить не смогли – его перехватили чудным образом «ребята в чёрном», и это был не единственный их выход на сцену в том «спектакле».

Итак, Саратов. Почему он, а не кто-либо, скажем, из Московского уголовного розыска? Возможно, это ошибка в выборе предпочтений, возможно, не предвидение, а возможно – единственный правильный выход на то время. На тот период «шаболовские» были беспредельно «бесшабашными», имели огромный вес в МВД, во главе со своим, как они называли его, «папой» Рушайло, и такой же «авторитет» в уголовном мире. Только ленивые бригады не пытались наладить с ними контакты, прикладывая хоть небольшие усилия и добивались

в этом успеха, чем на некоторое время обеспечивали безопасность своего существования – либо за информацию, либо за «долю малую». Самое интересное, что в своё время какие-то связи там наладили и мы, о чём я узнал лишь после ареста. МУР же, со своими интеллигентно-интеллектуальными ресурсами, ещё обладал огромной информационной базой. Правда, меня она не пугала, потому что каких-либо сведений обо мне в ней не содержалось, но настораживало то, что я не знал, осталось ли что-нибудь от показаний Гусятинского и «Полпорции», выкупленных нами в прошлые времена. Да и не хотелось, связавшись с ними, случайно вдруг попасть в какую-нибудь разработку или в подвалы, работавшие по выходным дням в их ИВС.

На Шаболовке тоже были клетки, стоящие вдоль забора сразу за главным входом, забивавшиеся до предела, но воздействие там было грубым и быстрым, а потому ни о каких разработках там речи не было. Поэтому, всё взвесив, я выбрал то, что выбрал, хотя сейчас понимаю – возможно, выиграл бы более, если бы выбор пал в пользу «Петровских». Разумеется, других силовиков я не рассматривал – там можно было, не приняв предложение, от которых обычно не отказываются, на что-нибудь не ответив или отказавшись в чём-нибудь помочь, просто пропасть. К тому же хватало уже имеющегося знакомства с училищных времён. Моя же задача состояла не в цели стать «сексотом» или наняться «чистильщиком», но, балансируя на полуинформации, получить возможность черпать свою, а также иметь некоторую гарантию безопасности и, в определённом смысле, «крышу» – как полезный человек, обладающий иногда информацией, а иногда – связями. А главное, в чём была тогда острая нехватка у всех, – стать передаточным звеном от силовиков к криминалу, и наоборот. В моём лице можно было получить гарантию неразглашения тайн, потому что я был один, и это было не то что моё кредо, но как раз залог минимализации утечки. Мало того, ник-

то из вышеперечисленных и представить себе не мог, что обязанности мои, как и занятия, иногда выходят за рамки сбора сведений, их анализа и дальнейших выводов, а также организации связей.

Лично мне подобный ресурс сулил одни выгоды, от поступившего в своё время предложения стать агентом я отказался, хотя тем самым мог существенно облегчить себе судьбу. По многим причинам и, прежде всего, по своей природной невозможности подобного выбора, а так же из-за того, что о подобной сделке должен был знать ещё один человек, разумеется, с официальным оформлением, а значит, и любой другой, кто смог бы занять к этому доступ. Также нужно понимать – информатор ограничен в своих действиях и находится под плотным контролем, для него дезинформация – почти смерть карьерная и неприятности физические, любого из них вполне могут использовать и самого как рупор информации, не имеющей ничего общего с действительностью, а то и просто разменять или подставить. Я же собирался «играть» сам, и сам готов был воспользоваться возможностями их ресурсов, распространения, добычи и самой базы данных. И, главное, мне нужен был сиюминутный щит от кого бы то ни было, который вряд ли помог бы мне самому, но семье точно. Я знал, что после звонка Саратову, по предварительной договорённости, через 15 минут будет группа «боюсь-боюсь» и «уронит» всех на пол, даже таких же милиционеров, что не раз случалось, и о таких случаях я был прекрасно осведомлён. Тогда такое проходило на «ура».

Первый раз с Андреем Саратовым мы встретились в Ромином офисе на Алабяна, со всеми предосторожностями с обеих сторон. Легенду мою я оставил такую же, как и для Ромы, только для нового знакомого якобы чуть больше приоткрытую, заодно попытавшись проверить его способности хранить тайны, ведь Ромчик обязательно поделился бы услышанным. Возможностями, понятыми друг удруга, остались довольны. Его задачей было

найти «Солоника», в чём присутствовало и чувство личной мести – в перестрелке на Петровско-Разумовской, где участвовал «Солоник», был убит его друг, и Андрей обещал в случае удачной Сашиной поимки «недовезти» его по дороге из Шереметьева, во что я, конечно, поверил! Встречи продолжались, как и обмен информацией, всё, что говорил я, представляло собой сбор действительных фактов, но происходивших не в то время и не с теми людьми, и имели в основном подоплёку далёкого прошлого или, может, настоящего, но приправленного теми нюансами, которые он сам хотел слышать. Ценности в ней никакой быть не могло, но ореол загадочности, информированности и рабочего уровня создавался вокруг меня грандиозный. Для увеличения серьёзности своего имиджа приходилось постоянно менять не только одежду, но и во внешность, якобы приезжая на встречу с ним либо с «работы», либо с «пересечений» с другими людьми. Главное неудобство заключалось в том, что приходилось записывать всё сказанное в отдельную тетрадку, дабы не забыть или не перепутать, и поэтому подготовка к каждой встрече начиналась с повторения записанного о предыдущих. Конечно, были и кассеты, но, со временем, необходимость в них отпала и позволила обнулить записанное на них. Начатая игра на тему «Солоник» затягивалась, хотя мои парни уже месяц как снимали информацию и несколько раз в неделю передавали её с оказией мне для обработки. Я слышал много интересного, и уже дважды – сокращённую историю жизни, когда-то в подробностях рассказанную мне, а сейчас, более чем через год, приукрашенную и разросшуюся. Первую он повествовал проститутке, вторую – в мастерской какому-то южанину, который нужен был ему, чтобы переоформить на его паспорт машину и снять квартиру после съезда с виллы.

Справедливости ради, нужно сказать, что «Валерьян» нуждался в средствах, ибо, кроме денежного содержания, периодически передаваемого, которое,

по его словам, не превышало 10 тысяч долларов в месяц, ничего не имел. За пару недель до смерти он очень настойчиво продавал пистолет за те же пять тысяч, что для профессионала, которым его все себе представляют, вообще для заботящегося о своей безопасности, невозможно! И пишите потом, что он жил в «шоколаде». В действительности, в его собственности не было ни домов, ни квартир, даже приобретённых на подставных лиц. В виде подарков или покупок на «общие» деньги были приобретены джип – пятидверная «Тойота», мотоцикл Harley-Davidson и, в своё время, сразу после побега, на какую-то часть «подъемных», он приобрёл старую, как мир, «Мазератти» за 15 тысяч долларов, почти сразу кому-то перепроданную.

Изредка он пользовался «Мерседесом-140», принадлежащим Юре, убитому через месяц в Москве, вилла же, в которой он жил, снималась на деньги «Оси» и на один из его же греческих паспортов. Далеко не всё было лучезарно и солнечно в «курганской» группировке, а основные средства расползлись между тремя основными лидерами – Нелюбиным, Колиговым и Виталием Игнатовым. Последнему перепало меньше, но, по сравнению с «Солоником», всё равно гораздо большая сумма. Все эти данные подчерпнуты из телефонного разговора между первыми двумя, записанным мною на той самой вилле, и плавно вытекшим из бурного и радостного обсуждения только что произошедшего удачного покушения у самой Петровки на Васю «Наума», организованного ими.

Без «Сильвестра», без финансовой помощи Ананьевского и без особых талантов, им часто приходилось предавать «кормящую руку» ради быстрой, сиюминутной прибыли и, возможно, новых подачек со стороны тех, кому эти подачки были выгодны. «Мочили» многих, без разбора, скопом, а иногда и для пущей экономии, как Александра Меньшикова – сержанта, который помогал побегу «Солоника» и которого, надо отдать должное

«Валерьяну», он оберегал и не отпускал от себя далеко. Это произошло в Греции, Колигов и Нелюбиин долго уговаривали Сашу «убрать» его нового знакомого, буквально спасшего ему жизнь, и забрать оставшиеся ещё не потраченными 120 тысяч долларов, разделив их поровну, на что последний не соглашался и даже угрожал – на случай, если они решатся сделать такое в его отсутствие. Потом «Солоник» вспоминал об этом в телефонном разговоре, нелестно отзываясь о «главшпанах», которые всё же воспользовались временным одиночеством бывшего сотрудника специзолятора, после чего сунули ему поделенную долю, к которой он долго не прикасался.

Вообще нужно сказать, что в таких вопросах «Солоник» был человеком принципиальным. Будучи арестантом, проходящим лечение от полученного ранения и познакомившись с Александром Меньшиковым в тюрьме (в той самой, о которой писал Иван Миронов и в которой «имел честь» сидеть и я), он увлёк его разговорами и рассказами. Юноша доверился обаянию рассказчика и увлекся романтикой походов, кстати, не он один, но и конвоир другой смены, без второго ключа которого обойтись было невозможно. Оба сотрудника проносили внутрь тюрьмы и канат и страховочные карабины и, кто-то из них, пистолет с патронами и обоймой, который прятался за холодильником. «Солоник» был ещё слаб, несмотря на ресторанную пищу и тюремно-постельный режим, потому передвигался не быстро. Проблему составляло и сползание вниз по канату со стены, разделяющей прогулочные дворики и так зовущую волю. Поначалу, в заранее оговоренное время, сержант не приходил, за дверью камеры слышались звуки, крики и другая чрезмерная суета – оказывается, кому-то стало плохо, потому с таким нетерпением ожидаемое мероприятие состоялось гораздо позже, но состоялось. Александр вывел новоиспечённого друга и теперь уже подельника на крышу, со всеми необходимыми причиндалами для спуска по вертикальной стене с крыши

шестого этажа (прогулочного двора). Была уже ночь, и темный БМВ-850 стоял наготове. По рассказам «Валерьяна», когда он находился ещё на крыше, но уже понимал, что скоро будет свободен, ему даже казалось, будто воздух поменялся, стал чище и прозрачнее. Всего пять минут отделяло его от, казалось бы, несбыточной надежды, и каждая минута ожидания, наверняка, равнялась маленькой жизни. Но он ждал, пока вернётся Меньшиков, поскольку обещал. И в этом ожидании провёл несколько часов. В тот же день они были в Киеве, а чуть позже – уже за настоящим рубежом нашей родины. Впереди были Греция, Италия, ЮАР (где, кстати, он и сделал пластическую операцию, впрочем, не сильно его изменившую) и ещё чуть больше полутора лет жизни.

Растягивая время, какую-то часть из записанных кассет, но очень малую, я давал слушать Саратову, естественно, с вырезками. Эта же часть попадала и на Петровку, в специально запечатанных кассетах, без единого отпечатка пальцев. В принципе, я всегда знал, как уже было сказано ранее, и римские адреса, и афинские, где не только появлялся, но и жил «Солоник», но всё время говорил, что пока не имею доступа к подробной информации. Мне верили и доверяли.

На побег «Солоника» «коптевские» (а надо сказать, что более всех он был дружен с «Зёмой», Зиминим Сергеем, одним из «старших»), «одинцовские», «медведковские», «ореховские» и ещё ряд дружественных «команд», и отдельно сам «Иваныч», собрали сумму, далеко превышающую один миллион, хотя гонорар Меньшикова составлял всего 200 тысяч. Второго же фигуранта, служившего в этой тюрьме и помогавшего побегу, просто «кинули». Оставшиеся деньги были «попилены» на неравные суммы между четырьмя «курганскими», одна из которых досталась и «Валерьяну» – думаю, не как доля, а как подъёмные. Чтобы не пострадал свой адвокат, за две недели до побега заключили договор на защиту с адвокатской конторой «Карышев и К», с которой и после

случившегося продолжали поддерживать отношения, в том числе и сам «Ося», и О. Пылёв, и Махалин. Конечно, прежний тоже принимал, некоторым образом, участие, но не пострадал, благодаря своевременному отводу, конечно, за солидное вознаграждение, а нынешний в курсе не был, зато получил в подарок галстук за день до происшедшего, со всеми вытекающими последствиями (писал со слов самого Александра).

Чем была наполнена жизнь удачливо, самочинно покидающего места заключения «Курганского монстра», «Рембо», Саши «Македонского», как окрестили его служители пера, громко рапортуя о его признаниях, в принципе, так и не доказанных до сих пор? Ни одного из этих прозвищ или приставок к имени при жизни он не носил, и в кругу, знавших его, был либо Саней, либо «Валерьянычем», получившимся из имени в одном из первых паспортов, которым он начал пользоваться, прикрывая своё настоящее имя, ещё после первых побегов, задолго до Петровско-Разумовской, а всего их было три. После последнего побега на его счету была всего одна попытка убийства ленинградского коммерсанта у магазина в здании, выходящем фасадом на Белый дом. Этот коммерсант, как он сам сказал: «Ушёл подранком», – но всё же через несколько дней скончался. Он готовил покушение на какую-то, как он говорил, «крупную рыбу», которая должна была «приплыть» в отель «Метрополь» и периодически выплывать оттуда в сторону Государственной Думы. Насколько я понял, это должен был быть господин Джабраилов, хозяин отеля «Славянская», тот самый, что баллотировался в президенты Российской Федерации. В тот период моя работа тоже краешком коснулась его, я даже несколько раз следовал за его длиннющим «мерседесом», но у меня нашлись другие заботы, то есть мне их нашли, и я перестал им заниматься. Что характерно – в процессе подготовки Александр общался с начальником охраны одного из депутатов Государственной Думы, по сей день бессменно возглавляющего свою фракцию-

партию, который помог ему занять мандат помощника и удостоверение представителя прокуратуры РФ (он называл его «Лысый»). Не знаю, насколько его документы были настоящими или фальшивыми, только в Государственной Думе он был и со смехом рассказывал об очень вкусном и калорийном обеде с чёрной икрой и рюмочкой коньяка в столовой народных избранников за какие-то копейки. Этот поход имел место быть действительно, потому что я о нём слышал ещё из уст двоих человек, один из которых его сопровождал, другой же вовсе не имел к тому отношения.

Когда-то ему понравилась мысль и мой рассказ об оборудованном фургончике, из которого можно вести огонь по любой мишени, будучи совершенно незаметным для окружающих. На кассете остались его слова, где он готовил такой же, и даже пару раз выдвигался к «Метрополю» и примерялся к главному входу, отмечая некоторые неудобства, основными из которых был мешающий поток автомобилей, и машина, закрывающая своей массой выходящего из неё «клиента», но выходы, как он отмечал, есть.

Кончено, приезжающие встречались с ним в Греции, где отдыхали на полную катушку, в основном, «одиноцовские» и «курганские», но, как я уже сказал, прожил он не так долго. Совершив побег 5 июля 1995 года, погиб в ночь на 31 января 1997 года, то есть почти через 18 месяцев. Ко времени своей смерти он для одних стал просто флагом, а для других – разменной монетой, и для всех был носителем нежелательной информации. Не знаю, почему с его интуицией он этого не смог понять – ведь ценности, что для одних, что для других, практически не имел, став отработанным материалом. При всём том, ещё разыскиваемый, может и неумело, правоохранительными органами – ведь встречающиеся с ним через одного знали, что проживает он в Афинах, а каждый пятый бывал у него в гостях хотя бы раз. И здесь

совсем не прослеживается заинтересованности ни одной из силовых структур, и тем более её участия в организации побега. Просто стечение обстоятельств и его талант «побегушника».

Зачем «Осе» нужно было слушать каждое его слово? Всё оказалось банально и просто – отношения с «курганскими» стали натянутыми, «Солоник» же, всегда, вопреки общему мнению, старался держаться особняком, но Колигов, Нелюбин и Виталик были частыми гостями, а как любители халявы, проживали не в гостинице, а на снятой Буториным вилле вместе с Александром. Ой как непрост «Ося» – потому Пылёв его и остерегался, но эти двое были нужны друг другу, чем и была обеспечена их обоюдная безопасность. «Валерьян» с Сергеем были очень близки и часто общались по телефону, порой, откровенность бесед переходила границы, и первый допускал опасные оговорки, надеясь, что они не уйдут дальше ушей собеседника. Скажем, после смерти Василия Наумова – «Наума» младшего, Сергей вывел его на откровенность, правда, зная из предыдущих бесед о том, что его брата, «Наума» старшего, убрали сами «курганские» – кассету с этой записью я передал Сергею Зимину – «Зёме Коптевскому» и, разумеется, милиционерам, как доказательство того, что держал ситуацию под контролем, а другой нагрузки эта кассета нести не могла. Для всех это был шок, у «коптевских» и «курганских» были общие точки, где права и доля последних, были, скорее, символическими. А коммерсант первых – хозяин Петровско-Разумовского рынка – «одолжил» последним около миллиона долларов для организации и строительства клуба «Луксор» в гостинице «Националь», которым занимался господин Черкасов, впоследствии пострадавший от выстрелов Марата Полянского, направленных вездесущим Буториным. Разумеется, они не вернулись к хозяину, потому как вскоре пропадёт и Зимин (но уже заботами своих «близких») на Испанской Ривьере, где

постоянно проживал, катаясь на горных лыжах и занимаясь мотокроссом, заметьте, почти на профессиональном уровне.

Их отношения позволяли общаться и знать адреса друг друга. После прослушанной кассеты Зимин (а Вася «Наум» был его ближайшим другом и соратником, и они близко дружили семьями) поставил задачу «своим» собрать все адреса, и на другой день эта тетрадь лежала на столе начальника убойного отдела МУРа Дмитрия Баженова, после чего, почти сразу последовали повальные аресты. Кстати, последний был его одноклассником и довольно близким человеком, о подарках которому, знает теперь, наверное, вся Москва, по крайней мере, о квартире и определённом ежемесячном денежном содержании. Впоследствии «Зёма» познакомил его с Буториным, которому, после ареста РУОПом Колигова и передачи его МУРу, отдал две кассеты с видеозаписью его показаний, где он рассказывает почти шесть часов, всё что знал о своих и чужих, близких и дальних, в подробностях, о которых даже не знал я. Просматривая одну из этих кассет – вторую мне дать, видимо, побоялись, – я видел человека, уверенного в своём будущем, вальяжно курившего сигарету за сигаретой, запивавшего бутерброд чашечкой горячего кофе и скучно покачивавшегося на задних ножках стула, когда разговор заходил в гипотетическое русло. Поразили также лёгкость рассказа, упоминаний фамилий и мест, с суммами и долгами, и так далее. Для просмотра этой видеозаписи Андрей Пылёв специально вызвал меня к себе в Марбелью, куда в своё время перебазировался, для чего заблаговременно снял номер в гостинице, а вместе с кассетой привёз и видеомagneтофон, исключив все возможные варианты её переписывания. По всей видимости, Колигов даже не предполагал, что эти кассеты вообще когда-либо могут быть кем-то просмотрены, как минимум, потому что не предполагал и не был предупреждён о ведении записи – хитрецы милиционеры.

Буквально сразу после «старого нового года», Колигов был в гостях у «Валерьяна» и пробыл там, безвылазно, почти две недели. Всё завертелось в день смерти Васи «Наума», расстрелянного буквально под окнами МУРа 23 января 1997 года, где убили не только его, но и посмеялись над ребятами из «Сатурна». Он приехал на переговоры со своим родственником, высокопоставленным офицером уголовного розыска, но встретиться так и не успел – очередь из пистолета-пулемёта, выпущенная буквально в упор, отсекала заднюю часть черепной коробки. Совершенно случайно, проезжая невдалеке на встречу с друзьями детства и услышав по радио о происшедшем, решил проверить ситуацию и своими глазами увидел мозг, валяющийся на дороге, и изуродованную голову, в принципе, только лицо без черепной коробки – вот такие друзья!

Весело перебирая факты произошедшего, разговаривали друг с другом Андрей и Нелюбин, даже не подозревая о том, что всё произнесённое ложится качественной записью на мои носители – это была «бомба», где открытым текстом говорилось, кто и зачем такое сделал. Они радовались и уже делили увеличивающиеся доли. А через неделю или чуть раньше тот разговор, вместе с неосторожной репликой «Солоника» в беседе с «Осей» об убийстве старшего «Наума» – Александра, совершённого на Ленинградке 23 марта 1995 года руками тех же «курганцев» (которые тогда были ну очень «близкие» «коптевским», отголоском чего и была дружба Зимина с «Солоником»), был прослушан «Зёмой», упавшую планку которого не то что никто не поддерживал, но ещё и подбивали. Вместе с этими двумя артефактами, для усиления влияния на психику «Коптевского» лидера, я записал перехваченное лицемерное соболезнование Колигова и «Валерьяна» в день смерти «Наума», которое он в витиеватых выражениях выражал Зимину.

«Солоник» действительно не знал, кто это сделал, но каток запустился – Буторин добился своего.

Я получил указания от «батьев» передать данные, узнанные из телефонных переговоров, при заказе билетов Колиговым-Коладопулусом, и РУОП задержал его то ли 29, то ли 30 числа в Шереметьево-2, сделав всё, как написано в учебнике профессионального афериста и шантажиста – за перевоз и хранение наркотических средств тот получил восемь лет, и это было только начало.

В случае задержания, Саратову был обещан адрес «Солоника», и 30-го я стал заложником собственной игры, пересекавшейся с «Осиной», а конкретно – произнесённых мною слов, и неважно, что они были согласованы с Пылёвым, а дальше с Буториным.

Бригада «Ух» – Шарапов, Пустовалов, Гусев, Филипов и ещё один – выехала и была уже в Афинах, с приказом ждать, но не позднее 31 числа убить «Солоника». Вдруг звонок Саратова: «Мы со «спецами» вылетаем сегодня в Афины, нужна информация о местонахождении «Переделанного» (Солоника) прямо сейчас». Он требовал адрес, ссылаясь на выполнение обязательств, предложенных нами самими же. Разумеется, я его не даю, переговоры длятся часами, мешает прилетевшая за несколько дней до того девочка. Он познакомился с ней в Night Flight, будучи в Москве по делам подготовки к покушению на питерского коммерсанта, и увёз её к себе за 400 долларов, а потом какой-то период встречался. Отношения стали более тёплыми, и в те дни он пригласил её к себе. Разумеется, она соблазнилась возможностями и, наверное, каким-то притяжением «Валерьяна», чем он и убил её наповал, в прямом и переносном смыслах.

Парни никак не могли от неё освободиться, и решили выманить Александра одного то ли на дискотеку, то ли ещё куда-то для встречи с местными путанами, в надежде, что он не возьмёт спутницу с собой, и ждали его приезда у себя на ещё одной, снятой для этого вилле. Но, как назло, он появился со Светланой, чем и решил её участь. Предполагалось перенести дело на следующий

дочь, но резкий и неожиданный вылет Саратова, как мне кажется, подхлестнул «Осю» к немедленным действиям, и команда была исполнена почти мгновенно. «Валерьян» был сбит мощным ударом в челюсть Пашиным правым хуком и свалился с подлокотника дивана, выронив бокал с алкоголем. Один держал его ноги, второй навалился сверху на туловище, третий, Пустовалов, накинул удавку и душил. Перед смертью Саша сопротивлялся, и даже умудрился нанести пару ударов, о чём говорила рассечённая кожа на «кентусах» кулаков. Время выбрали, когда Котовой не было рядом, она поднялась в уборную, на второй этаж, но доделать не успели – она избежала на шум и с лестницы начала кричать: «Ребята, что вы делаете!» Кто-то крикнул: «Уберите её!». Андрей Филипов, «Мазурик», сбил её с ног и слегка придушил, не собираясь убивать, но от стресса пальцы стали нечувствительными, и хрящи кадыка сломались. Девочка умерла. После её расчленённое тело идеальных форм, блиставших на глянцевых обложках, стараниями Пустовалова, тоже «Солдата», с которым меня иногда из-за этого путают, было уложено в целлофан и запихнуто в чемодан – так сказать, по методу Александра, который он называл «конструктором».

В это время шло празднование моего юбилея в кругу друзей детства, в ресторане «Серебряный век». Прошло оно для меня совершенно незаметно, так как несколько часов я «провисел» на телефоне, пытаюсь соединить не соединяемое. Битва шла уже не за адрес, а за... Я уже был предупреждён, что вот-вот случится то, зачем туда поехала объединённая группа из «медведковских» и «одницовских» в 5 человек. Саратов уже был в Греции, и всё, чего я смог добиться – дать информацию о местечке, а через час обещал указать точное местонахождение «Солоника». Ещё через час констатировал: «Переделанный» – деревяшка», но и с трупом тоже были проблемы по вполне понятным причинам. «Ося» не хотел его отдавать, но возможности связаться у меня с ним не

было, и я буквально требовал это через Андрея Пылёва, прибегая ко всевозможным уловкам, доказательствам, даже шантажу, мы оба с ним были как перевалочно-договорные звенья. Кстати, в том числе именно за это и получил приличный срок. Решались и предлагались бредовые вещи типа: «Может, хватит руки», или «Может, головы будет достаточно», — что, соответственно, передавалось Саратову, и, естественно, не вызывало восторга. Мы оба были на пределе, и в голосе последнего прослеживались интонации угроз уже в лично мой адрес — день рождения был испорчен и для гостей, хотя как-то всё поправили необузданные в веселье цыгане, я же потел, как стекло при конденсате.

В это же время на связи был «ЧИП», несший «вахту» по сбору информации на вилле в Афинах, оборудованной для её приёма.

За пару месяцев до того я организовал их выезд с Сашей Погореловым под чужими паспортами для установки аппаратуры в домах, где проживал «Солоник» и периодически посещающие его гости из Кургана. Вся техника была уже на месте. Специальный человек встретил их, обустроил и обеспечил всем необходимым. Непудовство заключалось в том, что «Валерьян» почти всегда в то время был дома, но и это решилось с течением времени.

Сделал своё дело и дав подробнейшие инструкции, как пользоваться установленной аппаратурой для приёма, обработки и записи информации, оба моих подчинённых вылетели в Москву.

Я не предполагал ни одного, ни второго использовать далее в сборе информации в Афинах, как минимум, просто не желая их светить и рисковать ими. Но оказалось, что кроме них никто более не в состоянии справиться с этой техникой, сам же я не мог покинуть Москву по многим причинам и вынужден был командировать Чаплыгина, который поначалу держал себя в рамках, а через неделю сорвался в алкогольных штопор, пропив

всю выданную сумму. Пострадала информация, и хорошо, что об этом никто не узнал – мне удалось справиться и с перепавшими остатками прослушанного.

Сергея пришлось заменить на «Санчеса», который подошёл более подготовлено и серьёзно. Но и его пришлось поменять из-за неурядиц в семье которые, как оказалось после, устроил тот же «Чип», поведя себя непорядочно, он не преминул это сделать и на суде.

Тем не менее, я был вынужден отправить Сашу в Россию, а на его место вернуть Чаплыгина, клявшегося, что повторения прежнего не будет. Таких грандиозных потерь более не было, а если и были, то выражались в местном вине.

Последние двое суток я проверял его звонками почти каждый час, что дало свои результаты.

Вернулся он гордый и с чувством исполненного долга, оттого что имел отношение к участию в таком историческом событии, в котором не каждый ГРУшник, будучи на официальной службе, участвовать сможет. Это, правда, стало основой его, и без того безудержного тщеславия, впоследствии приведшего к огромным проблемам, решать которые пришлось снова мне.

Замена произошла вовремя, Саня переустановил аппаратуру и добросовестно «отрабатывал» сыпавшихся гостей на фотоаппарат, ему вторил заменивший его Сергей, в результате чего были зафиксированы, в том числе, и Колигов, и Нелюбин, и «Юра», и ещё нескольких человек, а также приезд Котовой. Сейчас меня волновала и его безопасность, но он упёрся и твёрдо решил спасать технику: снял всю приёмную аппаратуру, даже настоял на спасении снимающей и передаваемой техники с виллы, где проживал «Солоник». Буторин дал добро, впрочем, в своих же интересах, ведь вилла была снята на его паспорт, пусть только с настоящей фотографией, но ниточка для местных органов достаточная. Вся техника была аккуратно упакована и передана «чистильщикам»,

они, в свою очередь, положили всё в какую-то машину, которую после почему-то бросили, в результате подарив местной полиции, в жизни не видевшей у своих преступников такого количества спецоборудования.

Наконец, пришли к консенсусу – «отдать» тело целиком, чему Саратов несказанно обрадовался. Как на это согласился Буторин, даже не представляю, в любом случае, это сыграло большую роль для меня. Оставалось передать приехавшим РУОПовцам и «спецам» с ними схему, написанную рукой человека, отвозившего останки «Солоника» в лес. Схема теперь была у Чаплыгина. Не долго думая, я предложил оставить её в камере хранения, от измождения совсем позабыв о видеокамерах в аэропорту. Хорошо, что «Чип» предложил переиграть, и я вспомнил о бензоколонке недалеко от выхода из фойе здания аэровокзала. Удачно там оказалась собачья будка, куда и было припрятано послание, причём и здесь не обошлось без казусов. Вторую схему отправили факсом в Москву, в известную фирму, для дублирования, а затем таким же путём вернули обратно, через меня и человека, которому я её передал в столице, отправившим бумагу дипломатическим путём в Афины Саратову. Остальное СМИ расписало во всей красе. Кстати, основная схема, которой воспользовались, была изъята именно из-под «собачьего домика», для чего были привлечены местные взрывотехники, перепугавшиеся от таких непривычных коллизий. Они же участвовали и в подъёме тела «Валерьяна» на дорогу в местечке Варибоби, предполагая, что оно заминировано, а, проверив, привязали к ногам трос и вытащили бьющееся лицом и животом о землю тело на асфальт. Увидев жертву, на неё кинулись разного рода криминалисты в резиновых перчатках, осматривая и ничего не понимая. Кадры этого есть, и первый, кто их посмотрел в России, был я. Стоило обратить внимание на человека, задравшего на трупе рубашку и, в первую очередь, указавшего пальцем на шрамы от ранений и операций, после чего облегчённо выдохнувшие

го и покачавшего удовлетворённо головой – он. Потом останки загрузили в деревянный гроб, перекочевавший в чёрный катафалк, увёзший навсегда человека, которого я когда-то знал и который, волею судеб, оказался не то, чтобы на противоположной стороне, и не в прорези прицела, а просто попавший под каток, пассажиром которого был я.

/// Выписка из материалов дела, настоящего участника событий дополняет эту историю рядом подробностей:

«...»

Примерно в конце января 1997 года от Шарапова, который подчинялся непосредственно Пылеву О.А. и в свою очередь все указания от него, получил указание лететь в Грецию. Для чего он мне не пояснял. Лететь был должен я один. Визы и авиабилеты я получал в туристическом агентстве, расположенном в районе табачной фабрики «Дукат» на ул. Гашека. В этом туристическом агентстве челны нашей группировки, насколько мне известно, постоянно получали визы и авиабилеты. О необходимости обратиться именно в это агентство мне сказал Шарапов. Кто конкретно передал мне визу и авиабилеты я не знаю, это была девушка. По авиабилетам я вылетал в Грецию транзитом с пересадкой в Венгрии, в аэропорте рядом с г.Будапешт. В Греции, по указанию Шарапова, я должен был находиться возле аэропорта, меня кто-то должен был встретить. Прилетев в Грецию, в Афины, в темное время суток, вечером 31 января 1997 года, я, как указал Шарапов, стал ожидать встречающее меня лицо. Через некоторое время к входу аэропорта подъ-

ехала автомашина Ауди А4 темного цвета и оттуда мне навстречу вышел Шарапов и сказал, чтобы я садился в автомашину. Как он сам попал в Грецию он мне не пояснял. В автомашине, помимо меня и Шарапова находился водитель Старцев. После того, как я и Шарапов сели в автомашину, Старцев без какого-либо указания повел автомашину в неизвестном мне направлении. По дороге разговаривали на бытовые темы. Проехав примерно около часа, автомашина остановилась и мы втроем прошли в дом, расположенный за забором. Чей это дом я не знаю, мне об этом никто не говорил. Когда мы зашли в дом, то там находился Гусев и Пустовалов, причем последнего я до этого не знал. После знакомства мы о чем-то разговаривали, о чем именно не помню. Хочу отметить, что Шарапов меня предупредил о необходимости по возможности оставаться в доме, чтобы нас никто не видел. Могу также сказать, что я общался и получал указания только от Шарапова, так как приехал с ним. Я сам не интересовался зачем я приехал в Грецию, ждал когда мне об этом скажет Шарапов. Позднее, через некоторое время, Шарапов, Гусев и Пустовалов спустились в полуподвал, находившийся в доме. Я и Старцев оставались наверху смотреть телевизор. Шарапов мне не давал никаких указаний идти вместе с ним, поэтому я и остался наверху. Учитывая, что к полуподвалу вел достаточно просматриваемый проход я видел, что там, Шарапов, Гусев и Пустовалов, сидя на диване, прослушивали микрокассеты через диктофон. Что это за записи и о чем я

не знаю. Лишних вопросов по этому поводу я не задавал. После этого я пошел спать и сколько они там находились в полуподвале мне неизвестно. Примерно через 1-1,5 часа меня разбудил Шарапов и сказал, чтобы я шел с ним. Пока я собирался он мне объяснил, что здесь находится человек, которого они ищут, при этом назвал его фамилию Солоник. Как я примоминаю, Шарапов говорил мне, что Солоник «старших» предал. Шарапов пояснил, что они его ищут, а он сам пришел в гости. Тогда я и понял, что все вышеуказанные лица собрались в Греции, для того чтобы убить этого человека. Пройдя с Шараповым в гостиную, где уже находились Гусев, Пустовалов и Старцев, я увидел Солоника, с которым была девушка. Когда мы пришли с Шараповым, Пустовалов и Гусев разговаривали с Солоником, предлагая ему посидеть, выпить и тому подобное. Он отказывался, говоря, что уже собрался на дискотеку. При этом я припоминаю, что Солоник высказал свое недоумение о том, что он не ожидал увидеть кого-то из присутствующих, так как первоначально, как я понял из его пояснений, он зашел в гости к Старцеву. Через некоторое время, по какой именно причине мне неизвестно, все направились в дом к Солонику. Дом Солоника находился примерно в 300 м от нашего дома. В доме Солоник и девушка куда-то удалились, а я, Пустовалов, Гусев и Шарапов остались внизу, на первом этаже дома. Был ли с нами Старцев я не помню. В этот момент Пустовалов стал нам предлагать убить Солоника именно здесь, в этом доме. При этом он говорил также о кас-

сетах, говоря фразы, имеющие примерно следующий смысл: «чего с ним говорить, на кассетах всё ясно». Я понял, что Солоника хотят убить. До этого его кто-то прослушивал и записал на кассеты его переговоры. Кто прослушивал и записывал переговоры Солоника мне неизвестно. Как я понял по разговору Пустовалов, из этих переговоров было ясно, что Солоник что-то такое говорил, из-за чего его следовало убить. Я при этих разговорах участия не принимал, мнения моего никто не спрашивал и зачем я вообще понадобился в Греции я точно не знал, но предполагал, что должен буду помочь при совершении убийства Солоника. Разговаривая между собой, Пустовалов, Шарапов и Гусев решили в доме у Солоника ничего не делать, а поехать вместе с ним обратно в наш дом. Где и когда должно было быть совершено убийство мне неизвестно. Под каким-то предлогом Солонику предложили вернуться в дом, он согласился. Девушка была также с ним. Могу сказать, что я не помню, на какой автомашине перемещался Солоник с девушкой. Мы же все ездили в Ауди А4, кто находился за рулем автомашины я не помню, возможно Гусев. Находясь в доме, все расположились в большой комнате, так же был и Старцев. Пустовалов или Гусев предложил Солонику выпить, для чего они втроем и Шарапов подошли к кухонному помещению комнаты. Все расположились следующим образом: я сидел на диване, слева от меня сидела девушка Солоника, Солоник сам стоял лицом к столу, как располагались Пустовалов, Шарапов и Гусев относительно него я не помню, но

стояли рядом, вблизи. Старцев сидел отдельно на соседнем диване. В следующий момент я увидел, что Пустовалов, Шараров и Гусев выпили вместе с Солоником. После этого я увидел, что Гусев схватил Солоника за шею и броском через бедро бросил его на пол. Какой частью тела Солоник упал на пол я не видел, потом я увидел, что Солоник лежит на животе, а Пустовалов, Шараров и Гусев накинута на него. При этом Шараров сел на ноги Солоника, Гусев прыгнул на спину Солоника и удерживал его руки. Пустовалов в этот момент стал душить Солоника находившегося у него в руках веревкой или шнуром. Откуда она у него взялась я не видел. Солоник при этом все время оказывал сопротивление, что-то пытался говорить, «ругался», пока Пустовалов его не задушил. Все происходило стремительно и неожиданно для меня. ...

...Как я понял труп девушки расчленил Пустовалов, когда поднялся на второй этаж, после сокрытия трупа Солоника. Кто грузил в автомашину сумку и чемодан я не помню. Чемодан был большой, примерно 1 метр в длину, высотой примерно 70 см. Цвет был темный, также помню, что на чемодане были застёжки типа «молния». Материал чемодана был похож на плащевой. Сумка была большая, удлиненной формы, темного цвета. После этого я и молодой человек приехали к яме, где чемодан и сумку закопали. Когда мы вернулись, мы примерно 4-5 часов находились в доме. Возможно, кто-то уезжал из дома, но я точно все это время находился в нем. В это время в дом приходила какая-то женщина. Кто-то

из присутствующих в доме, сказал мне, что это была хозяйка. Эта женщина находилась в доме примерно 5-10 минут, с кем она разговаривала мне неизвестно. После нахождения в доме в течении 4-5 часов, Шарапов сказал мне, что нужно собираться и сегодня мы уезжаем домой. Я собрал свои вещи и через какое-то время сел со всеми в автомашину Ауди А4 и поехал в аэропорт. В аэропорту Гусев приобрел два билета на меня и Пустовалова рейсом Афины-Москва, транзитом через Будапешт. После этого я и Пустовалов 1 февраля 1997 года вылетел в Будапешт. Когда мы вылетали, остальные еще оставались в аэропорту. Прилетев в г.Будапешт в начале суток 2 февраля 1997 года, и переночевав, я и Пустовалов в этот же день вылетели в г.Москву, где расстались. Что делали остальные и как они вернулись в Москву, мне неизвестно. Через некоторое время я и Федин приезжали отдыхать в Испанию, где встретились с Пылевым Олегом. В разговоре с ним я узнал, что он был сильно недоволен решением Шарапова взять меня в Грецию. Пылев был недоволен тем, что я ездил в Грецию по своему паспорту и тем, что Шарапов вообще втянул меня в эту ситуацию. Он сказал, что это было не мое дело. Как я понимал из происходящего, Солоника убили потому, что он либо «что-то натворил», либо представлял какую-то неизвестную мне угрозу для нашей организации. Девушку Солоника, как я понял, убили потому, что она являлась свидетелем убийства Солоника.

...»

Показания Чаплыгина из обвинительного заключения Шерстобитова А.Л.:

«...Примерно в конце октября или начале ноября 1996 г. Шерстобитов ему сказал, что необходимо выехать в Грецию, где проживает неизвестный мужчина в частном доме, и установить там прослушивающие устройства. Что это был за мужчина Шерстобитов не объяснял. Так как он (Чаплыгин) и Погорелов служили в системе ГРУ МО РФ, т.е. были «не выездными», Шерстобитов взял у них фотографии, а недели через две принес загранпаспорта – ему (Чаплыгину) – на фамилию Карев, а Погорелову – предположительно на фамилию Диденко. По получении паспортов он и Погорелов вылетели в Грецию. Точную дату вылета он не помнит. Билеты (в том числе и обратные) и визы делал Шерстобитов. Летели они charterным рейсом из Москвы через Санкт-Петербург в Афины. Шерстобитов сказал им, что в аэропорту в Афинах их встретят. При прилете в Афины в аэропорту к нам подошел молодой человек, который на автомашине отвез в пригород Афин, в местность Варибоби, где поселил в один из домов. Кто являлся хозяином этого дома – он не знает, они с Погореловым жил там вдвоем. Перед отлетом Шерстобитов дал ему для связи мобильный телефон. В день прилета, вечером по телефону Шерстобитов сказал, что необходимо установить «прослушки» на телефон и в комнате, в расположенном неподалеку доме, куда их проводит мужчина, который их встретил. Необходимы устройства для «прослушек» уже были приготовлены. После этого ука-

занный мужчина привел его и Погорелова в дом, расположенный примерно через один от того, где они проживали. Кто был хозяином этого дома и проживал в нем — на тот момент ему известно не было. Сопровождавший их мужчина открыл дом своим ключом, после чего они с Погореловым поставили «прослушку» в телефон, а также установили под обшивку дивана прослушивающее устройство с радиопередатчиком, с дистанционным включением. Приемники для принятия радиосигнала с указанных устройств уже были установлены в том доме, где они проживали. После установки прослушивающих устройств, настройки и проверки их работы примерно через 3 дня он и Погорелов улетели обратно в Россию. Как пользоваться данной аппаратурой, они объяснили мужчине, который их встречал и сопровождал. Через какое-то время, примерно в декабре 1996 г., Погорелов по указанию Шерстобитова опять улетел в Грецию, так как последний объяснил, что пользоваться установленной в Греции аппаратурой никто толком не умеет, и для этого необходимо присутствие кого-либо из них (Чаплыгина или Погорелова). Потом после наступления Нового, 1997, года на смену Погорелову в Грецию полетел он. В аэропорту в Афинах он взял такси и приехал в тот же дом, в котором они были ранее. Там находился Погорелов, от которого он узнал, что в доме, где установлена прослушивающая аппаратура, проживает Александр Солоник, что они его прослушивают и аппаратура работает нормально. К тому времени из средств массовой информации ему (Чаплыгину) уже было известно,

знал о Солонике как о наемном убийце. На следующий день Погорелов улетел в Россию, а он остался осуществлять прослушивание и запись переговоров и находился в Греции до конца января 1997 г. В процессе записи он из ведущихся разговоров убедился, что человеком, которого они слушают, действительно является Солоник. Вечером 31.01.1997 ему (Чаплыгину) позвонил Шерстобитов и сказал, чтобы он посмотрел с балкона, что происходит в доме человека, где установлена аппаратура. Посмотрев с балкона, он увидел во дворе того дома несколько мужчин (не менее трех). По телефону он сообщил Шерстобитову, что в интересующем его доме находится компания мужчин, и они отдыхают. Позднее, уже ночью с 31 января на 1 февраля 1997 г. (после 00 часов), ему опять позвонил Шерстобитов, который сказал пойти в дом, где его встретит Шарапов, и снять всю установленную аппаратуру. Он пошел в указанный дом, где действительно встретил Шарапова А. и еще двух незнакомых мужчин. Ему никто вопросов не задавал, как он понял о цели его визита этим людям уже было известно. Он ни с кем не общаясь, снял «закладки» (устройства) из телефона и из дивана, после чего ушел. На следующий день он собрал всю аппаратуру, и по указанию Шерстобитова поехал в аэропорт, куда его отвез неизвестный мужчина. Этому мужчине он (Чаплыгин) передал пакет с аппаратурой. По дороге в аэропорт ему позвонил Шерстобитов и сказал, что он (Чаплыгин) получит какую-то схему, выполненную от руки на листе бумаги, и действитель-

но, неизвестный мужчина, с которым он ехал, передал ему схему. Данную схему он (Чаплыгин) спрятал под какую-то будку возле аэропорта, и по телефону сообщил Шерстобитову о месте, где находится схема. Что это была за схема – он в тот момент не знал. В аэропорту «Шереметьево-2» его встретили Вилков и Погорелов, которым он рассказал, что прослушивание в Греции закончено, и что по указанию Шерстобитова он снял всю аппаратуру. На следующий день, т.е. 02.02.1997 он из средств массовой информации узнал, что в Греции был убит Солоник, также по телевизору показывали будку, где он оставил по указанию Шерстобитова схему, и из телепередачи он понял, что на данной схеме было указано место, где находится труп Солоника. ...»

Об убийстве вместе с «Валерьянычем» девочки я узнал уже от самого высокопоставленного РУОПовца после его возвращения в Москву, при встрече в ресторане на Пречистенке, которая была долгой и со всеми в мою сторону почестями. Этот эпизод в его жизни поднял не только его авторитет, но и РУОПа в целом, и позволил прибавить к его наградному иконостасу на груди ещё одну, впрочем, заслуженную медаль. Впечатлений и восторгов было масса, но он так и не смог объяснить, почему они решились лететь туда вслепую. Всё, что он сказал, это то, что после задержания Колигова он доложил генералу Климкину об имеющимся с неким лицом (со мной, разумеется), договоре, и «Солоник» скоро будет здесь. При соревновании РУОПа и МУРа, это была мощная козырная карта, и через час о деле не знал только слепой, глухой... и я. Поэтому у Андрея и не было другого выхода, кроме того, чтобы поставить себя в жёсткие рамки, он оградил ими и меня, совсем не понимая,

что я, в отличие от него, нахожусь между двух огней. Но чудеса случаются. Разумеется, не получись хотя бы того, что вышло, одолели бы жуткие неприятности, на заклание потребовали бы понятно кого, и конечно, никто не стал бы меня выгораживать, но сдали бы со всеми потрохами, а я уже и сам забыл к тому времени, кто я на самом деле.

Растормошили бы Рому, который свёл нас с Саратовым, правда, тогда семьями мы еще не дружили, и сказать ему особенно было нечего, но... Конечно, я спрятался бы, но эффект был бы отрицательный, а фурор большой. Могли бы и свои чего-то задумать, хотя и они вряд ли бы нашли. К тому времени я уже не только имел возможность, но мог и позволить себе уйти глубоко и надолго, единственное, что оставалось по-прежнему, это невозможность уйти одному.

На следующий день списки с адресами «курганских», собранные «Зёмой», были переданы по назначению, и МУР взялся за дело. Через несколько суток большинство из них уже давали показания. Несколько позже был экстрадирован в Россию Нелюбин (в 1998 году), где почти сразу погиб от рук сокамерников. В больнице «Матросской тишины» от, якобы, передоза, правда, наркоманом он действительно был и «сидел плотно» на этой дряни, умер Паша Зеленин, расстрелявший «Культика».

И скажите после этого, что начальник убойного отдела МУРа не выполнил своей работы, хоть и скоррумпировался по самые уши – ведь работу ценят по результату, а он был сногшибательным.

Кстати, во время ареста «Оси» и Марата Полянского в Испании при выходе из дома терпимости (испанской полицией, с присутствием наших представителей «Петровки»), попался и Баженов. Что характерно, с нашей стороны операцией руководил его заместитель – А.И. Трушкин, «окрестивший» чуть позже и меня. На этом близкие отношения «одинцовского» и «МУРовского» за-

кончились, ибо Буторин, будучи уверен в подставе, организованной именно последним, передал следствию все имеющиеся доказательства их коррупционных связей.

Впрочем, для последнего дело окончилось увольнением «по собственному желанию» и, похоже, подпиской о невыезде на всё время продолжения «наших судов», длящихся уже двенадцатый год, и, по всей видимости, до бесконечности.

Зимин к этому времени пропал бесследно в Испании после встречи со своим партнёром, которому был и «крышей». Скорее всего, это было устроено его близкими, в связи с потерей им контроля над, с позволения сказать, бизнесом.

Наверняка, вся эта история и шум о ней не закончатся ещё долго, и где-то ещё будут всплывать лже-«Сильвестры», лже-«Солоники» и лже-«Зёмы».

Продолжение следует